

Чёрные журавли печали.

Коли грохочет гром, блещут молнии и на землю обрушился ливень, поздно уж вчитываться в прогноз погоды. А вот слыша далёкое урчание в свинцовых тучах на краю неба, а над краем земли видя немое полыхание зарниц, стоит задуматься: пронесёт или не пронесёт? Да и к знатокам примет и к синоптикам не грех обратиться. Тут и бабушкины пророчества душе не повредят: порой предгрозые томит сильнее, чем сама гроза.

Прочитав роман-притчу Аркадия Мацанова «Чёрные журавли», я едва начав заметки, вынужден был прервать их: доставщик газет принёс свежий номер «АиФ» (это было на исходе сентября 2006 года), я, естественно, стал листать газету и взгляд мой, как гвоздь, напоролся на строки: «Прогноз «АиФ» о нарастании межэтнических и межрелигиозных столкновений, увы, сбывается».

Кажется, куда дальше и куда больше, но – увы. Печально, однако это факт – осенние обострения в нашем тревожном мире обращаются в круглогодичные. И роман А. Мацанова созвучен обстоятельствам, – созвучен и как роман-притча, и равно, как роман-прогноз, и роман-предостережение, и как роман-свидетельство, и как роман политический, и даже семейный, поскольку стихии, потрясающие века и страны, сносят с лица земли дома, разделяют семьи, лишают жизни людей – не вообще, а с конкретными именами и биографиями, подчас едва начавшимися.

В этом произведении логично переплетаются факты, имевшее место быть в истории, и вымысел. Напоминаю, что наш Пушкин признавался: «Над вымыслом слезами обольюсь». Человеческое сообщество и кровью обливается – всамделишной кровью, и ею сочатся листы документов, страницы книг, строки стихов и мелодии песен.

Аркадий Мацанов – врач, музыкант и литератор, не впервые обращается к теме, которая охватывает многие стороны, к сожалению, хронически хворающих межэтнических и межрелигиозных отношений – во времени и в пространстве, в нашем общем доме, в нашей огромной семье, в бытии, в котором все мы, в сущности, родственники, и по словам выведенного в романе композитора и священнослужителя Комитаса «богатые и бедные, белые и смуглые.

Но все они одинаковые в том, что все очень несчастные». Всё – это мы.

Материал, привлечённый автором и осмысленный им, огромен, тяжёл, сложен и страшен. И убедителен. При таком охвате явлений и суждений о них трудно быть бесспорным, но и спорное вызывает сочувствие и отклик. Кого не тронет предупреждение и призыв: «Прошное не должно быть будущим».

Комитас, разум которого подломился под грузом пережитого, тоскует оттого, что люди, уязвимые и страждущие, ничему не научились, и реки крови прольются по всей земле. Француз Лансье, лечащий врач, мудрый и гуманный не только профессионально, недоумевает: почему он не видит того, что видит его больной? «А потому, – слышится в ответ, – что вы не были там, где был я».

В грозу кого-то напугает раскат грома, потрясающий крышу над головой, кого-то на дороге настигнет ливень, в кого-то ударит в степи молния. Это так. Доля на долю не приходится.

Герои романа Катрин и её дочь Антуанетта, спаситель и возлюбленный дочери, а потом счастливый муж Поль, Алекс, обретший Катрин – они страдают и доискиваются истины, живя со всем тем, что, в свою очередь, живёт в них – генетически, обусловленное прихотливым происхождением. Они такие же, как мы, их будни полны будничными делами – они живут, необходимо, неизбежно, неотвратимо проникнутые излучением времени истории, минувшего и грядущего. Порядочные и отзывчивые, уязвимые и стойкие, обретаются они в необыкновенных обстоятельствах, в пересечениях эпох, вроде бы мистических пересечений, а на деле закономерных и реальных. Не будучи заложниками в прямом смысле, они – заложники истории и политики, как все мы сегодня. И власть предержажие, заигрывая с иерархами церкви и с национал-патриотами, подвергают опасности и себя, и миллионы – тот, с кем заигрывают, спит и видит себя у власти. И то, что должно объединять людей – вера и высший и справедливый закон и ценности каждой национальной культуры становится на службу разъединению, противопоставлению братьев – братьям, слова – слову, песни – песне.

Аркадий Мацанов, сочиняя, не сочиняет – он взывает. Взывает, порой срывая голос. Наше прошлое, корни наши – в почве, красной от свежей крови и чёрной от запекшейся крови отцов и

дедов. Кровавые дожди орошают кроны наших родословных древ в мире, в котором нет абсолютно надёжных убежищ, и обрести убежища можно, лишь противостоя тому, что грозит нас разделить и дальше.

Проходя тем крестным путём, каким проходят герои романа-притчи, мы сильнее чувствуем свои корни, осознаём, что грозы времени, разразившись, никого не минуют. Время своё скажет, но может сказать тогда, когда мы покинем сцену и даже зрительный зал. Не поспешить бы и не опоздать бы. То, что происходит в мире каждодневно, может вселить в души чувство безнадёжности. И тем шире надо отворить сердца надежде. Чтобы спастись. Чтобы уцелеть и физически, и духовно.

Пафос романа «Чёрные журавли» невозможно не разделить.

Зори встают и закатываются, отливая одним и тем же алым, а на нём птицы черны, когда смотришь на них с земли.

Бывает, что так кажется.

Хорошо чтоб так лишь казалось.

Николай Егоров.

ЧЁРНЫЕ ЖУРАВЛИ

Роман-притча

*...Я не знаю, есть ли голос крови,
Знаю только, – есть у крови цвет!
Этим цветом землю обагрила
Нечисть, заклеянная в веках,
И людская кровь заговорила
В разный час на разных языках...
М. Алигер.*

1. Попасть в Сараево из Сербии и при этом не пропасть по-прежнему непросто. Поезда из Белграда в столицу Боснии и Герцеговины вовсе не ходили, автобусы ездили редко, неохотно и медленно. А редакционный внедорожник на горных дорогах вытряхивал душу. И всё же расстояние в триста пятьдесят километров он легко преодолевал за четыре часа.

Катрин, специальный корреспондент популярной и влиятельной французской газеты «Фигаро» в бывшей Югославии, давно не была в этих краях. Но «Фигаро» потому и «Фигаро», что Фигаро здесь и Фигаро там. Конечно, факты – её хлеб, но без масла мыслей он чёрств и несъедобен. А что можно сказать о её мыслях? Ничего хорошего о режиме Милошевича она не писала и писать не собиралась, но и одобрить бомбардировку Сербии не могла. Режим режимом, но за что должны гибнуть люди?

Её муж, Владко Дождич, резко критиковал власти, но и он был возмущён бомбардировками. Они мало, чем отличались от этнических чисток. В его статьях доставалось и «Освободительной армии Косово», и «диктатору». Но когда к власти пришли другие люди, жизнь стала итогом хуже. Запас доверия, накопленный за долгие годы борьбы с «системой», команда молодых реформаторов растеряла. Порывать с криминалом она не собиралась. Многие чиновники самого высокого ранга были нередкими гостями на улице Шиллера в штаб-квартире Земунского клана. Мафия прочно срослась с новой властью. Министры получали зарплаты из средств, вырученных от продажи наркотиков, а криминальные авторитеты имели надёжное прикрытие в силовых структурах.

Катрин часто спорила с мужем. Если Владко пытался оправдать политику американцев и англичан, Катрин считала, что не всё так однозначно. А когда «по ошибке» подверглось бомбардировке китайское посольство, ей стало ясно: идёт передел собственности. Монстры стремятся захватить Балканы. Потом, разыграв «исламскую карту», дестабилизировать ось Россия – Китай. Те же, в свою очередь, основали Шанхайскую организацию – восточную версию НАТО: она должна, по идее её создателей, противостоять англосаксонскому дуэту.

Владко, как ей казалось, несколько идеализировал Соединённые Штаты и Англию, их маниакальное стремление установить в мире демократию, которая кажется им единственно верным

порядком мироустройства. Но то, что он всей душой ненавидел репрессивный режим, – это Катрин понимала и была искренно рада, что диктатора посадили, наконец, в клетку. Довести страну до такого! Руины...

Машина мчала по утренней дороге, шурша шинами. Водитель включил радио. Зазвучали воздушные вальсы Штрауса. Потом перешли на албанский язык. Его Катрин не понимала. Подумалось: «Всё мертво вокруг... Даже людей не видно, а ведь – горячая пора...». Откинувшись на спинку сидения, закрыла глаза, пытаясь задремать.

После тех событий прошли годы, но следы разрушений, воронки от бомб назойливо напоминали о прошлом.

Катрин ехала на Сараевский кинофестиваль. Он проводился здесь с девяносто пятого года, и сейчас было особенно важно показать, что жизнь в Боснии и Герцеговине постепенно восстанавливается. Сегодня по красной дорожке Народного театра пройдут известные режиссёры, артисты – все, кто делает кино. Из Парижа ждали Жерара Депардьё с Кароль Буке, Энтони Мингелла и Джона Малковича. Жюри должен был возглавить, как в прошлые годы, классик британского кинореализма Майк Ли.

Где-то на полпути они заметили у обочины скопление машин. Катрин попросила водителя притормозить. Она узнала коллег из газеты «Политика». Рядом стояли представители международной миссии.

«До открытия ещё много времени. Успею».

Катрин показала документы полицейскому и стала выяснять, что и почему?

Несмотря на свой возраст – пятьдесят семь! – она была бодрой и энергичной. Уже в который раз приезжала в Сараево. Казалось, сам Бог проклял это место и с непонятым упорством шлёт на него одну беду за другой. Первая Мировая начала свой разбег именно с этого города. А ведь была ещё и Вторая! Потом наступило время относительного процветания. Но кончилось и оно, и беды посыпались на этот город снова. Чего стоила одна его осада?!

Сейчас понаехало столько народа потому, что обнаружили неизвестные ранее захоронения. Боснийцы утверждали, что это – дело рук сербов, а те возражали: мы, мол, эту территорию никогда и не занимали. Это ваши бывшие позиции. Разумеется, и та, и другая

сторона доказывала, что кровь лежит не на её совести. Но – кровь-то была. И на чью-то совесть она всё-таки должна лечь тяжким бременем. Ведь люди не по собственной воле пришли на эту поляну, заросшую ежевикой. И как-то уж больно много ежевики выросло. Соседние склоны каменистые и лысые, а здесь, прямо поверх захоронений, – колючий кустарник.

Сам вырос или ему кто-то помог?

Катрин хотела расспросить местных жителей, но те, похоже, ничего не знали, а если и знали, помалкивали. Мало ли: сегодня одна власть, а завтра придёт другая. Пригонят потом сюда слишком болтливых и уложат штабелями...

В людях ощущалась насторожённость.

Останки уже убрали и увезли, но раскопки продолжали: где-то рядом были ещё захоронения.

Седой и одетый во всё дымчато-белое американец громко растолковывал кому-то неразумному:

– О'кей! Но эти сербы – просто звери! Их нужно проучить. Если этого не сделать, подумают, что они здесь хозяева и могут делать, что захотят!

– Откуда вы взяли, что это сделали сербы?

– А данные можно и сфальсифицировать, – сказал кто-то. – Сейчас это просто. Экспертиза скажет то, что потребуют. Разве не так?

Катрин не заметила, кто это сказал. Мысль не имела авторства и была понятна всем.

– Чёрт их разберёт, кто тут прав. У них столько взаимных обид, что не понять, – сказала яркая блондинка, щёлкая затвором фотоаппарата.

– И вообще, – с горечью проронил журналист из Македонии, – здесь всегда что-то случается.

Где-то в стороне раздались крики: «Нашли! Нашли ещё!» И все побежали смотреть.

Впрочем, не все. Катрин села в машину, достала термос с горячим кофе, распаковала бутерброды. Кто-то ещё остался и что-то наговаривал на диктофон.

– Есть будешь? – спросила она у водителя.

– Подожду, когда приедем...

Она бросала крошки налетевшим воробьям и собралась уже

идти к людям, стоящим за натянутой полицейскими верёвкой. Но тут малыш в коротких штанишках, с длинными волосами – не поймёшь, мальчик или девочка – остановился напротив и молча смотрел, как она доедает бутерброд с колбасой, запивая его кофе из пластмассового стаканчика. Катрин достала из пакета бутерброд и протянула ему. Тот взял и, ни слова не говоря, принялся его уплетать.

– Хоть бы спасибо сказал тётё! – упрекнула малыша подбежавшая к нему мать. – И нечего убегать, пошли назад! – Оглянувшись, бросила: – Вы уж нас извините...

К ним шёл полицейский с намерением отогнать женщину, прорвавшуюся за верёвочное ограждение.

– Подождите, не уходите! У меня есть ещё шоколадка, – сказала Катрин. – Где же она?.. Да вот же, возьмите!

Полицейский не возражал против общения с местными жителями, но заметил, что если госпожа журналистка хочет поговорить, то следует пройти к ним.

– Я так и сделаю, – сказал Катрин и, прихватив ещё кое-что для малыша, направилась в сторону людей, стоящих за ограждением. В скором времени выяснилось, однако, что они приняли её за влиятельную особу, которой можно пожаловаться.

Старик просил содействия в поисках пропавшего сына, старуха надеялась получить компенсацию за сожжённый дом, а молодая женщина просто хотела, чтобы ей объяснили, что происходит...

Катрин попыталась перевести разговор на события минувших лет. Знает ли кто-нибудь, что здесь случилось? Никто ничего не знал. Но ведь должны же были звучать выстрелы! Оказалось, что автоматными выстрелами здесь никого не удивишь. Тут слышали и залпы орудий.

Стал накрапывать дождик, и Катрин неохотно вернулась к машине. Капли били по стёклам и растекались, словно человеческие слёзы. Она тяжело вздохнула, глядя, как стал расплываться красивый горный пейзаж за окном. Слишком уж всё это напоминало избитый голливудский приём: если что-то происходит трагическое, оно непременно должно сопровождаться каплями дождя. Включила радио, чтобы немного отвлечься от тяжёлых мыслей...

Когда долго смотришь со стороны на чужие беды, то начинаешь воспринимать их отстранённо. Они там, а ты здесь. Они на экране телевизора, а ты в кресле. Вот и сейчас Катрин была по

другую сторону событий: эти убитые кем-то люди – они там, а она по эту сторону. Она там, где всё хорошо, там, где чисто и сухо. Вот ведь и начавшийся дождь – он там, а она здесь. Здесь сухо и чисто, и отсюда можно вообще не выходить, потому что выход наружу грозит соприкосновением с неприятной действительностью...

– Эх, сейчас бы стопку ракии, – мечтательно произнёс Миролуб. – Сразу бы усталость прошла.

– Приедем в Сараево, и кто ж тебе запретит? Недалеко осталось.

Потом, помолчав, спросила:

– Ты помнишь Илону?

Миролуб утвердительно кивнул.

– Вот кто был мастер делать ракию! – продолжала Катрин. – Как-то угощала нас. Вкусная, и аромат... цветущей груши. Она делала её из мелкой груши «июньская красавица».

– Милый Боже! В магазинах можно купить добрую грушевую «Вильямовку» или сливовую «Желтую осу». Какая проблема?

– Конечно. Только магазинная не такая, как домашняя, да и стоит дорого.

– Монахи надевают пустую бутылку на ветку с завязью груши, и она вызревает внутри. А потом заливают и закупоривают. Я такую видел, но пить – не пил, врать не буду.

– А я вспоминаю, как отец Владко угощал нас своей. На мангале жарил свинину, наливал рюмочку, закуривал и с гордостью говорил: «Хорошая, своя, домача...». Домашняя то есть. Графин его ракии мы оприходовали быстро. Особенно с такой закуской, с паприкой. Для меня тогда всё было в диковинку. Нет, домашняя ракия – это, что ни говори, – лучше.

Паприка – печёный красный перец.

– Вспомнила! – воскликнул Миролуб. – Мирное время... А мужа Илоны убили, а она сбежала к отцу в Белград. Но разве от судьбы убежишь? В их саду разместили зенитную батарею. Так эти сволочи разбомбили её, а заодно и дом Илоны. Слава Богу, никого не покалечило.

Миролуб перекрестился

– Как так?

– А она в это время под взрывами во флигеле рожала сына, которого из-за отсутствия воды омывали ракией.

– Откуда ты всё это знаешь? – удивилась Катрин.

– Так мы ж соседи. Я потом и доктора к ним привозил... Вот я и говорю, что у нас рождаются и умирают с нею. Потому мы и тосты не говорим. Не принято у нас. «Живели!», и всё. Коротко и понятно: «Будем живы и здоровы!».

– Это точно. Поехали! – бросила она водителю.

Около одиннадцати, наконец, въехали в город. Было тёплое августовское утро. Здесь словно и не знали войны: горожане спешили на работу. Открывались магазины. У пивнушки толпились люди, жадно, прямо из горлышка, пили пиво, спеша опохмелиться после вчерашних возлияний. Рядом с кафе, прямо на улице жарили на вертеле ягнёнка, и запах жареного мяса разносился по всему кварталу.

Среди множества фильмов представленных на фестивале не была представлена лишь лента Эмира Кустурицы. Боснийцы так и не простили ему, что во времена блокады он жил в Париже и Белграде, что, мусульманин по происхождению, женился на сербке и пожертвовал средства на возведение православной церкви. А режиссёр не простил им смерти отца, подвергнутого травле и вскоре скончавшегося от сердечного приступа. Ему угрожали, и его последний фильм имел на этом фестивале мало перспектив. Для боснийцев история любви серба и заложницы-мусульманки – был слащавой сказкой.

Остановившись у светофора, Катрин по радио услышала, что в городке Младеновац ночью произошли беспорядки. Комментатор говорил о том, что сожжены несколько домов, есть человеческие жертвы. Какая-то подпольная организация взяла на себя ответственность за эту акцию. Так они ответили на недавний рейд против них со стороны сербов...

В Младеновацах у родителей Владко отдыхала Антуанетта. Катрин набрала номер дочери. Телефон не отвечал. Тогда позвонила мужу. И Владко молчал. Ещё не осознавая, откуда исходит опасность, Катрин вся сжалась. Почему они не отвечают? Что-нибудь случилось? Такого ещё не было! Она какое-то время

лихорадочно думала, что могло произойти. Потом решительно приказала водителю:

– Разворачивай!

– Не понял, – удивился водитель.

– Разворачивай, я сказала! Газуй в Белград!

– Да что случилось-то?

– Сама не знаю. Чувствую, что-то произошло. Такого ещё не было, чтобы ни дочь, ни муж не отвечали на звонки.

– Так мало ли что! Заснули, не слышат звонка... Да и заправиться нужно.

– Вот у выезда и заправишься...

– Так не только машине, но и мне давно уже пора!

– Поешь по дороге.

Миролюб, огромного роста светловолосый парень с большими серыми глазами и волевым подбородком, уже несколько лет работал в корпункте газеты «Фигаро», которым руководила Катрин. По совместительству был фоторепортёром-любителем. Когда-то, ещё в разгар боснийской войны, рискуя жизнью, делал снимки тех страшных событий. Теперь хотел узнать, как выглядит мирный Сараево. Фотографии должны были напомнить о том ужасном времени. Блокада, бомбёжки... В девяносто втором город лежал в руинах. Население жило в постоянном ожидании артиллерийских обстрелов. Несмотря на смертельную опасность, он делал и посылал в «Фигаро» фоторепортажи из разрушенной войной страны, сообщал о творящихся ужасах. Тогда Миролюб ездил на стареньком редакционном «Форде», и как-то даже вывез на нём детей из находящегося на самой линии фронта сиротского приюта...

Сейчас сделать снимки о том, как возвращаются люди к мирной жизни, было бы здорово! Но, видимо, не судьба.

Серая змея асфальта скользила под колёса, дорога извивалась вокруг гор. Крутые обрывы оказывались то справа, то слева. А Катрин всё подгоняла и подгоняла:

– Давай, Миролюб, гони!

– Да откуда ты взяла, что что-то случилось?! Интуиция! Вот увидишь, приедем, а они... Нельзя быстрее! Опасно. Сами свалимся в пропасть. И так педаль к полу прижал.

– Ты что куришь? – вдруг спросила Катрин.

– «Rothmans». Да что с тобой?

– Дай!

Катрин вытащила сигарету и щёлкнула зажигалкой.

– Такая у нас работа... Не понимаю, кому это нужно?

– Если работаешь у босса, то значит, – на босса. Что здесь непонятного? Не лезь в дерьмо, не ври!

– Это так, – согласилась Катрин. – Я вынуждена подчиняться правилам, которые навязывают, или нужно уходить. Впрочем, я и не вру. Когда я лгала?

– Только не говори мне, что ты совершенно самостоятельна! Сколько я уже работаю с тобой? Врать можно по-разному. Можно просто промолчать, сделать вид, что ничего не происходит. Если босс не захочет, твоя статья так и останется лежать в столе...

– Ещё ни разу мне не говорили, что и как я должна писать. И это мне нравится! И в этом смысле я чувствую себя совершенно свободной! Хочу, по крайней мере, так думать. Некоторые, наверное, полагают, что нужно всё время показывать кукиш и кого-то ругать.

– Вот и я о том же! Улыбнулся Миролюб. – Боссу нравится, если ты ругаешь Милошевича.

– Можешь верить, можешь не верить, но всегда пишу, что видела. Как-то в Косово миссия НАТО хотела показать нам, что и сербы, и памятники культуры под – надёжной охраной. Но мы увидели совсем другое. Албанцы выгнали людей из домов. Многих убили. Православные святыни сожгли или взорвали. Монастырь XIV века в Грачанице уцелел чудом. Нас сопровождали на бронетранспортерах итальянские карабинеры. Помню, в храме один монах рассказал, почему на ликах святых на иконостасе нет глаз. Оказывается, турки выкалывали святым глаза. А албанцы просто взорвали храм. Вот я и написала то, что видела и слышала.

– И напечатали?

– Напечатали...

– При Милошевиче все газеты говорили одно и то же, – скептически заметил Миролюб.

– Вот чудак! А сегодня – иначе? Журналистов арестовывают, в них стреляют и даже убивают. Быть журналистом всегда опасно! Когда ты угрожаешь власти, она начинает давить на тебя.

– Милый Боже! Так везде!

– Везде! – кивнула Катрин. – Так было и с Владко. Ему даже пришлось уйти из газеты. Журналист не может позволить себе,

скажем, писать, что президент – преступник и должен предстать перед судом.

– Да кто во всём этом может разобраться?! Бардак он и есть бардак! Что здесь творится, сам чёрт не разберёт!

– Страшное, Миролуб, происходит... Ты, давай, гони! Что-то на душе у меня беспокойно!

– Да гоню. Куда быстрее?

У въезда в Белград их остановил полицейский.

– Ты превысил скорость. Не видел знак? Здесь ограничение...

– Не видел. Какой знак?

– Господин полицейский, – вмешалась Катрин, – мы, действительно, торопимся. Если нужно нас оштрафовать, – штрафуйте, только... мы торопимся...

– И куда госпожа так торопится? – ехидно поинтересовался офицер.

– А вы не слышали, что произошло во Младеновацах?

– Так вы поворот на Младеновацы уже проехали!

– Я знаю. Мне нужно ещё заехать домой. Я – корреспондент газеты... вот мои документы...

Услышав, что Катрин – корреспондент, да ещё – иностранной газеты, полицейский вернул документы водителю.

– Не гони так! Транспорта много... Счастливого пути...

Раскалённый солнцем воздух обжигал. Катрин закрыла окно и включила климатконтроль.

– Скорее, миленький! Скорее!

Было около трёх, когда они подъехали к дому, где жила Катрин.

– Ты подожди. Я только брошу сумку и позвоню Карелу. Может, он знает, куда делся Владко. И сразу же поедem в Младеновац.

Катрин не стала ждать лифт и почти взлетела на четвёртый этаж. Позвонила в дверь. «Владко же никуда не собирался уходить, – подумала она. – Куда он делся?».

На звонок никто не ответил. Тогда стала рыться в своей безразмерной сумке, ища ключ. Наконец, нашла и попыталась вставить в замок, но ключ не входил. Что-то мешало. Она посмотрела, тот ли

ключ взяла. Тот. Толкнула дверь, и она легко открылась. Чувствуя неладное, сразу по телефону позвала водителя.

– Что случилось? – спросил запыхавшийся Миролюб.

– Дверь открыта, – почему-то шёпотом сказала Катрин. – Я боюсь...

Водитель осторожно вошёл в квартиру. За ним Катрин. В комнате никого не было. В спальне тоже.

Открыв дверь кабинета, Миролюб отпрянул.

– Тебе не нужно туда, милый Боже! – закричал он.

Катрин отстранила водителя и прошла в кабинет.

Комната была залита кровью. На стенах, на столе, за которым сидел Владко, на книгах – везде была кровь. Владко привалился к столу и будто спал.

Катрин едва не потеряла сознание. Она подошла к мужу и прикоснулась ко лбу рукой. Лоб был холодным. Не зная, что делать, куда звонить, помутневшими глазами обвела комнату и тихо завывала, как воеет волчица, потерявшая своего детёныша. Миролюб вывел её из кабинета и усадил в комнате на диван. Позвонил в полицию...

Полиция прибыла через пять минут. Старший осмотрел кабинет и связался со следователем.

Вскоре приехал и следователь с бригадой помощников.

Катрин плакала, покачиваясь, словно молилась. Следователь не стал её тревожить и обратился к Миролюбу:

– Это ты нам звонил?

– Я. Мы только что приехали с хозяйкой из Сараева. Она поднялась... а дверь в квартиру не заперта. Позвала меня...

Тщательно записав показания, следователь принялся осматривать кабинет.

– Что-нибудь пропало?

– Не знаю... – Катрин старалась не смотреть в сторону письменного стола, где возился судебный медик. – Вроде бы ничего не взяли...

– А чем занимался твой муж?

– Он журналист...

– Журналист, – протянул следователь. – Не знаешь, у него были враги?

– У журналиста всегда есть враги, если он – настоящий журналист.

– И кто же был врагом твоего мужа?

– Не знаю... Милошевич, Коштуница... да мало ли кто?! Кто-то из правительства...

– Милошевич? Но его же сейчас нет! И почему он мог быть врагом?

– Муж часто критиковал его, и правительство... Его сторонники ведь остались...

– Кто их не критиковал?! – натянуто улыбнулся следователь.
– Я тебя уверяю, что ни тот, ни другой не стали бы перерезать горло своим оппонентам!

Следователь был опытным и всё понял сразу. Если в доме ничего не взяли, значит, это не дело рук грабителей и, действительно, этот журналист уж очень сильно взял кого-то за жабры... Здесь не следует проявлять особого усердия в поисках убийцы.

Он записал показания, вызвал соседей по лестничной клетке. Те ничего не слышали.

– Мы забираем тело для судебно-медицинского вскрытия. Так положено.

– Когда я смогу забрать тело? – спросила Катрин.

– Сегодня суббота. В понедельник во второй половине дня можно будет и забрать...

Когда унесли Владко, Катрин заплакала теперь уже громко, в голос.

– Чувствовала, ведь! Как я чувствовала! Боже, что же мы будем делать?

Обессиленная, села на диван, обхватив голову, раскачиваясь и причитая:

– Что же нам теперь делать?! – причитала Катрин. – Я же тебя предупреждала! Я же тебя просила не лезть на рожон! Такого не прощают!.. Боже, Владко, как же нам быть?!

Причитания становились всё тише и тише.

Так она сидела некоторое время, а Миролуб стоял у дверей, боясь её потревожить. Приближался вечер. Он спросил:

– Так мы поедem в Младеновацы?

Младеновац! Катрин встала. Она совершенно забыла, что произошло там, где жили родители Владко. Как она им расскажет о смерти сына? Выдержат ли они. Отец недавно перенёс инфаркт. Едва

оправился. А мама?! Она не переживёт... Боже, что же делать? Нужно ехать.

– Ты походи в кухню, возьми в холодильнике что-нибудь поесть, а я ещё пять минут посижу. Ноги не ходят. Сейчас поедем!

Водитель прошёл в кухню, сварил кофе и принёс чашечку Катрин.

– Выпей.

«Когда же это кончится?! – думала Катрин. – Новая власть – и не власть вовсе. Бандитизм, разбой... Везде слёзы и кровь...».

2. Младеновац – городок в восьмидесяти километрах к югу от Белграда. Дома в зелени. Доброжелательные, улыбчивые жители... Частные отели, чугунные кованые изгороди, крики петухов и лай собак... Во время бомбардировок все прятались в погребах и в подвалах. Слава Богу, в это тревожное время Антуанетта была в Париже!

Владко же оставался дома. Мародёры бесчинствовали. Он и Катрин убеждал никуда не уезжать.

– От судьбы не убежишь, – говорил он. – Да и дом наш на окраине. А там можно попасть и под бомбёжку, и под набеги этих идиотов. Перережут как кур...

Но Катрин переехала в Младеновац к родителям мужа, милым, спокойным людям. Она боялась оставаться в Белграде. Видела, как складываются бетонные многоэтажки, как оседают под бомбами простоявшие века здания, погребая под обломками людей.

Родители Владко всю жизнь проработали в школе. Отец учил детей истории, мать преподавала физику. Во время войны, в сорок втором, Зоран Дожич воевал в отряде генерала Новаковича, входившем в армию Тито. В сорок четвёртом был ранен, едва выжил. Его даже наградили орденом. Да кому тот орден сегодня нужен?!

В госпитале и познакомился с сестрой Марией.

После войны жили по-разному: то лучше, то хуже. Зарплаты в школе небольшие, вся надежда – на подсобное хозяйство. Потому и домик себе выстроил Зоран на окраине, чтобы можно было держать хоть какую-то живность: кабанчика, птицу. Мясо, яйца не покупали. А когда ушли на пенсию, приобрели по случаю у овдовевшего соседа корову. Забот и хлопот прибавилось, но зато

молоко, масло, сыр были своими! Да и сад-огород тоже обеспечивал их овощами и фруктами.

Даже повзрослев, Антуанетта любила приезжать сюда. Пойдёт в сад, сядет на качели и читает книгу! А вокруг красота, жужжанье пчёл да далёкий грохот бурной речушки.

Иногда приходили в гости подруги. Бася – та уже мальчика родила. Замуж быстро выскочила. Жила на той же улице, через три дома отсюда. Кристина работала медсестрой в госпитале и замуж пока не собиралась. Впрочем, может, не всё зависело от её желания. Хорошенькой её никак не назовёшь. Сразу три крупных прыща на самом видном месте лица! Должно быть, Кристина, пыталась их выдавливать, да сделала только хуже. Прыщи превратились в бурые плотные возвышения, обезобразив и без того малосимпатичное лицо. Большой нос с горбинкой орлиным клювом нависал над верхней губой.

Правда, Крестя была образованна, начитанна и умна. Да что с того? Она завидовала всем, даже самым глупым своим подружкам, которые пользовались успехом у мальчиков.

Встречаясь, девушки говорили обо всём: о литературе или новых музыкальных группах, об истории и политике. Могли и поспорить. Антуанетту Кристина считала достойной соперницей на турнире умников и умниц, как она называла такие встречи.

В тот день подруги сидели в саду и по обыкновению говорили о мировых проблемах. Вскоре за Басей пришла сестрёнка Милка. Позвала кормить малыша. Бася ушла, а Милка осталась. Антуанетту она обожала, старалась ей во всём подражать.

Усевшись в траве, прислонившись спиной к дереву, она слушала, открыв рот. И, хотя многого не понимала, всё же ей казалось, что и она могла бы говорить так.

– Я могу точно сказать, кому это выгодно, – горячилась Кристина. – Если мы не стадо баранов, нужно прекратить ругаться между собой. Что мы делим? Противно слушать, что говорят по радио. У них кисель в голове...

– Точно, – согласилась Антуанетта. – И кисель этот заварили американцы. Им Балканы нужны. Кто владеет Балканами, тот владеет Европой. Но и Милошевич – тот ещё гусь. Что творил! Преступник, он и есть преступник. И правильно, что его взяли за задницу и посадили в клетку.

– Военные преступления совершались обеими сторонами. Так?! – горячилась Кристина.

– Если бы не политика Милошевича, – упорствовала Антуанетта, – не было бы ни убитых сербов, ни бомбардировок.

– Гражданская война – всегда страшно. А Милошевичу выпало править в «эпоху перемен». Я согласна: он – гад! Узурпировал власть, придурок, а народ как жил хреново, так и живёт... Так? И виноватых нашёл! Ему все виноваты, кто с ним не согласен! Но не он приказывал убивать албанцев! Он труслив и дальновиден. Так? Это кто-то из его прихвостней... Я так думаю.

Кристина сорвала яблоко и надкусила его.

– Не понимаю, зачем столько эмоций? – воскликнула Антуанетта. – Кто же спорит?! Но этот осёл не верил, что может получить по зубам.

– Да он ли получил? – удивилась Кристина. – Сколько людей погибло?! Ведь, так? Или я не права? А ты его защищаешь! И что в итоге? Получили бандитов под носом!

– Я никак не пойму: ты их оправдываешь, или осуждаешь?

– Пытаюсь разобраться... Но судить должен народ, а не НАТО. Ты в Сараево поезжай, поспрашивай там. У них воспоминания об их «демократии» ещё свежи. Для меня проблема менее абстрактна, чем ты полагаешь! Я так думаю!

– Кристя, не узурпируй истину! – улыбнулась Антуанетта. – Мои родители мне многое что порассказали...

Девушки помолчали, словно устали от бессмысленного спора. Солнце скрылось за тучей, и в саду стало неудобно.

– А я бывала в Загребе... – сказала Милка. – Очень красиво в Дубровнике, а в Пуле сохранился римский амфитеатр, крутят фильмы во время кинофестивалей. Была на конезаводе в Липице... Не нужно думать о плохом... А вот в Черногории – дикая природа...

– Не думала, что Милошевич так популярен, – протянула Антуанетта.

– Просто ты поддалась американской пропаганде.

– Да ладно тебе!.. – Антуанетте надоел этот бесконечный спор, и она попыталась переменить тему. – Знаешь, у меня в детстве был огромный фотоальбом о Дубровнике – безумно красивый. А вот про Пуле ничего не слышала. А про американскую пропаганду – ты ещё скажи, что меня ЦРУ финансирует. Я – Дождич! И считаю, что

Милошевич – сволочь и преступник! Хотя и албанцы – не ангелы с крылышками.

– Хорошо, хорошо! Успокойся!

– Что ты меня всё время успокаиваешь?

– Слишком эмоциональна!

– А я слышала, как в Белграде пели: «Слободане, Слободане, спаси Сербию и убий себе». Его ненавидят больше чем НАТО, – произнесла Милка.

– В этом ты, конечно, права.

– Ужасы гражданской войны не могут сравниться ни с какими бомбёжками. А шовинистов и дебилов хватает в любой стране, – примирительно проговорила Кристина.

Доев яблоко, она прицелилась и бросила огрызок в ствол дерева, стоявшего поодаль, но промахнулась.

– Если его признают виновным, ему грозит... – Антуанетта посмотрела в небо, словно там могла найти ответ, сколько же полагалось диктатору, – пожизненное заключение.

– Я не о том... А слышала, что хотят объявить святой трехлетнюю Милицу Ракич?

– А в чём её святость?

– Погибла во время бомбардировок, – сказала Кристина.

– Ерунда это всё! А вот виноватых в гибели людей не найти.

Солдаты выполняли приказы. Что они могли? Мы когда-то в Сорбонне пели:

*...Как славно быть ни в чём не виноватым,
Совсем простым солдатом, солдатом...*

– Так Милошевич не был простым солдатом! Это он отдавал приказы!– сказала Милка.

– Вот и я о том же! Пошли домой...

Неожиданно в разных концах улицы раздались автоматные очереди. Девушки встрепенились и хотели забежать в дом, но у крыльца уже стоял огромный гариллоподобный парень и приглашал девушек подойти выразительным жестом автомата.

Давно невымытые волосы его ниспадали на лоб. Большие чёрные глаза казались безумными. Из-под майки в разные стороны

торчали кучерявые волосы. Из карманов выброшенного на плечи пиджака виднелись запасные рожки для автомата.

– Цып-цып-цып... – приговаривал он, приглашая девушек зайти в дом.

– Ты чего? – спросила Кристина. – Раскудахтался, словно петух...

Она хотела пройти в дом с гордо поднятой головой, но в тот же момент ошеломляющий удар свалил её на землю. Ни слова не говоря, бандит загнал Антуанетту и Милку в дом. В доме не было ни дедушки, ни бабушки, а в коридоре была открыта дверь в подвал, где они обычно хранили продукты. Оттуда доносились голоса.

– Вы что?! – воскликнула Антуанетта и тут же получила кулаком по лицу.

– Спускайся в подвал, сука! – Сумасшедший с автоматом ткнул стволом в рёбра. – И не заставляй ждать!

Потом он подтащил обмякшую Кристину и сбросил её в темноту головой вниз.

Милка, чтобы избежать издевательств, торопливо спустилась сама.

Небольшое окошко едва освещало помещение. Пол был вымощен кирпичом. Вдоль стен стояли полки с банками. Висели связки перца, чеснока. В самом углу Антуанетта увидела тела дедушки и бабушки. Она всё поняла. Это – конец!

Сильнейший удар повалил её на землю. Она почти потеряла сознание. Едва чувствовала, как навалилась на неё, дыша перегаром, эта обезьяна, торопливо разрывая лёгкое летнее платье и стягивая трусики. Он изгибался в конвульсиях и громко дышал. Теряя сознание, она лишь заметила, что его место занял напарник. А третий никак не мог справиться с Милкой. Та выворачивалась, как могла, пока не получила удар по голове.

– Не трепыхайся, сучка!..

Очнулась Антуанетта, когда услышала сильный грохот. Это рухнула крыша. Помещение заполнилось дымом, но огня не было. Она достала какую-то палку и пыталась разбить окошко под самым потолком. Но – не удалось, сил не было. Она подползла к дальнему от входа углу подвала, и... потеряла сознание.

В августе дни длинные. На какое-то время дождик возобно-

вился. Дорога петляла среди полей и холмов. Пока редакционный внедорожник ехал по мокрой дороге в гористой местности, начало темнеть. Миролуб не гнал, потому что на скользком асфальте можно было залететь в кювет или врезаться в скалу, нависающую над дорогой.

Катрин не находила себе места, но водителя не дёргала. По-нимала, что сейчас малейшая оплошность – и они просто не доедут. Потому и села на заднее сиденье. При свете фар шоссе выглядело как одна сплошная череда сигналов. И все – тревожные и неожиданные... То и дело возникали патрульные машины, и чем ближе был Младеновац, тем чаще их останавливали для проверки документов и осмотра машины.

Дождь кончился.

Уже когда въехали в город, стало ясно, что где-то рядом случилась беда. Нигде светящимися рекламными буквами не было написано: ЗДЕСЬ СЛУЧИЛАСЬ БЕДА! И всё же, что она случилась, было уже ясно. Опустевшие улицы – опрятные и чистенькие, но как бы затаившиеся в ожидании новых набегов бандитов. И только бездомные собаки стаями бежали по своим собачьим делам. И они не чувствовали себя хозяевами в этом городе.

Это была ничейная земля...

Родители мужа жили на другом конце городка. Туда и езды-то – всего ничего. Но Миролуб ехал теперь совсем уж медленно. Чистота и опрятность будто отступали по мере того, как они продвигались вперёд. Разбитые витрины, – ни стёкол, ни рам, ни света. Перевёрнутые сожжённые машины...

– Сволочи, милый Боже! – процедил сквозь зубы Миролуб.

Чем дальше они продвигались, тем картина разрушений становилось всё более гнетущей. Вскоре стали встречаться сожжённые дома, развороченные взрывами заборы и ворота... Сразу видно было, что удар был нанесён именно сюда.

Раненый город. На его месте мог быть и другой: Крагуевац или Горный Милановац. В тайном своём штабе эти изверги разработали план, наметили удар в спину, предусмотрели детали и напали.

Редакционный внедорожник медленно продвигался на южную окраину, где узкая улочка с названием Крайняя действительно была самой крайней. Она прижималась к глубокому оврагу, на дне

которого грохотала горная речушка. Весной река становилась полноводной и поднималась почти к самому краю обрыва. Мутные её воды несли с гор выкорчёванные деревья, перекатывали огромные валуны. В августе она успокаивалась и, шипя и ворча, бежала вниз, где, объединившись с такой же речушкой Ясеницей, впадала в Великую Мораву. На той улочке домики стояли лишь с одной стороны. Перейдёшь дорогу – и обрыв. А выше раскинулся густой лес, за которым любовно ухаживали жители. Вырубали и увозили сухие ветки, на прогалинах вкапывали саженцы. Опасались оползней, потому и за деревьями на холмике следили с особой тщательностью. Корни скрепляли почву и, как казалось обитателям той улочки, сберегали их от катастрофы.

В городке проживало не более шестидесяти тысяч человек. Это было прекрасное место отдыха, и Катрин любила здесь бывать. Антуанетта проводила здесь каникулы, ходила с дедом в горы, спускалась с обрыва к речке... И друзья у неё здесь были, и подруги.

У поворота путь им преградил полицейский.

– Сюда нельзя...

Миролюб что-то объяснял полицейскому, Катрин не вмешивалась. Полицейский махнул рукой, давая знать напарнику, что проезд для них свободен.

Сердце Катрин сжималось всё сильнее: вот она погружается в новое пространство не на правах наблюдающего журналиста, к чему давно привыкла, а непосредственным участником. Говорят: два раза в одну воронку бомба не попадает. А Катрин уже получила сегодня прямое попадание. Но она-то знала: во время войны бомбы попадают порой в одну и ту же воронку и дважды, и трижды.

Чем ближе они подъезжали к дому, тем явственнее чувствовался запах гари.

– Горелым пахнет. Пожар где-то был...

Работая много лет с Катрин, Миролюб не раз ездил в этот прекрасный уголок: то хозяйку сюда привозил, то её дочь Антуанетту. Он хорошо знал дорогу и, ещё не свернув на Крайнюю, обратил внимание на следы недавнего побоища. Обгоревшие остовы машин, обрушенные дома... Всё вымерло. Ни одного человека по дороге.

Улочка была небольшой: всего десять – пятнадцать дворов. Но почти все дома несли на себе следы недавних событий.

Дом Дожичей стоял третьим с другого конца. Подъезжая к нему, они увидели лишь закопчённые стены и пепелище.

Миролуб заглушил мотор. Они вышли из машины, и теперь всё уже было ясно: дома больше не существовало.

Миролуб хмуро посмотрел на Катрин и проговорил:

– Это совсем ничего не значит. Они могли убежать и сейчас скрываются где-нибудь в городе.

– А могли и не успеть, ведь они мне не позвонили.

Дома стояли на окраине и первыми подверглись нападению. Остальные жители спрятались или убежали, но люди в этих домах, если ничего не ожидали, могли и не успеть.

Миролуб достал из багажника фонарь и, освещая себе и Катрин путь, обошёл со всех сторон то, что осталось от красивого некогда дома. Возле будки лежал Лорд, их овчарка, с простреленной головой. Дверь в сарай открыта. Никакой живности.

Катрин подобрала с земли толстую палку и, крепко сжимая её в руке, шла за Миролубом. Она ширяла ею, словно искала какие-то следы и по разбросанным вещам и обгоревшим частям дома хотела узнать: что же здесь произошло? Фонарик высветил фотографию в рамке – она чудом удержалась на стене, обезображенную мебель, мокрую, но всё ещё дымящуюся грудку мусора...

– Здесь были пожарные, – сказал Миролуб. – Людей они бы увидели.

Да, здесь уже кто-то побывал после боевиков. Пожарные? Полиция? Мирные мародёры?..

Вышли во двор. Бывший двор.

Ярко светила луна. Обгоревшие брёвна крыши, разбросанные тряпки... И ничего больше.

– Всё ясно, – сказал Миролуб. – Если бы они их убили, то были бы трупы. А угонять людей с собой – им нет смысла. Этим ведь подлецам важно что? Внезапно ударить и вовремя смыться...

Катрин была скована ужасом. В душе её не оставалось места ни для растерянности, ни для слёз, ни для паники. Надо было что-то делать. Мысль работала чётко. Она прекрасно знала расположение дома и прилегающих к нему построек. Это был кирпичный домик с большим количеством деревянных пристроек: окна почти у самой

земли, затейливые козырьки и ступеньки.

Крыша рухнула. Окна и двери сорваны с петель и валялись рядом. Мебель сгорела. Ещё тлел кожаный диван. Обгоревшие книги были разбросаны повсюду.

– Где же все люди? – хрипло спросила Катрин.

– Может, соседи знают?

– Какие соседи?! Ты что, не видел, что все дома рядом в таком же состоянии?! Но кто-то же должен знать, что здесь произошло, что с людьми!

– Наверно, полиция знает...

Миролюб достал сигареты и протянул пачку Катрин. Подумал: «Сколько за один день ей досталось! Мужик бы не выдержал! Иногда думаю, что мне, детдомовцу, в чём-то даже легче. Близких нет. Милица от меня ушла... Может, и правильно. Не приспособлен я к семейной жизни. Какая семейная жизнь, когда вот так с утра и до ночи?..».

Снова поднялись по каменным ступенькам. Рухнувшая крыша мешала пройти дальше, и они стояли, не зная, что делать. Катрин набрала по телефону полицию. Представилась. Спросила, куда дели погибших и остался ли кто живой. Она не представляла себе, как пойдёт в морг и увидит Антуанетту! Двадцатипятилетнюю красавицу! Только начинала жизнь! Нет, она этого не переживёт.

– И что они говорят? – спросил Миролюб.

– Что они могут сказать?! Всех погибших свезли в морг при больнице. Говорят, живых не было...

Откуда-то из подземелья послышался стон. Миролюб прислушался.

– Ты ничего не слышала?

– Нет. А что?

– Да вроде кто-то стонет...

– Это так бывает. И мне всё время казалось, что Владко сейчас поднимет голову... А у него горло перерезано...

Катрин заплакала.

И снова из подполья донёсся стон.

Катрин взглянула на Миролюба.

– Ты слышал?

– Слышал! В доме подвал есть?

– Да. Где-то здесь.

Вход в подвал был завален брёвнами, досками, всяким хламом.

Они стали отбрасывать в сторону мусор и обгоревшие брёвна.

– Подожди, – сказала Катрин. – Давай сначала прислушаемся. Стали слушать.

– Там тихо.

– Нет! Там кто-то есть!

Миролюб лихорадочно перетаскивал обгоревшие балки, гору разбитой черепицы. Катрин ему помогала. Наконец добрались до металлической двери. Большой амбарный замок был вдет в кольца, но не заперт. Миролюб рванул дверь на себя. Крутая лестница уходила в темноту.

В образовавшуюся щель Миролюб протиснулся первым. Одежда цеплялась за гвозди и трещала, по лицу наждачкой прошёлся обломок доски.

Толкая дверь, открыл её так, что теперь и Катрин смогла войти.

Катрин взяла фонарь и направила его в глубь старинного сводчатого подвала...

Когда они спустились, перед ними предстала страшная картина. В подвале лежали мёртвые родители Владко. Рядом – Кристина, подруга Антуанетты. Платье разорвано, ноги окровавлены. В другой части подвала нашли Антуанетту и незнакомую девушку лет четырнадцати. Обе были без сознания, но живы.

Как кричала Катрин, он не слышал. Всё происходило как в тумане.

Миролюб взял на руки Антуанетту и понёс к двери. Катрин бросилась за ним. Уложили девушку прямо на землю, тут же вернулись назад за другой.

Миролюб позвонил в полицию и попросил вызвать «скорую».

Время плелось черепашьям шагом. Наконец появилась машина с красным крестом. Вскоре прибыли и полицейские.

Девушки были почти голыми. Синяки на ногах и лице свидетельствовали: их били и насиловали, а потом заперли в подвале и дом подожгли.

Катрин сняла с себя жакет и укрыла дочь.

Врач скорой помощи ввёл пострадавшим сердечные средства, дал кислород.

– Их нужно в больницу, – сказал он.

– Дочь я заберу в Белград, – глухо проговорила Катрин.

– Это опасно. Вы можете не довести!

– Дочь я заберу в Белград, – повторила Катрин.

Врач посмотрел на неё и, поняв, что она его не слышит, согласился:

– Хорошо.

Полицейские в это время выносили погибших из подвала и грузили в машину. Старший подошёл к Катрин, что-то спросил. Она механически отвечала на вопросы. Потом они аккуратно перенесли Антуанетту в машину и помчались в Белград. Неизвестную девочку увезла скорая...

3. Миролоб гнал в Белград на предельной скорости, совершенно позабыв об осторожности. Он действовал, как робот-автомат.

Антуанетта, почти бесчувственная, тем не менее, тоже была свидетельницей происходящего.

Вот только об этом никто не знал, кроме неё.

Она наблюдала за матерью уже давно. Примерно с того времени, когда они въехали в город. Видела, как их машина осторожно пробирается по зловещим улочкам, как вошли на территорию разорённого дома, и молча подсказывала матери: я здесь, сейчас ты меня найдёшь. Та, разумеется, не слышала ничего, но в точности пришла туда, куда указала ей дочь.

И вот теперь Антуанетта смотрела откуда-то сверху на себя и думала: удастся ли ей соединиться со своим телом, лежащим на заднем сиденье, или придётся полететь куда-то далеко-далеко...

Преодолеть восемьдесят километров до Белграда было не так-то просто. Миролоб мчал в темноте с огромной скоростью. «Лишь бы довести! – думал он. – Лишь бы довести!».

Было около часа ночи, когда автомобиль подъехал к приём-

ному покою.

Десятиэтажное здание госпиталя располагалось в глубине красивого парка. Громадные сосны и лиственницы, аккуратно подстриженный кустарник, жёлтые тенистые аллеи со скамейками – ничто не напоминало о бомбардировках. Сюда и днём и ночью подъезжали машины скорой помощи. На первом этаже, блестящем от кафеля, стекла и хрома, расположился приёмный покой со справочной службой, диспетчерской, кабинетами оказания срочной помощи. То и дело диспетчер по телефону вызывал дежурных врачей. Они спускались на скоростных лифтах и осматривали больных, решая, что делать.

Тут же разместились лаборатории, рентгеновский и процедурные кабинеты. Обычно в приёмном покое толпился народ – работники скорой помощи, сопровождающие больного родственники, бомжи и алкоголики, пришедшие сюда провести ночь. Отравившемуся какой-то гадостью парнишке санитар в большом клеёнчатом фартуке пытался промыть желудок раствором марганцовки. Рядом ругался алкоголик, сопротивляясь такой же процедуре. В другой комнате дежурный травматолог накладывал женщине лангету на предплечье. В соседнем кабинете терапевт пытался снять почечную колику.

Антуанетту уложили на каталку, и дежурный врач сразу же распорядился о переливании крови. Девушку завезли в смотровую комнату, подключили к кислороду. Бледная, с синюшными губами и заострёнными чертами лица, она лежала, едва подавая признаки жизни. Сознание её мерцало. Узнав у Катрин, что произошло, врач взял кровь на анализ, сделал электрокардиограмму. Потом распорядился положить в реанимационное отделение.

– Могу я быть с ней? – спросила Катрин. – Я – мать.

– К сожалению, не могу этого разрешить. В реанимацию не пропускают посторонних. Но ты подожди. Я должен ещё заполнить историю болезни. Как её фамилия, сколько лет?

Катрин ответила. Потом спросила:

– Что у дочери?

– Отравление угарным газом.

– Опасно?

– Скажу честно: опасно. Кровь теряет способность переносить кислород.

– Что же делать? Может, возьмёте у меня кровь?

– Пока не нужно. Тебе повезло. Сегодня в госпитале профессор из Франции. Я попрошу, чтобы он твою дочку проконсультировал. Хороший специалист...

– Спасибо...

Реанимация располагалась на шестом этаже. Бесшумный лифт поднял коляску с Антуанеттой. Рядом находился врач, продолжавший переливание. Когда девушку осторожно переложили на кровать, она впервые открыла глаза. Не понимая, как здесь очутилась, облизнула пересохшие губы и прошептала:

– Где я? Позвоните родителям...

На большее у неё сил не хватило.

В реанимационной палате стояло четыре койки. Больных было двое: женщина, которой предстояла операция на сердце, и Антуанетта. Здесь же за столиком сидела медсестра. Ей не полагалось отлучаться из палаты ни на минуту.

В палату вошёл врач.

– Новенькая?

– Новенькая. Отравление угарным газом. Травма головы. Мать привезла из Младеноваца.

– Изверги!

Врач подошёл к Антуанетте и стал прощупывать пульс.

– Чистит... Значит, ещё боремся. Хорошо бы перелить эритроцитарную массу.

– Где её ночью достать? Утром уже...

– Позвони в кардиохирургию. Впрочем, я сам. – Доктор поговорил с дежурным врачом, потом сказал сестре:

– Сейчас принесёт. Ему звонили из приёмника, просили организовать консультацию француза. Носятся с этим профессором, как с писаной торбой. Что ему здесь делать? Он же – кардиохирург, а не токсиколог! Впрочем, хуже не будет... А что – сердце?

– Ишемия. Что ещё? При таком отравлении и острый миокардит может быть...

– Может... Чёрт побери, уже скоро два, а мне так и не удалось выпить кофе! Дай мне, пожалуйста, если не затруднит...

Медсестра открыла термос с густым коричневым напитком, налила в чашку.

- Знаю, что ты пьёшь без сахара. Могу дать бисквит.
- Спасибо, – сказал доктор, отхлёбывая кофе. – Сама готовила?

ла?

- А кто мне приготовит?
- Хороший. Натуральный. Терпеть не могу растворимые суррогаты. И каких только названий не придумают! Один чёрт...

В палату вошли двое. Один нёс ампулу с эритроцитарной массой.

– Добрый вечер! – сказал кардиохирург. – Познакомьтесь, это профессор Поль Лежар. Говорит по-сербски плохо, но понимать – понимает. Где твоя больная?

Они подошли к постели, на которой лежала Антуанетта. Голубые глаза смотрели на пришедших с надеждой и страхом. Стоило что-то доктору у неё спросить, как по щекам текли слёзы. Говорить она не могла.

Профессор придвинул стул к её кровати и стал осматривать, прощупывать пульс, мерить давление. Потом привычным движением сдвинул простыню и прослушал сердце. Сам закрепил электроды и снял кардиограмму.

Когда закончил обследование, Антуанетта, преодолевая слабость и тошноту, улыбнулась и прошептала:

- Мерси! Сообщите моим родителям!

Лежар заговорил с нею:

- Вы говорите по-французски?

– Я окончила Сорбонну... Извините, слабость... очень голова болит...

Поль с любопытством взглянул на девушку. Красива... Он отошёл к столику, где его ждали коллеги.

– Сильное отравление угарным газом. К тому же травмы... и психологический шок. Её хорошо бы показать психологу.

– Завтра и покажем, – пообещал врач-реаниматолог. – Что с сердцем?

– Острый миокардит. Очень опасно. Строгий постельный режим. Описаны случаи, когда люди, пережившие отравление угарным газом, погибали от сердечного приступа через несколько лет из-за миокардита. Кстати, и нервная система сильно страдает...

Профессор Лежар ещё раз подошёл к Антуанетте и посмотрел ей в глаза. Потом, прикоснувшись рукой, проговорил по-

французски:

– Я ещё приду! Всё будет хорошо...

Кардиохирурги вышли, и врач-реаниматолог смог, наконец, допить свой кофе.

Вскоре пришла невролог, дама с пышными формами. Осмотрев Антуанетту, постучав по сухожилиям молоточком, поколов где-то иголочкой, подошла к столу и тихо, чтобы не тревожить больных, продиктовала медсестре:

– Отравление угарным газом. Отмечает головокружение, слабость, головную боль. Находилась без сознания более часа... Нарушение мозгового кровообращения. – Дальше шли сугубо специальные термины. Наконец подвела итог: – Состояние больной тяжёлое. Я не сомневаюсь, – вдруг прервала себя толстуха, – что прогноз здесь благоприятный. Уж очень эффективна...

– Это точно, – кивнул реаниматолог. – Произвела впечатление и на нашего француза...

– Ну, что ж... Жизнь – это болезнь, от которой умирают ... а любовь – это вирус, ради которого стоит жить! Она стоит того.

Через пару часов, когда Антуанетта уже спала, нафаршированная медикаментами, в реанимацию заглянул Поль Лежар. Он передал врачу бумажку, на которой было написано одно слово: «ацизол».

– Что это? – спросил реаниматолог.

– Эффективное противоядие...

– При отравлении угарным газом?

– Именно так! Именно так! – обрадовался профессор. – У нас его нет. Нужно сказать родственникам. Мужу или родителям...

– Как я понял, мужа у неё нет. А родственников вчера убили... А что за препарат?

– Сам не знаю. Нашёл в Интернете. Жалко... Молодая... Препарат создан в институте химии Российской Академии наук. Возможно, не врут...

Профессор подошёл к Антуанетте, ещё раз взглянул на неё и вышел.

У себя в кабинете он связался по телефону со справочной аптек. Ему назвали несколько, где есть ацизол, но предупредили, что препарат дорогой.

Через час он занёс в палату упаковку чудотворного лекарства.

Дежурный реаниматолог внимательно прочитал инструкцию: «Ацизол является высокоэффективным антидотом против острого отравления смертельными дозами монооксида углерода, а также эффективным... при кислородной недостаточности...»

Реаниматолог, недоверчиво взглянув на Лежара, сказал с каким-то странным намеком:

– Ну и ну! Каких только чудес не придумывает наука! Впрочем, если бы я был холост и мне встретилась такая красавица, может, и я бы бросился искать такое же чудо...

Уму непостижимо, что творилось в приёмном покое. То и дело привозили пострадавших. Больные стонали, родственники что-то возбуждённо кричали. И лишь медицинский персонал сохранял спокойствие.

Катрин уселась на диван и, закрыв лицо руками, попыталась собраться с мыслями. Главное сейчас не сорваться, удержаться. Каждый раз, когда она оказывалась в горячих точках, она всегда оставалась спокойна. Вот так же и сейчас: нужно отстраниться от всего и делать только то, что надо. «Я спокойна, я совершенно спокойна, – повторяла она. – Что бы ни случилось, я буду спокойна. Я не потеряю головы...». Она повторяла про себя эти формулы самовнушения, – правильные, а потому скучные, нудные и, как иногда казалось, несбыточные. Но она знала: если вбивать в голову такие мысли, то они там останутся.

Катрин представила, что должна будет чувствовать дочь, когда начнёт приходить в себя. С нею нужно непременно сидеть рядом, держать за руку, говорить что-то. На глаза снова навернулись слёзы, и Катрин, достав платок, стала их вытирать.

Пожилой высокий мужчина присел рядом. Он тоже был из числа родственников, пришедших в приёмный покой.

– Что толку теперь плакать, – сказал он, обращаясь к Катрин так, будто знал её всю жизнь. – Раньше надо было думать. А плакать – последнее дело! Здесь у всех горе, и что? Своим плачем ты им легче делаешь? Твои слёзы – как зараза! Раньше нужно было думать.

– Да когда ж раньше? – удивилась Катрин. – Кто же мог знать, что эти бандиты нападут?

– Должна была знать! – твёрдо сказал мужчина. У него был акцент, характерный для черногорцев. Их всегда можно узнать – они рослые, просты в общении, даже грубы. У них нет собственного языка, они говорят по-сербски, но акцент – это признак, по которому их можно отличить от других. – Не нужно изобретать велосипед, всё ведь и так понятно. И не плакала бы теперь!

– О чём вы? – не поняла Катрин. – Что вам понятно?

– А ты не знаешь разве, как оно было раньше? – удивился незнакомец. – Во времена, когда здесь хозяйничали турки, у славян было только четыре возможности, – он показал ей свои растопыренные толстые пальцы, один из которых поджал. – Четыре! Запомни это! Принять ислам и покориться – это первое, – он загнул указательный палец ударом другой руки, – терпеливо ждать, когда тебя зарежут и молча умереть, – он ударил по второму пальцу, – бежать в другие края, если удастся, – он ударил по третьему пальцу.

Оставался мизинец, который он всё ещё держал оттопыренным.

– А четвёртая какая? – спросила Катрин.

– А четвёртая – это бороться и побеждать! – с этими словами он ударил по мизинцу, и у него получился кулак. – Почему-то турки так ведь и не смогли поработить нас. Всех подмяли под себя – и греков, и болгар, и румын, и сербов, и хорватов, а нас – нет! Ты мне не скажешь, почему так получилось?

– Да потому что у вас горная страна!

– Не только. Ещё и потому, что мы сопротивлялись, а другие – нет. У нас и по сей день в обычае кровная месть, а у остальных это считается некультурным! Понахватались всяких западных глупостей, вот теперь и происходит такое. Гуманизма захотели! Гнилой либерализм! Трусость и разврат. Больше ничего! Откуда взялась боснийская трагедия? Некоторые сербы перешли когда-то на сторону турок, приняли ислам и решили, что теперь-то уж они точно выживут, пока остальные будут погибать. И ошиблись. Теперь смотрят на их потомков как на предателей. А ведь они ни в чём не виноваты. Не они предавали веру, а их предки. А эти делают лишь то, что им завещали. А завещали им искать лёгких путей, чтобы выжить.

– Но что же им было делать, если другого выхода не было? Или ислам, или смерть?

Мужчина покачал головой.

– А в Черногории было не так: если кто-то принимал ислам, его убивали за измену. Если принимала ислам целая деревня, то и деревню вырезали...

– Но ведь это же ужасно! – возразила Катрин. – И чем тогда черногорцы лучше турков?

– Ай, женщина! Зачем выяснять, кто лучше, кто хуже? Кто отстоял свою землю, тот и лучше. Всё это ваши западные штучки... Ты так рассуждаешь, как будто не наша, а приехала оттуда!

Катрин промолчала, а мужчина продолжал:

– Секрет прост: если один раз простить, будет хуже. Поймут как слабость! Считай, что уже обратили в свою веру! Они должны харкать кровью! Они только силу и понимают. Потому мы и выстояли.

– Но ведь двадцать первый век на дворе! Есть Организация Объединённых Наций, есть Совет Европы, есть законы...

– Какой вздор ты говоришь, женщина?! – изумился мужчина. – Вроде бы умная, а рассуждаешь глупо! У меня в деревне ни одна баба такого не скажет! А Белград кто бомбил? Чем они лучше фашистов? – мужчина чертыхнулся и встал, собираясь пересечь от глупой соседки.

– Подождите, не уходите, – Катрин взяла его за руку. Мужчины дернул было рукой, но потом вспышка гнева прошла, и он снова уселся.

– У вас-то кто здесь в больнице?

– Много кого, – неохотно отозвался мужчина. – Некоторые уже в морге. Другие, может, и выживут. Дочери сделали операцию: осколок из ноги вынули. Хорошо, не отрезали. Но хромоть будет. И то хорошо, что не погибла. Пусть хромоножка, но живой осталась.

– А у меня... – Катрин сделала паузу и, преодолевая желание рыдать, рассказала про своё горе.

Мужчина посмотрел на неё суровыми, почерневшими от ненависти глазами и спросил:

– Тебя как зовут?

– Катрин.

– Катарина – хорошее имя. Мою бабушку так звали. А меня – Райко. Держись, Катарина. Держись...

Он откинулся на спинку дивана, и, казалось, заснул.

Катрин знала: эти слова она запомнит на всю жизнь. И слова, и интонацию, и глаза этого Райко.

А потом её нашёл профессор Лежар.

Кто-то выкрикнул её имя, она отозвалась и увидела: медсестра указывала врачу именно на неё.

Катрин вскочила.

Профессор взял её за руки и пробормотал лишь несколько общих фраз на совершенно невозможном языке.

– Что с дочерью? Как она? – спросила Катрин.

Доктор пытался что-то ответить. Надеялся в основном на язык жестов. Объяснения с родственниками – тяжёлая обязанность, от которой никуда не денешься. Он хотел посмотреть на мать той необыкновенной девушки, которую только что осматривал. По матери всегда можно многое сказать о дочери. А ей, судя по всему, его объяснений было мало. Она вцепилась в него:

– Нет, вы мне всё-таки скажите, что с ней? Как скоро она выйдет из этого состояния?

Катрин поняла, что доктор почти не говорит по-сербски. В отчаянии она оглянулась по сторонам, ища глазами кого-нибудь, кто помог бы ей, но тут случилось чудо: профессор обронил несколько ничего не значащих французских слов: мол, простите, мадам, я сожалею...

– Так вы говорите по-французски? – радостно воскликнула Катрин на французском.

– Конечно, ведь я француз.

– Скажите, что с нею? Это моя дочь! Я привезла её из...

Она очень волновалась, но Лежар тут же отметил: говорит без акцента. Спрашивать её, кто она и откуда, счёл неуместным. Катрин перескакивала с одного на другое, часто переходя на плач. А он выслушал её, как только, наверно, одни врачи и умеют.

Катрин спросила:

– Вы из Франции? А как вы здесь оказались?

– Приехал... Я, мадам, – кардиохирург. Пригласили...

– Да, конечно. Так что же с дочерью?

– А вы кем работаете?

– Отравление угарным газом – это достаточно серьёзно. Но она выживет, отдышится и придёт в себя.

– Вы думаете?

– Не сомневаюсь! С вашей дочерью всё будет хорошо. Когда она начнёт приходить в себя, главной проблемой для неё будет психологическая травма. И тут я бессилён, тут нужны психотерапевты и невропатологи.

– Вы думаете, она забудет когда-нибудь то, что с ней случилось?

– Забыть – не забудет. Но будем надеяться на лучшее...

Он встал, извиняясь:

– Простите! Мне нужно идти. Я вам обещаю: с вашей дочерью всё будет хорошо!

Катрин вышла к машине и взглянула на водителя. Он пошёл ей навстречу. Куда ехать? В квартиру, где всё в крови? В офис? Уже третий час. Может, посидеть в машине и утром узнать, что с Антуанеттой?

– Дай сигарету! – тихо попросила она. – Сейчас бы коньяка...
Непрошенные слёзы снова навернулись на глаза.

– Не трави себе душу. Слава Богу, Антуанетта жива. Садись в машину. Сможешь подремать...

Она послушно села в машину.

– Ты же никогда не курила! – удивился Миролюб.

– Курила в университете. Много курила...

– Тоже переживала?

– По-разному. И переживала, и просто для кайфа... А в чём тот кайф, до сих пор не пойму. Сколько же на меня сегодня вдруг обрушилось?! И как я ещё не сошла с ума? Нет, в самом деле, человек всё может перенести... У меня всё время Владко перед глазами.

Катрин тихо плакала, опустив голову и вздрагивая плечами. Миролюб её не успокаивал. Пусть выплачется. Может, легче станет. Нет, она – железная! Он всегда знал, что Катрин – сильная, выносливая... но чтоб такое выдержать!?

– Как там Антуанетта? Где бы узнать?

– Не стоит их дёргать, – сказал Миролюб. – У них тоже работа, – не дай Бог. Это, какое нужно иметь сердце, чтобы видеть такое?! Да каждый день... Как на войне...

– Так, война и идёт! Как только начали бомбить Югославию,

и началась война. И чего они кричали, когда Советы влезли в Афганистан? Теперь-то делают то же самое! Международное право им до лампочки! О каком суверенитете может идти речь?!

– А я о чём?! Но кто что посеет, то и пожнёт!

Миролюб зло сплюнул и тоже закурил.

– Ты мне зубы не заговаривай! Пойди, лучше узнай, что там. Нет, лучше я!

– Так ты ж только пришла. Посиди, не дёргай людей!

Через час Катрин потушила очередную сигарету и пошла в приёмный покой.

– Будьте добры, – обратилась она к диспетчеру, белокурой девушке, только что отбившейся от очередных посетителей. – Три часа назад я привезла дочь из Младеноваца. Тяжёлое отравление угарным газом. Её положили в реанимацию...

Девушка взглянула на Катрину и, видимо, поняв, сколько горя пришлось хлебнуть этой женщине, сняла трубку и связалась с реанимацией. Потом успокоила:

– Пришла в сознание. Спит. Переливают кровь. Всё будет хорошо!..

Катрин поблагодарила и вышла к машине.

– Что ты узнала?

– Говорят, лучше ей. Заснула.

– Это хорошо! Сон – это здоровье!

– А я думаю, что мне раньше делать? Где хоронить Владко?

– Где-где! С родителями в Младеновацах. А эти американцы...

– Миролюб! – прервала его Катрин. – Ты водитель или аналитик какой? Может, рекомендовать тебя корреспондентом в нашу газету?

– Не-е! Мне и водителем хорошо. Но думать-то можно?!

– Думать можно... Только мне сейчас не до твоих рассуждений.

– А я специально хочу тебя отвлечь. Слушай, Катрин. Подремли немного. Завтра нам предстоит непростой день. Поспи.

– Попробую.

Катрин откинулась на сиденье и закрыла глаза. И снова из темноты выступили пятна крови и склонившийся над письменным столом Владко.

И вдруг Владко поднял голову, грустно посмотрел на неё и хриплым голосом проговорил:

– Неужели Клинтон, Блэр, Олбрайт и впрямь такие недалёкие люди? Это ковбойская психология Дикого Запада, человека с кольцом, который дрался ещё против индейцев. Но сейчас другие времена! – Когда он говорил, из раны брызгала кровь. Катрин подбежала к нему и стала просить помолчать. Но Владко её не слушал. – Я всегда был низкого мнения об их моральных качествах. В этом кризисе поражение потерпела не их мораль – я прекрасно понимаю, что никакой морали у них нет. Хуже, что мы оказались неспособными защитить свои ценности. Это меня больше всего пугает. Ты помнишь, как меня выставили из газеты? Мне пришлось доказывать этим полуграмотным стервецам, что ничего не выдумываю. Уже тогда на меня завели дело, наорали, пообещали позаботиться, чтобы впредь меня и близко не подпускали к газете. Но я тогда стал печататься в зарубежных изданиях, и это ещё больше их разозлило. Впрочем, если бы мне удалось прожить дольше, я бы делал то же самое.

– Да, что ты можешь сделать и чем всё это может закончиться? Вот вчера твоих родителей убили. Антуанетта чуть не погибла...

– Береги дочь! А сейчас уходи! Мне пора...

– Владко! Подожди!

– Нет! Мне пора!..

Катрин проснулась из-за того, что её тряс за плечо Миролюб.

– Пора! Мне кажется, сейчас самое время поговорить с лечащим врачом. А то у них скоро будет пересмена.

Катрин потянулась, глубоко вдохнула утреннюю прохладу и пошла в приёмный покой. Здесь ничего не изменилось. Только теперь в диспетчерской за стеклом сидел лысый мужчина. Он был немногословен.

– Дожич? В реанимации? Одну минуту... – Поговорив по телефону, равнодушно взглянул на Катрин, прохрипел: – Поднимись на восьмой этаж к профессору Лежару. Он тебя хочет видеть... И дочку твою уже перевели из реанимации.

– Что-нибудь случилось? – испугалась Катрин.

– Не знаю...

Пока ждала лифт, наслушалась всяких историй. Старика при-

везли с инфарктом. Дети погибли при бомбёжке. Он смотрел в глаза людей, пришедших сюда, будто ждал от них совета или помощи. Но все приходили со своей бедой...

В кабинете кроме профессора сидел ещё какой-то мужчина в голубой пижаме и высоком, как у повара, колпаке.

– Бонжур...

– Бонжур, мадам, – профессор встал из-за стола. – Нам удалось справиться с опасностью. Вашей дочери повезло...

– Как она?

– Лучше. Она в сознании. Опасность миновала. Но за ней нужно наблюдать. Мне кажется, ей нужно быть здесь не менее недели. Потом дома соблюдать строгий постельный режим ещё дней десять...

– А где она сейчас?

– Её перевели к нам. Я хотел сам за ней наблюдать... В реанимации ей делать больше нечего.

– Так мне можно к ней?

– Пока не стоит. Она спит.

– Она ещё не знает, что и отца её вчера убили...

Катрин едва сдерживала слёзы.

– Да... Я знаю... – сказал Лежар. – Примите мои соболезнования, мадам...

– Вот я и думаю...

– Нет, нет! Этого сейчас говорить ей нельзя! Откуда вы так хорошо знаете французский?

– Это мой родной язык. Родилась я в Париже. Мама до сих пор там живёт. Работаю в газете «Фигаро». Направили в Белград. Здесь и вышла замуж... А теперь мужа убили...

Катрин замолчала. Профессор подал ей стакан воды:

– Если вам трудно говорить, не говорите. Выпейте воды... Так дочь пошла по вашим стопам. Она тоже журналист?

– Тоже... Боже, какое это горе! На её глазах убили бабушку и бабушку! Надругались...

– Но, как я понимаю, мужа вашего убили не албанцы?

– Я не знаю. Но причин его не любить больше было у правителей. Он всегда выступал против этнических чисток...

Профессор грустно произнёс:

– Фанатики веры...

– К сожалению, эти мерзавцы – не фанатики веры. Ни во что они не верят.

Поль кивнул.

– Да, конечно...

– Так мне нельзя увидеть дочь?

– Не стоит. Приходите завтра...

– Спасибо, профессор. Мне ещё предстоит похоронить мужа и его родителей; сегодня воскресенье, а прийти я смогу только вечером в понедельник или утром во вторник.

– Я вам обещаю, что всё будет нормально. Сейчас для неё сон – лучшее лекарство. Вот она и будет спать до вашего прихода...

4. Поль Лежар родился в 1970 году в семье врача-хирурга в Тулоне на самом юге Франции, у Средиземного моря. Там провёл детство, окончил школу, и только когда настало время поступать в университет, семья Лежаров переехала в Париж.

Прямой нос, тяжёлый подбородок, чёрные глаза, прикрытые длинными ресницами. Этим глазам и ресницам могла позавидовать любая парижская модница. Именно из-за них ещё в школе Поль всегда был окружён стайкой обожательниц, готовых дать списать любой пример по математике или задание по ботанике, чем Поль охотно пользовался. Люси собирала ему листики для гербария, а неугомонная Николь ловила лягушек, над которыми Поль ставил свои биологические опыты. В старших классах лягушки его уже не удовлетворяли, и он перешёл на кошек, – их Николь отлавливала с помощью валериановых капель. Под руководством преподавателя Поль пытался вырабатывать у бедных кошек условные рефлексy и был счастлив, когда его усилия увенчались успехом.

В старших классах он уже ставил серии опытов на белых крысах, и все прочили ему блестящее будущее учёного. Впрочем, и он верил в свою удачу.

В школе никаких серьёзных потрясений ему не довелось переживать, если не считать несчастной любви к Николь. Он был поглощён чувством, но говорить с девушкой ни о чём, кроме как о своих опытах, не мог. Он не любил ходить на дискотеки, не увлекался бесцельным шатанием по вечернему городу, не терпел пустых разговоров. Дело закончилось тем, чем должно было закончиться. У Николь появился парень, который и составил ей

компанию в этом бессмысленном времяпрепровождении.

Поль долго переживал. Даже пробовал закурить, но это ему не понравилось, и он стал пропадать в библиотеке. Именно в это время он глубже познакомился с мировыми шедеврами музыки, литературы и живописи. Надев наушники, слушал Бетховена и Моцарта, и ему казалось, что жизнь его наполнена смыслом и есть цель, которую он непременно достигнет.

Отец Поля Жак Лежар работал детским хирургом и пользовался славой доброго и отзывчивого доктора. Он страстно любил своё дело, и любовь к медицине передал сыну. Переехав в Париж, семья Лежаров купила небольшую квартиру недалеко от Северного вокзала на одной из узких улочек. Поль поступил на медицинский факультет. Дни и ночи он пропадал в клиниках, дежурил, участвовал в операциях, делал доклады на заседаниях студенческого научного общества. В свободное время ходил в гимнастический зал и на студенческих соревнованиях по гимнастике даже занял второе место.

Его мало интересовали молодёжные тусовки с конвульсивными танцульками и торопливым сексом, с пустыми разговорами и суждениями обо всём и ни о чём. Он сторонился таких сборищ. На последнем курсе Сюзанна всё же затащила его к себе в постель. Она брала от молодости всё, что могла.

Поль снял квартиру, и они с Сюзи встречались не чаще двух раз в неделю, когда Поль был свободен от дежурств и не ночевал у родителей.

К своим отношениям с Сюзи Поль относился с иронией, называл подружку не иначе, как Сюзанна де ля мур-мур, и откровенно об этом заявлял девушке.

– Тебе хорошо? Прекрасно! Я всегда к твоим услугам... только тогда, когда не дежурю в клинике, не ночую у родителей, не хожу на гимнастику...

Через год Сюзанна ушла к преуспевающему Морису Делону, окончившему курс медицины годом раньше и имевшему уже свой кабинет.

Поль спокойно перенёс разлуку с Сюзи. Они расстались друзьями.

Поль увлекался кардиохирургией. Много работал, ездил на курсы в США к Майклу Дебейки, который выделял его из своих учеников и прочил большое будущее. А когда в 1996 году мэтра

пригласили в Москву оперировать русского президента, он взял с собой и Лежара. Это была прекрасная школа. Поль познакомился с Ренатом Акчуриным, с другими хирургами и многому у них научился. В 1998 году успешно защитил диссертацию и стал доктором наук. А ещё через два года – профессором. Но, как и раньше, жил в своей холостяцкой квартирке и пропадал в клинике. Теперь он был увлечён монографией о хирургическом лечении пороков сердца. Собирал материал, копался в фондах библиотеки, стараясь узнать, что делается в этом направлении в мире. Но однажды, с подачи всё того же Дебейки, ему предложили поработать в Белграде. Нужно было помочь югославским докторам.

Условия обещали хорошие, и вот уже полгода Поль работал в кардиохирургическом отделении госпиталя, много оперировал, читал лекции врачам, готовил к изданию книгу.

В госпитале о молодом профессоре говорили разное: одни – что француз слишком молод и не всегда оправданно рискует. К тому же – не компанейский, и вообще штучка с ручкой! Другие – в основном, женщины – восторженно смотрели на завидного жениха и старались услужить ему. Но все были единодушны в том, что француз – специалист высокого класса.

Поль не замечал пристального внимания к своей особе, был весел, беззаботен и непритязателен. Он сутками пропадал в отделении, ночевал на продавленном кожаном диване, ел что придётся, и только в эти августовские дни все вдруг заметили, что француза словно подменили. Он по-прежнему много оперировал, но всё свободное время проводил в палате, где лежала Антуанетта Дожич.

На столике у её кровати появились свежие розы, и девушка знала, что их принёс её спаситель.

Антуанетте Поль понравился сразу. Красив, вежлив, внимателен, заботлив... По тому, что он вот уже вторые сутки не торопится домой, решила, что и дома, куда бы нужно было торопиться, должно быть, у него нет. А вот из её родных никто к ней не пришёл. Это было непонятно и тревожно.

В вечернем полумраке на стене вырисовывались причудливые тени. Большое окно заполняли мерцающие звёзды. Антуанетта подумала, что, наверное, родители уехали в Младеновацы хоронить бабушку и дедушку, и тихо плакала, промокая слёзы платком.

Антуанетта ждала доктора, чтобы расспросить его о родителях. Ей он казался мудрым и добрым.

Лежар вошёл, когда уже стемнело. Он устало присел на стул и взял её за руку.

– И что, жить буду? – тихо спросила девушка, глядя ему в глаза.

– Обязательно, мадмуазель! Причём будете счастливы. Я в этом уверен.

– Может быть... А пока родители, наверно, хоронят бабушку и дедушку...

– Я понимаю... Но вам лучше сейчас поспать...

Поль в трубку капельницы ввёл снотворное.

– Посидите со мной... Как быстро начинает действовать снотворное!

– Вы спите, а я ещё посижу...

– Хорошо... Так мне спокойнее... – уже в полудрёме сказала Антуанетта.

– Выздоровливайте, и всё будет нормально...

– Всё будет... – повторила Антуанетта и провалилась в сон.

Антуанетта спала всю ночь и на следующее утро продолжала спать; время от времени, открывая глаза, пыталась что-то спросить у того, кто оказывался рядом, но язык и губы не повиновались, и она снова проваливалась в сон.

А бывшие её насильники не прятались ни в горах, ни в лесах или пещерах. Они спокойно расхаживали среди людей, которых ненавидели. И вели себя так, как положено законопослушным гражданам: соблюдали правила дорожного или уличного движения, вежливо отвечали на вопросы. Они были в плену своих фантазий и думали, что такой образ жизни возможен и в будущем, и на них никакие законы не распространяются. Однако зло может рождать только зло, и уже где-то по Земле ходил человек, который должен был отомстить за кровь и слёзы, за поруганную честь невинных людей.

Приоткрыв глаза, она безучастно смотрела, как медсестра вводила в вену иглу. В полудрёме видела, что кто-то подходит к ней и отходит...

Что-то внутри неё протестовало против такой безучастности,

и она подумала: «Что же они мне ввели?». Но вскоре снова заснула.

Какое-то время спустя проснулась, пронзённая мыслью: «Почему нет мамы?». Это была попытка прорваться в реальность. Задумавшись о маме, девушка неизбежно должна была вспомнить и об отце, а там и о других людях и событиях, к которым, по её мнению, она непременно должна получить доступ...

Почему-то опять глаза закрылись, и она уснула.

Когда Антуанетта открыла глаза, долго не могла вспомнить, что ей снилось. А ведь что-то же снилось! Что-то очень давнее... Наверное, что-то из рассказов бабушки. После тех рассказов ей часто что-то мерещилось о давно минувших событиях, и она их представляла так ясно, словно сама была их участницей. Но нет... Вспомнить она свой сон так и не смогла.

Когда она осознала, что находится в реальности, увидела доктора. «Мне покойно, когда он рядом со мной и вот так смотрит на меня!» – подумала девушка.

– Ну вот вы и проснулись, – сказал Поль.

Антуанетта посмотрела на него с надеждой и доверием.

– А где мама?

– Мама сейчас не может прийти – у неё неотложные дела.

– А папа?

– И папа...

– Может быть, с ними что-то случилось?

– Нет-нет, ничего не случилось!

– А можно, я им позвоню? Или вы позвоните!

– Этого ни в коем случае не нужно делать! – сказал Поль строго.

– Почему?

– Вам сейчас нужен покой. Никаких посторонних мыслей, никаких резких движений, никаких разговоров!.. – он говорил и говорил, умышленно придавая речи монотонность и понимая лишь одно: это должно успокоить и отвлечь больную.

Антуанетте взглянула на него и улыбнулась.

– Вы меня гипнотизируете?

– Что вы, мадмуазель?! Я не владею техникой гипноза.

– У вас такой бархатный голос!

– А у вас прекрасный французский! Если бы я хоть немного умел говорить по-сербски! Я не знаю сербского. Так: здравствуйте,

до свидания, дайте-подайте, принесите-отнесите – и это почти всё...
Трудный язык.

– Это мой родной язык, – сказала Антуанетта. – Он такой красивый, певучий...

Вежливость требовала, чтобы Поль подтвердил это. Тем более что слушать этот язык было и в самом деле приятно. Но он почувствовал, что, пытаясь перевести разговор на достоинства родного языка, девушка, чего доброго, перекинется мыслями к событиям, которые с ней произошли в стране, где на этом языке говорят. Надо было срочно уводить её на французскую почву.

– Во Франции, – сказал он, – мало кто знает сербский.

– Я и русским неплохо владею, – сказала Антуанетта. – Это был мой основной язык, когда училась в Сорбонне.

– А я бывал в России, но так и не выучил ни единого слова! Нет, конечно, пару слов знаю. Мне там очень понравилась опера! Эта страна всё же близка к нашей культуре.

– Конечно. В девятнадцатом веке там многие знали французский! Это считалось хорошим тоном.

– Я непременно выучу ваш язык, но пока что общаюсь с людьми через переводчиков.

– А вы любите Артюра Рембо? – без всякого перехода спросила Антуанетта.

Полью очень это понравилось, поскольку уводило девушку от воспоминаний.

– Конечно, люблю, – сказал он.

Поль задумался, потом тихо стал читать стихи:

*...Она была полураздета,
И со двора нескромный вяз
В окно стучался без ответа
Вблизи от нас, вблизи от нас.*

*На стул высокий сев небрежно,
Она сплетала пальцы рук,
И легкий трепет ножки нежной
Я видел вдруг, я видел вдруг...*

Мне нравятся, но не по душе его образ жизни.

– Вы думаете, он был плохим человеком?

– Я думаю: не очень хорошим, – сказал Поль. – Забросил поэзию и занялся работоторговлей, – мне это, мягко выражаясь, не совсем понятно. Ведь он так и не раскаялся в своём выборе...

Антуанетта оживилась:

– Ну что вы?! Он просто хотел чуда, райского лета в аду. Не получилось. Он долго не мог смириться. Гордыня смущала его дух. Он искал абсолюта и в этих поисках крушил всё – налево и направо.

Поль охотно подхватил тему об экспериментах и новаторстве Артюра Рембо, затем с лёгкостью перескочил на Стефана Малларме, а с него и на божественного Алоизиуса Бертрана. Девушка отвечала тем же: она прекрасно разбиралась во всём этом многообразии имён и стилей – была начитанна.

Странно было то, что они здесь говорили на такие темы. Но Поль понимал: сейчас главное – отвлечь её внимание.

Антуанетта, видимо, почувствовала это и сказала:

– Вы знаете, я очень скучаю по маме. Мне так её не хватает. Вы не могли бы позвонить ей?.. Ах, да, я уже говорила вам, и вы мне сказали...

Поль понял, что снотворное начало действовать.

– Ну что ж, мадмуазель, – сказал он, – мне было очень приятно с вами пообщаться...

– И мне с вами тоже, – еле слышно прошептала Антуанетта.

– А сейчас мне пора идти.

– Я всё понимаю, – сказала девушка. – Идите... Но вы ведь ещё придёте?

– Непременно, – пообещал Поль.

Он дождался, когда глаза у девушки закроются, и вышел из палаты.

Следующий день Антуанетта провела в тревоге и ожидании. Родители не приходили, значит, были заняты похоронами. Ей сказали, что в госпиталь её привезла мать. Доктор с самого утра был в операционной. Палатный врач снова налаживал капельницу. Всё однообразно, монотонно, тоскливо...

Антуанетта пыталась даже приподняться, но делать это ей категорически запретили. Голова закружилась, и к горлу подкатил комок. Она откинулась на подушку и посмотрела в потолок. В глазах

потемнело... Почему-то вспомнились дедушка и бабушка, и она едва сдерживала слёзы.

В голову лезли всякие мысли. Но для неё это было привычным состоянием. Она могла так подолгу разговаривать сама с собой, представляя своих собеседников, возражая им... Вспомнились бандиты, ворвавшиеся в их дом. Настоящие орангутанги... Но ведь это ещё не человеческое общество!..

Антуанетта смотрела на капельки крови, равномерно отрывающиеся от кончика капельницы, и, вдруг вспомнила выражение лица насильника и закрыла глаза, пытаясь заснуть, но тут же из темноты двумя угольками вновь проявились те страшные глаза, и она, испугавшись этого видения, вздрогнула и чуть не вскрикнула.

– Что-то тревожит? – спросил врач.

– Видения всякие...

– Когда закончу капать, введу реланиум...

– Что это?

– Снотворное... Тебе полезно...

– Не нужно. Ко мне должны прийти...

– Надо...

– А знаете: меня в детстве называли Катастрофой.

– Катастрофой? Почему?

– Со мной всегда что-то происходило. Так что я вам спокойного дежурства не обещаю!

– Ничего. Я постараюсь выдержать...

– Но вы не переживайте! Я всегда остаюсь целёхонькой. Жаль только, близкие страдают...

– Вот и нужно их жалеть!

Было около четырёх, когда в палату зашёл профессор. Он присел у её кровати.

– Устали? – спросила его девушка.

– Немного есть...

– Пошли бы отдохнуть.

– Вот посижу и отдохну.

– Тогда сидите и ничего не говорите! Я с вами поговорю мысленно.

Антуанетта смотрела на уставшее лицо доктора и думала: «Красивый...».

– Тяжёлая операция?

– Тяжёлая...
– Сколько горя вокруг!
– Много... Не научились мы слушать и слышать друг друга!
– Это так! – Антуанетта посмотрела на доктора. – Мир сошёл с ума! Моих прапрадедов убили в Турции только за то, что они были армянами... Другие стали дымом в фашистских концлагерях. Они были евреями...

Лежар встал.

– Вам не стоит об этом думать! Нужно сначала выздороветь. Думайте о чём-нибудь хорошем!

– Не могу...

– Через «немогу»! Я должен вас покинуть. Нужно взглянуть на послеоперационную больницу. Я ещё обязательно приду...

– Спасибо, доктор...

5. Наступил вечер. Потемнело небо, деляя окна зеркальными. Ни родителей, ни доктора ещё не было, и Антуанетта снова попыталась закрыть глаза и подремать, но в тот же миг появилась физиономия насильника. Теперь она не стала противиться встрече с ним. Ей хотелось всё ему высказать.

– Ну, и чего ты этим добился, урод? – спросила его Антуанетта. – Убил людей, сжёг их добро. Что это тебе дало?

– А ты не дави на психику! Мне твоё мнение до одного места! А чего добились ваши, когда уничтожили мой посёлок? Вырезали всех: и стариков, и детей! Вот пусть и знают, что это так просто им с рук не сойдёт!

– Так что: око за око? Разве можно так добиться мира?

– Может, и нет. Но мы не мира ищем, а пусть нам отдадут землю, на которой живём. Разве это не справедливо?

– В священных книгах сказано, что прежде чем сделать добро, нужно хорошо подумать, какой гадостью тебе за то добро оплатят. Разве не так поступил твой народ с сербами?

– О каком добре ты говоришь? Ты просто не хочешь ничего видеть! Вот и получила! Турки пришли на земли Армении, а потом изгнали их. Многих просто убили. Твои предки это ощутили на своей шкуре. Разве забыла?

– Ничего я не забыла!

– Такое было всегда! Разве Рим или Вавилон не завоёвывали

земли иудеев? Не изгоняли из их земель? Таковы законы жизни!

– Тогда и вас когда-нибудь изгонят!

– Может быть... Но пока мы сильны и нас поддерживает ваш дурацкий миф о демократии. Получайте то, что заслужили...

Это был какой-то умный орангутанг: знал учёные слова и изъяснялся несвойственным ему образом. Антуанетта подумала: наверно, так не бывает, это был не он, а кто-то другой, очень хитрый и умный, кто представлял его интересы, надел лишь его маску...

В темноте вместо него вдруг возник худощавый старик в чёрном одеянии, с капюшоном. Большой крест на толстой цепи висел у него на груди.

– Кто вы? – спросила Антуанетта. – Я вас не знаю. У вас маска или настоящее лицо?

Человек ответил:

– Можешь мне поверить: у меня настоящее лицо и мысли мои тоже настоящие.

Антуанетта, тщательно всмотревшись в этого человека, увидела в нём черты дедушки Мишеля. Она старалась лучше разглядеть этого старика. Потом сказала:

– Я верю...

– Ну и правильно делаешь! Когда-то, много лет назад, мы с твоими предками пережили то, что тебе довелось недавно пережить самой. Только тогда всё было намного страшнее. Не потому, что твоё горе мне кажется малозначимым. Нет! Просто потому, что тысячи и тысячи людей разделили страшную судьбу, а гонителей и убийц никто не останавливал, они никого не боялись и вершили свои злодеяния с молчаливого попустительства властей. Они были предвестниками грядущего кровавого века...

Антуанетта услышала рядом с собой шёпот:

– А ты скажи этому французу: мало ли что он рекомендует?! И причём здесь я?

– Я ему так не скажу, – огрызнулась Антуанетта, даже не поворачивая головы в ту сторону, чтобы узнать, от кого исходил голос.

– Смотри, как знаешь...

Вдруг в руках у старца появилась деревянная палочка-дудка.

– Что это? – спросила Антуанетта.

– Зурна! Вай, разве ты не знаешь нашего прекрасного инструмента? Его тембр ни с чем нельзя перепутать! Зурна звучит на

свадьбах и похоронах. Это – замечательный инструмент! Ты это должна знать, ведь в тебе течёт и армянская кровь!

Старец вдруг запел, иногда подыгрывая себе на этой волшебной палочке. Он пел песнь, сложенную через много лет после его смерти Ованесом Ширазом. Откуда он знал эти слова, Антуанетта так и не поняла. И откуда она сама знала про Ованеса Ширазу – ей тоже было неизвестно. Однако она слышала каждое слово этих стихов, каждую ноту той мелодии.

*Когда стою, не отрывая глаз
от этой церкви рухнувшей старинной,
я думаю: алмаз – всегда алмаз,
руины храма – храм, а не руины,
пускай остались лишь куски колонн,
а храм людьми и временем спалён...
Таков и мой народ. В иные сроки
под стать Звартноцу он стоял, высокий.
Но время шло, и старились миры –
он в сколок превратился из горы.
Бессмертный из бессмертных, этот сколок
крушил мечи, и век его был долог.
Однако на бесчисленных кострах
он всё равно бы обратился в прах,
когда б – живой водою из колодца –
не письмена великого Маштоца:
как жемчуг из-под вражеских копыт –
враг не сожжёт его, не раздробит.
Всегда и всюду тридцать шесть богов
спасут армян от смерти и оков.*

Антуанетта слушала, очарованная его бархатным баритоном, и старик уже не казался таким старым и худым.

– И где же эти ваши тридцать шесть богов? Почему же они не спасли ваш народ?

– Как не спасли?! Спасли! А боги эти – тридцать шесть букв нашего алфавита, созданного Месропом Маштоцем. Пока сохранена речь, пока звучат народные мелодии – наш народ будет жить, несмотря на все происки врагов наших...

Поздно вечером Катрин пришла к дочери в госпиталь. Постаревшая от горя, с серым от усталости и бессонных ночей лицом, в чёрном платье. Волосы перевязаны чёрной лентой.

Увидев мать, Антуанетта заплакала. Ей было жалко бабушку и дедушку, и она понимала, что пришлось пережить родителям. Но на вопрос дочери, где же отец и как он всё это перенёс, Катрин просто склонила голову и расплакалась. Она не могла больше утаивать от дочери правду.

– Нет у нас больше папы, – сказала Катрин, захлёбываясь слезами.

– Что значит нет? – не поняла Антуанетта.

– Его убили...

– За что?!

– Не знаю. Наверно, за правду. Здесь правду не любят! Впрочем, её нигде не любят!

В палату вошёл Лежар. Он всё понял. Вызвал медицинскую сестру и попросил сделать больной и посетительнице инъекции.

– Ах, как некстати, мадам, вы сказали это дочери. Зачем это было делать сейчас? Она ведь ещё очень слаба...

– Я не могла больше от неё скрывать, – говорила Катрин, вытирая глаза платком. – Простите меня...

Когда Антуанетта уснула, Поль Лежар пригласил Катрин в свой кабинет.

– Теперь она будет спать до утра. Пойдёмте, я вас угощу кофе... Вы очень устали.

Поль бережно усадил Катрин в кресло у небольшого журнального столика. Одним махом убрал какие-то бумаги, говоря:

– Мадам, трудно передать, как мне больно, когда я думаю, что вам пришлось пережить. Но вы – сильная женщина! Вы – молодец. Я восторгаюсь вами...

– А что мне остаётся делать? Скажите, у вас нет чего-нибудь выпить?

– Почему же?! Одну минуту!

Поль поставил на столик бутылку «Наполеона», разлил коньяк.

– Пусть земля им будет пухом, так, кажется, говорят у вас по

такому случаю?

– Пусть земля им будет пухом... – эхом отозвалась Катрин.

– Вы знаете, мы с вами знакомы совсем немного, но вы мне уже стали близкими людьми.

– Это оттого, что вам здесь даже не с кем поговорить по-французски...

– Нет. Не только... Меня потрясло ваше горе, всё, что произошло с вашими близкими.

– Сопереживаете?

– Напрасно вы обижаетесь, мадам. Сопереживание – важное качество врача. Но мне, действительно, обидно и больно, и я хотел бы вам быть чем-нибудь полезным.

– О чём вы говорите? Вы спасаете мою дочь! Это всё, что у меня осталось!

– Расскажите мне о ней, если можно.

Поль включил чайник, поставил чашечки, печенье, банку растворимого кофе.

– Пардон, мадам. Сам не люблю растворимый кофе. Но в этих условиях другим угостить не могу...

– Не стоит беспокоиться. Спасибо...

– Так, расскажите мне, мадам, о своей дочери! – повторил просьбу Поль.

– А что рассказать? Нечего особенно и рассказывать. Родилась она здесь в семьдесят седьмом. В детстве была весёлой... подвижной... Дружила больше с мальчишками. У неё даже кукол не было. Бегала, лазала по деревьям, играла в футбол... Когда стала постарше, увлеклась литературой, искусством. Много читала... У нас с мужем никогда с дочерью не было проблем. Жизнь журналиста – она, знаете, какая? Мотались по городам и странам и спокойно оставляли нашу девочку. Она была вполне самостоятельным ребёнком. Сама приготовит себе завтрак, уберёт в квартире...

– Она, наверное, часто навещала бабушку и дедушку?

– Конечно! Там она проводила каникулы. Родители мужа были интересными людьми. Они много дали ей... А моя мама живёт в Париже. Кстати, она была тоже врачом. Но теперь старенькая уже... А когда Антуанетта окончила школу, поступила в Сорбонну, то все студенческие годы провела в Париже.

– Ваша дочь прекрасно знает французскую литературу...

Поль снова наполнил рюмки.

– Выпейте! Коньяк снимает напряжение...

– Спасибо... Вы знаете: всё как будто происходит не со мной.

– Не нужно об этом думать... Поверьте, эти разбойники своё получают! Их всё равно найдут и накажут! Ведь основные ценности Европы базируются на праве, законе...

– А что делало НАТО? Это тоже по закону?!

– Конечно, вы правы, мадам... Но как можно думать иначе? В этом смысле я – диссидент. Если можно, расскажите мне ещё что-нибудь о вашей дочери!

– Вас она интересует как пациентка? – спросила Катрин и пристально посмотрела на Поля.

– Не буду скрывать. Она мне очень нравится! Так после Сорбонны она вернулась в Белград и стала работать в вашей газете?

– Да... Только я настояла, чтобы она не занималась политической. Культура – её призвание.

– А она согласилась?

– Пока не поняла. Антуанетта – девушка непростая. Если поставила перед собой цель – обязательно её добьётся. Сейчас она пытается разобраться в своих корнях.

– Вы знаете, мадам, мне кажется, это здорово! Одно время я тоже пытался покопаться в своей родословной. Только, трудное это дело. Но даже то, что накопал, мне показалось очень необычным.

– И что же необычного вы там накопили?

– Мой пра пра... не знаю, сколько раз прадед вместе с герцогом Ришелье и другими энтузиастами были в России. Строили Одессу. Тогда там было много французов. Мой предок был медиком и строил больницу.

Там и познакомился он с моей пра пра, не знаю сколько раз, прабабкой, кстати, еврейкой по национальности. Но кто тогда на это обращал внимание?! Предок был католиком, а она – иудейкой, и это было основным препятствием. Тогда прапрабабка приняла католичество, и их брачный союз освятили в местном костёле.

– Как интересно! А у нас в крови тоже коктейль. Намешано столько, что вы и не поверите! Мои, как вы говорите, прародители по отцовской линии были армянами. Пережили геноцид и ужасы начала века. Мою прапрабабку спас немецкий журналист. Он женился на ней и чудом вывез из Турции. Мой отец женился на

еврейке. Так в этом коктейле появилась и еврейская кровь. Мама до сих пор жива. Когда меня послали сюда, я встретила своего будущего мужа – серба. Так в крови у Антуанетты появилась и славянская кровь. Вот теперь разберитесь, месье, кто мы по национальности?!

– Вы – те, кем себя ощущаете! Но мне всегда были непонятны эти истерики относительно чистоты крови и всякая иная дурь! Кстати, я где-то читал, что потомки иудея барона Шафирова породнились с представителями самых аристократических семей России: Рюриковичами. От них пошли и князь Гагарин, и фельдмаршал Голицын, Долгоруков и Головин... Кстати, среди его потомков были Витте и Вяземский, Екатерина Карамзина и Михаил Лермонтов по линии своей бабки Арсеньевой. Убийца Распутина князь Юсупов – также прямой потомок Шафирова. А ещё князь Трубецкой, граф Строганов, писатель Алексей Толстой...

– Не ожидала! Вы прекрасно знаете русскую историю!

– Что вы, мадам! Не историю. Когда я был в России, искал в архивах свои корни... Но, должен сказать, я никогда не стеснялся того, что когда-то мой предок полюбил еврейку и женился на ней! Среди потомков еврейских аристократов, принявших католичество – Сервантес и Монтень, Франко, Тито и даже Фидель Кастро. В нынешней Испании считается огромной честью вести свой род от тех марранов: ведь это значит, что роду твоему больше пятисот лет!

Катрин вдруг замолчала. Потом, подняв взгляд на Поля, грустно сказала:

– Очень волнуюсь за дочь.

– Я же сказал, что всё у неё нормально. Она сейчас будет спать до утра. Если хотите, я вас подвезу домой.

– Спасибо. Меня ждёт машина и мой верный Санчо Пансо.

Поль проводил Катрин к выходу из отделения.

Сладкие сны обладают одним неприятным свойством. Их сладость рано или поздно уходит, и наступает неизбежное разочарование. Человек, которому в жизни и без того хорошо, редко видит такие сны. Вода будет снится тому, кто страдает от жажды; горы вкусной еды явятся во сне голодному... Вряд ли тому, у кого есть вода, приснится, как он судорожными глотками отхлёбывает из родника драгоценную влагу и как она потом блаженно разливается

по всему телу. А сытому разве приснится гора дымящихся бифштексов? Нет, конечно. Они ему и так надоели... Только тому, кто в пустыне погибает от жажды или в концлагере от голода, такое и приснится...

А Антуанетте снились отец и мать, дедушка и бабушка. И снились не в туманной дымке, а ясно и чётко.

Они оказались на даче. Взрослые сидят все вместе на коврике под развесистым тенистым деревом, а Антуанетта пребывает ещё в таком юном возрасте, когда не сидится на месте, а хочется скакать на прыгалке или баловаться с мячиком, что она и делает... И всё хорошо, и никто не нарушает их покой, и кажется, что так будет продолжаться бесконечно...

Проснулась она в одиннадцать. Пробуждение было медленным и сладким. Сны уже прошли, а ощущение счастья никак не проходило. Антуанетта, улыбаясь, всё смотрела на больничную палату...

– Ну, вот ты и проснулась, – сказал чей-то женский голос. – Сейчас я тебе сделаю ещё укол.

Уколов Антуанетта не боялась, голос медсестры был приятным, и всё же что-то такое прозвучало в её словах, что возвращало в реальность. И она сразу поняла: всё приятное было сном, а всё неприятное – это и есть действительность. Отца нет, бабушки с дедушкой – тоже. Было, правда, что-то ещё, но она никак не могла припомнить, что же это...

Медсестра сделала укол, и некоторое время Антуанетта лежала бездумно и смотрела в потолок. Мамы не было. Она, наверно, занята, иначе бы уже давно была здесь. Вставать не разрешали.

Утренний сон унёс и ощущение счастья, а действительность ничего, кроме ощущения безысходности, не принесла. Ей не хотелось ни о чём думать, ни о чём вспоминать.

Состояние, когда человек часами лежит с открытыми глазами, не спит, но и не бодрствует, иногда бывает спасительным. Так он защищается от чего-то очень плохого... Вот и она лежала, уже не больная, но ещё и не здоровая.

И только после четырёх в палату вошёл Поль. Весь день Антуанетта о нём и не думала. А тут глянула на него и сразу же вспомнила.

Поль присел возле неё и после расспросов о здоровье стал

рассказывать о своих делах. Антуанетта была рада, что доктор рядом и может хоть как-то перевести дух...

Женщинам не всегда бывает важно то, что им говорят. Гораздо важнее, как им это говорят или как они это сами воспринимают. Сейчас у Антуанетты было ощущение, что доктор рассказывает о своих делах, а она слушает его и каким-то образом участвует в них, помогая советом или добрым словом. Антуанетта спросила о больной, которую он оперировал.

– Операция прошла успешно, но это лишь половина дела, – ответил Поль. – Теперь нужно выходить! Сегодня останусь... Посплю в кабинете.

– Но вы же устали! – удивилась Антуанетта. – Вы весь день работали, а теперь ещё и на ночь останетесь!

Поль возразил:

– Я надеюсь, что мне удастся отдохнуть.

На следующее утро Катрин пришла в больницу лишь к одиннадцати. Приняв с вечера снотворного, она не смогла вовремя проснуться.

В отделении медсестра, торопившаяся по своим делам, сказала Катрин, что профессор на операции и освободится не раньше трёх. В палату к Антуанетте её не пустили. Вышел седой доктор и отвёл Катрин от двери палаты.

– Сейчас туда нельзя!

– Что-нибудь случилось?

– Ничего не случилось! Проводим прямое переливание крови.

– Это как?

– Обычно переливают кровь из ампулы. А здесь прямо от донора – больному...

– Зачем это?

– Эффективность выше...

– А что с дочкой?

– Это ты у профессора спросишь. Он взял над ней шефство. Но вот что я подумал: один албанец её убивал, а другой даёт кровь, чтобы спасти! Как всё перепуталось!

– Какой албанец? – не поняла Катрин.

– Донором для твоей дочери – наш доктор – албанец.

До Катрин, оглушённой недавними событиями, все эти тонкости сейчас не доходили: особое переливание крови, профессор, взявший шефство над её дочерью, албанец... Её состояние напоминало то, что было бóльшую часть минувшего дня у её дочери: когда человек вроде бы и не спит, но как бы и не бодрствует. Только дочка лежала в палате с открытыми глазами, а мать ходила, что-то делала, с кем-то о чём-то договаривалась и вообще производила впечатление энергичной женщины.

Спросила:

– Так когда мне прийти?

– Приходи к трём...

Катрин вышла к машине.

Они ехали по городу, и Катрин не различала того, что проносилось за окном. Какая-то размытая акварель. На минуту она удивилась перемене, которая у неё произошла со зрением. В изумлении оглянулась на водителя: Миролуб был чётким. Перевела взгляд на улицу. А там опять – расплывчатость... Подумала: «Мир нереален. Я и то, что рядом со мной – только и есть настоящее, а всё остальное – сон какой-то...» Она попыталась вспомнить, у кого из философов она про это читала, но так и не вспомнила. Почему-то страшно захотелось спать...

Дома Катрин зашла в кабинет Владко. После того трагического дня она сюда ещё ни разу не заходила. Приглашённая женщина отмыла кровь на полу, на стёклах, на столе...

Здесь всё было, как всегда. Рядом с принтером – стопка отпечатанных листков – очередная статья Владко. Всегда неугомонный, Владко трубил, бил в колокола, что-то требовал... пока ему не перерезали горло... Нужно посмотреть эту статью, дописать! Пусть продолжает звонить его колокол...

Катрин прошла в комнату и прилегла на диване. Её знобило...

Незаметно уснула.

Так бывает: прикорнёшь на полчаса, а за это время перед тобой пройдут картины нескольких лет. И можно их увидеть так ярко, так чётко, что начинаешь сомневаться, не происходят ли они наяву?

А пока она спала, события, воскресшие в её мозгу, разворачивались с ощущением полной реальности происходящего. Спала

она или нет, знала ли о них или нет – всё это не имело значения. Эти картины существовали в её мозгу, пробуждая Прошрое и Будущее. На самом деле ничто никуда не уходит, всё существует одновременно здесь и сейчас. Просто не всем дано это понять...

6. Стамбул. 22 апреля 1915 года, 16 часов 15 минут. Пестрели яркие цветы, освещённые тёплыми лучами солнца. В саду отцвели яблони. Бледно-розовые лепестки покрыли землю. Утреннее пенье птиц, встречающих новый день, создавало весёлый весенний шум, и лёгкий ветерок разносил пьянящий аромат. В такое время как не петь о любви? Как не любить? Как не радоваться жизни?

Сегодня вечером в дом издателя Микаэла Кечана должны были прийти близкие друзья, чтобы отметить большое событие. Шутка ли сказать: вышел сборник народных песен, собранных Комитасом. С самого утра жена Микаэла, жгуче-чёрная Нунэ, с дочерью Ануш возилась, готовясь к встрече гостей. Готовили суп на мясном бульоне с лапшой – обязательное блюдо любого застолья. Для этого Нунэ специально попросила мужа купить у соседа тушку молодого барашка. Не часто у них в доме бывали такие уважаемые гости!

Ануш мыла зелень, помогала готовить кюфта из бараньего фарша. Поставила на стол блюдо с зеленью, сыром, круглыми лепешками, посыпанными семенами кунжута. И, конечно, сласти! Пахлава, всевозможные пудинги и фаршированные персики, свежие фрукты...

На стол поставили графин раки, анатолийское вино «Дикмен»...

К семи вечера собрались гости.

Женщины неназойливо прислуживали гостям, и очень скоро все насытились, были в лёгком подпитии, и, как это часто бывает, сама собой возникла беседа. Говорили о трудностях жизни, народных напевах, преданиях, которые отдельным сборником издал хозяин гостеприимного дома.

Во главе стола на самом почётном месте сидел архимандрит Комитас.

Высокий, с большими жилистыми руками и длинными нервными пальцами, он с интересом слушал друзей. Беседа

крутилась вокруг тяжёлого положения христианского населения в стране и последних решений о депортации армян с восточных приграничных районов.

Большой лысый лоб, выразительная борода и усы свидетельствовали о мудрости этого человека, и стоило ему заговорить, как все умолкали, слушая Вардапета. Густые мохнатые брови и большие чёрные глаза, тихий бархатный голос завораживали всех, кто его слушал. Говорил он простые понятные слова, но слушателям они казались откровением потому, что в них была неподдельная заинтересованность и доброта, глубокое знание предмета и вера в свой народ.

Обычно Комитас носил чёрные одежды архимандрита. Правда, много лет назад, когда выступал в Европе, он выглядел модным светским львом. На нём была тёмно-синяя короткая бархатная куртка, белая шёлковая сорочка с большим высоким воротником, отделанным нежными кружевами и пышный синий галстук-бабочка.

Но сегодня к своему издателю он пришёл в обычных чёрных одеждах. На груди висел большой серебряный крест на толстой цепи, а голову прикрывала чёрная шапочка.

Он расстегнул две пуговицы воротника своей чёрной рубахи и, раскрасневшись от выпитого, посмотрел вокруг.

– Недавно я сочинил новую песню, – сказал он. – Вот, послушайте!

Все умолкли. Комитас говорил о своём древнем, талантливом и мудром народе.

Потом Вардапет запел, и голос его, густой бархатный баритон, полетел куда-то ввысь, к Богу.

*И вновь сегодня на твоё чело спустилась ночь,
Сверкая молнией и громом устрашая,
Как будто гонишь от себя меня ты прочь,
И сердце рвёшь моё, и душу обжигашь!*

*Любимая, ты с добрым сердцем мне явись!
Достигнет цели твой корабль несокрушимый!
Живи ты праведно, от гнева воздержись!
Вперед и вдаль плыви, – и ты непобедима! –*

Во дворе, в тени виноградной лозы, за столом сидели самые близкие друзья хозяина. Врач Торгомян – высокий, плотный красавец с рыжеватыми, отливающими медью волосами. Аккуратно подстриженная борода и усы, выразительный нос и небесного цвета добрые глаза.

Потомственный врач, он пользовался авторитетом у жителей этих мест, всегда был готов прийти на помощь любому, кто в нём нуждался. Когда-то он изучал медицину в Германии и Франции, достиг высокого мастерства в хирургии и даже публиковал статьи в немецком медицинском журнале.

В самом центре Стамбула, в трёхэтажном здании располагалась клиника, пользующаяся большой популярностью у местных жителей. Там Ашот Торгомян и работал. Но жить предпочитал на окраине города, среди своих соплеменников, родных и друзей. Именно здесь он, как песню, слушал армянскую речь, которую любил, и не упускал случая поговорить на родном языке. К сожалению, везде говорили лишь на турецком. На улице, в школе, на работе – только турецкий, и ему иной раз казалось, что он стал забывать родной язык. В свободное время он приходил в дом Кечанов, где громко звучала армянская речь, и его охватывали восторг и воспоминания о далёком детстве в отчем доме...

Сегодня Ашот Торгомян пришёл к своему другу, потому что знал, что у него будет великий Комитас. Собиратель народных сказаний и песен, священник, композитор и дирижёр, он пользовался известностью не только в Турции, но и в Европе.

Сидя за столом, Торгомян почтительно слушал, что говорил столь уважаемый человек. Ведь каждое его слово, каждая мысль были понятны ему, заставляли гордиться своим народом, его талантом!

– К сожалению, уважаемый Микаэл-джан, наш народ плохо знает не только свою историю, своих героев, но и забывает свой прекрасный язык, свои песни... Этого нельзя допустить! Именно поэтому я стал собирать народные мелодии, изучать старинные сказания. А сколько в них мудрости, сколько печали в этих напевах! Если народ забудет свой язык, он исчезнет с лица земли... Когда я был в Берлине, многие с восторгом слушали наши мелодии! Тогда же мой профессор в консерватории Рихард Шмидт и предложил мне

собрать и издать народные песни. Спасибо тебе, Микаэл-бей! Я счастлив, что мы всё же смогли это сделать!..

Рядом за столом, широко расставив ноги, сидел Крикор Адамян, невысокий полный мужчина, страдающий отдышкой. Болезненное его лицо свидетельствовало о чрезмерном чревоугодии и злоупотреблении горячительными напитками. При этом пышные усы почти скрывали толстые, всегда влажные губы. Неужоженная чёрная борода создавала впечатление, что человек этот нечистоплотен. Но то было ложное впечатление.

Крикор Адамян был весельчак и балагур. Он прекрасно играл на зурне, и ни одно застолье, ни одно торжество не проходили без него. За долгие годы игры на духовом инструменте у Киркора развилась эмфизема лёгких, но это ничуть не ухудшило его настроения. Он продолжал радовать друзей своим искусством, рассказывал забавные истории, которые с ним то и дело приключались, и при этом сам первый громко смеялся, внося атмосферу праздника и радости.

На Комитаса он смотрел как на Бога. Это он ему напел несколько народных мелодий, которые пользовались неизменным успехом у местных жителей. Когда же он заводил рвущий душу мотив, в котором передавался плач сына, потерявшего мать, – все, кто его слушал, плакали.

Крикор был хорошим музыкантом, и сейчас, когда он начал играть, Вардапет, положив руку на его плечо, подпевал ему, смешно вытягивая шею и смотря в сереющее небо.

*День-деньской
Держи фонарь зажжённым,
О жизни пой!..
Как мысли светоч –
Та песнь необходима!
Держи фонарь неугасаемым,
Как сердца струны,
Пусть они звучат!
О, мой народ!
Ты, как Христос, распят!..*

Худощавый Комитас был полной противоположностью Крикору Адамяну. Часто грустный и задумчивый, он говорил тихо и неторопливо, зная, что его услышат. Его горящие глаза, чувственные губы, аккуратные усы и короткая борода делали лицо необыкновенно мужественным. На самом же деле это был ранимый человек, привыкший чужую боль воспринимать, как свою.

Везде, где только появлялся Комитас, вокруг него собирались люди, и он уже привык, что к нему относятся, как к Учителю. Он сам много учился и считал своим долгом нести свет знаний в народ.

– Дорогой Вардапет, – почтительно обратился к нему хозяин дома, – как обстоит дело с вашей оперой «Ануш»? Мы все с таким нетерпением ждём её! Я буду счастлив издать её партитуру. Это должно быть прекрасное сочинение, как и всё, что вы делаете!

– Увы, Микаэл-джан! Увы! Сейчас много работы с хором «Гусан». К тому же я не так давно написал «Патараг» – «Литургию». В последнее время в моём сердце большая тревога не только за культуру нашего народа, но за само его выживание! Именно потому меня больше увлекает духовная музыка... Да и ездить с лекциями приходится много. Но, надеюсь, всё же оперу, даст Бог, закончу...

– У вас всё получится, дорогой Комитас! А уж если говорить о духовной музыке, то мне очень нравятся все ваши произведения! Народу нашему нужна и духовная, и светская музыка...

Комитас имел духовный сан, был хорошо образован, знал не только армянские, но и курдские, турецкие, персидские народные песни, которые постоянно собирал, обрабатывал и исполнял. Его искусством восхищались не только здесь, но и в Европе.

Это был далёкий от политики человек, но, видя, как страдает его народ, страдал и молился за него.

Тревога, о которой говорил Комитас, охватила всех, сидящих за столом.

– Вардапет! – обратился к Комитасу Микаэл Кечан. – Что это вы всё о грустном да о грустном?! Сегодня мы собрались, чтобы отметить знаменательный день! Сегодня вышел в свет ваш сборник народных песнопений! Это событие! Нас не будет, а собранные вами, дорогой Вардапет, песни народ будет петь! И за это, мне кажется, надо выпить! Правильно я говорю?

– Совершенно правильно, дорогой Микаэл! – поддержал его Крикор.

Справа от хозяина дома сидел мужчина тридцати лет в светлом европейском костюме. Это был Генрих Рунге, немецкий журналист, владелец влиятельной в Кёльне газеты. Вот уже несколько месяцев он жил в Стамбуле, открыл здесь корреспондентский пункт и подружился с Кечаном. Они договорились, что турецкая версия газеты будет печататься в его типографии. С некоторых пор он стал частым гостем дома издателя. Здесь произрастал цветок необыкновенной красоты и нежности по имени Ануш. Девушка была младшей дочерью Микаэла Кечана и только недавно окончила школу. Воспитанная в традиции Востока, она помогала матери прислуживать гостям и молча слушала, что говорят мужчины.

– Разве вы, дорогие мои, – сказал Вардапет, – не чувствуете в воздухе грозы? С каждым днём тревога в моей душе нарастает. Что-то грядёт... В мире льётся кровь. Здесь – грызня за власть. Как шакалы, они готовы перегрызть горло всем, кто будет мешать им получить эту власть! А жизнь становится всё тяжелее и тяжелее. Это плохое предзнаменование. Всегда в таких случаях искали виноватых! И такими всегда оказывались мы – армяне! Ведь как хорошо свалить все грехи свои на кого-нибудь другого!

– Истину говоришь, уважаемый Комитас! В клинике, где я работаю, армянских сотрудников предупредили, что все они будут уволены, – сказал Ашот Торгомян.

– И что же будет?

– Не знаю. Никто ничего не говорит... Больных много. Кто их будет лечить? В клинике пять врачей, двое из них – армяне. Если они уйдут, что сделают трое?!

Генрих Рунге считал, что ему неудобно вмешиваться в разговор старших. Но, когда речь зашла о политике, он счёл возможным высказать и своё мнение:

– Мне кажется, нужно уезжать из страны и переждать смутные времена подальше от Турции. Правительство настроено резко против армянского населения, тем более что и формальные основания у него есть. Многие армяне симпатизируют русским, с которыми идёт война.

– Как же им не симпатизировать, если единственные, кто может за нас заступиться, это русские?! К тому же эти дикость, погромы, страдания женщин и детей!.. Наш народ, кажется, проклят Богом! За что ему столько горя?!

Киркор не привык рассуждать на серьёзные темы, но здесь, ему казалось, он не имел права молчать.

– Ну что ж, – кивнул Вардапет. – Никого, к сожалению, история не учит...

Дом Кечанов, расположенный в пригороде Стамбула, стоял в глубине сада, – строение, мало отличающееся от стоящих неподалёку: ровные оштукатуренные стены, плоская крыша, представляющая собой зону отдыха. Здесь на специальной шпалере тянулись к солнцу виноградные лозы и хозяин часто в плетёном кресле наслаждался вечерней прохладой...

Хозяин дал знак нести чай и сласти.

Генрих далеко не всё понимал, о чём говорят за столом. Он плохо знал турецкий и, тем более, армянский и говорил на родном ему немецком. Но все сидящие за столом его хорошо понимали, так как немецкий язык в Турции весьма популярен.

– Как прекрасен сегодняшний вечер, – сказал он и улыбнулся Вардапету. – Я искренне желаю вам успехов в вашем благородном деле. Говоря о народе, всегда, мне кажется, следует иметь в виду не только его богатую историю, но, что особенно важно, его будущее. А будущее вашего народа прекрасно, коль у него есть такие люди, как вы, уважаемый Комитас. За вас! Будьте здоровы!

Он поднял бокал и выпил.

В это время кто-то сильно стал стучать в ворота. Так стучать могли только жандармы. Микаэл Кечан побледнел и грустно оглядел присутствующих. Потом неспешно направился отпирать ворота, а в это время Генрих схватил за руку красавицу Ануш и увёл её в дальний край двора к служебным постройкам.

– Сиди тихо, а лучше спустись в подвал! – сказал он по-немецки, легонько подтолкнул девушку в сарай и запер дверь на замок.

Во двор вошли трое жандармов.

– Кечан? – спросил старший.

– Да, Микаэл Кечан, мой господин, – ответил Микаэл.

– Собирайтесь! И все ваши гости – пройдем в участок. Таков приказ!

– Но в чём дело? Кечан – уважаемый человек, издатель... А это – Вардапет, духовное лицо... – начал было Киркор Адамян, но, получив удар кулаком в лицо, пошатнулся и упал на землю.

– Как вы смеете? – возмутился Ашот Торгомян. – Здесь собрались уважаемые люди.

– Уважаемые люди?! – насмешливо спросил жандарм помоложе и направил на него штык винтовки.

– Может, не стоит их дразнить? – спросил Комитас. – Пойдёмте в участок. Там всё выяснится.

– В чём, собственно, их обвиняют? – спросил Генрих.

– А ты кто такой? Собирайся! Все собирайтесь! Все, кто в доме!

Генрих Рунге достал документ и, протягивая его старшему жандарму, сказал:

– Я – немецкий журналист. Вот мои документы. Что конкретно вы имеете против них?

– Я не знаю. Мне было приказано арестовать этих заговорщиков. К нам поступил сигнал, что здесь готовится заговор против империи. Мне приказали доставить всех, кто будет в доме! – ответил старший жандарм, возвращая Генриху документы.

В это время Нунэ стала ругаться с молодым жандармом, который вошёл в помещение, пытаясь убедиться в том, что никого больше в доме нет. Когда же Нунэ стала кричать на него, он со всего маху ударил её и столкнул с невысокой лестницы во двор.

- Больше никого нет, – сказал он старшему жандарму.
- Выходите! И не думайте бежать! Буду стрелять!
- Я буду жаловаться, – заявил Генрих.
- Это ваше право. Нам приказали...

Они вывели несчастных со двора и повели в жандармерию.

Генрих пошёл с ними, стараясь успокоить взволнованных людей. «Понятно, что идёт война, – думал Генрих. – Понятно, что турки не доверяют армянам, считая их врагами. Но в чём виновны эти люди? Разве они – враги Османской империи?! Их вина лишь в том, что они – армяне! Их не защищает государство ни от бандитов, ни от произвола чиновников... словно воскресли чёрные дни Тамерлана. Полное отсутствие правосудия... К кому идти? У кого просить защиты?»

Генрих думал о том, как спасти несчастных. Он надеялся на свои связи и на статус немецкого корреспондента.

Терпящие на фронтах поражение, младотурки с маниакальным упорством торопились полностью решить «армянский вопрос». Решение об истреблении армян было принято в ЦК партии Иттихад. Разоружение армян шло полным ходом. В Алашкертской долине отряды турецких и курдских чётников вырезали армянские деревни. Недалеко от Смирны перебили призванных в армию армян и греков. А теперь началась депортация армянского населения.

Формально турецкое правительство объясняло свои действия военной необходимостью. Имелась в виду депортация армянского населения из приграничных с Россией мест в глубь страны, в центральную Анатолию. Но при этом чиновники смотрели сквозь пальцы на грабежи и массовые убийства христианского населения.

В первых числах апреля резня продолжилась в армянских и ассирийских деревнях Ванского вилайета. В середине апреля в город Ван стали прибывать беженцы из окрестных сёл, сообщая о происходящих там кошмарах. Приглашённую на переговоры с администрацией вилайета армянскую делегацию перебили. Узнав об этом, армяне приняли решение защищаться. В ответ турецкие войска и отряды курдов осадили город, но все попытки сломить сопротивление закончились ничем.

А в Стамбуле начались массовые аресты предпринимателей, политиков, религиозных деятелей, педагогов и журналистов. Многих

из них убили в тюрьмах и по дороге в ссылку. Аресты и уничтожение армянских лидеров проводилось по всей стране.

Во дворе жандармерии уже стояли, сидели, лежали на земле люди. Некоторые были жестоко избиты. Другие, обезумевшие от произвола, пытались ещё доказать свою непричастность к заговорщикам.

– Уважаемый господин жандарм, – уговаривал свирепого вида мужчину седой человек. – Я – предприниматель. У меня дело стоит. А я снабжаю армию... да, да, нашу турецкую армию... Позвольте...

Он направился к жандарму, но тут же получил удар плетью и отлетел к деревянному забору, застонав в бессильном отчаянии.

– За что? Я же только хотел сказать...

Новый удар заставил его замолчать и закрыть голову руками. Он сел на землю и заплакал...

Седой старик интеллигентного вида перекрестился и тихо забормотал молитву. Рядом с ним стоял мужчина с окровавленным лицом. Он прислонился к забору и покорно ждал решения своей судьбы.

Женщин во дворе не было. Их уводили в соседний двор, оттуда слышались крики и плач детей.

Когда во двор жандармерии ввели Комитаса и его друзей, все находящиеся во дворе смотрели на них с ужасом. Кто бы мог подумать, что сюда могут привести священнослужителя!

Старший жандарм приказал арестованным, чтобы они ждали во дворе, а сам вошёл в помещение.

Комитас оглядел присутствующих и вдруг громко запел:

*Господь, Бог мой!
Любовь мне свою открой!
Дьявол мне крылья отбил.
Нет уже больше сил...*

*Верни мне, о, Боже, силы!
Вокруг меня только могилы...
Устал, как трава, трепетать,
Пора нам с колен вставать!..*

К нему подошёл жандарм, охраняющий несчастных, и замахнулся плетью, но рядом с Вардапетом встал огромный Ашот Торгомян. Он поднял руку, и жандарм отступил:

– О чём поёт твой мулла?

– Он молится, – ответил Торгомян.

– Молится? Ну что ж, пусть молится... Самое время...

Люди окружили Комитаса, с надеждой глядя на него. Но Вардапет не знал, как их утешить. Он грустно посмотрел в чёрные от горя лица, вздохнул, перекрестился и сказал, что нельзя терять надежду и нужно всегда оставаться человеком!

Генрих прошёл в здание. Жандарм не осмелился задержать немецкого журналиста.

В небольшой убогой комнате, развалившись на стуле, сидел начальник и непонимающе смотрел на Рунге.

– Произошла ошибка, – начал было Генрих. – Арестовали моего издателя, у которого я печатаю свою газету. Вместе с ним арестовали армянского священника и композитора Комитаса, врача Торгомяна, музыканта Адамяна...

Жандарм, насупясь, молчал. Когда Рунге закончил свою страстную речь, он зло посмотрел на него и на плохом немецком произнёс:

– Я не очень хорошо говорю на вашем языке, господин Рунге. Но должен вам заявить, что я выполняю приказ, согласованный с нашими союзниками, вашими соотечественниками, и если вы будете мне мешать, я прикажу арестовать и вас. Никто не собирается убивать ваших друзей. У нас есть сведения, что они затевали государственный переворот. Мы всё выясним, и, если они к этому непричастны, их просто депортируют в Анатолию. На это есть строгие указания...

– Но они непричастны... Я готов за каждого из них поручиться!

Жандарм не на шутку разозлился и повторил, что если он сию же минуту не уйдёт, его арестуют.

Он вызвал дежурившего у двери жандарма и приказал ему выпроводить господина Рунге за ворота.

Рунге поспешил в дом Кечанов. Войдя во двор, он обратил внимание, что здесь уже кто-то хозяйничал. На земле валялись разбросанные вещи. Он быстро подошёл к сараю. Слава Богу, тяжёлый крепкий замок висел на мощных металлических петлях. Его и не пытались сбить.

Была глубокая ночь. Звёздное небо и серп луны освещали двор.

Генрих торопливо открыл замок сарая и тихо позвал Ануш.

Перепуганная насмерть девушка несмело вышла. Она продрогла и смотрела на Генриха, не зная, что делать.

– Куда отвели моих родителей? Что с ними будет?

– Не знаю, дорогая Ануш, – ответил Рунге. – Дело серьёзное. Сейчас в стране власть взяли люди, которые хотят уничтожить всех армян. Тебе нужно уходить отсюда. Есть ли у тебя родственники?

– Сестры и братья живут в сельской местности, но мы не знаем, что там у них. Давно не получали никаких вестей. Мне кажется, туда нельзя идти...

– Тогда пойдём со мной, – решительно сказал Генрих. – Здесь оставаться опасно! Если всё завтра выяснится, ты вернёшься домой! Я постараюсь узнать, чем можно помочь твоим родителям. А пока ты поживёшь в моей квартире. Я могу пожить у приятеля. Надеюсь, что всё будет хорошо. Но оставаться здесь опасно. Закрой ворота, и пошли. Я провожу тебя в мой дом. Он набросил на девушку шерстяную шаль.

7. Только к утру арестованных погнали в тюрьму, расположенную на другом конце города. Измученные бессонной ночью и непрерывными побоями, люди едва плелись. Их сопровождали конные жандармы, то и дело подгоняя ударами плёток. Когда один из пленников упал, ехавший несколько позади на лошади жандарм направил коня прямо на лежащего на земле человека. Какой-то великан, шедший рядом со стариком, подхватил его, увернувшись от копыт лошади, и, взвалив несчастного на себя, пошёл дальше.

– Пусти меня, – прохрипел старик. – Я всё равно не дойду.

– Что вы такое говорите, профессор?!

– Откуда ты меня знаешь?

– Мой сын учился в университете.

– Сын? Кто такой? Да поставь меня... Я попробую идти!

– Саркис Саркисян его звали...

– Нет, не помню. А почему – звали?

– Его убили. Сначала призвали в армию, а потом убили...

Великан поставил старого профессора и, поддерживая его за локоть, продолжал свой скорбный путь.

– Они нас гонят на убой! – сказал старик. – Если можешь, беги! А мне всё равно не дойти... Сил нет...

Ещё через сто метров старик остановился, чтобы отдышаться, и получил сильнейший удар плетью. Не удержавшись на ногах, упал, и люди стали молча его обходить. Когда все прошли, старик всё ещё лежал на дороге. Ему было уже безразлично, что с ним будет. Сознание угасало. Подъехавший к нему жандарм неторопливо снял с плеча ружьё и штыком проткнул несчастного, как натуралисты протыкают жучка булавкой. Тело судорожно дёрнулось два раза и затихло. А жандарм потянул поводок и рысью догнал плетущихся людей. Их гнали из нескольких участков, и многие встречали своих знакомых и родственников.

Проходя мимо собора святой Софии, христиане стали креститься, и на них обрушились удары плёток. В какой-то миг в головной части колонны возникла заминка. Какой-то мужчина на лету поймал плётку и что есть силы дёрнул на себя. Жандарм не удержался в седле и полетел на землю. Мужчина выхватил его ружьё, но не успел ничего сделать. Сминая на своём пути арестованных, на выручку упавшему примчался другой жандарм. Он вскинул ружьё и в упор выстрелил в бунтаря. Тот, выронив винтовку, стал оседать. Толпа, взбудораженная выстрелом, загудела. И в это самое время великан, который пытался спасти профессора, побежал в сторону, стараясь скрыться за домом. Не пробежав и десяти метров, и он был сражён пулей.

Комитас с друзьями шёл в голове колонны. Высоко держа голову, он как мог, утешал людей, но уже тогда понял, что все погибнут. Он всё время повторял мысль о том, что важно не только прожить свою жизнь праведно и честно, но и умереть достойно.

Рядом с Вардапетом шёл Микаэл Кечан. Он волновался за судьбу жены и дочери. Что с ними будет? Куда увели жену? Что стало с Ануш?

– Рунге говорил, что они хотят всех армян переселить в центральную Анатолию, дальше от границы с Россией. Но мы-то живём не там! Мы живём в Стамбуле!

К разговору присоединился Ашот Торгомян.

– Они хотят лишить наш народ интеллигенции! – сказал он. – Посмотрите, кто идёт с нами. Многих я знаю. Меликянц – мой коллега из Силиври. Как он оказался в Стамбуле? Я слышал, что у него здесь живёт отец – художник. Наверное, к нему и приехал... Ещё я видел нашего юриста...

– Это понятно, – кивнул Кечан. – Обезглавив народ, легче его уничтожить!

– Не стоит себе рвать душу, – проговорил Комитас. – Нужно беречь силы и терпеть!

И вдруг вполголоса запел:

*Всё пройдёт! Лишь дайте срок...
Всё пройдёт, я твёрдо знаю,
Потому что с нами Бог!
Дуй легонько ветерок!*

*Видит Он, как мы страдаем...
Дуй легонько ветерок!
Разгони ты волны моря!
Распрями ты неба складки!*

*Сколько крови! Сколько горя!
Кровью запылал Восток.
Если вместе, – мы – скала!
Вместе быть в большом и малом!*

*Пусть пылает цветом алым
Нашей ярости цветок!
Пусть беснуются невежды!
Нужно сохранить надежду!*

Рядом с Вардапетом шли его друзья. Они чувствовали его душевную силу, и им становилось легче переносить этот скорбный путь.

Через два часа они, наконец, подошли к мрачному зданию тюрьмы. Ворота открылись, и колонна вошла во двор, огороженный высоким забором.

Вышли надзиратели и стали распределять людей по камерам, подгоняя их плётками и ругательствами.

Комитас и его друзья попали в одну камеру – большую комнату за тяжёлой железной дверью с двумя зарешёченными окошками под потолком. В комнату набилось человек сорок. Кто-то сразу пристроился в уголке и сел на пол. Кто-то стоял, прислонившись к стене. Все были до крайности уставшими и растерянными. Никто и не думал о правосудии. Все понимали, что их ждёт.

Через час жандармы вызвали нескольких молодых мужчин и увели, как они сказали, на допрос. Через несколько минут раздались глухие выстрелы и крики. Потом всё стихло. Прошёл час, прошло три часа, а никто в камеру не вернулся.

К вечеру надсмотрщик принёс несколько лепёшек и бачок с водой, к которому цепочкой была прикреплена алюминиевая кружка.

Люди набросились на лепёшки, но встал огромного роста Ашот Торгомян и по справедливости разделил скудный ужин на всех. Люди подчинились. Они всё ещё надеялись, что этот кошмар ненадолго.

К Вардапету подошёл Даниел Варужан, известный армянский поэт.

– Святой отец! – обратился он к нему. – Что же такое творится? Что нас ждёт? Почему Бог допускает такую несправедливость? Пусть я виноват. Но чем повинна моя Мариам? Ей только четыре годика!

Вардапет с сочувствием посмотрел на него.

– Чем свободный человек отличается от раба? – спросил он, спокойствием и голосом стараясь приободрить несчастного. – Отсутствием цели в жизни. Рабу не к чему стремиться, за него думает и решает хозяин. Свободный человек всегда к чему-то стремиться. Делает карьеру, мечтает о власти, упорным трудом достигает знаний и так далее. Раб может стремиться лишь к свободе. Это его главная цель в жизни, и нет у него другой цели. Если раб борется, он рано или поздно станет свободным, в противном случае навсегда останется рабом.

Комитас посмотрел на Варужана. Понимает ли тот, о чём он говорит?

– Так в результате длительных поисков человек приходит к пониманию того, что Бог и есть та самая абсолютная свобода, которую он ищет. Абсолютная свобода – это единение с Богом. И к этому мы идём всю жизнь. Но без знаний свобода немыслима, впрочем, как и без любви, покоя, власти, денег, Бога. Нужно только научиться разумно и правильно пользоваться этим богатством, ибо знание, власть, любовь – это сила. Ну а уж вера в Бога – это сила из всех сил.

К ним подошёл Торгомян и тоже стал слушать Вардапета. Вокруг него уже стояли несколько человек.

– Никто не может отделить человека от Бога, – продолжал Комитас, – ведь Он и Мы – одно. Поэтому «Ад» это просто незнание, а «Спасение» – знание и понимание.

– Но если Бог – совершенство и любовь, – вступил в разговор мужчина, которого едва живого привели после допроса, – то почему Он создал чуму, голод, войны, болезни, землетрясения, ураганы, личные разочарования и всемирные катастрофы?

Вардапет посмотрел на него, стараясь разгадать: упал ли духом этот человек или усомнился в Боге? Потом спокойно проговорил:

– Бог не показывает Свою доброту, создавая вокруг человека то, на что он нацелен и что он называет совершенством, ведь Его любовь не должна мешать человеку проявлять свою собственную любовь, ибо никто не в силах испытать любовь, если он не испытал нелюбовь. Любая вещь, как и любое явление, не может существовать без своей противоположности – это возможно лишь в мире Абсолюта. Но в Абсолюте нет опыта, есть лишь знание. И хотя знание – это божественное состояние, однако, самой великой радостью является бытие, которое достигается посредством опыта. Вечное блаженство расслабляет.

Точно также обстоят дела с так называемыми злыми людьми. Божественная Справедливость уравнивает в правах правых и неправых, ставит их в одинаковые условия.

К ним подошёл Сиамант. Даниел представил его Вардапету:

– Это Ованес Сиамант, наш поэт. Вы, должно быть, его произведения знаете, святой отец!

Комитас кивком головы поприветствовал Сиаманта и, обращаясь к Даниелу, ответил:

– Ты задал больше вопросов, чем я могу тебе ответить, уважаемый Даниел. Один Бог знает, что с нами будет. Но что бы ни было, мы должны оставаться людьми!

– Не знаю, смею ли я, но хочу пригласить вас, дорогой Вардапет, присесть в нашем углу. Вам тоже нужно отдохнуть...

Он взял за локоть Комитаса и провёл в угол, где уже сидели на полу Кечан и его друзья. Губа у Киркора Адамяна распухла после удара жандарма, но он не терял присутствия духа.

– Ужасная вонь... – сказал Кечан и посмотрел на окошко. – Сволочи!

– А вы знаете, друзья, – вдруг произнёс Киркор Адамян, – однажды я играл на свадьбе в каком-то селении. В перерыве вышел во двор и... провалился в выгребную яму. Вот где было вонюще! С тех пор, когда оказываюсь в подобной ситуации, всегда вспоминаю ту вонь! Представьте – помогает!

– А я говорю, что всем нам нужно успокоиться и постараться меньше думать... – начал было Ашот Торгомян, но его перебил пребывающий почти в панике Микаэл Кечан:

– Как? Скажите, дорогой Ашот, как об этом не думать?!

– Думайте о чём-то другом! Если всё время об этом думать, можно сойти с ума! Нужно занять чем-нибудь свои мозги и не думать бесплодно о неразрешимых проблемах.

Рядом сидел профессор университета. Он, видимо, обо всём давно догадывался и теперь доказывал соседу, почему рецепт преобразования страны младотурков неприемлем.

– Либеральное общество ведёт к деградации человечества, поскольку в основе либерализма лежит глубоко эгоистическая мораль индивидуализма, где критерием полезности служит только личный интерес. Этого недостаточно для создания человеческого сообщества.

– А власть шаха без всяких ограничений – лучше?

– Нет. Но нужно всё позитивное взять и из того правопорядка. Я против всяких революций. Только постепенное эволюционное развитие может сделать Турцию цивилизованной и современной страной!

– Но для этого нужна развитая экономика! Вы знакомы с работами Маркса?

– Я думаю, что не экономика определит эффективность общества, а его способность справиться именно с этой проблемой...

Комитас сел на пол и склонил голову. Последние события не выходили у него из головы. Он понимал, что это – конец, но старался не показывать и вида. Вспомнил, как сокамерника, требовавшего направить его к следователю, надзиратель выволок в коридор и стал избивать. Из-за двери раздавались крики и ругань мучителей. Потом крики прекратились, и все услышали, как несчастного поволокли по коридору.

«Нет, – думал Комитас, – у них там всё давно решено. Постепенно они расправятся со всеми...»

Когда в крохотных окошках небо потемнело и на нём появились звёзды, вдруг открылась камера.

– Согомон Сагомоян! К господину следователю!

Комитас не сразу понял, что зовут его. Потом встал, грустно посмотрел на товарищей, перекрестился и вышел из камеры.

– Это же надо! Даже священника арестовали! – произнёс кто-то. – Чем виноват он? Что мог он сделать?

– Ничего он не сделал, как ничего плохого не сделали люди, которые здесь сидят! – ответил Ашот Торгомян.

– Вы знаете, что это за человек? – воскликнул Киркор Адамьян. – Он архимандрит церкви, композитор, дирижёр! Учился в Германии. Его творчеству аплодировали в Европе. Да и здесь он известен и почитаем. Не понимаю, какую опасность для империи он представляет?!

– Вы неправы, – возразил Ованес Сиамант. – Именно такие, как Комитас, очень опасны для империи, потому что одно его слово значит больше, чем целая армия с пушками и бомбами!

– Может быть, вы и правы! Но неужели они его убьют?..

В камере повисла тишина. Все прислушивались к любым шумам, но ничего слышно не было. А Киркор вдруг запел песню Вардапета:

*Господь, Бог мой!
Любовь мне свою открой!
Дьявол мне крылья отбил.*

*Нет уже большие сил...
Верни мне, о, Боже, силы!
Вокруг меня только могилы...
Устал, как трава, трепетать,
Пора нам с колен вставать!..*

– Это сочинил Вардапет, – закончил своё пение Киркор Адамьян.

– Да! Это действительно – посильнее пушек!

– А вы знаете, друзья, – произнёс в полной темноте Ашот Торгомян, – в Эчмиадзине католикосом был Мкртич I. Так он как-то рассказывал, что к нему однажды пришёл старик-турок и, плача, сказал: «Как мне жить, скажи, теперь? Как Аллах позволил, чтобы унесли жизни троих моих сыновей, чтобы погас очаг, угас мой род?». И Хрмян Айрик, так звали католикоса, встал перед ним на колени и заплакал. «Ты говоришь о своих трёх сыновьях. А скажи, как жить отцу, у которого погибли тысячи детей? Я – отец всего своего народа».

В полночь Комитас вернулся в камеру. Он молча прошёл к своему месту и сел на пол. Люди, утомлённые последними событиями, спали, кто сидя, кто лёжа на полу. Комитас не хотел тревожить спящих и, закрыв глаза и шевеля губами, тихо молился. Потом и он затих и провалился в тревожный сон.

Утром люди, измученные духотой и ночными истязаниями, походили на обезумевших. Кто-то, повернувшись к стенке, усиленно молился, кто-то громко плакал, вспоминая оставленных детей и родственников. Кечан тихо спросил у Комитаса:

– Уважаемый Вардапет, о чём они спрашивали вас на допросе?

– Ничего особенного. Интересовались, почему мы собрались у вас, дорогой друг. Я сказал, что вышла из печати моя книга. Начальник куда-то звонил, потом ругался...

– Они позволил себе вас бить?

– Нет, дорогой друг. Я, наверно, не дал им повода. Но их бы не остановил ни мой сан, ни мой возраст... Они уверены, что армяне замыслили свергнуть правительство Турции и готовят восстание. Но пока я шёл к этому чиновнику и пока меня жандарм вёл назад в

камеру, я насмотрелся такого, что просто не могу себе представить, чтобы всё это делали люди... Во дворе на подводу грузили, как поленья, трупы людей. Они лежали один на другом и их закрепляли верёвками, так как подвода была переполнена и трупы могли упасть по дороге. Некоторые здесь находятся уже несколько недель. Это не люди, а живые скелеты. Истощены и измучены. Многие просят у Бога, чтобы он скорее им послал смерть! Нет, это невозможно даже описать! И я не знаю, что нас ждёт. Начальник сказал, что они собирают группу, чтобы всех отправить в Чангр. Кто, скажи мне, вынесет дорогу туда? Гнать они нас будут колонной, так же, как гнали из участка в эту тюрьму!

Дверь камеры приоткрылась, и жандарм бросил на пол пять лепёшек и внёс бачок воды.

Как и в прошлый раз, все посмотрели на Торгомяна. Тот встал и принялся делить хлеб.

– О Бог мой! – запричитал Кечан. – За что нам такое?!

А Вардапет, взяв кусок лепёшки, перекрестился и вдруг проникновенно запел, желая вселить в товарищей надежду, хотя бы немного приободрить их:

*Душа порхает мотыльком
То вверх, то вниз. И вот порог...
Надежда теплится... И гром
Гремит... Но с нами Бог!*

Пенье услышали снаружи. Дверь камеры приоткрылась, и в неё заглянул охранник. Увидев поющего с горящими глазами, облачённого во всё чёрное священника, он решил, что тот молится, так как не понимал армянского языка. К нему присоединился ещё один жандарм. А Вардапет, поглядев на мучителей, продолжал петь, теперь повернувшись к товарищам, сидящим и лежащим на полу в дальнем углу комнаты:

*Душа в смятении без любви,
Но дверь закрыта на замок...
И ты кричи, и ты зови...
Напрасно всё! Но с нами Бог!*

*Надежда теплится в груди,
О, мой народ, моя любовь!
Всё впереди! Всё впереди!
Недаром проливаем кровь!*

*Душа порхает мотыльком
То вверх, то вниз. И вот порог...
Надежда теплится... И гром
Гремит... Но с нами Бог!*

Сильнейший удар по голове свалил Комитаса на пол. Он схватил голову руками, встал с пола и с ненавистью посмотрел на жандарма.

– Молчать! – крикнул тот по-турецки. – Так не молятся! Мулла должен просить у Аллаха милость, а не требовать! Я не посмотрю, что ты – духовное лицо! Если ещё раз услышу твой голос, вырежу твой поганый язык!

И он выразительно помахал перед лицом Вардапета кривым ножом.

Комитас побледнел, замолчал и отвернулся к стене. Его окружили друзья, и жандарм, размахивая плетью и продолжая извергать проклятья, закрыл дверь.

Комитас стоял лицом к стене и молчал. Он молился...

8. Так прошли нескончаемые три недели. Несколько пожилых людей, не выдержав издевательств, духоты, умерли, и наутро их унесли из камеры. Однажды три дня не убирали труп профессора Гарняна, и в камере была такая вонь, что и жандармы не могли зайти. Ослабевшие от голода и жажды, жары и духоты, многие уже не могли двигаться, и жизнь их мерцала, как едва тлеющий уголёк. Почти в бессознательном состоянии они тихо шевелили пересохшими губами, что-то просили или молились.

Возле Комитаса были его друзья. Киркора Адамяна, прекрасного музыканта, старавшегося отвлечь друзей от грустных мыслей, нашли утром повесившимся. Не выдержал...

Арестованных изредка водили к начальнику тюрьмы. Здесь задавали одни и те же вопросы: кто ещё был заговорщиком, какие планы вынашивали, кого хотели убить?

И били... Били так, что потом жандармы волокли несчастного в камеру и бросали бесчувственного у двери, предоставляя заботу о нём сокамерникам.

Нужно отдать должное этим извергам: Вардапета, учитывая его духовный сан, так не били. Во всём остальном его жизнь мало чем отличалась от жизни остальных.

В камере появлялись новые и новые лица. Многих через несколько дней уводили, и они больше не возвращались. Новенькие часто рассказывали то, во что было трудно верить. Например, один инженер рассказал, что лично видел, как жандарм саблей вспорол живот у женщины, которая мучилась в родовых схватках, и, достав ребёнка, смеялся, говоря, что он помог ей родить...

В последнюю неделю начальство предупредило, что всех арестованных поведут на поселение в Чангр. Этому событию предшествовал приход немецкого журналиста в тюрьму.

Оказывается, в том, что они до сих пор живы, была заслуга Генриха Рунге. Он несколько раз приходил сюда, интересовался судьбой своих товарищей. Его вежливо встречали, в свидании с ними отказывали, но передачи принимали... арестованным их, разумеется, не отдавали.

Когда же журналист однажды пришёл в сопровождении немецкого офицера и потребовал свидания с Михаэлем Кечаном, начальник тюрьмы вынужден был приказать, чтобы привели арестованного.

Рунге не узнал своего издателя. Перед ним сидел морщинистый седой человек без зубов, с потрескавшимися губами и плакал. Когда из комнаты на минуту вышел жандарм, Генрих успел сказать, что Ануш в безопасности и что он постарается сделать всё возможное, чтобы освободить его из этого ада. Кечан с благодарностью посмотрел на Рунге и покачал головой.

— Я не могу... не могу уйти, оставив невинных людей здесь... Это наш крест... Я должен испить эту чашу... Помогите моей девочке...

И он снова заплакал.

А через два дня ранним утром всех вывели во двор, построили, и в сопровождении нескольких конных жандармов колонна медленно двинулась со двора.

Был конец мая. День только начинался. Люди, вышедшие, наконец, на свежий воздух, не могли надышаться. Они смотрели по сторонам и закрывали глаза. Яркий свет солнца слепил. Они вдыхали свежий воздух и вдруг начинали различать и ароматы цветов, и запах моря...

Ранним утром колонна вышла из двора тюрьмы и направилась на восток. Люди, поддерживая друг друга, медленно шли в неизвестность. Через каждый час сопровождающие их всадники давали команду на остановку. Люди валились на землю и отдыхали. Всех предупредили, что дорога предстоит далёкая.

Выйдя из города, конные жандармы словно озверели. Они то и дело хлестали людей плётками, ругались и кричали, как это делает чабан, гоня отару овец.

Немилосердное солнце нагревало землю и придорожные камни, слепило людей. Жажда мучила несчастных. Истощённые длительным голодом старики, не выдержав перехода, падали. Кто-то пытался им помочь, поднимал, но вскоре и сам падал на землю, и люди обходили его, как вода обтекает на своём пути камень, а жандарм снимал с плеча ружьё и штыком довершал дело. Первые дни за колонной шла повозка, которая везла провизию для арестованных. Туда же грузили трупы, которые потом просто сбрасывали в овраг или в ущелье.

Наконец, была дана команда на ночлег. Полумесяц давно скрылся за горой, и всё погрузилось в ночной мрак. Не было видно ни одной звезды. Серые облака заволокли небо. Они плыли куда-то на восток, сгущая мглу. Люди сидели, лежали на земле и смотрели на небо. Может, хоть капелька дождя упадёт?

Дежурные жандармы тоже устали. Они расположились на привале и развели костёр. Оттуда разносился аппетитный запах жаренного на углях мяса.

Пленникам бросили, как собакам, лепёшки и указали, где можно набрать воды.

– Гасан, – сказал старший молодому охраннику, – посмотри, что делают эти неверные. Им доверять нельзя!

Молодой жандарм вскочил на коня и неспешно поехал выполнять приказание.

«И что его тревожит, – подумал он. – Куда им бежать в пустыне? Да и сил-то у них нет. Мертвецы ведь!»

Подъехав к месту, где расположились люди, он молча посмотрел на них, потом, заглушая грохот горной речушки в неглубоком ущелье, крикнул:

– Эй вы, неверные! Отдыхайте! Завтра рано выходим!

Никто не повернулся в его сторону. Он погарцевал ещё некоторое время и поехал назад.

И вдруг молния прочертила на чёрном небе замысловатый узор, озарив окрестность белым светом, и раздались раскаты грома.

Жандарм пустил лошадь рысью и вскоре был уже около коистра.

Снова загремел гром, и внезапно, словно вняв мольбам измученных людей, хлынул дождь, столь редкий в этих краях в это время года.

Несчастные подставляли лица, снимали рубахи, открывали рты. А ливень усиливался, крупными каплями барабана по воспалённым, потрескавшимся от жары и ветра лицам...

Дождь прекратился. Посвежавшие, возбуждённые столь неожиданной Божьей помощью люди с благодарностью смотрели на небо и молились...

Комитас вынул из-за пазухи гребень, сделанный из рога буйвола, и стал расчёсывать бороду.

К нему подошли двое мужчин. Они тихо сказали:

– Святой отец, благослови нас! Мы попробуем уйти! Будем сами пробираться на Восток. Не пристало нам, ещё сравнительно молодым и крепким, идти в стаде, которое ведут на убой!

– Куда же вы пойдёте, дети мои? – спросил Комитас.

– Сейчас спустимся к речке, перейдём её и...

– Мы будем недостойны своих предков, – сказал другой, – если оставим эти злодеяния неотомщёнными. Чаша терпения переполнилась... Вы посмотрите, святой отец, что делают эти нехристи с нашим народом?! – Его глаза горели, губы дрожали как в лихорадке, а лицо побледнело.

– Но кругом враги! Что вы сделаете?

– Оружие добудем в бою... Хачик служил в армии. Он опытный!

– Ну что ж! Береги вас Бог, дети мои! Пусть вам сопутствует удача!

Комитас перекрестил мужественных людей. Слезы мешали ему говорить. Он закрыл лицо руками и так стоял, пока не стихли шаги героев. А губы его шептали: «С нами Бог! Утешьтесь во Христе! И даже если вы погибнете, принося себя в жертву нашей вере, вы обретёте бессмертие!»

Холодную ночь сменило тёплое летнее утро. Над землёй клубился пар. Густой туман опустился на землю. К колонне подъехали охранники и сказали, что, пока не пройдёт туман, идти нельзя. Они передали людям чёрствые лепёшки и уехали.

Чем выше поднималось солнце над горизонтом, тем быстрее растворялся в воздухе туман, и сквозь прозрачную пелену стали вырисовываться очертания гор и край обрыва. Через час колонна снова отправилась в путь.

Дорога, по которой едва плелись несчастные, шла пересечённой местностью. Лишь изредка стражники направляли колону через селения, и тогда местные жители выходили на дорогу, чтобы посмотреть на них. Одни выкрикивали проклятия и бросали камни. Другие, стараясь не показывать своё сочувствие, бросали лепёшки, сыр, фрукты.

Обессиленные, едва державшиеся на ногах люди не уворачивались ни от камней, ни от даров.

Однажды колонна, в которой шли Комитас и его друзья, остановилась недалеко от большого селения. Сюда же согнали людей из других мест. Здесь были не только мужчины, но и женщины и дети. Жандармы решили объединить колонны и продолжать путь вместе.

Женщины в голос плакали. Измордованные, они кричали, что готовы принять ислам, но над ними только смеялись. На стоянках возле селений шла бойкая торговля рабами. За небольшую плату жители покупали себе рабочую скотину, по-хозяйски осматривая купленных женщин и детей. Иные покупали их для потехи.

Были случаи, когда матери уговаривали сельчан, чтобы кто-то взял их ребёнка, в надежде что хотя бы так им удастся сохранить ему жизнь.

Жандармы, поднимая столбы пыли, гарцевали вокруг едва двигающихся людей, понукая их и заставляя двигаться быстрее. Они то бросали своих коней галопом, поднимая тучи пыли, то рысью скакали рядом, то и дело заезжая в колонну и давя людей. Их нетерпение усиливалось, чем ближе они приближались к селению.

– Эге-гей!.. – кричал жандарм, размахивая плетью! – Чего движетесь, как мухи?! Давайте скорее! Ещё скорее! А то...

И он хлестал плетью людей, получая от этого удовольствие, наслаждаясь властью. Следом за ним на белой лошади ехал другой всадник – главный жандарм. Он ухмылялся и сплёвывал. «Пусть порезвится... Молодой ещё!..».

Дорога была безлюдной. Ни прохожих, ни жилья. Только по обочинам то и дело валялись растерзанные дикими собаками и волками останки людей, недавно шедших по этой же дороге смерти. Жара сделала своё дело, и запахи здесь были такими, что всадники старались поскорее миновать этот участок пути.

Так продолжалось бесконечные две недели.

Наконец отряд догнал колонну, которую вели к ущелью Кемах. Начальник знал, что ждёт этих неверных, и с любопытством всматривался в их лица. Ни жалости, ни сочувствия он не испытывал. Безвольные, измученные, они, казалось, хотели только одного: чтобы всё поскорее окончилось. Но вдруг в толпе он увидел молодую женщину. Она шла, глядя вперёд, и не обращала никакого внимания на гарцующих мучителей.

Начальник крикнул, чтобы эту женщину подвели к нему. Жандармы, чуть ли не давя копытами окружающих, подъехали и приказали ей следовать за ними. Женщина, равнодушно взглянув на жандармов, пошла. На ней было разорванное чёрное платье, едва прикрывавшее наготу. На тонкой шее висел крестик. Ноги были босы, все в ссадинах и трещинах. Голова была покрыта платком.

– Ты откуда? – спросил начальник?

– Из другой жизни!

– Не хочешь ли пойти ко мне? Мне нужна прислуга. Оста-
нешься жить...

– А зачем мне жить?! Твои храбрецы убили моего двухлетнего сына. Надругались над одиннадцатилетней дочерью и потом убили её. Зачем мне жить? Разве такое бы одобрил твой Аллах?

Начальник не знал, что ему предпринять. Ему не хотелось выглядеть перед подчинёнными жалостливым, и ему казалось, что у него безвыходное положение: и прощать дерзость нельзя, но и наказывать не хотелось... Он поднял плеть, чтобы ударить надменную за её слова, но она повернулась к нему и, обжигая мучителя горящими глазами, плюнула в его сторону.

– Будьте вы прокляты, изверги! – крикнула она.

Тогда начальник выхватил саблю и со всего размаха ударил женщину по голове. Так закончилась её короткая жизнь. Ей не было ещё и тридцати.

Было раннее утро. Белоснежные склоны гор ослепительно сияли под первыми лучами солнца. Над землёй стлался лёгкий туман, стыдливо скрывая красоту окружающей природы. Где-то слышен был голос, зазывающий правоверных на молитву.

Уставшие, измождённые люди днём страдали от жары и жажды, а ночью от холода. Но, понимая, что они ничего не могут сделать, вставали, крестились и с жадностью смотрели в сторону, откуда должен был появиться жандарм с лепёшками.

Вот вдалеке появилось облачко пыли. Это скакал на коне главный надсмотрщик. Убедившись, что все на месте, он крикнул что-то своим подчинённым, и те плетью стали гнать колону по дороге.

– Сегодня дальний переход, – крикнул один из них кому-то в толпе. – Поедите на привале...

Пройдя несколько километров, люди увидели страшную картину. У дороги были сложены в кучу человеческие головы. Почерневшие от пыли и солнца, они, видно, уже давно лежали здесь. На вершине этого страшного холма сидел ворон и с любопытством смотрел на идущих мимо.

Ужасная картина подействовала на многих. Они старались не смотреть в эту сторону. У Комитаса по щекам текли слёзы. Он воскликнул:

– Друзья! Ну, скажите мне: зачем нагромодили эти окровавленные головы?

– Они хотят нас запугать... Разве непонятно?
– Неужели и нас ждёт такая же участь?
– Они хотят, чтобы мы отреклись от своей веры и стали мусульманами, – сказал другой.
– О, Боже! За что такие муки моему народу?! – подняв руки к небу, воскликнул Комитас.

Колонна подошла к большому селению. Жандармы приказали остановиться на площади. Они выбрали из толпы несколько крепких мужчин и вывели вперёд. Все уже знали, что будет дальше. Обыкновенный восточный базар, где жандармы будут предлагать местным жителям «рабочую скотину». Объясняли они свои действия тем, что нужно покупать лепёшки для такой оравы! Вот они и вынуждены продавать кого-то, чтобы было на что кормить остальных.

Толпа гудела, но вокруг на лошадях с плётками и штыками ехали стражники, и никто из тех, кто здесь стоял, даже не пытался вырваться из этого ада. Да и кому было пытаться? Здесь, в основном, остались старики. Их скорбный путь приближался к концу. Чангр был уже недалеко. Все ожидали, что, наконец, закончатся их мучения. Но никто не знал, что их там ждёт.

На перевале Тавли, куда едва добралась колонна, жандармы разрешили сделать привал. Кто-то пошёл искать воду. Нестерпимая жажда и смертельная усталость мучили несчастных. Наконец Варужан набрал где-то ведро воды и поднёс его Комитасу.

– Пейте, святой отец!

Но стоило Вардапету поднести воду к губам, как жестокий жандарм выбил из его рук ведро и засмеялся.

Комитас закрыл лицо рукой и застыл в онемении, пока вода капля за каплей стекала вниз по полам его одежды... Так и стоял, ни на кого не обращая внимания. Он молчал даже тогда, когда к нему обращались друзья, и только что-то шептал и раскачивался, словно молился.

Торгомян кинулся выяснять, что случилось: бледность Вардапета обеспокоила доктора... Опытный врач, он заметил, что перенесённые страдания последних недель не прошли бесследно для этого чувствительного человека, привыкшего чужую боль брать на себя.

Заподозрив неладное, он обнял Вардапета и отвёл в сторону. Мокрое его платье прилипло к телу, вода стекала по складкам одежды.

Когда Рубен Севак и Келекян принесли ему снова воду, Комитас грустно посмотрел на них и отказался пить, с горечью покачав головой. Потом он отвернулся и стал что-то говорить сам себе, шепча непонятные слова.

Настала ночь, а Комитас так и не присел. Он ходил среди сваленных усталостью людей, больше похожих на мертвецов, и что-то шептал, иногда размахивая руками.

На следующее утро караван двинулся к Чангру. Караван проходил через ущелье под жгучим солнцем, голодный, истерзанный и мучимый жаждой. Комитас шёл, поникнув головой, и бормотал себе под нос. В этот момент он заметил на склоне холма грязного, дряхлого осла... Вардапет подобрал полы рясы, поздоровался с ослом, с величайшим уважением поклонился ему и громко закричал: «Не спешите, друзья, позвольте жандарму пройти!»

Многие приняли эти слова за шутку – знали, что Комитас обладал тонким чувством юмора. Но Торгомян понял: Вардапет лишился рассудка...

Люди брели из последних сил.

Душевное состояние Комитаса ухудшилось, когда они подошли к Чангру. Предчувствуя свой конец, люди просили Комитаса спеть для них в последний раз. Комитас не отказывался и исполнил одно из самых известных произведений – «Господи, помилуй»... Под скорбный плач и безнадёжные стоны умирающих друзей, завершив песню, Комитас вдруг задрожал всем телом и взорвался диким, безудержным хохотом, что повергло в ужас всех. А жандармы, слыша этот хохот, столпились в страхе и не знали, что делать. Друзья попытались успокоить Вардапета, но тщетно...

В тесном ущелье, переворачивая огромные валуны, грохотал Евфрат. В это время года он был многоводен, но здесь это было не так заметно. Мутная от талых снегов вода стремительно неслась вниз, сметая всё на своём пути, вырывая с корнями деревья.

В этом месте ущелье было особенно глубоким. Стоило подойти к его краю и попробовать заглянуть вниз, и казалось,

грохочущей полноводной бурной речки нет: дна пропасти не было видно. Как будто это были врата ада.

Вардапет слушал этот грохот, и ему казалось, что он уже у этих врат. И тогда он закричал. Закричал во весь голос, что было сил. Но в этом грохоте его могли слышать разве что идущие совсем близко. И тогда он захохотал. Он смеялся громко, оглядывая окружающих его людей, понимая, что это и есть – цель их путешествия! Ущелье Кемах! Дальше пути нет, и они у цели! Наконец-то их мучения окончатся! Наконец-то всё прекратится!

Он стал лицом к крутому обрыву и поднял руки к небу.

– Ого-го-о-о-о! – закричал он. – Я дома-а-а! Мы пришли-и-и!

Его пытались отвести от края обрыва, но он не уходил. Он был настолько возбуждён, что с ним совладать никто не мог.

– Я знаю! Здесь, именно здесь всё произойдёт! Мы пришли-и-и!

И он вдруг запел во весь голос:

*Господь, Бог мой!
Любовь мне свою открой!
Дьявол мне крылья отбил.
Нет уже большие сил...*

*Верни мне, о, Боже, силы!
Вокруг меня только могилы...
Устал, как трава, трепетать,
Пора нам с колен вставать!..*

Несчастные смотрели на священника и видели, что он стоит лицом к пропасти и размахивает руками. Многие решили, что доведённый до отчаяния человек решил броситься в ущелье и таким образом прекратить свои мучения. Это увидел и Ашот Торгомян. Он подошел к нему сзади и обнял за плечи.

– Идёмте, дорогой Вардапет! Я хотел с вами посоветоваться, – сказал мудрый Ашот. – Идёмте. Этого я не могу ни у кого спросить.

Казалось, на какое-то мгновение у Комитаса мелькнуло осознанное любопытство, и он, склонив голову, подчинился воле доктора.

– Да, конечно... Я буду рад помочь...

Они отошли от края ущелья, и тут к ним подошёл Арташес, мужчина, который всё время говорил о побеге и шёл последнюю четверть пути рядом.

– Святой отец, вас срочно зовёт старший жандарм. Там что-то произошло. Все забегали, разыскивают вас...

Комитас равнодушно посмотрел на него и ответил песней:

*Есть только голос у меня!
Он в сердце вашем раздаётся!
Огонь задули. Нет огня!
Дорога смерти лентой вьётся.*

*И мы пришли! И вот привал!
О, Боже, дай мне силы!
Я так устал... Я так устал...
Вокруг меня могилы...*

Ашот Торгомян, обняв Вардапета, повёл его к стражникам. Те были чем-то перепуганы и держали себя с Комитасом почтительно.

– Поступил приказ отправить тебя, христианский мулла, на подводе назад в Стамбул.

Комитас безумными глазами взглянул на охранника и снова громко рассмеялся. Потом вдруг запел, и все, стоящие рядом, услышали:

*Я прошёл весь скорбный путь
Стёр подошвы и устал...
Говоришь мне ты: забудь!
Как забыть? Я умирал
С каждой смертью по дороге...
Как забыть, простить, уйти?!
Я свободен от тревоги,
Как булыжник на пути...*

– Он тронулся умом? – спросил Ашота жандарм.

– Не знаю. Святой отец очень устал и не сможет идти назад. Я врач и знаю, что говорю!

Жандарм выругался, потом приказал привести телегу с парой быков. Молодой жандарм должен был охранять их в дороге и сдать под расписку. Этот неверный, как оказалось, очень нужен в Стамбуле.

– И ты поедешь со своим муллой! – приказал он Торгомяну. – Если ты врач, – будешь следить, чтобы твой мула по дороге не сдох!

Он круто повернулся и пошёл в лесок, где располагались жандармы. По голенищу сапог он громко хлестал веткой, и этот стук отдавался в голове Катрин. И, странное дело, как ни отдалялся жандарм, звук удара ветки по голенищу не стихал.

9. Кто-то настойчиво стучал в дверь. Катрин проснулась. «Неужели снова свет отключили, и звонок молчит», – подумала она и пошла открывать. На пороге стоял Миролуб.

– Я так и знал, милый Боже, – заснёшь и проспишь.

– А который сейчас час?

– Без пяти два. Ты хотела к трём быть у Антуанетты. Вот я и подумал: пока выпьешь кофе, да и меня угостишь – как раз ко времени и приедем!

– Правильно решил! Только иди на кухню и приготовь кофе сам. Боже, как же у меня голова болит! У тебя нет ничего от головной боли?

– Лучшее средство – добавь в кофе коньяка.

– Хорошо. Только тебе не дам, а то по дороге нас угробишь! Слушай, мне такое снилось! Придти в себя не могу... Записать бы, а то ведь забуду!

– Тогда точно опоздаем!

– Ладно, иди, готовь кофе.

Прежде чем пойти в палату к дочери, Катрин хотела поговорить с профессором. Что случилось? Почему такой переполох? Зачем прямое переливание крови...

Лежар, увидев Катрин, встал из-за стола и проводил её к креслу.

– Что случилось, мадам? Почему вы не смогли подойти к восьми, как мы договаривались?

– Бога ради, доктор, простите! Наглоталась снотворного и проспала, – Катрин чувствовала себя крайне неловко. – Что с дочкой? Меня к ней не пустили...

– Ночью у Антуанетты была острая сердечная слабость. Миокардит, – обычное осложнение таких отравлений. Вот и всё. Потом нашли донора, который идеально подошёл к ней. Решили сделать прямое переливание. Это намного эффективнее. Так что, как видите, ничего особенного.

– Утром у вас ещё была сложная операция?

– Не так операция, как больной...

– Ну и жизнь у вас: каждый день – сплошные стрессы!

– Привык... – улынулся Поль. – Вас провести к дочери? Она только что проснулась.

– Спасибо. Я сама... Вам бы отдохнуть немного... Усталость накапливается.

– Накапливается. Но, когда я захожу к вашей дочери – удивительное дело, она снимает усталость.

– Каким образом?

– Сам не знаю. Взглядом, может?

– Это хорошо... – сказала Катрин. «Кажется, Антуанетта и в самом деле ему нравится, – подумала она. – Дай-то Бог!»...

– Как ты, доченька? – спросила Катрин, входя в палату. – Как себя чувствуешь? Мне говорили, тебе плохо было ночью.

– Да ничего особенного... Слабость, и воздуха не хватало. Но всё быстро прошло... Ввели какое-то лекарство... Ты лучше расскажи, где похоронили папу и бабушку с дедушкой?

– В Младеновацах на старом кладбище. Людей было много...

– А что люди говорили?

– Разное. Вспоминали... Речи всякие говорили... Петко Дроганович даже поклялся, что отомстит...

– Отомстит?! Кому? Опять кровь чью-то пролить? Но ведь папа всегда был за то, чтобы дело решалось миром.

Катрин вздохнула.

– Я думаю, многое было сказано сгоряча. Помнишь дядю Бронислава из Любляны?

– Это тот, что к нам в гости приходил с тётей Эльзой?

– Ну да. Так он призывал всех к благоразумию. Мне кажется, кого-то убедил. Ты не представляешь, какой там шум поднялся из-за этого.

– Никогда бы не подумала, что дядя Бронислав способен что-то с жаром доказывать, – сказала Антуанетта. – Он такой тихий, вежливый.

– Вот и я тоже удивилась... Венков было много... – продолжала рассказ Катрин, – ограду и памятник уже заказала... Я там хочу посадить цветы. Много цветов... И ещё дерево какое-нибудь... Может, берёзку? Владко берёзы любил...

– Кто ещё был на похоронах?

– Ты знаешь, никак не ожидала, что будет столько народа. Приехали однополчане деда. Говорили, что отморозки не должны поссорить народы... Чего только не говорили!

– Говорили... говорили... А папы нет... и бабушки с дедушкой...

Антуанетта заплакала. Плакала и Катрин. Потом Антуанетта тихо проговорила:

– Ты знаешь, в Париже мне бабушка рассказывала о судьбе её родителей и родителей дедушки Мишеля. Я была под впечатлением и на последнем курсе стала собирать материалы о том времени. Много чего накопила. Так вот, и там были такие, которые выражали соболезнование, сожаление, вздыхали, но ничего не сделали, чтобы этого не допустить. Ты только представь: людей вталкивали в машину, плотно закрывали двери, а через двадцать километров задохнувшихся угарным газом несчастных выгружали прямо в яму. Сваливали в специально вырытый ров и пересыпали хлоркой...

– Не надо об этом!.. Были же и другие! Генерал де Голль, например... Твои дедушка и бабушка боролись, а не говорили...

– Были и другие... Я разве говорю, что не было. Но сколько их было?! И напрасно всё валят на ислам! Когда в душегубках душили людей – причём был ислам? Да и никакая религия здесь ни при чём! Разве непонятно, что это – лишь повод, лишь...

– Хорошо. Но сейчас не нужно даже думать об этом. Тебе нельзя волноваться. Что говорит твой профессор?

– Мой профессор?

– Мне кажется, он симпатизирует тебе.

– Мама! О чём ты говоришь? До этого ли мне? Только что...
– Антуанетта заплакала.

– На похороны, кстати, прилетел из Кёльна Шульц. Помнишь, я тебе рассказывала: печатал папины статьи в своей газете. Он его любил, ценил...

Антуанетта спросила:

– А ведь если папу убили за его статьи, то, может, остался какой-то материал, который он ещё не опубликовал? Может, именно этого материала убийцы и не хотели увидеть опубликованным?

– Не беспокойся, – ответила Катрин. – Я прекрасно знаю, где у папы что хранилось. Если они искали что-то, то не нашли. Бумаг много взяли, но кто сейчас пишет на бумаге? У папы всё было в компьютере, на дисках... А они у меня! Не добрались они до них! Так что всё, что он хотел опубликовать, будет опубликовано. Не беспокойся.

– Вот и хорошо.

– Я о другом думаю, – сказала Катрин. – Как можно жить в стране, где такое происходит?

– И что ты предлагаешь?

– Уезжать – что же ещё?

– Но ведь это будет означать наше поражение и их победу! Мы уедем, другие уедут... А что если все сербы уедут, а страну займут албанцы? Разве этого хотел папа?!

– Но у меня нет сил оставаться. Надо уехать, хотя бы на время...

– На какое время? – спросила Антуанетта.

– На год, на несколько лет...

– Уедем, и дальше-то что?

– А потом, может, вернёмся. Столько лет здесь прожили. Если всё наладится, если будет возможно здесь жить, почему не вернуться?

Антуанетта тихо плакала, вытирая слёзы платком.

В палату вошёл профессор Лежар.

– Это что ещё за слёзы? Я же предупреждал, что больную нельзя волновать! Сейчас нужно думать о живых!

Он взглянул на кулёк, который принесла Катрин, и улыбнулся.

– Может, нужны какие-то лекарства? – спросила она.

– Всё у нас есть. В таких случаях главное – постельный режим, сердечные средства, кислород и приём противовоспалительных средств. Но мне удалось достать новый препарат. Я очень на него надеюсь...

– Спасибо вам...

– Это вам, мадам, спасибо за дочь! Но вот о чём я думаю: не стоит ли вам уехать отсюда? Уж очень беспокойно здесь. И лучше не будет... Переезжайте в Париж! Что вас здесь держит?

– Мы как раз об этом говорили.

– Это моя земля, – сказала Антуанетта. – Здесь у меня похоронены родные...

– Я всё понимаю, – согласился Поль. – Но ехать надо, а не ждать, когда придут за тобой и поведут на убой.

– Но ведь сейчас не война!

– Война! Только идёт она по новым правилам. Поэтому я вам советую уехать.

– Я тоже так думаю, – сказала Катрин. – Но, во-первых, нужно, чтобы Антуанетта поправилась. Во-вторых, я хочу мужу и его родителям поставить памятник. Так что это может быть не раньше октября.

– Ну, что ж. К этому времени и я сделаю всё, что намечал, – сказал Поль, как будто отъезд Катрин и Антуанетты связан с ним.

Антуанетта посмотрела на Поля.

– Но вам, мадмуазель, сначала нужно выздороветь, – продолжал Поль.

– Это я понимаю. Я и так стараюсь. Это зависит больше от вас, чем от меня!

– Что вы, мадмуазель! Всё сейчас зависит только от вас!

– Например?

– Например, не забывайте всегда искренне улыбаться и наполнять сердце любовью. Это – лучшее лекарство.

Антуанетта грустно улыбнулась.

– А ещё? – спросила девушка.

– А ещё: меньше, мадмуазель, думайте о будущем и прошлом, так как именно они дают поводы для беспокойства. А оно

порождает стресс. Вместо этого старайтесь расслабляться. Помните, что расслабление приходит само, без особых техник. Умейте помогать и прощать. Расслабление – великое дело! Аутогенной тренировкой вам, мадмуазель, нужно заниматься постоянно!

– Вы – прекрасный психотерапевт! Мне уже легче...

– Вы должны чуть снизить планку, укротить свои амбиции. Тогда сможете освободиться от болезней и достигнете всего, о чём мечтали!

– Ну и ну! – воскликнула Катрин. – Вы и правда чародей! Даже на меня действуют ваши заклинания!

– Какие же это заклинания, мадам? Это советы доктора, искренне любящего свою пациентку!

– Не стоит бросаться такими словами! – грустно сказала Катрин. – Девочка и правда может поверить вам и ответит на эти чувства...

– Это было бы прекрасно!

– Вас послушаешь, – улыбнулась Антуанетта, – гнев, печаль, сожаления и меланхолия вредны, как и слишком большая радость или удовольствие. Страдать вредно, волноваться вредно.

– Совершенно верно, мадмуазель! Полезна умеренность во всём!

– К сожалению, я вряд ли так смогу! С детства привыкла: уж если что-то делаю, то – всей душой! Какая здесь умеренность!

– Вот именно потому и говорю, – улыбнулся Поль, – что вы нуждаетесь в постоянном медицинском наблюдении, вот я и буду наблюдать! Ну, а пока я вас оставляю. Сегодня вы, мадмуазель, – молодец! Я вами доволен.

– Спасибо...

Через полчаса в палату вошла медицинская сестра и стала налаживать капельницу. Было уже поздно, когда Катрин, наконец, собралась домой. Завтрашний день обещал быть тяжёлым: нужно было думать о том, как продать квартиру, как распорядиться вещами – что взять, а что бросить. И главное – как распорядиться литературным наследием Владко. Кроме статей, он ведь ещё собирал материал для книги. Увезти во Францию и спрятать до лучших времён? Но книга Владко должна появиться именно здесь. Во Франции она не нужна.

Катрин попрощалась с дочерью. В коридоре её встретил профессор.

– Вы, мадам, очень торопитесь?

– Куда мне теперь торопиться?

– Так, может, вы окажете мне честь поужинать со мной?

– Ну что ж, пойдёмте...

Они вышли из корпуса и оказались на тенистой аллее. Жара уже спала, и они медленно шли в сторону выхода за территорию госпиталя, где на площади перед входом было множество различных кафе, ресторанов, баров.

На Белград опустилась ночь. Огоньки домов, автомобилей и реклам весело мерцали, словно говоря: «А мы ничего не боимся! Нам всё нипочём. Мы освещаем город, прогоняем тьму, и уже не так страшно, и вокруг становится светлее!».

Но тревожные мысли не покидали жителей, а с наступлением темноты тревога усиливалась. Так уж повелось с древних времён, что не солнечный свет, а именно темнота вызывает чувство тревоги.

Город погрузился во мрак, и у него был серьёзный повод для беспокойства...

На площади, недалеко от входа в госпиталь, на тротуаре стояли столики под голубыми грибочками.

Поль передал Катрин меню.

– Если можно, мне чашечку кофе.

– Вы не хотите есть?

– Есть не могу. А вот рюмку коньяка выпила бы. Не могу успокоиться... а коньяк меня как-то расслабляет.

Сделав заказ, Поль попросил:

– Мадам! Расскажите мне о вашем муже? Я совсем не представляю жизнь журналиста.

– Жизнь как жизнь... – Катрин на мгновение задумалась, потом достала из сумочки сигареты и закурила. – Может, чуть циничнее, чем у других...

– Ну да! Информированность другая, – понимающе кивнул Поль.

– И это, конечно. Он хорошо знал, что скрывается за высокопарными словами политиков. Знал, откуда ноги растут, кто чего стоит, кто сколько наворовал... А так ничего особенного...

– И всё же, если можно, расскажите.

Пришёл официант. Поставил бутылку коньяка, фрукты, пирожные, кофе. Разлил коньяк и отошёл в сторону, поглядывая, не потребуется ли его помощь.

– Владко, так звали моего мужа, – тихо проговорила Катрин, – был журналистом от Бога! Он мог видеть явление целиком, анализировать события. Он не доверял никаким авторитетам, пока сам не убедится в действительности факта. Дотошный был...

– Да, такому человеку, я думаю, было не легко жить... Но история...

– Историю пишут люди! Они не могут быть объективными даже через века. Как и другие, они зависят и от политики, и от общественного взгляда на прошедшие события...

– Но позвольте, – пытался возразить Поль. – Всё же есть правда, есть объективная реальность!

Катрин испытующе посмотрела на профессора, словно сомневалась, неужели он столь наивен. Потом потушила сигарету и зло проговорила:

– У каждого – своя правда! Владко прекрасно понимал полуграмотный бред высоких чиновников, смешивающий обрывки реальных событий с фантастическими толкованиями, цитатами из непроверенных источников, с невежественными домыслами. Понимал, что их пламенные речи ровным счётом ничего общего не имеют с действительностью. Но попробуйте объяснить всё это, например, вон тому мужику за соседним столиком, который уплетает свой кусок мяса и счастлив, что может набить живот и имеет чем расплатиться.

Катрин достала из сумочки сигареты и закурила.

– В древнем Риме казни превращали в забаву. Осужденных выводили на растерзание львами, распинали на крестах, заживо сжигали на потеху. Но разве сейчас лучше? – Катрин подняла рюмку и молча выпила коньяк, даже не почувствовав вкуса. – Владко, как мог, боролся с этой сволочью, и сам стал жертвой...

Поль тоже молча поднял рюмку и выпил. Что он мог сказать?

В банкетном зале грохотала свадьба. Подвыпившая компания вывалила на площадь. А в это же самое время группа полуголых девиц в знак протеста против рака груди собрала по всему Белграду старые женские лифчики, связала их в длинную тряпичную цепь и

протянула её прямо к воротам госпиталя. Счастье было написано на лицах озорных девчонок. Они победили косную традицию, которая заставляет женщин стягивать грудь жёсткой обмоткой.

Из зала вышла невеста посмотреть на торжество протестующих девиц. Туго стянутую платьем безразмерную невесту и её жениха, этакого карликового бегемотика, поставили у небольшого фонтана, включили свет и начали любительскую съёмку по всем правилам серьёзного репортажа. Интересно, эта невеста тоже против бюстгальтеров? Всем заправлял режиссёр, которому была заказана съёмка домашнего фильма.

– И это – тоже правда жизни, – грустно закончила Катрин. – Албанцы убили родителей Владко, а он в своих статьях требовал от властей прекратить этнические чистки... И я уверена, что Владко убили ярые враги тех самых албанцев. И где же правда? Они боялись разоблачений. Дураки! Дискету с его последней статьёй они не нашли, и я её обязательно опубликую! Чего бы мне это ни стоило!

– Я вас понимаю, мадам... – Поль не ожидал такого всплеска эмоций. – Но я не хотел вас так волновать.

– Да нет! Я уже почти успокоилась...

Катрин снова закурила.

– Вы много курите, – грустно заметил Поль. Потом, помолчав, налил в рюмки коньяк. – Я уверен, что всё образуется. Долго такое сумасшествие продолжаться не может. Такое уже было, но всякий раз какая-то неведомая сила, может, инстинкт самосохранения, заставляла общество остановиться перед самой пропастью. Мы всегда сюсюкаем с демократией. Но она для войны не годится. Для войны годится всё, что может обеспечить победу. Другой цели у войны нет.

– Ну вот! И вы впадаете в мистику. Никогда ещё мир не был таким, как сегодня. Это я в смысле опасности глобального самоуничтожения. А посему всяческие аналогии с прошлым – сомнительны. Уничтожить миллионы сегодня проще, чем сотни и тысячи. Большинство живёт в городах. С сельским населением гораздо сложнее. Хотя чёрт его знает, как всё обернётся, а жизнь человека всегда имеет один и тот же конец...

У меня голова кругом идёт, когда я пытаюсь ухватить все эти сложности нынешнего времени. Я списала бы всё это на природную ограниченность собственного разума, да ещё с приличным

возрастным коэффициентом, но даже у «светочей мира» нахожу утешительный разнобой. Ну, может быть, не в такой степени. А пока... есть то, что есть...

– А где вы работаете?

– Разве я вам не говорила? Я – собкор газеты «Фигаро». Здесь у нас корпункт. Вот я им уже много лет и заправляю. Но теперь, видимо, вы правы, нужно возвращаться домой. Странное дело: столько лет прожила в Белграде, а дом, считала, у меня в Париже. Наш отчий дом... Но вы хотели со мной о чём-то поговорить? Что-то о дочери? Я так волнуюсь...

– Да нет! Ваша дочь, можно сказать, счастливо отделалась. У неё всё позади. Я и вправду считаю, что вам следует уехать. Здесь вам будет всё напоминать о трагедии...

– Напоминать! Вы просто не знаете нашу породу! Это останется с нами навсегда, где бы мы ни были и чем бы ни занимались. Но вы, конечно, правы: мы уедем к маме. А вот забыть или отвлечься – это не получится. Недавно дочь поделилась со мной. Она хочет написать книгу и на примере нашей семьи показать ужасы кровавого двадцатого века...

– К сожалению, в двадцать первом нас ждут события уже другие, и много масштабнее, – грустно заметил Поль. – Но это меня и пугало. Я боюсь, чтобы ваша дочь не ушла в эти проблемы. А писать такую книгу – значит снова и снова переживать все ужасы, которые довелось испытать и вашим родителям, и вам... Мне хотелось бы, чтобы жизнь у неё была счастливой. Но для этого нужно думать не только о прошлом. Нужно, чтобы она перешла в светлую полосу жизни. Чтобы были радости, семья, дети, друзья, наконец! Разве такое невозможно?

– Вы, месье – хороший человек. И о дочери моей понастоящему заботитесь. Я благодарна вам за это. Но я знаю Антуанетту. Она должна написать эту книгу. Иначе счастливой не будет. Пусть пишет. А я ей, как смогу, помогу!

Поль какое-то время молчал. Потом, вздохнув, проговорил:

– Наверное, вы правы, мадам... Но хотя бы сейчас постарайтесь её отвлечь от тягостных мыслей... Через несколько дней её выпишут. Но дома она должна соблюдать постельный режим...

– Выпишут? Это хорошо! А у кого получить счёт?

– Какой счёт?

- За лечение. Или мы снова в социализме живём?
- Нет, мадам. Мы живём там, где живём. Но платить ничего не надо.
- Это как понимать?
- Она является жертвой терроризма. На таких госпиталю выделяются определённые средства...Вы только берегите дочь и обязательно уезжайте из Белграда. Пусть ничто не напоминает вам...
- Хорошо. Но вы, месье, не знаете Антуанетты. Она – очень сильная девочка! В отца.

10. Дома Катрин приняла тёплый душ и легла в постель. Напряжение последних дней, как ни странно, не свалило её в глубокий сон, а, наоборот, погрузило в непонятную бессонницу, когда и сна-то нет, но и ясности мыслей тоже. В какое-то мгновение Катрин вдруг увидела себя как бы со стороны. Она брела куда-то со всеми. Знакомые – соседи по дому, сослуживцы. Катрин пыталась расспросить у них, не знают ли, что стало с её дочерью, но те ничего не знали даже о самих себе. «Куда же нас ведут?» – этот вопрос задавали все и в первый день пути, и во второй, и в третий. На редких остановках им кидали высохшие лепёшки. Люди с жадностью ели эти подачки, и им казалось, что нет на свете ничего вкуснее. Давали им и воду – на пути встречались реки. Подгоняли к воде и говорили: «Пейте, сколько хотите! Всё равно вам уже недолго осталось!» Тех, кто не мог идти и падал обессиленный на землю, оставляли умирать под палящим солнцем.

Катрин шла в толпе вместе со всеми, поддерживая старушку. Та едва могла идти, но почему-то всё время говорила ей об Антуанетте. Волновалась за неё, и это волнение передалось Катрин. «Наверно, Антуанетта уже погибла, – подумалось ей. – Разве эти изверги стали бы кого-нибудь лечить? У них «лечение» одно: пуля или удар сабли... И что же тогда у меня остаётся? Мужа зарезали, дочь отравили... Наверно, и мама не выдержит этих испытаний. Стариков они не жалуют...А старушка всё время падает... куда-то исчезает. Недолго и потеряться в этой толпе...».

Всё мрачнее становились места, по которым они шли: ущелья, чёрные скалы, бурные реки с водопадами и порогами. Их привели в мрачную местность, усеянную трупами: с криками кружились грифы и вороны.

Река грохотала, снося всё на своём пути. Она упорно боролась с крутыми берегами, подтачивая их. Она стремилась на свободу. Узкое русло раздражало её. Горные кряжи по обоим берегам местами сближались, сжимая русло, и тогда её ярости не было предела: она ударяла в каменистые берега, пенилась и шипела, но ничего не могла поделать.

Ущелье было глубоким и каменистым. Люди лежали на земле, предчувствуя неладное. Здесь собралось несколько тысяч несчастных, согнанных с разных мест. Они рассказывали друг другу о том, что им довелось перенести, не стесняясь, плакали, молились. Были и такие, которые говорили, что лучше прыгнуть в пропасть, чем ждать, когда тебе отрубят голову...

Со стороны леса, где расположились полицейские, никакого движения не было. Прошли сутки, но так никто и не приносил им ни тех зачерствевших лепёшек, ни воды.

Двое смельчаков попробовали по каменистому обрыву спуститься к реке, но сорвались и полетели вниз.

Рядом с Катрин стоял, словно гора, высокий, весь в чёрном, святой отец. Серебряный крест на толстой цепи отражал лучи заходящего солнца. Это был Комитас. Откуда она о нём знала? Кажется, из рассказов отца. Ну да! Конечно, это отец ей так много рассказывал о нём.

В этот момент пришел приказ вернуть архимандрита в Стамбул. В сопровождении доктора Торгомяна (почему-то с лицом профессора Лежара) и жандарма он тронулся в обратный путь. Катрин тоже оказалась рядом с ними на той телеге. Комитас сидел и ни с кем не разговаривал. Иногда он страдальчески вглядывался в даль и пел свою грустную песню.

Молодой жандарм проникся уважением к этому мулле. Иногда он заводил разговор с доктором, расспрашивал о священнике.

Кучер-грек был молчалив и старался не раздражать жандарма, понимая, что и его жизнь целиком зависит от этого молодого турка.

Торгомян-Лежар вёл себя достаточно смело. Он старался всячески оградить Вардапета от тягостей пути, помогал ему, чем мог. А когда было уж совсем тоскливо, рассказывал всякие истории. Однажды вспомнил, что в госпитале у них служил сапожником солдат-армянин. Так тот жаловался, что, несмотря на то, что он

регулярно платил налог за освобождение от службы, его всё же призвали. А недавно, рассказывал тот сапожник, куда-то угнали его семидесятилетнюю мать, жену и детей. Он особенно волновался за полуторагодовалую дочь: «Она такая ласковая, – говорил тот сапожник. – У неё такие прелестные глаза». Говоря это, он сам плакал как ребенок.

– Война... – глухо проговорил жандарм.

– Откуда такая жестокость? Зачем? Я понимаю, когда убивают вооружённого противника. Но когда убивают стариков, женщин, детей...

– Война... А армяне – предатели... – повторил жандарм.

– Я слышал, как один из ваших говорил, что не мог стрелять в женщин и детей и только притворялся.

– Тогда он – преступник. На войне как на войне!

– Но многие выражают по этому поводу неодобрение и сожаление.

Утром перед домом, где они ночевали, прошла колонна обезумевших людей. Мужчин почти не было. Их, видимо, убили раньше. Женщины кричали: «Пощадите нас, мы станем мусульманками, немцами или тем, кем вы желаете, только пощадите нас. Нас ведут в Камах-Богаз, чтобы перерезать горло». Другие умоляли спасти детей. Конные жандармы, размахивая плётками, гнали толпу. Потом сделали короткий привал. Люди валились на землю, не могли встать даже для того, чтобы попить воды. Жандармы бойко торговали женщинами. Они водили покупателей между лежащими на земле людьми, демонстрируя и расхваливая товар. Кто-то брал девушек, кто-то – детей... Они цеплялись за новых хозяев и послушно шли за ними.

Комитас старался не смотреть на это. Он склонил голову и закрыл руками уши.

Торгомян-Лежар попытался взять девочку четырнадцати лет, чтобы спасти её, но жандарм потребовал, чтобы он отправил её назад, иначе пригрозил и его туда отправить. «Если Бог не имеет жалости к ним, почему же мы должны их жалеть? Мы с вами делаем такое потому, что у вас плохая религия», – сказал он.

Город казался мёртвым. Люди появлялись здесь только для того, чтобы грабить дома; в некоторых из них уже жили семьи перемещённых мусульман.

На следующий день мутесарриф разрешил ехать им дальше. И снова они видели трупы вдоль дороги. Их так никто и не убрал.

На одной стоянке они видели, как из толпы вывели с десяток молодых женщин и раздели их догола. Потом выстроили перед главным жандармом, плетью ровняя строй. Женщины были вынуждены стоять обнажённые и завидовать тем, кого уже убили, кто давно избавился от позора и боли. Некоторые не могли держаться на ногах, но их хлестали плетью, принуждая встать. Другие, как безумные, рвали на себе волосы и громко кричали. Плеть надсмотрщика хлестала их, и Катрин видела, как на коже выступают кровавые полосы. И она стояла в той шеренге, голая, измученная... И её хлыстал плетью жандарм. И на спине её были кровавые следы от его плети.

Насладившись вдоволь, он громко прокричал:

– Это называется искуплением грехов. Вы искупаете грехи ваших мужей, братьев и сыновей! Они – враги моего народа! Ваш Бог принял смерть за свой народ. Вот и вы должны отвечать за свой народ, который предал шаха, предал Турцию!

– Но я не предавала никого, – пыталась возразить она. – Я и мой муж всегда выступали против жестокости! А ему перерезали гордо! И родителей его убили, а дочь чуть не отравили... За что?!

Жандарм посмотрел на её тело, её уже опавшие груди и снова ударил плёткой по спине. Кожа вздулась красным кровавым шрамом.

Надсмотрщик погнал женщин по дороге, и они шли босыми ногами по раскалённым камням, подставляя свои истерзанные тела безжалостному солнцу.

Катрин чувствовала на коже спины следы тех плетей, а ноги её были точно в огне. Ещё немного, и она бы просто упала и больше никогда не поднялась.

Потом она снова оказалась в телеге, на которой возвращался в Стамбул Вардапет. Колёса нудно скрипели. Тощие быки едва плелись и не реагировали на покрикивание погонщика.

Они сделали остановку вблизи греческого селения. На дороге стоял свирепого вида турок. Он недовольно взглянул на подводу и потребовал, чтобы они остановились.

– Я здесь, чтобы убивать армян. Они заслужили смерть. Все они анархисты.

А свирепый турок спросил сопровождающего их жандарма, почему и куда тот везёт армян? Но жандарм оказался грамотным. Он предъявил приказ и разрешение-пропуск. Этих нужно срочно доставить в Стамбул!

Свирепый турок с сожалением пропустил подводу.

Торгомян-Лежар прикрыл её наготу тряпкой, и так она ехала с ними дальше.

И снова они тряслись на повозке под скрип колёс и окрики погонщика. Они встречали толпы несчастных, распростившихся со своими процветающими селениями и шедшими в сторону Камах-Богазы. Жандарм приказал остановиться и пропустить колону. Они долго стояли на обочине, пока несчастные проходили мимо. Пожилые мужчины и старики, женщины и старухи, даже дети шли в полном молчании. Одна маленькая девочка улыбалась всему незнакомому, что встречала в пути. Она помахала им ручкой, и улыбнулась.

Они уже были довольно далеко, когда Катрин вдруг увидела бредущую в толпе Антуанетту. Она пыталась окликнуть дочь, но почему-то голос у неё исчез, и она только глубоко дышала. Крик так и не вырвался из её груди, и Антуанетта скрылась за пригорком.

Сопровождающий их жандарм рассказал, что он вёл партию женщин и детей в Мама-хатун, недалеко от Эрзрума. «Все погибли, все мертвы», – сказал он. Ашот спросил его: «Зачем их обрекли на такие ужасные мучения? Почему их не убили сразу?» Он ответил: «Трупы издавали бы зловоние!».

Они провели ночь в Эндересе, откуда один день езды до Шапин-Карахисара. Как обычно, для ночлега им предоставили покинутый армянами дом. На стене карандашом было написано по-турецки: «Наше убежище теперь в горах, нам больше не нужна крыша, прикрывающая нас; мы уже осушили горькую чашу смерти, мы больше не нуждаемся в судьях».

Большие подвалы дома были переполнены женщинами и детьми. Жандарм сказал им, что их погонят в дальше завтра утром.

Не успели они уснуть, как были разбужены выстрелами.

Выстрелы следовали один за другим, и Катрин отчетливо слышала слова команды. Все сразу поняли, что случилось, и даже испытывали чувство облегчения при мысли, что эти несчастные уже избавились от мук.

Комитас вдруг снова тихо то ли завыл, то ли заплакал, и так – до утра. И Катрин, вдруг задрал голову вверх и устремив взгляд на луну, завыла волчицей, стараясь попасть в тон Комитасу.

На следующее утро люди рассказывали им, что были убиты армяне, пытавшиеся бежать. В стороне от дороги два вооружённых человека, стоя под деревом, делили одежду убитых. Их повозка проскрипела мимо места, залитого запёкшейся кровью.

Тощие волы едва тянули подводу. Дорога шла в гору. Одни и те же картины... У края пропасти стояли измученные люди. Торгомян-Лежар знал, что должно произойти. Он всё время говорил спутникам: «Нельзя думать и говорить только о плохом! Нам нужно скорее отсюда уехать!» – и пытался отвлечь Комитаса, но тот сам закрыл глаза и уши. Вардапет молился. Его молитва становилась всё громче и громче, и все, кто находился рядом, стали плакать. Его песня разрывала душу. Но жандарму было предписано доставить Вардапета целым и невредимым, и он старался не обращать на него внимание. Штыки солдат блестели на солнце. Стоявшие в стороне жандармы расстреливали армян, а другие приканчивали жертвы ножами и камнями. Кому-то удалось бежать.

К их телеге подошёл верзила с чёрной бородой и шрамом на щеке. Он стащил Катрин на землю, повалил и стал рвать её одежды. За неё неожиданно заступился сопровождающий их жандарм.

– Этих не тронь! Их приказано доставить в Стамбул! Я за них отвечаю!

Мужчина неохотно подчинился, и Катрин снова села в повозку.

– Мы травили их угарным газом! – крикнул он. – Они не имеют права жить! Они виноваты...

В двенадцати часах езды от Себастии путники остановились на ночь в большом доме. Жандарм сидел у двери комнаты и не разрешал никому выйти. В соседней комнате разговаривали почему-то по-французски. Кто-то кричал:

– Вы мне эту молодую найдите! Она осталась жива. Я думал, что она задохнётся в том доме, который мы подожгли. Но она жива! Найдите её из-под земли!

Катрин поняла, что он говорит об Антуанетте.

Из подвала были слышны крики и плач женщин. Катрин хотела выйти и посмотреть, что там творится, но жандарм её не пустил, сказав: «Их крики тревожат вас, я запрещаю им плакать».

Потом они снова тряслись в телеге по этой бесконечной дороге.

Садист-жандарм испытывал особенное удовольствие, когда указывал на ужасные картины, встречавшиеся им, и говорил кучеру: «Сначала мы перебьём всех армян, затем греков и курдов. Мы будем им отрезать головы, как это сделали с мужем этой дамочки! А ты, грек, – обратился он к кучеру, – посмотри туда в ров, там лежат и греки».

Наконец они достигли Себастии. Им пришлось ждать около часа у правительственного здания, пока изучали их документы. Затем разрешили ехать дальше.

Однажды по дороге в Кесарию вечер их застал в горах. Они решили заночевать в шалаше пастуха, куда и вошли. Турок-пастух зажёл светильник и разостлал на полу толстый войлок, приглашая гостей сесть. При этом он главным счёл не жандарма, а священнослужителя Комитаса.

Среднего роста, с коротко остриженной седой бородкой и чёрными с проседью волосами, пастух был удивительно ловок и силен.

– Садись и ты, добрый человек, – сказала Катрин, – и спасибо тебе за гостеприимство и теплоту. Случай завёл нас в твой шалаш, и мы рады, что встретили доброго человека. Но скажи, хозяин, нет ли у тебя что-нибудь поесть. Мы сопровождаем очень большого человека...

– Не тревожься понапрасну, – ответил пастух. – В моём шалаше всегда найдётся что-нибудь поесть. Поделюсь всем, что мне дал Аллах...

Он достал лепёшки, сыр и кислое молоко.

– Ешьте! Во славу Аллаха и я, помолясь, присоединюсь к вам.

Он неторопливо постелил коврик и, встав на колени, стал молиться.

– Не положены им такие почести, – обратился к нему жандарм, – это – неверные! А тот, в чёрном, – их мулла.

– Ты хоть и жандарм, но не в наших обычаях тебе учить меня, старика, – ответил пастух. – Ты лучше почитай Коран. Впрочем и я читать не умею. Но я знаю, что Аллах учит почтительному отношению ко всем своим детям. Он против того, что сейчас творится. Этому не учит наша вера! Это всё – проделки богачей там, в городах... Не поделили что-то, а простые люди кровью харкают... Слышал я в мечети, что наша религия должна с уважением относиться к другим верам. И только Аллах определит, кто грешен, а кто праведный... Не тебе это решать!..

Катрин никак не ожидала такое услышать от простого пастуха. Она с уважением и благодарностью посмотрела на него, но сочла возможным лишь заметить, указывая на молчащего Комитаса:

– Это архимандрит нашей церкви. При этом он собиратель народных сказаний и песен. Он и сам пишет музыку, сочиняет стихи, руководил хором... У него мирная профессия...

– Убери светильник, – недовольно сказал жандарм, обиженный пренебрежительным отношением. Он понимал, что здесь – не его территория и пастух здесь – и сила, и власть. – Убери светильник подальше или лучше повесь его снаружи. У меня глаза болят. Да и без огня скоро будет светло. Видишь, всходит луна.

Пастух исполнил желание гостя и стал хлопотать о трапезе.

Он налил в чашу прохладного кислого молока и протянул её Комитасу. Тот с удивлением посмотрел на хозяина и дрожащими руками принял чашу. Кивком головы поблагодарил хозяина и стал пить большими глотками. За всё это время он не ел и не пил ничего вкуснее.

– Видно, ты сильно устал в дороге, – сказал, обращаясь к Комитасу, пастух. – Я сейчас вам постелю. До утра ещё можно немного поспать.

Он достал в углу ковёр и расстелил его недалеко от входа. Положил несколько подушек. Потом в сторонке постелил ей, а с другого края – остальным мужчинам.

– А ты? – спросил его Торгомян с лицом Поля.

– Я пойду, покормлю собак.

– Спасибо... добрый человек. Я даже не знаю, кого должен благодарить за всё это.

– Меня зовут Гасаном. Но хватит говорить. Отдохните немного, а у меня ещё дел много...

И он вышел из шалаша.

Весть о поражении турецких и германских войск с быстротой молнии долетела до тех мест, где отдыхали путники. Жандарм оставшийся путь был предупредителен и тих. Мало ли как изменятся дела?!

Странными и даже таинственными свойствами обладают Пространство и Время. Всё, что ни происходит или будет происходить, – существует как бы одновременно. Людям кажется, что они движутся во времени из Прошлого в Будущее. Но есть такие, которые, сосредоточившись, могут одновременно пребывать и в прошлом, и в будущем!

Казалось бы, то, что было, того уже не перепишешь, а то, что будет, того не избежишь! Всё – объективно, помимо нашей воли и желания.

И всё же существует ещё один мало изученный феномен переплетения Пространства и Времени: это когда где-то в параллельном мире происходит то, что могло бы происходить здесь, с тобой или твоими близкими. Бывают случаи, когда люди, находящиеся в том, другом мире, вдруг неожиданно на короткое время переходят к нам, или кто-то из нашего – к ним! Это трудно объяснить, но такое явление и есть петля времени! Человек, побывавший в ней, потом ничего не может вспомнить о тех событиях, в которых принимал участие. Их как бы и не было в его жизни. Это могут быть и воспоминание о будущем или давно ушедшем прошлом. Но потом вдруг возникает какое-то доказательство того, что он там всё-таки был: то ли вспомнится что-то, то ли во сне привидится, то ли вдруг возникнут письменные свидетельства или фотодокументы, неопровержимо свидетельствующие, что с человеком произошло нечто такое, о чём он и не подозревал...

Так случилось и на этот раз. Земля прокрутилась вокруг своей оси, и её тёмный бок стал светлым, а светлый вошёл в темноту. Что-то произошло и в голове: то ли связи какие-то новые возникли,

возбуждая ту самую генетическую память, то ли запестрили, заиграли очажки давно угасших воспоминаний – в самых отдалённых уголках мозга.

И Катрин, пережившая страшные события, проснулась утром с ощущением того, что она узнала что-то важное. Вот только что именно – она не помнила. Лишь смутная догадка осталась на дне души. Может быть, она ещё доберётся до этого дна и тогда вспомнит или поймёт. А может, это так и останется тайной...

Говорят, что время лечит. Оно течёт себе, как река. А с течением времени уходит и болезнь.

Так было и с Антуанеттой. Ещё недавно жить не хотелось, а теперь она думала о будущем! Значит, стала выздоравливать! Она благодарила судьбу за то, что осталась жива, что снова способна чувствовать красоту жизни...

С каждым днём Антуанетте становилось лучше. Девушка старалась не вспоминать того, что произошло, но мысли всё время возвращали к недавним событиям.

В палату вошёл улыбающийся профессор Лежар.

– Ну что, сегодня вечером выписываем вас!

– Как? Уже сегодня?!

– А вы что – не рады?

– А как же я?.. А как же вы?..

Поль рассмеялся.

– Во-первых, если позволите, я вас сам отвезу домой. А во-вторых, я уже не смогу без вас!

– Да ладно вам насмехаться!

– А я вовсе не насмехаюсь! Я разве не говорил, что люблю вас?

Антуанетта смотрела на него и не понимала: всерьёз ли он говорит или шутит?

– Хороший доктор и должен любить своих больных.

Поль вдруг смутился и сказал уже совсем по-другому:

– Но я вас люблю не как больную... Я хотел об этом сказать у вас дома при вашей мамушке... Но не получилось... Вы пока ничего не отвечайте. Я понимаю, что после того, что произошло, трудно думать о любви. Но – жизнь продолжается! Всё, что я вам сказал, – очень серьёзно. Не знаю, что со мной произошло. Я давно не

мальчик. Но такое у меня впервые.

– Мне это приятно...

– Я должен сделать перевязку послеоперационной больной. А потом отвезу вас домой.

– Хорошо... А я пока позвоню маме.

Когда Поль ушёл, Антуанетта связалась с Катрин.

– Мамуля! Меня сегодня выписывают... Нет, не нужно. Меня привезёт Поль... Он хочет повторить своё предложение при тебе...

– Когда вы приедете? – Катрин была готова к такому развитию событий.

– Не знаю... Часам к пяти.

– Хорошо. Я к этому времени буду дома...

В пять в палату зашёл Поль. Он был уже без халата. И Антуанетта тоже была готова к выходу. Бережно поддерживая, он помог ей выйти из госпиталя и усадил в машину. У девушки кружилась голова, чуть поташнивало.

– Я буду ехать осторожно, – заверил Поль. – А вы смотрите на улицу и дышите глубже. Видите: жизнь продолжается!

В шесть они были уже дома. Их встретила Катрин. Она по-прежнему была в чёрном платье.

В комнате за столом сидели сотрудники Катрин, Миролуб, какие-то женщины. Они пришли помянуть Владко.

Катрин поцеловала дочь, поздоровалась с Полем и пригласила к столу. Многие не знали друг друга, пришли сюда впервые.

Соседка по лестничной клетке, седая женщина в чёрном платке, недавно потерявшая близкого человека, тихо говорила сидящей рядом:

– Уже прошло четыре месяца, а мне легче не становится. Не потому, что не могу смириться с потерей. Я понимаю, что ничего изменить нельзя, что я на этом свете, а он – на том. Я даже думаю, что ему там лучше, чем было здесь. Но иногда чувствую его присутствие. Как, – не знаю. Ничего конкретного. Но он здесь. Друзья говорят, что я должна не думать об этом, но не могу ничего с собой сделать.

– Не понимаю, – отвечала ей соседка, – почему считается, что траур надо соблюдать один год? Почему вдове нельзя снова выйти

замуж раньше?

– Мне говорят, что время лечит, – продолжала седая женщина в чёрном, не слушая собеседницу. Она не очень заботилась о том, чтобы её кто-то слушал. Просто говорила, потому что не могла не говорить. – Но при чём здесь время? Скорее всего, это свойство памяти, тускнеющей со временем. Или дело в другом?

– Я слышала, чуткие люди ощущают присутствие души усопшего дома, хотя его прах уже погребён. Иногда это шум, шелест, звук, видения. Незримое присутствие...

Катрин попросила наполнить рюмки и выпить за упокой Владко и его родителей.

Поль осторожно присматривался к окружающим. Всё было не так, как во Франции. Сама атмосфера происходящего отличалась от того, к чему он привык.

Миролюб вспоминал, как они с Владко ездили в Сараево.

– Это он меня, так сказать, пристрастил к фотографии, подарил цифровую камеру! Где мы с ним только ни были, милый Боже! И странное дело: его пропускали всюду. Он пользовался уважением всех враждующих сторон. Знали: этот журналист не наврёт, расскажет всё как есть. Владко всегда стоял на стороне слабых...

Какая-то женщина, видимо, сотрудница Катрин, рассуждала о предназначении журналистики:

– Вообще-то, – говорила она, – в наше время лишь очень редкий журналист отважится действовать независимо. Любая статья должна иметь заказчика. Невозможно написать просто то, что хочешь. Тебя спросят: а в чьих интересах написал?

Сидящий рядом мужчина возразил:

– Я думал, что журналист должен смотреть на мир, а затем рассказывать о виденном читателю...

Женщина заметила, глядя на Поля и ожидая его реакции:

– Но и врач не может заниматься врачеванием вне связи с коллегами! Только так он сможет лечить...

Поль с трудом понимал, о чём присутствующие беседуют так оживлённо, и молча слушал.

– Всё это ещё раз подтверждает мою мысль, – сказал мужчина, – что здесь жить становится опасно. Только и слышно: там что-то случилось, а там ещё что-то. Беда может прийти к любому. Надо бежать из этой страны.

Когда гости разошлись, Поль, преодолевая смущение, сказал:

– Я понимаю, что не время мне начинать этот разговор, но так получилось. Да и, Бог знает, может, как раз и самое время. Мадам! Я люблю вашу дочь и прошу у вас её руки!

Поль в конце этой речи окончательно смутился и уже смотрел не в глаза Катрин, а на скатерть, на которой краснело пятно от пролитого вина.

– Боже, как старомодно и торжественно! Судя по тому, с каким восторгом мне об этом говорила по телефону пару часов назад Антуанетта, о её согласии даже спрашивать не стоит.

– Ну, мама! Могла бы и не говорить этого! Поль и сам не слепой.

– Тогда чего же просить у меня твоей руки? Знаете, Поль, берите её всю! И будьте счастливы! А траур? Я думаю, что и твой отец, твои бабушка и дедушка были бы рады видеть твоё счастье.

Потом разговор зашёл об отъезде.

– Я думаю, можно будет вещи отправить контейнером, а мы поедем на моей машине. Дорога не такая уж долгая. Машина у меня хорошая.

– Нет, дорогой Поль. Спасибо за предложение, но мы поедем поездом, – сказала Катрин.

Было уже поздно, когда Поль ушёл, а Катрин и Антуанетта ещё долго говорили о грядущих изменениях в их судьбе.

– Я так волнуюсь, – говорила Катрин, – как будто это не тебя, а меня засватали.

– Ты вспоминаешь Хасана? – спросила Антуанетта. – Но мы же будем жить в Париже. Там такого произойти никогда не может!

– Надеюсь, хотя уже не верю ни во что! И там есть свои придурки, обкуренные идиоты. Почему ты говоришь, что там такого не может произойти?

– Не знаю... Когда я лежала в больнице – думала: смогу ли полюбить так, как любила Хасана?

– Не говори глупости. Сможешь! У всех когда-то была первая любовь. И что? Потом они всю жизнь не выходят замуж? Тем более, если бы был жив Хасан. Но его нет!..

– Его нет... – эхом откликнулась Антуанетта. Помолчав, тихо сказала: – И смогу ли я забеременеть? Я так хочу иметь детей! Мне уже двадцать шесть!

– Сможешь! Всё ты сможешь! А Поль мне нравится. Целеустремлённый, добрый, заботливый...

– Я почему-то всё время сравниваю его с Хасаном...

– Ничего. Это пройдёт... Хасан, – это твоя первая любовь. Поль – уже вполне состоявшийся человек. Хватит! Поздно уже. Давай спать.

Странное дело, но и в эту ночь Катрин долго не могла заснуть. Или из-за событий последних дней, или из-за усталости. Мысли Катрин плутали по закоулкам памяти, выхватывая из её глубин недавнее и давно минувшее, переставляя в видениях даты и образы...

11. На армянском языке слово «ануш» означает – сладкая или приятная. Но сколько горечи было у бедной Ануш, сколько слёз она пролила, думая о судьбе родителей. Выходить на улицу страшилась. Да и господин Рунге строго-настрого запретил делать это, опасаясь за её судьбу. Первые дни девушка не знала, куда себя деть. Помогала нанятой господином Рунге старухе-турчанке прибирать небольшую квартиру, готовить обед. Фатима жалела девушку. Она всякое повидала на своем веку. Но такого позора и греха перед Аллахом, какой накликал на себя её народ, унижая и убивая христиан – греков, армян, не знала. Старая Фатима вздыхала, но подойти к молодой ханум, утешить, не решалась. Что могла она ей сказать?

Генрих не видел слез Ануш. Она их скрывала, продолжая и в мыслях, и вслух называть его не иначе, как герр Рунге. Ануш неплохо знала немецкий язык. Недаром в католической гимназии святой Екатерины, куда определили её отец, слыла одной из первых учениц. Её даже ставили в пример другим воспитанницам.

«Боже! Как моя Антуанетта похожа на свою прабабку!» – подумалось Катрин.

Девушка при встрече с герром Рунге, преодолевая робость, расспрашивала о судьбе родителей, а Катрин пыталась что-то ей

подсказать. Потом вдруг спохватывалась, понимая, что Ануш не может её услышать.

Генрих приходил каждый день. Он приносил продукты, интересовался её делами.

Однажды, когда Ануш угощала его чаем, он попросил её сесть рядом.

Девушка несмело присела напротив.

– Дорогая Ануш, – начал Генрих. – Когда я видел твоего отца, он передавал тебе привет и пожелание, чтобы ты была счастлива.

Ануш с надеждой и признательностью взглянула на спасителя.

– Спасибо, герр Рунге. Я так признательна вам за то, что вы стараетесь помочь моему бедному отцу.

– Это мой долг. Твой отец был хорошим человеком...

– Был? Почему был? – Ануш точно встревоженная лань испуганно посмотрела на Генриха. Он понял свою оплошность. Проговорил, сжав на мгновение в своей большой ладони изящную кисть Ануш:

– Я неточно выразился. Мы говорили больше месяца назад. Их должны были перевести вглубь страны. Таково распоряжение правительства. Идёт война...

На глаза девушки навернулись слёзы.

– Я постараюсь вывезти тебя из страны, – сказал он. – Но для этого требуется как-то узаконить наши отношения. Я полюбил тебя с того момента, как только увидел, и очень хочу, чтобы ты стала моей женой!

И снова Катрин вдруг вместо высокого светловолосого Генриха увидела коренастого чёрноволосого Поля. Он смущённо ждал её решения.

Ануш покраснела и тихо проговорила:

– Я понимаю, герр Рунге... Спасибо вам, но сегодня столько горя у нас. Увели моих родителей, и я не могу даже узнать, где они и что с ними. Как мне уехать из Турции? А если родители вернуться?! Кто их встретит дома?

«А Антуанетту-то не очень смущало, что придётся уехать из родной Словении. Да и предложение о замужестве приняла с радостью. Рада была до смерти! Другие времена, другие нравы»... – тут же подумала Катрин.

– Я понял тебя, дорогая Ануш, – сказал Генрих. – Не будем торопиться... Кстати, нам удалось добиться освобождения архимандрита Комитаса. Это было очень непросто, но, учитывая его церковный сан, всё же его отпустили. Тем более, что генерал, как оказалось, слышал его игру в Берлине. Он лично подписал распоряжение и потребовал, чтобы Комитаса привезли сюда!

Генрих был так возбуждён, что даже не заметил, как ожившее было лицо Ануш вновь стало печальным.

– А родители...

– В приказе было сказано, чтобы архимандрита сопровождал Микаэл Кечан.

Ануш уже минуло пятнадцать, но она ещё не испытывала сладостного чувства любви. С подругами гуляла в саду, бегала по крышам, мечтала о счастье. С удовольствием лежала в саду на траве и читала книгу, иногда засыпая в тени большого дерева. Мать неслышно подходила, целовала в лоб, крестила, накрывала лёгким одеялом. Ветерок играл её волосами, и она, проснувшись, улыбалась ясному небу, солнышку, цветам и бабочкам. Но больше времени проводила с матерью за вышиванием. Ни один юноша не тронул ещё её сердца.

Генрих не позволял себе ничего, что могло бы оскорбить девушку. Но стал всё чаще говорить о своей любви, приносил подарки. Потом уходил ночевать к приятелю.

Однажды пришёл раньше обычного.

– Дорогая Ануш! Вернулся отец Комитас. Его трудно узнать. Эти изверги издевались даже над духовным лицом! Если хочешь, навестим его. Может, он что-то знает о судьбе твоих родителей.

– Как?! Отец же должен был его сопровождать!

– Что-то там случилось, и Вардапета сопровождал доктор Торгомян. Ты помнишь его? Он был тогда у вас в саду.

Они быстро собрались и пошли к Вардапету.

Прямо у входа в дом перед ними открылась душераздирающая сцена: неухоженный, с веером в руке, стоял Вардапет, окружённый членами семей, сосланных в Чангр, пришедших за новостями о жизни близких... Комитас взволновано утешал их, говоря, что все они живы и здоровы.

– Так же как и мы, они тоже скоро вернуться, – говорил он, не глядя им в глаза. – Не задерживайте ответы на их письма и телеграммы...

Потом он стал грозить небу и браниться, не обращая ни на кого внимания. Постепенно все разошлись, а Генрих и Ануш подошли к нему ближе.

Пережитый кошмар оставил глубокий отпечаток в душе Комитаса. Он уединился, укрылся в своих тяжёлых думах, сломленный, печальный.

Ануш подошла к нему и тихо спросила:

– Святой отец! Я пришла, чтобы узнать у вас. Может быть, вы что-то знаете о судьбе моих родителей!

Комитас грустно посмотрел на девушку, стараясь вспомнить, кто она.

– Я – Ануш Кечан. Вы были у нас в доме, когда арестовали вас и моих родителей, – напомнила она ему.

– Ануш! Детка! Как же, я всё хорошо помню... А это, если не ошибаюсь, герр Рунге? Помню, хорошо помню...

И вдруг, словно наткнувшись на какое-то препятствие или вспомнив что-то, заговорил, как перед аудиторией:

– Стадо без пастуха, потерянное и сбившееся... невидимые, но бурные волны сотрясают плачевную историю жизни моего народа. В сети бездушных охотников попали наивные рыбки. Атмосфера пышет ядом – спасения нет. Разруха, ужас и насилие – с одной стороны, а с другой – безразличие и грязные сердца. Тщеславие и сноровка с одной стороны, с другой – неспособность и незнание. Каждый чувствует свою должность как облачение для сокрытия наготы своего ума от глаз наивных. Наше тело сгнило, душа осквернена, земля покрыта трупами...

Потом вдруг замолк и, застеснявшись, набросил на себя простынь.

– Извините меня... извините... Где наш мудрый Хоренаци, пусть восстанет из пропитанной кровью земли и оплакивает души и сердца, умы и дела наших потомков. Наши предки исполнили свою миссию с самопожертвованием, а мы – с нищетой и убожеством. Сердце мое разрушено...

Генрих старался успокоить Вардапета, а Ануш повторила свою просьбу сказать, не знает ли он что-нибудь о судьбе её родителей.

– Не знаю... Я ничего не знаю... Там... Боже, как же мне быть? Что мне им говорить?..

И кинувшись на постель, задыхаясь в слезах, добавил:

– Никто не знает раны нашей национальной трагедии... это сведёт меня с ума!

По дороге домой Генрих обещал девушке узнать о судьбе переселенцев. На самом деле он давно всё знал. Турецкие власти сказали, что на колонну напали курдские дикари и всех перебили. Но как сказать об этом Ануш, он не знал.

В тот вечер Генрих снова заговорил о том, что им необходимо уехать.

– Дорогая Ануш! Я тебе уже говорил о своей любви. Я понимаю, что тебе трудно ответить мне...

– Не в этом дело, герр Рунге! Не в этом дело! Не буду скрывать, вы мне тоже нравитесь. У меня нет опыта в жизни, но вы были другом моего отца, и я слышала о вас только хорошее. Но... мне страшно... Я хочу, если такому и суждено быть, чтобы нас обвенчали в церкви...

И снова, на мгновение вырываясь из той самой петли времени, Катрин подумала: «И Антуанетту мы тоже будем венчать в церкви! В той же, в которой венчали меня с Владко...»

И снова она увидела несколько вытянутое лицо своего деда. Ноздри его выдающегося носа, словно паруса, наполненные воздухом, трепетали от волнения.

– Конечно, дорогая Ануш! Я тоже этого хочу! – Генрих, окрылённый словами девушки, был счастлив. – Я завтра же постараюсь узнать, где нас могут обвенчать. Правда, я – католик. Но – христианин! Думаю, что всё будет хорошо!

Прощаясь, он впервые позволил себе нежно поцеловать девушку и вышел, чтобы не смущать её.

Шло время. Германия потерпела сокрушительное поражение в войне. В феврале 1917 года в России свергли царя. В Турции чувствовалось значительное охлаждение к немцам.

14 августа 1917 года Ануш и Генриха обвенчал священник, один из тех, кто остался служить в церквушке на территории немецкой дипломатической миссии. К этому времени Ануш уже научилась хорошо понимать Генриха.

Узнав о судьбе родителей, она плакала, часто навещала Комитаса, помогала чем могла.

Очень скоро Ануш забеременела. Она видела, как был счастлив Генрих, как трогательно за ней ухаживал, как был заботлив и внимателен к любым её просьбам.

Однажды, зайдя проведать Вардапета, Ануш увидела его большие, горящие возбуждением глаза.

– О, я вижу, ты, деточка, собираешься стать матерью! Как это прекрасно! Значит, жизнь продолжается! – Потом вдруг замолчал и спустя некоторое время грустно заметил. – Только для меня она уже закончилась...

– Ну что вы такое говорите, святой отец?! – воскликнула Ануш. – Мы вас отвезём в Европу, подлечитесь там и будете жить долго-долго...

– Нет... Куда мне уезжать?! Где и кому я нужен?! Осень моей жизни давно настала... Скоро и зима придёт... Холодно...

У четы Рунге родилась девочка, которую они назвали в честь мамы Ануш – Наной. Девочка росла слабенькой, болезненной.

А ещё через год они решили уехать. Ануш настояла на переезде во Францию. Подсознательно боялась Германии, Кёльна, где прошла молодость Генриха. Боялась его родственников, друзей...

Они решили поселиться в Париже. Это сравнительно недалеко от Кёльна, да и город им нравился. Генрих рассчитывал продать газету в Кёльне и открыть издательство во Франции.

Однажды, незадолго до отъезда, оставив дочь на няню, они навестили больного Комитаса. Там застали Ашота Торгомьяна. Когда они пришли, доктор уже собирался уходить. Он с грустью посмотрел на Генриха и сказал:

– Тяжело болен наш Вардапет. Ему бы в больницу. Его нужно везти в Европу...

– Мы собираемся уезжать в Париж. Можно было бы вместе... – несмело предложила Ануш.

– Конечно! – согласился Генрих. – Только захочет ли он?

– Я думаю, уговорим, – заверил доктор. – Я вам напишу направление и эпикриз. Вы передадите там докторам. Да, но я не знаю французского, а там вряд ли знают турецкий...

– Не беспокойтесь. Я думаю, что больших проблем не будет. Но знаете ли, уважаемый Ашот! Ваш вид мне не нравится. И вам бы следовало подлечиться!

Торгомян посмотрел на Генриха и промолчал. Зачем говорить этому успешному немцу, что на его глазах убили жену и дочь?! Разве можно не сойти с ума после пережитого? Слава Богу, у этой девочки Микаэла есть шанс выбраться из этого ада!

– Меня вызвали в полицию. Там, скорее всего, и подлечат, – горько усмехнулся Ашот.

– Вызвали? – встревожился Генрих. – Так, может, не стоит ходить. Уезжайте куда-нибудь!

– И что?! Так всю жизнь я и буду бегать? Нет! Я пойду. Будь что будет!

– А может быть, с нами? – спросил Генрих, но Ашот покачал головой.

– Нет! Пойду... Я лечил жену начальника... Пойду...

Он передал Генриху направление для Комитаса и краткий эпикриз. Генрих повторил приглашение:

– Дорогой Ашот! Всё же подумайте. Мы можем уехать вместе. Я думаю, что смогу договориться, чтобы вам не чинили препятствий...

– Нет, – упрямо повторил доктор. – Что должно случиться, пусть случится! Пойду!

Комитас на предложение поехать подлечиться в Европу даже не отозвался. Он сидел на кровати и отчуждённо смотрел на вошедших. Потом на мгновение в его глазах появилось осмысленное выражение, и тогда он застеснялся, натянул на себя лёгкое покрывало и быстро заговорил, облизывая пересохшие губы:

– Разве вы не чувствуете холода смерти? Это глубокая осень с её холодным ветром и жёлтым листопадом... – Потом вдруг замолчал и спустя некоторое время грустно заметил. – Для меня всё уже закончилось...

Он взглянул на гостей и грустно запел:

*Перед взором
Стали хором –
Пожелтелая листва,
Да опавшая кора.*

*Смерть-старуха рядом бродит
И косою жёлтой водит,
Разобрал её слова:
Мол, пора! Давно пора!*

*Красными от крови стали
Воды бурного Евфрата...
И увижу я едва ли
И друзей своих, и брата...*

*Там не слышно наших песен,
Только ужас, только страх...
Им не видеть больше вёсен...
Памятником стал Кемах,*

*Красные от крови камни,
Вид ущелья и долин...
Не забуду! Буду помнить!
Нет друзей, и я – один!*

*Не забыть, где б ни был я,
Крик на тире воронья...*

Комитас замолчал, и слёзы потекли по его впалым щекам. Генрих и Ануш старались его успокоить, но он снова впал в своё обычное состояние, лёг и отвернулся к стене.

«Боже! Как же мне запомнить эти стихи? – подумала Катрин, во сне переворачиваясь на другой бок. – Хоть самописцы устанавливай! Сколько же горя хлебнула моя бабушка!».

Ранней весной 1919 года Генрих Рунге со своей семьёй и больным Комитасом сели на пароход, направляющийся в Марсель.

Весна в том году была дождливой и ветреной. Непокойное море бросало судёнышко из стороны в сторону, и казалось, что оно вот-вот развалится. Переполненный пароход глубоко погрузился в воду, и волны часто заливали палубу, где сидели пассажиры, которым не достались каюты, и они укрывались от ветра и дождя под парусиновым пологом.

Генриху удалось заблаговременно купить билеты в две каюты. В одной расположились они с женой и дочерью, в другой – Комитас. Он целыми днями лежал на койке и о чём-то думал, отказывался от еды, почти не отвечал на вопросы. Иногда наступали короткие просветления сознания, и тогда он молился или тихо пел своим бархатным голосом.

Однажды, когда к нему зашла Ануш, он с благодарностью посмотрел на неё, но, увидев в её глазах тревогу, спросил:

– Что случилось, дочь моя?

– Дочка заболела. Видимо, простыла. Температура, кашель. Ночь не спала...

– Я буду молиться за её здоровье. Всё будет хорошо...

– Спасибо вам, святой отец! Если бы не Генрих, не знаю, что бы и было...

– Он хороший человек! И любит тебя, дочь моя! – сказал Вардапет и запел, раскачиваясь, словно в молитве:

*– Тебя не любить –
В Геенну сойти,
И душу спалить.
Тебя полюбить –
В Эдем попасть,
И в розах спать.*

Потом повторил:

– Я буду молиться... Иди, дочь моя, к дочке! Иди!

Но девочке становилось всё хуже и хуже. Она отказывалась от еды, только пила водичку. А на следующую ночь, когда Ануш прикорнула возле ребёнка, сморенная бессонной ночью, девочка умерла. Что творилось с Ануш, описать трудно. Генрих отпаивал жену валерианой, как мог, успокаивал её, хотя и у него сердце разрывалось от горя. Утром пароход пришёл в Марсель. Генрих

сторговался с владельцем авто, и они с больным священником отправились в Париж. Там и похоронили малышку, а Комитаса отвезли в пригородную лечебницу Вил-Жуиф.

Утром, проснувшись, Катрин никак не могла вспомнить свой сон. Последнее время видения не давали ей отдохнуть, и она понимала, что они будут сопровождать её ещё долго.

12. На сороковой день был поставлен памятник из чёрного гранита. Катрин смотрела на него, совершенно не воспринимая художественных подробностей и текста на нём. Она видела перед собой только чёрный цвет. Ей казалось: прожит огромный кусок жизни, и вот теперь в конце него, наполненного такими кровавыми событиями, поставлена большая чёрная точка. Вот она – подводящая итог, твёрдая на ощупь, холодная и блестящая. И теперь предстоит пройти новый отрезок жизни. Уже без Владко... Мужа никем не заменишь. Такого друга можно встретить только один раз. А что дальше? Счастье дочери, радости бабушки...

Совершенно другими глазами смотрела на чёрный памятник Антуанетта: вот гранитная плита придавила родных людей. Они бы и рады вырваться, но плита тяжёлая. Её не приподнять! Нет сил её отодвинуть.

Теперь, когда сорок дней миновали, надо было собираться в дорогу. Квартира была к тому времени продана, автомобиль тоже, а мебель почти вся роздана знакомым. Уезжали налегке.

То что называлось недавно Югославией, – одно из самых красивых мест в Европе. Прекрасный климат, неповторимые пейзажи, Адриатика так и манила к себе. Мельчайший жёлтый песок, прозрачная голубая вода...

И Катрин, и Антуанетта думали примерно об одном и том же: эта земля была создана для счастья, но сколько горя они здесь испытали... А впереди... Они надеялись на спокойную жизнь, где не будут раздаваться взрывы и вой сирен...

Конечно, можно было улететь в Париж и на самолёте, или поехать с Полем на машине. Но самолёт – слишком стремительное расставание с дорогим краем, где столько прожито и пережито. А машина – слишком утомительно. Хотелось спокойной поездки:

медленно и по возможности безболезненно прощаться с этой страной, с завораживающей своими красотами землёй. Хорошая поездка в поезде всегда содержит в себе элемент психотерапии... Вот взять хотя бы купе – это маленький мирок, предназначение которого – отгородить человека от невзгод. В окне вагона, как в телевизоре, проплывали знакомые с детства пейзажи, сменялись картинки, рождающие воспоминания, хорошие и плохие.

Купе было двухместным.

Почти сразу после прощания с друзьями, машущими руками вслед отходящему от перрона составу, возникла тишина. Поезд двинулся по Белграду, медленно и осторожно пробираясь на простор. Потянулись поля и рощи с красивыми домиками под красными черепичными крышами, производственные строения. Промелькнули остановки электричек. И снова закружились в окне бесконечные сады, виноградники, хлебные поля. А вскоре вдалеке показались синие силуэты гор...

– О чём ты думаешь? – спросила Антуанетта у матери.

– Вспоминаю... Сколько было связано у меня с этим краем! Но, я думаю, мы правильно сделали, что уезжаем.

– А чего об этом думать?! Решили, – и уезжаем!

Катрин взглянула на дочь и промолчала. Да и что было говорить?

– А я, – сказала Антуанетта, – предпочитаю вспоминать только хорошее: детство, школу, друзей... Закрою глаза и вижу: я приехала во Младеновац... Вспоминаю наш дом, двор, нашего Лорда... Сколько себя помню, Младеновац для меня всегда был отчим домом. Не наша квартира в Белграде, а именно дом в Младеноваце. Да и подружки мои там жили...

Она и в самом деле закрыла глаза и долго-долго вспоминала, всматриваясь мысленным взором в прошлое.

Видимо, она на какое-то время задремала, поджав ноги и прислонившись к окну. Но когда открыла глаза, увидела, что мама всё в той же позе. Губы сжаты. Седая прядь волос и потускневшие усталые глаза... «Боже, – подумала Антуанетта, – как ей досталось! Как она постарела... Правду говорят: горе не красит... Mamochka, чем я могу тебе помочь?!»

– О чём ты думаешь? – спросила Антуанетта, глядя на мать. – Жалеешь всё-таки, что уезжаем?

– И жалею, и радуюсь, – ответила Катрин. – Но думаю совсем не об этом. Уезжать всё равно было надо. Тут думай не думай, а иначе поступить просто невозможно... А думала я о другом. Вспомнилось почему-то, как мы однажды с Владко пошли в поход. Мы были молодыми. Ты была совсем ещё крошкой, и мы оставили тебя на попечение родителей Владко...

– Надолго уезжали?

– Недели на две. Мы так делали и раньше, и позже. Но именно тот случай запомнился мне особенно хорошо. Могли и расстаться с тобой навсегда...

– Как расстаться? – не поняла Антуанетта.

– А вот так!

Антуанетта сидела возле окна и с изумлением слушала удивительную историю, которой раньше никогда не слышала... В купе было хорошо и покойно, а движущиеся пейзажи за окном были так далеки, что и рассказ матери казался сказкой на ночь.

– Это случилось в Черногории, – начала свой рассказ Катрин. – Наша туристическая группа шла через ущелье к долине, в центре которой располагалось живописное горное озеро.

Мы с Владко были молодыми и уверенными в себе. После привала и ночёвки возле озера нужно было перейти ущелье и двигаться дальше. За ущельем возвышалась крутая гора. Огромные скалы с древними пещерами были на пути. Правда, можно было, и обойти её. Пойти по окружной дороге. Но та дорога километров на десять длиннее. Выбор маршрута зависел от того, как подготовлена группа. Редко кто признавал, что он недостаточно подготовлен, и группа обычно заявляла, что готова идти на штурм горы. Как правило, ещё на турбазе инструктор решал, как идти, но бывали случаи, когда решение принималось на месте.

Все были очарованы пейзажем – скалы, нависавшие над водой, величественный лес... Палатки, яркими пятнами разбросанные по берегу... Развели костёр, ели кашу, сушили кроссовки. Кто-то пел под гитару, кто-то травил анекдоты. Некоторые, разделившись на парочки, ушли подальше от костра целоваться... Короче говоря, всё было, как обычно бывает в таких походах.

А когда наутро позавтракали, единогласно решили: идём через гору!

Инструктор выслушал группу и согласился. Он поверил в

нас. Погода была тихая, ничто не предвещало неприятностей.

Первые капли дождя упали, когда мы подходили к скали-стому гребню. Инструктор предложил вернуться. Но все верили в себя и решили продолжать восхождение. До гребня – рукой подать, а там тропа пойдёт вниз к шоссе, где нас ждёт автобус.

Но тут на гору напозла туча и застряла как раз в том месте, где был гребень. В самом скором времени выяснилось, что идти приходится не только под дождём, но ещё и в крошечном тумане. На вершине – единственное место, где можно было спрятаться от дождя под козырьком нависшей скалы. Туда инструктор и повёл группу. Я стояла под тем козырьком и дрожала. Кто-то пытался петь, кто-то шутил, но настроение у всех было унылым, а мысль только одна: скорей бы оказаться внизу!

Ветер завывал, дождь хлестал в лицо. Холодно. Владко достал из рюкзака свитер и бросил его на меня. Так мы и сидели под скалой, что-то шепча друг другу. А когда через четыре часа туча сдвинулась со своего места и снова засияло солнце, инструктор дал команду спускаться.

– Надо поторапливаться, пока дождь не начался снова, – говорил он.

На спуске по камням идти ещё можно, а вот по мокрой земле... Многие съезжали на пятой точке. Вымазались и расцарапались – кругом был то колючий кустарник, то острые камни. Вскоре начался новый дождь. Потоки хлынули с такой силой, что вместе с ними потекла и жидкая грязь, несущая камни и сломленные деревья. Мы падали, поднимались и бежали вниз вслед за инструктором...

– И что же? – спросила Антуанетта? – Все спаслись?

– Спаслись-то все, но ведь это была случайность! А могли и погибнуть. И ты бы осталась сиротой.

Заканчивая свою историю, Катрин сказала:

– Сейчас это уже трудно понять, но тогда мы с Владко совсем не были уверены в том, что доберёмся живыми. Мы имели все шансы сорваться с обрыва, разбиться, попасть под камнепад, сель. Нас просто могли смыть потоки грязи... Но тогда мы были молодыми и уже на другой день со смехом вспоминали вчерашнее приключение.

– Да-а-а, история... Ты мне её никогда не рассказывала, – проговорила Антуанетта. Потом, посмотрев на мать, спросила: – А

почему вдруг она тебе вспомнилась?

– Не знаю, – пожалала плечами Катрин. – Подумалось, что судьба играет нами... Сколько всего произошло. А ведь могла и не услышать сообщения о событиях во Младеновацах. Сидела бы на том кинофестивале... Задержись я на несколько часов, и не знаю, что бы было... Вот я и говорю: судьба!..

За окном поезда нарисовался красный закат, разлившийся на фоне остроконечных елей и мрачноватых сосен. Поезд останавливался на небольших станциях и через минуту трогался снова. В соседних купе весело смеялись. А Катрин и Антуанетта смотрели в окно и о чём-то думали, каждая о своём.

Поль гнал машину, чтобы обязательно опередить поезд, купить цветы и встретить обеих дам на перроне. Всю дорогу под звуки лёгкой музыки он думал о превратностях судьбы. Столько женщин окружало его. Многие настойчиво добивались его внимания. А здесь вдруг... Кто бы мог подумать?! И не французенка, не парижанка, не медик... а заворожила его так, что и думать ни о ком не может. Всё время только она перед глазами.

Припарковав машину на привокзальной площади, Поль держал себя так, словно не было этой изнурительной гонки через пол-Европы, а он и не устал вовсе. Машина сверкала и сияла – ни пылинки, ни соринки. В привокзальном киоске он купил букет белых роз и пошёл на перрон.

Увидев в окне вагона Поля, Антуанетта обрадовалась.

– Я что-то в этом роде ожидала, – улыбнулась Катрин. – Француз есть француз!

Как только поезд остановился, Поль вручил Антуанетте букет роз. Уже не стесняясь и не скрывая радости, она поцеловала его и с восхищением посмотрела в глаза.

– Вы, Поль, не балуйте её, – произнесла Катрин, чмокнув его в щёку. – Женщины к такому обращению быстро привыкают.

– Я надеюсь, что у меня хватит изобретательности всю жизнь одаривать мою избранницу приятными сюрпризами. От этой маленькой выдумки больше всех получил удовольствие именно я!

Поль лихо вёл машину и через сорок минут был уже у их дома. Припарковавшись, Поль помог дамам выйти из салона,

подхватил чемоданы.

Мадам Софи, мать Катрин, была уже в преклонных летах. Восемьдесят пять лет – не шутка! Чувствовалось, что физически она сильно сдала: чуть горбилась, а на лице её застыло выражение скорби, которая не исчезала даже тогда, когда эта милая старушка улыбалась или шутила.

Приезд дочери и внучки не был для неё неожиданностью. Но вот появление молодого человека было чем-то новым. Катрин представила его матери и пригласила пройти в гостиную, что тот и сделал.

«Ну что ж, раз Катрин пригласила, стало быть, так надо», – подумала Софи.

Пока вся компания, рассевшись, вела обычную в таких случаях беседу: как доехали, и какая была погода, Софи всё сидела и думала: «Кто же это такой?» Голова у неё была ясная, и мысли ещё не путались, как это бывает иногда у старых людей, и она вскоре заметила некую невидимую связь между внучкой и этим красавцем. Молнии, пробегающие между ними, сказали ей многое.

«Угу, вот оно, значит, что, – подумала умная старушка. – У моей малышки, однако, хороший вкус. Надо будет ей это сказать».

Испугавшись, что её заинтересованность будет замечена и неверно истолкована, она поспешила перевести разговор на другую тему:

– А что же Владко не приехал вместе с вами?

– Ой, мама, – Катрин небрежно взмахнула рукой, – ты же знаешь, как он занят! У него сейчас много работы, и он пока не может вырваться.

– Ну что же, – рассудительно сказала Софи, – работа – это хорошо. Всякий человек должен работать, вот и я в своё время...

Последовало отступление о трудолюбии, и присутствующим стало понятно, что труд – это хорошо, а безделье – плохо. И ещё стало ясно: старость – такая штука, что к ней нужно относиться почтительно и терпеливо. Все трое выслушали бабушку, потом разговор зашёл о чём-то ещё, а Катрин облегчённо вздохнула: пронесло.

Антуанетта вышла из гостиной и вскоре вернулась к столу с подарками, привезёнными из Белграда.

Софи рассматривала вещицы (некоторые были весьма искус-

ной работы), нахваливала их с видом тонкого знатока, но мыслями была далека от изделий народных умельцев и всё время думала о молодом человеке. Порода из него – так и прёт, – думала она, вскидывая брови. – Видно, что мужчина настоящий: и глаза умные, и выражение лица решительное, волевое... Подарки – это что? – думала Софи. – Их в могилу с собой не унесёшь. А вот что у внуки такой молодой человек – это да! Это – настоящий подарок!

Разговор зашёл о родителях Поля. Тут же пошли расспросы: где учился, где работал? Софи слушала ответы, мысленно перебирая коллег, надеясь услышать хоть одну знакомую фамилию. Не прозвучали. Поль никак не вписывался в то пространство, из которого вышла Софи.

– Ну что же, в конце концов, Париж не самый маленький город на свете, – сказала Софи. – Да и я не сталкивалась с кардиологами. А в вашей клинике не занимались хирургическим лечением врождённых пороков сердца?

– Нет, мадам. В нашей клинике нет детского отделения.

– Вот так... – протянула Софи. – Всю жизнь прожила в Париже, работала детским врачом, а даже не слышала ни о вашем отце, ни о вашей клинике.

Антуанетта успокоила бабушку:

– Ты же знаешь, все французы состоят между собою в родстве, и эта степень родства для них уже давно вычислена: все доводятся друг другу не более чем двадцатипятиюродными братьями или сёстрами. Так что, когда мы копнём глубже биографию Поля или его родителей, непременно найдём общие с нами корни.

Все рассмеялись и, перекусив с дороги и поговорив ещё о чём-то, стали расходиться. Поль раскланялся и уехал, а Катрин и Антуанетта решили отдохнуть с дороги.

Софи же вышла на балкон, и, рассматривая оттуда панораму города, вспомнила, как Катрин приводила когда-то своего избранника и показывала его родителям. А теперь вот и внукин черёд наступил...

Ей спать не хотелось.

Всё повторяется в этой жизни. Соломон говорил: «Всё уже было!..». Вроде бы и люди уже новые, и не знают чего-то такого, что ушло в историю, а всё равно, – поступки и помыслы у них одинаковые... И ошибки те же!

Поскольку теперь за столом не было Поля, она перешла к интересующим её вопросам: мол, кто такой и какие у него намерения?

Антуанетта и Катрин в один голос заверили: намерения самые серьёзные. Софи давала наставления внучке, а Катрин в зависимости от поворота разговора становилась то на позицию матери и поддакивала ей, то на сторону дочери. Таково уж предназначение людей среднего поколения – им положено стоять между стариками и молодыми. Катрин понимала, что и она уже отодвинулась от середины в сторону старости. Скоро, даст Бог, у неё будут внуки, и она тоже перейдёт в категорию бабушек.

И всё бы ничего, если бы Софи не обронила случайно, обращаясь к Антуанетте:

– Ну а Владко-то как? Он-то как отнёсся к твоему выбору?

Антуанетта смутилась и опустила глаза.

Софи почувствовала что-то неладное, но истолковала это по-своему: Владко видел этого молодого человека и почему-то не одобрил выбора! Странно... С другой стороны, Владко – умный человек. Значит, что-то разглядел, что-то увидел, чего не увидела Катрин.

Повернувшись к дочери, она спросила уже строже:

– А Владко? Что сказал Владко? А там ведь ещё и его родители есть тоже. Вы что же, не показывали им Поля?

Катрин и Антуанетта сидели обе – побледневшие, с каменными лицами.

Беспокойство Софи нарастало:

– Я чего-то не поняла. Так вы мне объясните! Я, может, совсем уже стара, и чего-то не понимаю... Ну так объясните же мне, если так!

Нервы у Катрин не выдержали, и она разрыдалась.

Ужасное известие Софи выслушала с поразительным мужеством. Помолчав, тихо произнесла:

– Страшное время... Кровавый век... Люди как звери... Ему бы ещё жить и жить... а вот я всё скриплю и скриплю... Давайте помянём их...

Она медленно, как-то сразу ещё больше постарев, с трудом подошла к буфету, извлекла неизвестно каким образом сохранив-

шуюся бутылку красного вина «Бургонь Руж».

Софи разлила вино и молча выпила.

Поставила рюмку и долго молчала, глядя на тихо плачущую дочь. Потом спросила:

– Так, значит, этот Поль и спас Антуанетту?

– Да, мама!

– Ну что ж, для себя спасал! Значит, будут счастливы! Давайте укладываться. Поздно уже...

13. Примерно восемьдесят пять лет назад в пригороде Парижа, в лечебнице Вил-Жуиф, местная знаменитость – профессор Жак Лансье, ученик известного в Европе швейцарского психиатра Поля Шарля Дюбуа, осматривал прибывшего из Турции пациента.

Мужчина был уже в возрасте, держался с достоинством и словно светился изнутри. Профессор знал толк в человеческих физиономиях, и это лицо он бы сразу выделил среди других.

Внешне новый больной выглядел совершенно нормальным. И только в беседе с ним или при более длительном и пристальном наблюдении замечались некоторые странности.

Профессор Лансье старался никогда не спорить с больными. Некоторые из них страдали от того, что их не понимали. Следуя своему учителю, Лансье обращался к разуму больного, стараясь логикой убеждения сломить надуманные конструкции и вернуть его к нормальному мышлению.

Лансье добродушно соглашался с тем, что ему говорили пациенты. Бывали, правда, случаи, когда согласиться было невозможно. Но если случай не грозил осложнениями, а больной был тихий и безобидный, то почему бы и не стать на его точку зрения и не поразмышлять с ним вместе о невозможном? О том, чего никогда не бывает на свете, но что видится воспалённому воображению пациента.

Иногда на больного такой необычный подход действовал заворачивающе, но иногда возникали и сомнения:

– А вы что же – и в самом деле верите в то, что я вам рассказываю?

– Я пытаюсь стать на вашу точку зрения, – отвечал всякий раз Лансье. – Надеюсь, что сумею разобраться...

Новоприбывший был тихим, молчаливым, вежливым... Погружённый в себя, он ходил по больничному саду. Хорошо было под сенью старинных деревьев, среди аккуратно подстриженного кустарника предаваться фантазиям... Иногда разговаривал сам с собой или пел грустные напевы, при этом дирижировал, руководя воображаемым хором. Профессор так объяснял это явление коллегам:

– Совершенно естественно – человек разговаривает сам с собой. Какая разница, как оформляются мысли – вслух в присутствии собеседника или вслух, но без собеседника?

Ему пытались возражать. Тогда он приводил простой довод:

– А что бы вы делали, окажись на необитаемом острове и зная, что с него вам уже никогда не выбраться? Так бы и молчали до конца жизни? И десять лет, и двадцать, и тридцать. И вы бы отказали себе в удовольствии слушать человеческий голос?

Ему возражали, что здесь всё-таки не необитаемый остров, а пригород Парижа, но профессор настаивал:

– Это для вас. А для него – пустыня! Больному кажется, что он один в этом огромном мире. Люди, которых он каждый день видит вокруг себя, – ненастоящие. Они как бы сделаны из воздуха, просто миражи или призраки. А настоящие – те, кто понимает, разделяет его тревоги и взгляды. Поэтому они относятся к нам как к теням, которые пытаются выдать себя за живых людей. Потому и беседуют сами с собой.

Профессор Лансье был покорён широтой взглядов нового пациента, его образованностью и неожиданными сравнениями. Оказывается, он был когда-то архимандритом григорианской церкви, священником. Хорошо разбирался не только в теологии, но и музыке. Был знаком с выдающимися музыкантами и композиторами, сам с успехом выступал в престижных залах Европы. А потом... а потом перенёс невероятные оскорбления и унижения от турецких властей. Его гнали через всю страну на поселение. По дороге он видел ужасы и смерть, реки крови и отрубленные головы... Такая тонкая нервная организация, чувствительная и эмоциональная натура не могла не сломаться. У него возникли не только фобии, страхи, но и тяжелейшая депрессия, и это нельзя было не учитывать.

Профессор продолжал изучать пациента и даже вёл по этому случаю специальный журнал, куда заносил результаты наблюдений.

Рассуждения Комитаса не были обычным бредом человека, заболевшего шизофренией, для которой характерна разорванность сознания. У этого пациента временами наступала депрессия, когда он лежал лицом к стенке и ни с кем не разговаривал. Но были и длительные периоды просветления, когда его речь была связной и осмысленной. Тогда он говорил странные вещи, в которые просто трудно было поверить. И тем не менее всегда был прав!

Он считал, что несёт особую ответственность за этот мир, утверждал, что не только знает, что будет через двадцать или семьдесят лет, но и может общаться с людьми, живущими в будущем.

Профессор Лансье не спорил.

– А какие это люди? Вы можете их описать?

– Всякие, – грустно сказал больной, уловив в голосе профессора недоверие. – Богатые и бедные, белые и смуглые. Но все они одинаковы в том, что все они очень несчастны.

– Но так оно ведь всегда и было, – возражал профессор. – Люди всегда несчастны. Вспомните историю древнего Египта. Кто там был счастлив? Рабы, которые строили пирамиды? Фараон, практически с детства готовящий себе могилу? Жизнь – это путь к смерти, который начинается у человека, едва он только вступает в неё...

– Я не о том, – отвечал больной. – Я вижу смерть и жестокость, которые испытывают люди! Мне казалось, что то, что довелось испытать мне, чему-то научит. Увы! Люди ожесточаются, будто идут не от каменного века к прогрессу, а назад – в век людоедства.

Чтобы сменить тему, вводящую пациента в состояние большого возбуждения, профессор спросил:

– Я слышал, вы выступали с концертами в Германии?

– Было такое... И не только в Германии.

– И под каким именем вы гастролировали?

– Меня все знают под именем Комитас.

– Комитас?

– Странное имя. Что оно означает?

– Это имя католикоса Комитаса – выдающегося поэта седьмого века. По окончании духовной семинарии я взял его имя. Под этим именем и выступал у себя

на родине и в Европе...

Потом профессор вновь возвращался к теме, которая его больше всего интересовала.

– Да, да... Простите. Я перебил вас. Так вы говорили, что видите будущее очень мрачным...

Комитас описывал, как в самом недалёком будущем нелюди уничтожат с помощью ядовитых газов миллионы людей, а тела их сожгут в крематориях, и дым будет подниматься до небес круглосуточно. Он рассказывал такие ужасы, в которые профессор не мог поверить. Считая это навязчивой идеей, он снова менял тему, усиленно размышляя над загадкой этого священника.

Врачи знали историю Комитаса. Поэтому вполне естественным было предполагать: он видел страшные картины человеческой жестокости и теперь переносит их на свои представления о будущем, умножая человеческую боль, пропуская её через своё истерзанное сердце.

Ему объясняли, что ошибки прошлого уже никогда не повторятся, что люди – существа разумные, и они уже давно всё поняли. И тогда Комитас начинал тихо молиться и плакать:

– К сожалению, они ничему не научились! Люди – овцы. Их погонят на убой безжалостные пастухи. И реки крови прольются по всей земле...

В этом месте рассуждений Комитаса врачи многозначительно переглядывались: больной-то больной, а ведь вполне может быть! В Германии к власти пришли фашисты! Да и в России непонятно что готовится.

Однажды профессор Лансье осторожно спросил у Комитаса:

– Вы говорите, что видите людей, живущих в будущем.

– Не всегда. Часто голова болит, словно обручем сжимают мой лоб. Но иногда вижу ясно и даже общаюсь...

– Я не стану спрашивать у вас: а как такое может получиться, почему я их не вижу, а вы видите? Пусть так. Допустим. Но объясните, пожалуйста: как вы можете видеть то, что ещё не случилось? Ведь это Будущее! И каким оно будет, никто не знает!

– Никто не знает, а я знаю! И это только говорят, – будущее. А на самом деле оно – и настоящее, и прошлое! Всё в настоящем, здесь и сейчас!

– Это каким же образом?

– Нет на самом деле ни будущего, ни прошлого! Всё происходит одновременно! Я вижу не то, что будет, а то, что уже есть. Это для вас оно – будущее, а для меня – настоящее. Мы с вами бежим по кругу: то, что для вас будущее, для меня уже прошлое! Чего же здесь непонятного?

– Допустим. Не спорю. Вы сейчас что-нибудь видите?

Комитас прикрыл глаза, потом широко их открыл, словно всматриваясь вдаль. Он побледнел, напрягся...

– Вижу! Ясно вижу спящих женщин. Да, конечно – я знаю их! Это потомки моего друга Кечана! Дочь его, если помните, навестила меня вчера. Конечно! Это они! Боже, как одна из них похожа на девочку Ануш, дочь моего друга! К сожалению, я не знаю их имён и спросить не могу: они спят.

– Ну хорошо! Пусть спят! – сказал профессор, пытаясь подробнее узнать содержание бреда больного. – И что дальше?

– Ничего. У них сейчас ночь. А у этой девушки, так похожей на милую Ануш, недавно произошло страшное несчастье, что-то похожее на то, что видел я, когда мой народ вели к смерти. Но она выжила. Нашла в себе силы и поправляется... Девочку спас врач, который и полюбил её. Симпатичный... умница!..

– Откуда вы знаете, что он умный?

– Я знаю, о чём он думает! – воскликнул Комитас.

– Хотел бы и я так... – задумчиво проговорил профессор.

Комитас промолчал.

– Почему у меня так не получается? – спросил профессор, в упор поглядев в глаза пациента.

Комитас посмотрел на профессора и грустно произнёс:

– А потому, что вы не были там, где был я! В этом мире всё присутствует во всём, всё связано со всем, всё зеркально отражено во всё, всё зависимо от всего и в то же время всё вывернуто наизнанку: мертвые помогают живым, а живые мёртвым. Будущее помогает прошлому, ибо прошлое является опорой для будущего, живое опирается на неживое, ибо последнее является базой для живого. Видимое воздействует на невидимое, невидимое на видимое. Тайное становится явным, явное тайным. Правое становится левым, левое правым. Верхнее становится нижним, нижнее верхним. Центр отодвигается к периферии, а периферия стягивается к центру. Злые

становятся добрыми, добрые злыми. Время растягивается до бесконечности, одновременно сжимаясь в точку. И всё это происходит одновременно в одном безвременном настоящем.

Он посмотрел на профессора, словно хотел узнать, понимает ли он его. Профессор молчал, ожидая продолжения.

– В мире, – Комитас говорил, глядя в глаза доктору, – в котором вы живёте ничего подобного нет. В отличие вас, я точно знаю, что происходит и будет происходить, и в этом весь трагизм моего положения. В этом мире вечного движения и вечных изменений трудно найти надежную точку опоры, ведь здесь все, даже так называемые незыблемые мировые константы, на поверку таковыми не являются? Они могут успешно работать и быть точными в том мире, в котором живём мы, и не подходить для другого. В том состоянии и в том пространстве могут перестать работать все мировые константы.

Профессор некоторое время молчал, пытаясь переварить то, что сказал ему больной. Что это? Бред? Фантазии? Галлюцинации? И кто из нас сумасшедший? Он взглянул на похудевшее лицо старого, много выстрадавшего человека, спросил:

– И что из этого следует? На основании этих умозаключений вы можете объяснить, почему турки так издевались и уничтожали армян?

Теперь настало время, когда больной на некоторое время умолк. Он, казалось, решал: стоит или не стоит говорить этому человеку то, что казалось ему объясняющим трагическую судьбу его народа. Поймёт ли этот французский профессор то, что он по этому поводу думает? Потом стал тихо объяснять:

– Понимаете ли, уважаемый, – разделение человечества на нации и народы произошло сразу же после Потопа. При этом людей было мало, и они были разбросаны по миру. Их взаимодействие было минимальным. Такое положение продолжалось тысячелетиями.

Тысячи и тысячи лет народы учились отличать друг от друга, воспитывая в себе такие качества, каких нет ни у одного народа. Когда начался процесс объединения, он происходил очень болезненно и трудно. Языковой барьер и разница в уровне культуры не позволяли народам соединяться быстро. Процесс объединения приводил к конфликтам и войнам. Это то же самое, как если бы

попытаться посадить в один оркестр скрипку, барабан, зурну и балалайку и потом удивляться, почему оркестр так плохо звучит.

Комитас снова надолго замолчал. Теперь он смотрел в угол комнаты, словно там мог увидеть этот странный оркестр.

– Но при этом народы учились друг у друга. Молодые нации берут всё ценное, что есть у старых народов. Однако это становится возможным лишь в том случае, если будущее опирается на настоящее. Иначе говоря, прошлое помогает будущему, как будущее помогает прошлому, имея опору в настоящем. Я понятно говорю?

Он снова взглянул на профессора, и, увидев его сомнение, пытался разъяснить свою мысль:

– Это лучше понять, представив себе движение веков по спирали. Иными словами, эволюция и история развиваются по кругу, однако каждый последующий оборот совершается на другом, предположительно, более высоком уровне и характеризуется достижениями разного порядка. Примерно об этом говорили ещё ацтеки, видевшие в витой раковине символ смены веков. Никто не заинтересован в нашем развитии больше, нежели мы сами, поэтому, получив доступ к «петле времени», мы в первую очередь стараемся заняться собой. А поскольку мы люди разные, кто-то из нас ушёл дальше в своём развитии, кто-то нет, совесть с интуицией у нас тоже будут разными.

Профессор с удивлением смотрел на Комитаса, и не понимал ничего из того, что он ему рассказывал. Но чувствовал, что в его речи есть не только смысл, но и логика. А Комитас, видимо уставший, стал говорить всё тише и тише, и его уже было едва слышно.

– Каждый член семьи, двигаясь вокруг своих интересов, вращается, одновременно. Семья же совершает свой путь вокруг других центров притяжения, таких, например, как работа, магазин, театр... Вместе они принадлежат единому городу, в котором живут. В свою очередь, город является составной частью региона, государства. Государство же вращается вокруг Союзов, в которых участвует, а также политики, которой придерживается. Союзы – составные части человечества. Человечество не изолировано от Космоса, который воспитывает и сопровождает его, как воспитывают и сопровождают ребенка родители, друзья, улица. Ни одна из проживавших на Земле цивилизаций, а их было три, не считая Атланты, отсюда не ушла и

уходить не собирается. Они и поныне живут рядом с нами, влияя на нас разнообразнейшим образом. Это очень древние существа (эльфы, гоблины...), гораздо древнее человека. Время от времени они общаются с нами. Они способны появляться и исчезать, переходить из одного пространства в другое. Они могут быть абсолютно прозрачными...

Больной вдруг надолго замолчал, уставившись на свои худые руки.

– Объединение цивилизаций происходит методом усреднения качеств, ибо здесь властвуют те же законы, что и в арифметике. Осуществляется взаимный обмен информацией.

Любой народ, считающий себя высшей расой, «избранным», должен помнить, что он – явление временное, и что если не пойдёт на контакт с другими народами, – неизбежно деградирует и умрёт. И тем быстрее, чем сильнее будет противопоставлять себя другим. Если такое произойдёт, он будет наказан, и тем сильнее, чем упрямее будет сопротивляться взаимообогащению культур... Вы, господин профессор, к сожалению, скоро станете свидетелем того, о чём я говорю.

Комитас грустно взглянул на Лансье, как бы оценивая, понимает ли этот француз то, о чём он ему говорит, и повторил:

– Да, к сожалению...

Профессор Лансье тоже молчал. Затянувшаяся пауза, казалось, никогда не кончится, и тогда, чтобы прервать её, спросил:

– Скажите, вы можете говорить с людьми из будущего?

– Конечно! Они не понимают, откуда в их мозге возникли мои мысли. И меня иногда удивляют их знания, их эрудиция. На время нашего общения они как бы переходят в параллельный мир, очень похожий на тот, в котором я живу, а я – в тот, в котором живут они.

Профессор долго о чём-то думал, шевеля губами и говоря сам с собой.

– Странно... Очень странно... И кто эта девушка? Чем занимается?

– Я же сказал: потомок моего погибшего друга... Она опишет трагедию, которую я пережил и много чего ещё...

Профессор был уже не рад, что его разговор вновь вернул пациента к травмирующим воспоминаниям. А Комитас продолжал:

– История ничему не учит! Люди снова и снова повторяют ошибки! Вы даже представить не можете, что будут творить фашисты! Ужасы моего народа будут казаться лишь прелюдией к трагедии двадцатого века, увертюрой. А в двадцать первом... просто, не верится, до какой жестокости, какого цинизма дойдут люди. Воистину, нужны повторения Содома и Гоморры... Нужно выжечь звериную скверну...

Комитас надолго замолчал. Потом, посмотрев внимательно на профессора (понимает ли он?), продолжал:

– Представьте: к власти в Германии пришли фашисты. Вы знаете, к чему это приведёт?

– Немцы – цивилизованный народ! – убеждённо заявил профессор.

– Германия готовится к страшным событиям. Механизм только запускается, но когда он раскрутится, люди содрогнутся от ужаса. Эта девушка опишет в своей книге и это. Но кровавые события будут следовать одно за другим. Реки крови и слёз не будут пересыхать даже в страшную жару. Чему же мне радоваться!? Мне остаётся только оплакивать и молиться...

Поль Лежар ни о каком Комитасе не имел ни малейшего представления и жил в своём мире. Другьям он решил рассказать об Антуанетте не сразу.

Сначала нужно было объяснить своё неожиданное возвращение. Для многих это было событие скорее радостное, нежели удивительное.

– Ну и ну! – говорил ему коллега, когда он уезжал в Белград. – Непокойно там. Вечно что-то происходит: то стреляют, то взрывают, то режут.

Поль отшучивался:

– Вот потому и еду, что стреляют, взрывают и режут. Здесь то ничего этого нет. Значит, там врачи нужнее. Да и не надолго. Шеф просил прочитать цикл лекций, наладить службу. Не понравится, – уеду! Какие проблемы?!

Когда Поль пришёл в госпиталь, все были искренне рады: «Наконец вернулся! Волновались за тебя!».

Друзья хотели скорее увидеть его избранницу! Сколько здесь ни предлагали ему невест, от всех он упорно отказывался. Говорил,

что до конца дней будет холостяком, а тут – такой поворот! Вопросы посыпались на Поля, как только коллеги-женщины узнали, что самый завидный жених скоро женится. Это ж надо! Как будто здесь не мог найти себе достойную?! Так всегда: то, что рядом, – не видишь.

Профессор Лансье удивлялся Комитасу: как это он про всё так натурально рассказывает! Словно бы и в самом деле там присутствовал. Чем можно объяснить этот эффект предвидения с научной точки зрения? Когда Комитас говорит со всеми подробностями об ужасах турецкого террора, это понятно – он был очевидцем и участником тех событий. А здесь? Может ли так быть, что опыт, полученный в одном месте и подпитанный природной наблюдательностью, может быть перенесён в некое воображаемое пространство? В конце концов, все эти ужасы, которые он перечисляет, ничего принципиально нового в себе не содержат. Просто нужно перенести это в своём воображении в будущее!

То, что в Югославии в очередной раз произойдут какие-то события, это профессора не удивляло. Даже если это и порождение большого воображения, то и тогда – очень уж правдоподобно. Но есть один нюанс... Впрочем, ведь всё дело именно в нюансах!

– Вы говорите, – Лансье старался ничем не выдать того, что задаёт вопрос с подвохом, – что этот ваш жених той девушки поднялся к себе в квартиру по чугунной винтовой лестнице? Так? Лестница узорчатая, и он гулко стучал по ней ногами...

– Да, я так сказал, – простодушно ответил Комитас. – Мне это даже напомнило ударный инструмент...

– Ударный инструмент?

– Ну да! Звук его шагов, как звук металлофона...Пока он поднялся, прозвучала полная хроматическая гамма.

– И затем он сидел за столом в гостиной и пил чай с бисквитами. Так?

– Да.

– Но дело-то в том, что по адресу, который вы назвали, в этом месте стоит совершенно другой дом. Я вчера не поленился и специально съездил в это место, хотя на самом деле не стоило. Это в самом центре, в Трокадеро, рядом с Марсовым полем, где прошло моё детство, и мне ли не знать, что там расположено. Как я и думал,

там стоит старый двухэтажный дом. На первом этаже расположена бакалейная лавка с двумя большими витринами, а вход на второй этаж возможен только со двора по внешней лестнице. Может быть, вы путаете адрес?

– Я ничего не путаю. На этом месте будет стоять пятиэтажный дом.

Лансье не стал спорить. Пока что всё выглядит в рассказе больного весьма правдоподобно.

Профессор улыбнулся.

– А впрочем, почему бы и нет? Старые дома сносят и строят на их месте новые... Ну, допустим. Допустим! И как же отреагировали его друзья на известие о том, что он собирается жениться?

В вопросе профессора не было ни тени издёвки, иронии или сомнения. Он спрашивал. А Комитас – отвечал...

– В общем-то – вполне доброжелательно. Правда, не все. Есть там девушка по имени Николь. Она сильно переживает. Очень уж его любит... Но в жизни часто так бывает. Помните, как у Гейне:

*– Юноша девушку любит,
А ей полюбился другой.
Другой этот любит другую,
И думает сделать женой...*

– Да, да, помню!

*– ...За первого встречного замуж
Девушка с горя идёт,
А бедного юноши сердце
Тоска до могилы гнетёт...*

Лансье задумчиво смотрел на своего больного и не мог решить, как относиться к его бреду. Это было нечто непонятное. Навязчивые идеи? Не похоже. Фобии? Нет, здесь что-то новое, ещё не описанное в психиатрии...

14. Париж перед войной походил на ярмарку: всё кружилось, мелькало, блестело до одури, до рези в глазах, и никто не

хотел видеть надвигающейся опасности. Приближалась развязка мюнхенского путча.

Рыболовы уныло сидели на берегу Сены, наблюдая за поплавами, поплывавая в воду. На перекрёстках уличные певцы пели о любви, а в глазах людей была грусть и предчувствие беды. Париж, с его вымытыми дождём тротуарами и узенькими кривыми улочками, с огнями рекламы на проспектах и площадях, как будто не видел надвигающейся опасности. Никто не верил в коварство фашистов. Бизнесмены продолжали вести с ними дела, стараясь не замечать перемен. По-прежнему люди посещали оперу, рестораны, а под окнами кричали продавцы газет, шушукались влюблённые парочки и улицы пустели лишь под утро.

О чём только не говорили?! О театрах и ярмарках, о моде и песчаных пляжах, об автомобильных гонках и футболе, о кино и архитектуре... а в перерывах целовались и нацеловаться не могли.

– О чём ты мечтаешь?

– О любви!

– Тебе мало?

– Не так ставишь вопрос! Нужно спросить: меня мало? Мало! Я тебя так люблю! Так!.. Я хотела бы тебя всего вместить в себя!..

А рядом на соседней скамейке владелец колбасного заводика в пригороде Парижа что-то доказывал приятелю:

– Я готов общаться со всеми, даже с папуасами, если это мне будет выгодно!

Был поздний вечер. Метро выплеснуло очередную порцию встревоженных и куда-то торопящихся людей.

В те годы дед Поля старался не думать о политике. Его больше волновал сынишка. Ему было меньше года, и деду некогда было рассуждать о мировых проблемах. Нужно было помочь жене хотя бы чем-нибудь. В Верноне было уныло и спокойно. Занимали обычные бытовые неприятности. Няньки попадались одна другой хуже. Нужно было отремонтировать в квартире водопровод. Трубы проржавели, и можно залить соседей... Так что – дел было много...

Война началась неожиданно.

Дед как работал в городской больнице, так и продолжал ходить на службу. Правда, в городе появились заносчивые немецкие военные, и в больнице выделили два отделения, где лечили

фашистов. Но Лежар был детским хирургом, и в его жизни мало что изменилось...

Жена изредка куда-то ездила и привозила что-то из провизии. Было голодное время.

Первые послевоенные годы Лежары бедствовали, но потихоньку выкарабкались. Франция восстанавливала свою экономику. Вскоре пошли перемены к лучшему. В шестьдесят седьмом Жан Лежар и Нинель Дюшен женились, а в семидесятом у них родился первенец, которого они назвали Полем. А когда настало время поступать Полю в университет, родители переехали в Париж. Они купили квартиру в новом пятиэтажном доме, выстроенном на том месте, где когда-то стоял двухэтажный с двумя витринами на нижнем этаже. Родители работали в госпитале и мечтали о внуках...

Но так и не дожили до свадьбы сына. Умерли рано и в один год – от рака.

Спустя несколько дней Поль после приезда пошёл на кладбище. Он положил на гранитные плиты цветы и долго стоял, мысленно беседуя с родственниками.

– Я так хотел бы вам показать мою Антуанетту. Она такая хорошая, – говорил он им. – И тоже из семьи врачей.

– И когда же ты нам её покажешь? – это мама.

– И в самом деле, – это отец. – Я не вижу никаких препятствий для того, чтобы ты привёл её к нам.

– Покажу, обязательно покажу! Только чуть позже. Она вам понравится. Я знаю, вы бы одобрили мой выбор.

Он ещё долго стоял, а когда стало смеркаться, попрощался и пошёл к машине.

– Довольно интересно и правдоподобно звучит всё это в вашем изложении, – сказал профессор Лансье. – Но что-то во всём этом есть чрезмерное. Какое-то нагромождение невероятных событий.

– Всё может быть, – тихо ответил Комитас. – Когда начнётся Большая Война, в России произойдёт такой случай: у матери отправятся на фронт все её десять сыновей. Самый старший из них будет генералом, а самый младший – рядовым. И все погибнут. И мать останется без детей. Разве это не страшно? Но ведь это же будет

– я точно знаю! Будет случай, когда люди сбегут от ужасов войны на Северном Кавказе и окажутся в Балканах. И если на Кавказе им лишь чудом удалось уцелеть, то там они всё-таки попадут под бомбы и погибнут...

Что мог возразить профессор Лансье? Чего только в жизни не бывает! Может быть и такое, и чтобы это проверить, нужно прожить ещё, по меньшей мере, лет сто! Не доживу! Вот и проверь, правду ли говорит этот больной или это всё – плод его больного воображения?

Они сидели на скамейке в самом углу больничного двора. Комитас был грустен и неразговорчив. Он прикрыл глаза, и яркий мир исчез в чёрной тьме. Оставались только пение птиц и голос этого профессора. Какой же это был тяжкий груз: знать всё даже о случайном человеке, с которым сводила судьба. Каждый поступок, каждое его желание в прошлом, настоящем и будущем. Какие страшные страдания причиняли ему эти картины наготы душ, не прикрытых шелухой слов!

Как-то Ануш пожаловалась Вардапету на трудности жизни. Комитас обнял её и произнёс:

– Дорогая Ануш! Хочешь – поменяемся местами?!

Потом пожаловался:

– Я мало сплю. Ночью, когда ты спишь, я парю над землёй.

Если бы ты знала, что я вижу...

Именно тогда Ануш поняла роковую тяжесть судьбы Вардапета. Он нёс на себе такой груз человеческой боли! Как только он находил силы жить?!

И она глубже стала чувствовать божественную суть мира.

– Он знает куда больше меня, – признавался Лансье. – Мне он открыл поразительные вещи, и я на многое пересмотрел свои взгляды. Конечно, можно сомневаться не только в его даре предвидения, но и просто в его здравомыслии. У наших больных, какого только бреда мне не приходилось слышать?! Но здесь совершенно иной случай. Факты свидетельствуют, что этот человек часто оказывается прав, и становится даже жутковато. Возникает мысль: а кто из нас должен лечиться, он или мы?

Профессор не знал, что и думать. Версий могло быть две: выдумывает или говорит правду, потому что обладает и в самом деле

какими-то непонятными способностями. И всё же, скорее, фантазирует и живёт в своих фантазиях!

Но Лансье не был бы истинным психиатром, если бы не умел смотреть на явление с другой точки зрения. Рассказы Комитаса вызывали недоверие, протест потому, что были страшны и наводили на мысль о беспомощности человечества. Хотелось слышать другое.

Против кого этот протест был направлен? Против самого же Комитаса! Как в древности феодалы казнили гонца за плохую весть, вот так же и сейчас: людям казалось, что Комитас – сумасшедший старик, живущий в своих переживаниях и воспоминаниях. Эти страшные картины он переносил на сегодняшнюю жизнь, на будущее, и они не позволяли ему вырваться из этого порочного круга. Нужно было каким-то образом вырвать больного из него, отвлечь, переключить сознание на что-то хорошее. Его старались занять различными делами, просили написать новую мелодию, сочинить стихи по случаю... Он легко соглашался, писал, сочинял, но снова и снова возвращался к тому мрачному ущелью Кемах, о котором уже все сотрудники лечебницы Вил-Жуиф знали хорошо. Потом он замолкал на несколько дней или плакал, молясь о невинных, пел свои мелодии, больше похожие на плач отца, потерявшего своих детей.

Его пребывание в лечебнице казалось Лансье теперь отнюдь не само собой разумеющимся каким-то отклонением от норм нравственности: человек говорит людям не то, что им приятно, а они его за это определяют в заточение!

На следующий день Поль пришёл в гости к Антуанетте. Он был несколько взволнован. В руках букет роз, на лице улыбка.

В квартире Софи под большим красным абажуром тускло горела лампочка и было темновато. Старая мебель, чехлы на стульях... Казалось, что здесь никогда ничего не случилось.

Впрочем, застольный разговор был Полю отнюдь не в тягость. Софи становилась центром внимания, и высказываемые ею мысли поражали пронизательностью. Её память была удивительной. Рассказывая эпизоды из своей молодости, она легко перечисляла факты, цифры, даты и имена.

– Помню, в тридцать пятом, – говорила Софи, – создали Народный фронт. Появилась надежда. Все чувствовали: вот-вот

начнётся война. Немцы ввели войска в Рейнскую область. Итальянцы оккупировали Абиссинию. У нас появились фашисты. Кричали: «Франция для французов!» Обыватели, как страусы, прятали голову в песок. Спорили до хрипоты. Иной раз – до драки.

– Да, я об этом читал, – кивнул Поль. – Не понимаю, чего они так боялись? Мы ведь были совсем не слабыми!

– Боялись не все. Были и другие французы... – заметила Антуанетта.

– Я говорю о правительстве. Уступали и... доуступались!

– А Париж жил беззаботно и весело... Я училась в университете. Вечеринки, любовные истории нас больше интересовали, чем судьба страны!.. – Потом вдруг наступило затишье, как это бывает перед бурей, – продолжала Софии после некоторого молчания. – У нас была большая семья. Родители, я – студентка университета и двое братьев, Иосиф и Вениамин. Но никто не знал, что делать. Уехала семья Блюмов, наших соседей, а родители всё колебались. Да и куда было ехать? В Италии – Муссолини, в Испании – Франко.

– То, что правительство струсило, я согласна! – включилась в разговор Катрин. – Но они боялись не только Германии. Не меньше боялись и своего народа! Но ведь были и другие.

– Где? О ком ты говоришь?

– А де Голль?!

Софи вспомнила те дни в Париже. На улицах пёстрая толпа напоминала карнавал. Полуголые девицы пританцовывали и улыбались прохожим. Трёхцветные полотнища и воздушные шарики... А неподалёку от Триумфальной арки бесновались фашистские сволочи. Елисейские поля были их вотчиной. Здесь они митинговали, слали проклятия Народному фронту, евреям, восхваляли Муссолини, Гитлера... Рвались в бой. А полиция их боялась...

Она встала из-за стола и подошла к окну. Некоторое время молчала, и в комнате возникла тревожная тишина. Все представили себе Париж непосредственно перед оккупацией. А Софи смотрела в чёрный квадрат окна, пытаясь увидеть в нём своих близких, погибших в душегубке. Сильно переживала, вспоминая о гибели родителей и брата.

Потом продолжала:

– Иосиф со своей девушкой прорвался через Гавр в Англию.

После войны я узнала, что он воевал под командованием де Голля и погиб... А тогда родители хотели, чтобы я уехала к подруге. Все бежали из Парижа. Я не хотела уезжать, но отец настаивал.

Августовская жара гнала людей из города. Никто не верил в то, что всё так быстро произойдёт. Опустевший город казался мёртвым.

Война застала всех врасплох. В небе появились немецкие самолёты. По дорогам потянулись беженцы. Женщины плакали. Пастухи гнали скот подальше от фронта.

Бомбили. Поезд торопился выйти из зоны обстрела. Осел многоэтажный кирпичный дом. Солнце скрылось в дыму и пыли. Потом снова наступила тишина, и только лёгкое покачивание вагона напоминало, что люди ещё на земле, а не на том свете...

Фашисты не ожидали серьёзного сопротивления, но всё было не так просто. Надежды на военный гений маршала Петена не оправдались... «Когда война проиграна, – говорил он, – продолжать её бессмысленно. А де Голль – фантазёр и авантюрист!».

Дорога на юг шла через Тур и Пуатье. В окне поезда мелькали постройки, потом озера с безлюдными берегами, поросшие ивняком. В лучах солнца розовела вода... У одинокого домика с заколоченными окнами стояла старуха в чёрном платье и чёрном платке на голове. Она грустно провожала глазами уходящий поезд, не шелохнувшись и опираясь на большую палку. А в поезде все говорили о войне. Говорили тихо, словно боялись, что их услышит враг. Пассажиры друг другу жаловались: «Францию предали и продали!». В окне вагона мелькали луга и рощи, а Софи всё время казалось, что она – дезертир и напрасно уезжает из Парижа. Она смотрела на огромные вязы и дубы, и у неё создавалось впечатление, что и те её осуждают: стоят понуро вдоль дороги и качают ветвями ей вслед: «Ты-то можешь уехать, тебе хорошо, а нам что делать, если мы выросли в эту землю корнями?». Они-то хорошо знали, что эта жара, эта тишина – не к добру! За этой тишиной обязательно придёт беда. Большая беда.

В Бордо Софи встречала подруга. Она пришла на вокзал с приятелем. Его звали Люсьен. Он погиб через год. А тогда он помог донести вещи Софи, попрощался и ушёл.

Поль слушал этот рассказ с изумлением: вот тебе и безмятежная старушка из маленького квартирного мирка! Кто бы мог подумать!..

Отец Луизы, Жан Легре, был хирургом. Когда-то работал вместе с отцом Софи. Потом женился на Ольге Савельевой, русской красавице, дочери графа Савельева, оказавшегося в Париже в далёком 1919 году. Они обосновались в Бордо, купили небольшой домик... Жан любил жену. Но через несколько лет она умерла от рака груди. Луизе тогда было лет пять...

А когда уже немцы вошли в Париж, Софи хотела было вернуться, но отец Луизы задержал: «Нельзя тебе туда, девочка! Завтра я позвоню твоему отцу, узнаю... Из Парижа все бегут. Туда никто не возвращается». А на следующий день он сказал, что связи уже нет...

Поль с изумлением узнал, что эта милая старушка была, оказывается, участницей Сопrotивления, выполняла задания подпольщиков, участвовала в боевых действиях. Он переводил взгляд с неё на Катрин, с Катрин на Антуанетту.

Софи между тем продолжала.

– Помню, уже в сорок втором, после операции пришёл Мишель ко мне. Было поздно, действовал комендантский час. Комната, которую я снимала, была в самом центре, и он уже несколько раз пользовался этим убежищем. Но в тот вечер он пришёл чем-то возбуждённый. Я поставила чайник на электроплитку.

– Иди, помойся, чай будем пить, – сказала я, понимая, что ночевать он будет у меня.

– Чай? – удивился Мишель.

– Ну да. Из моих старых запасов. Берегла до особого случая.

– И такой случай настал?

– Позавчера ты мне жизнь спас, а я тебя так и не отблагодарила!..

После чая Мишель согрелся и размяк. Неожиданно он стал говорить о своих чувствах. Я ему: «Брось. Время ли сейчас для этого? Столько крови вокруг...» А он: «Не знаю... Любовь приходит и не спрашивает, время или не время! Как смерть».

– Как жизнь, – сказала ему я.

С тех пор мы не расставались. Помню, тогда я сказала: «Ведь я ничего не знаю о тебе». В ту ночь мы рассказали друг другу о себе всё! А когда я призналась ему, что – еврейка, он сразу и не поверил...

– Вы – еврейка? – удивился Поль.

– А что? Это вас шокирует?

– Вовсе нет. Но никогда этого не скажешь. Вы самая французская француженка, которую я знаю!

Софи улыбнулась.

– Между тем, я, действительно, еврейка. И Мишель тогда очень удивился. Потом рассказал, что и его кровь – коктейль. А вот французской – в его крови нет! Помню, и я этому удивилась. Уж кто-кто, а Мишель был настоящим французом!

Тогда он рассказал, что его отца, – кстати, немца по национальности, – как только пришли фашисты, расстреляли.

– Расстреляли? За что?

– Он был владельцем оппозиционной газеты. Фашисты считали его своим врагом...

– А его мать?

– Она – армянка. Отец Мишеля привёз её из Турции. А когда пришли фашисты, она прятала у себя свою приятельницу, еврейку. Но кто-то донёс, и её забрали в гестапо.

И моих родителей вместе с тринадцатилетним братом забрали гестаповцы.

Софи на какое-то время замолчала. Все сидели и не могли произнести ни слова. Слышно было, как тикают настенные часы. Потом Софи продолжила:

– Дядя Жан, отец Луизы, достал мне другие документы. По ним я и стала француженкой. Он и вовлёк меня в организацию.

– Как погибли ваши родные? – спросил Поль.

– Соседи рассказали, что их затолкали в машину и увезли куда-то. Наверное, отравили угарным газом и сбросили в канаву... Многих угоняли в концлагерь возле Бриансона. Ведь у нас не было лагерей, как в Освенциме. Были лагеря интернирования, например, в Дранси, к северу от Парижа. Оттуда в Освенцим уходили эшелоны с несчастными. Моих отравили сразу... Я об этом узнала после войны.

Когда в сорок четвёртом высадились американцы и англичане, в Париже вспыхнуло восстание, и мы с Мишелем были

направлены сюда. Кстати, в наших рядах кого только не было! Англичане, чехи... Хорошо помню одного русского. Звали его Василием. Огромный детина, красавец. И смелый до отчаяния. Попал в плен, бежал. Потом руководил у нас отрядом. Умер от ран перед самым освобождением Парижа у меня на руках... Национальный герой Франции...

Помню ужас уличных боёв. Мишель несколько дней и ночей где-то пропадал. Однажды пробрался на крышу и оттуда забросал гранатами дом, в котором засели фашисты. Тогда мы были отчаянно смелыми. Я была рядом. Двадцать пятого августа освободили Париж.

А в пятидесятом к нам в поликлинику привела мальчика Эммануэль, девушка моего брата Иосифа. Я её ни разу не видела, но меня поразил мальчик! Он был копией брата: большие чёрные глаза, курчавые волосы, ровный большой нос и какой-то огромный лоб. А когда Эммануэль узнала, что я – родная сестра Иосифа, расплакалась и многое мне порассказала. Родила она в Англии, куда они с братом всё-таки прорвались. Иосиф вступил в армию де Голля и погиб. А она работала официанткой в офицерской столовой и растила сына. В Париже оказалась проездом. Живёт в Брайтоне, в Англии. У неё семья, дети...

– А сегодня эта сволочь снова поднимает голову, – грустно заметила Катрин. – На стеле в Меце намалевали краской свастику...

– Я слышала, что в минувшую пятницу рушили надгробья на еврейском кладбище, – сказала Антуанетта.

– Вот я и говорю: мир сошёл с ума. После всего, что было...

Видно было, что Софи расстроилась.

Катрин встала.

– Мама, хватит воспоминаний. Давайте пить кофе.

– Хорошо, – легко согласилась она. – Давайте пить кофе.

Поль, пока женщины собирали на стол, подошёл к окну, выходящему в глухой двор.

– Какие прекрасные розы, – сказала Катрин.

– А я не люблю цветы, – тихо заметила Антуанетта, но Поль услышал и удивился.

– Не любишь цветы?!

– Ты не понял! Не люблю цветы в вазах. Их убили, срезали и наслаждаются былой красотой и их трупным запахом... Пусть бы

они приносили радость, пока живы! Не могу радоваться и наслаждаться видом трупов...

Катрин отмахнулась:

– Ну, дочь, ты, по-моему, чудишь.

– Вообще нет. Говорю то, что чувствую. Надеюсь, Поль меня поймёт.

– Конечно, дорогая, – успокоил девушку Поль. – У тебя целая философия. Ты не вегетарианка?

– Нет! – улыбнулась Антуанетта. – Я, может, и ненормальная, но не до такой же степени!

Поль продолжал рассматривать комнату. На стене висел пейзаж: озеро с голубыми берегами вдалеке и тропинка, ведущая к воде.

Кофе сварен был мастерски. За столом говорили о Сербии. Вспоминали Владко.

Когда Катрин рассказала, что намерена издать книгу мужа, Поль заметил:

– Дорогая Катрин! Я понимаю, что издание книги – дело чести, дело памяти. Только не следует рассчитывать, что книгу будут раскупать. Во-первых, это не художественная литература. Это же будет книга не о супермене!

– Но нам такой герой и не нужен! Мы не в Америке. У нас иной менталитет, иные традиции.

– Борьба против терроризма будет определять международные отношения в XXI веке, – вступила в разговор Антуанетта. – Мир, если он хочет уцелеть, а не погибнуть, должен будет это понять.

– Но это понимание не возникнет в одночасье, – поддержала дочь Катрин. – Его нужно создавать, формировать. И заниматься этим необходимо именно сейчас, когда продолжает нагнетаться военный психоз...

Поль усмехнулся:

– Вы, Катрин, случайно не марксистка? Пожалуй, могли бы стать трибуном!

Софи внимательно слушала рассуждения молодых и вспоминала своего Мишеля. Он был бы рад слышать эти высказывания дочери и внучки!

– Человек должен иметь свои убеждения! – сказала Катрин. – Но я не марксистка, могу вас успокоить... И не я нагнетаю военный

психоз. Войной пахнет в воздухе! Не знаю, успеет ли выйти книга Владко до начала войны в Иране, и ведь одним Ираном дело явно не ограничится.

Поздно вечером Поль собрался уходить. К двери его провожала Антуанетта.

– Ты извини. Бабуля часто говорит о том, что ей довелось пережить. Живёт прошлым.

– Её можно понять, – сказал Поль. – У тебя героическая бабуля! И умница. В её годы – и такая светлая память!

– Это правда. Она у нас – герой.

– Но я так и не спросил тебя: как ты себя чувствуешь?

– Нормально. С каждым днём лучше.

– Ты всё же поостерегись пока. Чаше отдыхай. Всё будет хорошо, но должно пройти время.

Потом, пользуясь полумраком в коридоре, Поль обнял и поцеловал девушку, а Антуанетта прижалась к нему всем телом и замерла, боясь спугнуть этот миг счастья.

15. На следующий день Поль предложил Антуанетте погулять по городу и зайти в кафе, где он договорился встретиться с друзьями. Ему не терпелось познакомить её с ними. Нужно ли говорить, как волновалась Антуанетта?! Понимала, что это – своеобразные смотрины, где роль родителей жениха выполняют друзья.

Во время прогулки по городу Антуанетта была напряжена.

– Ты устала? – спросил Поль.

– Должно быть... Я ведь по-настоящему ещё никуда не выходила. Немножко голова кружится. Да и волнуюсь.

– Не понял. Чего тебе волноваться? Из-за встречи с друзьями?

– Я знаю, как ты дорожишь их мнением. А что, если я им не понравлюсь?

– Что ты, глупенькая! Я уважаю их мнение, касающееся медицины. Не более того! Но и понять их можно! Хотят с тобой познакомиться, да и я хочу, чтобы ты знала моих друзей... Впрочем, если это так взволновало тебя, давай отменим встречу...

– Что ты, дорогой?! Когда-то же я должна буду с ними по-

знакомиться? Пусть это будет сегодня.

В кафе их ждали Вилен и Жаннета Салье. Они тепло поздоровались с Антуанеттой, много шутили, расспрашивали о жизни в Белграде, интересовались, где она собирается работать. Но и в шутках и в, казалось бы, самых обычных разговорах ощущалась настороженность. Одни старались выведать: «А на что ты, дорогая, способна? Какие твои принципы, и соответствуют ли они нашим? Как понимаешь всё, что происходит в мире? Как относишься к Полю? Он нам дорог, и мы его в обиду не дадим!». Антуанетта, как могла, отвечала на эту лавину вопросов, причём не только словами, но и поведением, репликами, замечаниями, в которых самым главным аргументом было: «Я его люблю!».

Знакомство состоялось. Вилену Антуанетта понравилась, и он был рад за друга. Жаннет же высказала сомнение: «Уж очень разные у них специальности! Что может быть у них общего? Только постель?! Дом, дети? Этого мало! Боюсь, что очень скоро ему с этой королевой станет скучно!...».

Напряжение ощущала и Антуанетта. «Я не буду мешать вашей дружбе, – как будто говорила она. – Я его люблю и буду делать всё, чтобы он был счастлив!».

Поль решил закончить затянувшееся знакомство и, распрощавшись с друзьями, предложил Антуанетте ещё немного погулять по городу.

По улице людская река текла от стадиона к центру. Все были чем-то возбуждены. Догадки, предположения были в этом потоке. На площади людские ручейки образовали море. Оно штормило...

Поль поехал к набережной Сены. Пастельные тона Парижа, спокойствие, идущее от реки, редкие огоньки барж, силуэт собора Нотр-Дам, косые лучи заходящего солнца, длинные тени, наступившая, наконец, прохлада – всё располагало к тихим раздумьям. Потом стемнело и зажглось уличное освещение.

Вдалеке медленно двигались огоньки автомобилей по мосту через Сену к Лионскому вокзалу. На город медленно опускалась ночь.

Ночной Париж волновал их обоих. Поль держал Антуанетту за руку, и она чувствовала его волнение. Это был его родной город, и он хотел поделиться с любимой радостью встречи с ним.

Возле метро девушка в линиях джинсах и двумя смешными

косичками бойко продавала цветы. Яркие огни витрин манили роскошью. Жизнь ночных заведений только начиналась.

– Погуляем ещё, любовь моя?

– Нет, милый. Что-то устала. Отвези меня домой... А друзья твои мне понравились. Тебя они любят.

– И ты им понравилась...

– Откуда ты знаешь?

– Своих друзей я знаю!

И снова под колёса автомобиля заскользил асфальт. Замелькали указатели. Они пересекли пёстрый бульвар Сен-Мишель. У бульвара Сен-Жермен Поль притормозил.

– Не хочется расставаться. Давай посидим на бульваре. Тебе полезен этот воздух...

Они сели и долго смотрели на огоньки, проплывающие по улице, на мелькающие вдалеке витрины, на длинные тени деревьев. Слушали шелест листьев... И не было ничего лучше этого ночного города, этой скамейки на бульваре, руки Поля, обнявшей Антуанетту.

Не стеснясь прохожих, Поль целовал Антуанетту ...

– Пошли, милый! Мама будет волноваться, – шептала Антуанетта, крепче прижимаясь к Полю.

Когда они встали, было около двенадцати.

Поль припарковал машину за углом, и пока они шли к дому, Антуанетта видела, как полуголые девицы с дешёвыми украшениями и холодными улыбками зазывали праздношатающихся мужчин...

Улицы были запружены возбуждёнными юнцами. Кто-то кричал, размахивая полотнищем французского флага. Кто-то что-то пел под аккомпанемент гитары. Ему подпевали стоящие вокруг такие же юнцы.

– Они снова против чего-то протестуют? – спросила Антуанетта.

– Наверно. А что им делать? Демократия!

Один парень обнял девицу, и его рука поглаживала её ягодичу, едва прикрытую мини-юбкой.

– Пошли танцевать, – сказал парень.

Девушка посмотрела на него с удивлением.

– Ты лучше угости меня...

– Дозы нет. Должен подойти Пьер. Потерпи!

– Легко тебе говорить! Меня всю ломает...

На углу Антуанетта вдруг остановилась и придержала Поля за руку.

– Что случилось, любовь моя?

– Подожди!

Она обняла его, притянула к себе и поцеловала нежно, отрешённо, закрыв глаза.

– Спасибо, милая!

– Разве за это благодарят?!

На следующий день к вечеру снова пришёл Поль.

Они сидели в комнате Антуанетты. Поль смотрел в её глаза, стараясь не утонуть в их голубизне.

– А знаешь, о чём я мечтаю? – спросил Поль.

– О чём?

– О нашем доме. О детях и внуках... Представляешь, полный дом малышни!

– Я так далеко не загадывала, – улыбнулась Антуанетта и прижалась к Полю.

Декабрь 2003 года в Париже был необыкновенно тёплым. У Триумфальной арки, у могилы неизвестного солдата, на широких тротуарах Елисейских полей было много народа. Потолкавшись в непрерывном людском потоке, Поль поехал на Монпарнас, чтобы встретиться с другом, на следующей неделе уезжающим в США на стажировку. В кафе они с Жоресом выпили бутылочку шамбертена. Поль попросил передать профессору Дебейке папку с материалами его книги. Жорес обещал. Вскоре они попрощались.

Идя к машине, Поль уже принял решение, и ему казалось, что все окружающие предметы одобрили его выбор. Чёрные силуэты деревьев кивали ветками, светящиеся окна домов весело подмигивали...

На Рождество они отметили свою помолвку. Катрин и Софи благословили молодых. Поль купил небольшую квартиру в самом центре Парижа недалеко от госпиталя, где работал.

Церемония бракосочетания состоялась в кафедральном римско-католическом соборе Парижской Божьей Матери. Освятил их союз сам настоятель – монсеньор Патрик Жакэн, много лет знавший отца Поля и обязанный ему жизнью. После этого Антуанетта Дожиц

стала мадам Лежар.

Вскоре Антуанетта стала корреспондентом одной из парижских газет. Это не очень радовало Поля, но и настаивать на том, чтобы жена сидела дома, он не мог.

– Понимаешь, – сказал он тогда, – я совсем не против, чтобы ты работала. Но освещать светскую хронику, рассказывать про кинозвёзд – кто с кем переспал, на ком какие были наряды – это не твоё. Зная тебя, я понимаю, что ты пойдёшь по стопам родителей. А ты представляешь, каково будет мне?! Я умру от волнения.

Антуанетта молчала.

– Давай попробуем найти компромисс, любовь моя, – продолжал он. – Ты займёшься новостями культуры или здравоохранения. Может быть, науки...

– Может, ты и прав, дорогой. Но у меня есть ещё неоплаченный долг. А я привыкла долги возвращать...

И у Поля жизнь не была постоянным праздником. Он много оперировал, потом выхаживал больных, сутками пропадая в госпитале. К тому же готовил монографию об оперативном лечении порока сердца и об искусственных клапанах. Работа не оставляла времени ни на что другое. Работа – дом, дом – работа.

Антуанетта же задумала писать книгу – первую в её жизни. Эта мысль пришла ей в голову ещё тогда, когда, учась в университете, она наслушалась рассказов Софии о трагической судьбе родителей её и дедушки Мишеля. Собирала материал, много работала в библиотеке, думала о сюжете.

Однажды, когда они были в гостях у родителей, разговор зашёл о будущей книге.

– Я хочу рассказать людям о том, что было когда-то...

– Рассказать можно, – кивнула София. – И нужно! Люди забыли о том, что было. А забывать этого нельзя!

Катрин заметила:

– В Америке проводили опрос. Спрашивали, знают ли, где находится Сербия и нужно ли её бомбить. Большинство отвечали: не знаем, но бомбить нужно.

– Ты должна написать! Нельзя, чтобы забыли! – сказала София.

Она отнеслась к затее внучки с пониманием. Сказала:

– Может, и мои воспоминания тебе пригодятся. Многое помню из того, что видела сама. Помню и рассказы твоего дедушки.

И Антуанетта слушала её воспоминания, что-то записывая в блокнот.

Ещё в детские годы Мишель – будущий муж Софи – любил ездить с мамой в Виль-Жуиф. Это было живописное место на берегу небольшого озера. Высокие тенистые деревья, причудливая планировка парка, красивое здание – всё говорило о спокойствии и благополучии. Трудно было предположить, что здесь находится лечебница, где многие годы жили люди, потерявшие рассудок.

Сначала – ворота и дорожка через парк, а затем уже вход в здание. Торжественная мраморная лестница будто обещала: вы входите в царство прекрасного!

В здании было чисто и тихо. Люди в белых халатах, просторные светлые палаты, где лежали больные в застиранных невзрачных пижамах. За врачами постоянно следовали огромного роста санитары, готовые в любой момент их защитить от агрессивной вспышки умалишённых.

Каждый раз Ануш почтительно разговаривала с врачом. Он вполне благосклонно отвечал на её вопросы. Потом к ним выходил худой высокий старик, и они шли в парк в сопровождении санитаря. Иногда, если погода не позволяла беседовать в парке, они располагались в фойе на диване. Мишелю было совершенно безразлично, где происходили эти встречи. Важно было то, что они – происходили! Он с любопытством разглядывал доброго великана, а тот вёл себя по-разному, но всегда мирно. Был ласков с ним. Иногда он выглядел усталым и задумчивым, не отвечал на вопросы и, казалось, спал, а иногда что-то говорил и даже улыбался, называя его господином Кечаном...

Мать Мишеля всегда приносила этому старику что-нибудь вкусное. Тот благодарил и медленно ел, думая о чём-то своём. Иногда что-то негромко выкрикивал, смеялся или плакал.

Мишель смотрел на него и понимал, что он не здесь с ними, а где-то в другом месте! Он спрашивал мать о том, что видит перед собой этот дедушка, но мама отвечала сбивчиво и непонятно. Казалось, она чего-то смущалась и не решалась объяснить сыну всей

правды. Или слов не находила?.. Она называла его Вардапетом, была с ним предупредительна и нежна.

Уже много лет спустя Мишель узнал причину смущения матери. Но великан давно умер. А отрывочные сведения, которые у него остались в памяти, он передал Софи, а та вобрала их в себя и теперь рассказывала о них внучке.

Мысль о том, что бабушка была женой человека, который видел самого Комитаса, поражала Антуанетту. Словно бы по этой человеческой цепочке шёл невидимый ток.

– Ба, а что ты знаешь о гибели родителей дедушки Мишеля? – спросила Антуанетта, предчувствуя, что бабушка расскажет то, что она никогда не слышала. Такое у неё было сегодня настроение. Всё располагало к исповеди.

Софи на мгновение прикрыла лицо ладонью левой руки. Потом, пристально посмотрев на дочь и внучку, проговорила:

– Твой отец, Катрин, долго не мог простить себе, что не сумел спасти свою мать. «Отец вывез её из обезумевшей Турции, чтобы она погибла в обезумевшей Европе», – как-то сказал он мне. Я не фаталистка, ты знаешь. Но судьба свекрови не даёт успокоиться. Часто думаю о ней. Не меньше, чем о своих родителях, братьях. Она избежала трагической участи в Турции, но судьба настигла её спустя годы. Мишель говорил, что ты, Катрин, похожа на бабушку. Особенно взгляд... Особый взгляд. Мишель рассказывал, что так гордо и холодно мать смотрела на гестаповцев, когда те ворвались в квартиру.

– Так он видел, как уводили его мать? Ба, ни ты, ни дедушка Мишель никогда мне об этом не рассказывали, – с укором в голосе проговорила Антуанетта.

– Может, потому что это совсем не та история, которую следует рассказывать маленьким девочкам, – грустно улыбнулась Софии. – А тебе ведь было не больше десяти, когда не стало дедушки... Он многое тебе не успел рассказать...

– Да и мне тоже... – заметила Катрин.

– Маленькой ты была привязана к отцу больше, чем ко мне.

– Неужели ты ревновала?

– Знаешь, да... Мы даже ссорились с ним из-за тебя. Он тебя заласкал... Впрочем, как все отцы: мечтают о сыновьях, а балуют и лелеют дочерей. Имейте это в виду, Поль, – сказала Софии, лукаво

взглянув на зятя. – Мишель рассказывал, – продолжала Софии, – что в тот роковой день он возвращался домой раньше обычного. А начались облавы на евреев. Быть может, поэтому не пришёл учитель физики. Он был евреем. Мишель сразу почувствовал недоброе, когда увидел машину с крытым фургоном у их подъезда. Консьержка – мадемуазель Люси что-то говорила «господам офицерам», кокетливо поправляя рюшки на блузке.

Потом всё было как в кадрах кино. Мишель поднял голову и увидел мать у распахнутого окна. Но она не махнула ему рукой. Кажется, даже не заметила его. Торопливо задёрнула занавеску. Дело в том, что в их квартире вот уже три дня ночевала её приятельница из соседнего дома с дочерью трёх лет. По словам матери, малышка ей напоминала умершую дочь. Ануш привязалась к маленькой Еве, как к собственному ребёнку. Мишель обошёл консьержку со спины и стал медленно подниматься по лестнице. Он думал: куда, в чью дверь постучат эти гестаповцы. Каково же было удивление, когда те, обогнав его на один лестничный пролёт, заколотили к ним в квартиру... Мать открыла дверь, заслонив собой проём. Но её бесцеремонно оттолкнули. Ещё через пару минут донесся плач Евы. Вскоре из квартиры вышли обе женщины. Ануш крепко прижимала к груди девочку. Мишель точно врос в стену. Ему казалось, что он окаменел, онемел. Что всё происходящее – сон. Мать, поравнявшись с ним, остановилась и холодно сказала: «Передай маме, что сегодня урока музыки не будет... И завтра тоже... Деньги, которые мне дали твои родители, лежат в левом ящике комода... Слышишь – в левом ящике... Внизу...». Так они и простились – точно чужие. Но, спустившись ещё на две ступени, Ануш обернулась и, посмотрев на сына в последний раз, выдохнула:

– Балас...

Никто не понял, что она сказала. Только Мишель. «Балас...» по-армянски – «Дитя моё...». Так она говорила иногда сыну, когда жалела его.

– Я помню, помню... Отец, когда я болела, целуя меня в лоб, чтобы проверить, не спала ли температура, говорил мне тоже «Балас», – сказала Катрин.

– Это были последние слова его матери, – продолжала Софии. – Он так и не смог себе простить, что тогда, точно пригвождённый к стене, не сдвинулся с места, не побежал за ними, не догнал, не

спас... Спустя лишь час он нашёл силы открыть дверь квартиры. Он не знал, что делать, куда идти. За неделю до этого арестовали отца. Вызвали повесткой в гестапо, и с тех пор никто его не видел. Куда бы они с матерью ни обращались, им никто ничего не мог ответить. А теперь увели маму! Всю ночь Мишель просидел один в пустой квартире, так и не решив, что ему делать. Не сразу поверил, что осиротел. Ещё два дня и одну ночь ждал мать. На рассвете, вспомнив её фразу о левом ящике комода, заглянул в него. Под стопками выглаженных полотенец обнаружил сумку из тканого полотна с восточным орнаментом. В ней лежали с десятков старых фотографий, три толстые тетради в добротном кожаном переплете. Записи в них были сделаны на армянском языке, на котором Мишель не говорил. И уж тем более не умел ни читать, ни писать. Там же обнаружил кольцо и серьги матери, которыми она очень дорожила. Это были украшения бабушки. Там же лежали деньги.

Мишель надел пальто, положил сумку с мамиными реликвиями в ранец и... вышел из дома. Бдительная консьержка попыталась заговорить с ним:

– Доброе утро, милый Мишель, Ах, бедная-бедная мадам Ануш. Не понимаю, как она могла допустить такую неосторожность: впустить в дом евреев?! Очень неосмотрительно...

Мишель сжал кулаки до боли, чтобы не наброситься на молодящуюся консьержку. Он понял: это она сообщила в гестапо, что в их доме скрывается мадам Фира с маленькой Евой, но промолчал и ушёл из родного дома. Навсегда...

Софи взяла в руку чашку, сделала несколько глотков.

– Совсем остыл... – промолвила она.

– Я долью горячий... – проговорила Катрин, вставая.

– Нет-нет... Я на минуту вас оставляю...

Софи вернулась, как и обещала, спустя минуту. В руках у неё была сумка из тканого полотна с восточным орнаментом. Положив сумку на стол, она вынула несколько фотографий, тетради в старинном переплете и футляр. Посмотрев по очереди на Катрин, Антуанетту, Поля, она сказала:

– Это всё, что осталось от Ануш. Думаю, настало время передать вам эти семейные реликвии... Здесь и тетради Комитаса. Он завещал их Армении...

– Что ж ты раньше ничего не говорила? – удивилась Антуан-

нетта.

– Я о них забыла совсем. К тому же там написано по-армянски. Да и не до того было... Тебе могут пригодиться... для твоей книги. Да вот, смотри! – она раскрыла первую из тетрадей. – Какие странные армянские буквы! А может, это не на армянском? Но, как мне помнится, Мишель говорил, что – на армянском. Им Комитас передал эти тетради, когда они его навестили однажды. Это было за несколько месяцев до его смерти. Видимо, чувствовал, что скоро уйдёт из жизни...

– Но как же это можно прочесть?

– А никак ты не прочтёшь! Надо знать язык. А у нас армянский не знает никто. Разве что переселенцы. Но где их искать?

– Значит, надо найти! – сказала Антуанетта.

Катрин проговорила:

– Тетради не должны лежать у нас. Может, этот старик действительно великий мыслитель! Надо их вернуть его народу, тем более что, как я помню, отец об этом и говорил. Вроде бы Комитас их об этом просил.

– Вот ты и займись этим, – сказала Софи Антуанетте.

Катрин продолжала:

– Их надо будет отнести в посольство Армении.

Софи возразила:

– А посольские чиновники забудут про них. Или потеряют. Чиновники – ненадёжный народ.

– Их надо отдать в Армению, – сказала Антуанетта. – Надо только подумать, как это сделать.

Поль задумчиво проговорил:

– Примерно через год мне представится возможность поехать в Армению на международный конгресс кардиохирургов. Дело в том, что эта крохотная страна имеет прекрасный кардиохирургический центр. Я уже получил приглашение.

– Но ведь это будет через год! – сказала Антуанетта.

– Да, ты права: весной две тысячи пятого. Но посуди сама: эти тетради лежали много лет, – потерпят и год. Зато ты сможешь поехать со мной и вручить их там.

Антуанетта обрадовалась:

– Здорово! К этому времени можно будет перевести тетради Комитаса. Как здорово, что мы с тобой поедem в Армению!

16. Воскресным вечером после ужина Антуанетта и Поль удобно расположились в креслах и продолжали беседу. Поль был настроен философически. Он одобрительно относился к идее Антуанетты написать книгу о кровавых событиях двадцатого века, но предостерегал её от поверхностного освещения фактов. Ему казалось, что это должна быть книга размышлений, серьёзных аналитических исследований.

Свет в комнате не зажигали. Он проникал из коридора, и в полумраке все предметы были едва различимы.

– Понимаешь, любовь моя, – говорил Поль, продолжая разговор, начатый за ужином, – многие социологи говорят о крушении нынешней цивилизации. Они утверждают, что мы являемся свидетелями столкновения цивилизаций. Речь идёт не о религиозных столкновениях, которые происходили в древности. Они утверждают, что если раньше была борьба Севера с Югом, то теперь вектор её изменился, и разворачивается борьба Востока с Западом. Нас ждут глобальные потрясения, не зависящие ни от национальности, ни от вероисповедания.

– Не кажется ли, дорогой, что в таком прогнозе чувствуется безысходность? Неужели всё так плохо? По крайней мере, здесь, в Париже я этого не чувствую. Франция – образец демократии!

– Сегодня, – задумчиво произнёс Поль, – необходимо противостоять факторам, угрожающим самому человеческому существованию. В одиночку человеку просто не выжить. Совместная трудовая деятельность обеспечивает выживание людей и объединяет их. Но этого недостаточно. Важен не только материальный, но и духовный фактор, духовная общность, духовные ценности! Многие страны пришли к своему благополучию благодаря демократии, и им кажется, что этот порядок универсален для любого общества. Увы!

– Но война с так называемыми террористами – это не обычная драка с бандой. Чаще всего эта борьба становится борьбой с народом. А если эти террористы ещё и исламисты, то к ним присоединится весь исламский мир. И тогда уже – борьба цивилизаций! Если Иран против США или Европы, это не аятоллы против США и Европы, это широкие массы против них. Это трагедия мирового масштаба. Отсюда вопрос: что с этой данностью делать, нельзя же воевать с народами?

Антуанетта забралась на диван и поджала под себя ноги.

– Именно в том и трагедия, любовь моя, что в конфликт вовлекаются широкие массы, – сказал Поль. – И будь они хоть трижды неправы – что с ними делать? А демократия...

– Не уверена, что демократия всегда – благо. Разброс мнений при необходимости принять быстро решение порождает неразбериху. И к тому же истина-то ведь одна.

– Когда вместо спектра мнений есть только одно, вероятность ошибки возрастает. Это называется авторитаризмом. Только в споре рождается истина.

Поль с удивлением посмотрел на жену. Неужели она не понимает?

– Ну да! И поэтому можно силой навязывать свои убеждения! – сказала Антуанетта. – Так делали коммунисты и фашисты. А сегодня так пытаются делать так называемые демократические страны.

– Ты права. Лекарство одно – настоящее образование и воспитание. Именно поэтому, я думаю, твоя книга своевременна и нужна, – согласился Поль.

– Но, к сожалению, и сотни таких книг никого не научат... – грустно призналась Антуанетта.

– И в этом ты права. Новый век обещает быть ещё хуже.

– Мне кажется, что люди так и не научились слышать друг друга! – сказала Антуанетта. – Звериная их сущность выступает всё явственнее. Сначала просто убивали, потом стали изобретать изощрённые приёмы и при этом получали удовольствие. Распинали на кресте, привязывая их к нему, чтобы те дольше мучились. Если пробить руки и ноги гвоздями, присоединяется инфекция и несчастный умирает быстрее. Сажали на кол, топили в дерьме, заживо сжигали на костре...

– Вот я и говорю, что, может, это естественный процесс развития человечества? Твоих прадедов терзали и убивали в Турции в начале прошлого века. Потом душили в газовых камерах... А недавно убили твоего отца и его родителей... В этом просматривается какая-то закономерность. Жестокость нарастает. Резня в Турции, потом Освенцим, Гитлер, Сталин, Мао-Цзэдун, Пол-Пот, Милошевич... Голова кружится...

– Ты прав, дорогой! Время безжалостно, а век, который, слава Богу, недавно закончился, был кровавым и страшным!

Они некоторое время сидели молча, и каждый думал о своём. Потом Антуанетта задумчиво проговорила:

– Беда в том, что каждый считает свои убеждения истиной. Конечно, это утопия. Мир слишком сложен.

– Ты права, – кивнул Польш. – В мире много шума по поводу дарвинизма. Церковники лезут со своими бреднями. Но, несмотря на некоторые всем известные туманности, серьёзных альтернатив этой теории я не знаю.

– Ну, это уже высокие материи, – отмахнулась Антуанетта. – Я не думаю, что буду касаться этих проблем.

– Конечно. Это я так, к слову... Хотя, как посмотреть. Ведь мы говорим о событиях прошлого века, которые нормальными нельзя назвать. И тебе придётся попробовать раскрыть природу этого зверства.

Антуанетта некоторое время молчала, размышляя над словами Поля. Не взвалила ли она на себя неподъёмную ношу? Справится ли? Потом тихо, словно убеждая себя, проговорила:

– Ты знаешь, когда в Германии к власти пришли фашисты, они устроили еврейский погром. Его назвали «Хрустальным».

– «Хрустальной ночью», – поправил Польш.

– За одну ночь, – продолжала Антуанетта, – были сожжены или разрушены синагоги, дома, магазины, школы. Мелкие осколки стёкол, как разбитый хрусталь, как снежинки, блестели на солнце. Убивали женщин, детей, стариков... Десятки тысяч отправили в концентрационные лагеря. Все были в замешательстве, негодовали. И что? Фашисты поняли, что именно так нужно поступать со своими оппонентами.

Найти армянина во Франции – дело не такое уж сложное. Со специалистами, владеющими армянским языком и способными квалифицированно перевести текст, было хуже. Многие знали язык плохо и не могли прочесть неразборчивые записи. Другие говорили на диалекте. И всё же найти переводчика удалось! Им стал армянин, который в колледже преподавал... французский. У месье Эскузьяна была учёная степень. В своё время он защитил диссертацию по французскому глаголу. Ну а что касается армянского языка, то он его

выучил самостоятельно. На нём говорили бабушка и мама.

И тетради, столько десятилетий молчавшие, словно надгробные камни, вдруг заговорили.

Там были заметки о страшных событиях пятнадцатого года, тексты для песен, музыку к которым сочинил сам автор.

Стихи, как правило, очень проигрывают, когда их переводят на другой язык. Переводчик часто неосознанно пускается в соревнование с автором, и в результате получаются нечто новое.

Поль с удивлением читал тетради Комитаса. Его поражало всё: и описываемые события, и обобщения, и то, как он переживал пережитое, пропуская через себя чужую боль.

Дело было вечером, когда Поль проговорил:

– Когда я читаю записки Комитаса, у меня кровь застывает в жилах. «Стадо без пастуха... Атмосфера пышет ядом – спасения нет... Сердце моё разрушено...».

Антуанетта молчала: её поразили эти строки.

– Не всё нравится мне в этом деле, – сказал Поль.

– Что тебе не нравится? – удивилась Антуанетта. – Разве может это оставить кого-то равнодушным к судьбам несчастных?! А эти его строки:

*Как никогда
и как нигде
Был к месту вопль
скорбящий тот,
Ах, Вардапет,
в большой беде
Устами скорбными народ,
Чью душу чёрный траур сжѐг
Молил, рыдал:
– Спаси нас, Бог!*

Я словно сама прошла этот путь. И что за судьба?! Такая необыкновенная жизнь и такой финал!

– Это я понимаю, любовь моя. Но тебе нужно избегать таких переживаний. Это безразлично для тебя, для твоего здоровья, твоей психики! Особенно, для будущей матери. – Он ласково погладил живот Антуанетты.

– Будущим мамам не полезна бездеятельность! – парировала Антуанетта.

– В медицине, любовь моя, есть такое понятие: дозировка, – сказал Поль. – Любое лекарство может превратиться в смертельный яд. Тетради Комитаса – это сильнодействующее лекарство, и его следует применять очень осторожно. Это – документ! Обличающий, нелицеприятный. От такого немудрено свихнуться. Пошли лучше спать. На сегодня ужасов, пожалуй, хватит. Тетради Комитаса тебе противопоказаны. Да и Софи их читать не стоит. Это для нас они – далёкая история. Она же будет вспоминать гибель своих родителей. Нет, ей определённно читать их не стоит...

Софи Рунге и без тетрадей Комитаса была погружена в свои воспоминания. Всё время говорила о том страшном времени, которое ей довелось пережить. Вспоминала, как в годы войны они каждый день ждали, что за ними придут гестаповцы. В организации появился предатель. Забрали всех руководителей их ячейки. В гестаповских застенках погибли Луиза и её отец. Но никто не назвал ни её, ни Мишеля. А вскоре фашисты должны были спасти свою шкуру, и им было не до этого...

– А однажды, – рассказывала Софи, – это было вскоре после войны, – придя из университета, Мишель как-то мне заявил, что армянский народ имеет много общего с евреями!

– Что за бред? Откуда ты это взял? – удивилась я.

– Они, как и евреи – вечно гонимы, разбросаны по миру. Я тогда не понимала его. Все люди на земле немножечко евреи!

– Нет, я ведь серьёзно, – возразил Мишель. – Традиции армян имеют корни из Торы!

– Как и традиции всех христианских народов, – упорствовала я. – Кто этого не знает?! Ну и что из этого следует? Все люди на земле – родственники!.. Но это никому не мешает уничтожать друг друга.

– Такое не может... не должно больше повториться!

– Хорошо бы! Только, к сожалению, всё снова повторится. Человечество ничему не научилось!

– Тоже мне – Нострадамус!

– Это лишь констатация факта.

Софи пыталась понять: что нас ждёт?

– Твои идеалы, – сказала Катрин, – идеалами и останутся. Это как в церкви на службе: мы опираемся на сказки...

– Ты не права! Мои идеалы основаны на реальности, на возможностях людей, которые ими так, к сожалению, и не воспользуются!

– Тогда какой толк от них? Это и есть ремейк церковной доктрины о грядущем царстве Божием!

– Ну что ж... Может, ты и права, – задумчиво проговорила Софи. – Но ведь без таких сказок нельзя жить! И ты напрасно так ополчилась на церковь...

– Да ни на кого я не ополчилась! Просто противно... В четвёртом веке Никейский собор постановил считать Иисуса сыном Бога, рождённым от беспорочного зачатия! И в это поверили! Утвердили святость четырёх евангелий. Потом вносили поправки в те самые священные тексты. Придумали культ девы Марии... И всё это простым голосованием! Самая большая дуриловка за всю историю человечества!

– Да я же не об этом... Ты лучше принеси мои сердечные капли. Что-то сердце в последнее время стало часто болеть.

Катрин накапала в чайную ложечку капли и дала матери.

– Может, ляжешь в постель? – спросила она.

– Нет. Успею ещё налечь. Да и на диване ведь не сижу.

– Ты давно была у врача? Может, стоит лечь в госпиталь?

– Нет. Никуда ложиться я уже не буду. Хватит. Пожила.

Нужно и честь знать.

– Брось пожалуйста... Все умрём, и нечего тут рассусоливать.

– Конечно, ты права, – согласилась Софи. – Все там будем. Я о смерти и не думаю. Просто плетутся и плетутся воспоминания. Тем и живу... Почему-то вспоминаю большой письменный стол справа от входной двери. На нём телефон и совершенно необычные шахматы. Их подарил отцу какой-то пациент. Папа любил играть в шахматы... На фигурах облезла краска. Помню короля с облезлой синей краской на головке. Красная – практически полностью слезла, и фигуры были бесцветными. Я с отцом любила играть в шахматы. Как правило, конечно, проигрывала. Но, помню, однажды выиграла, и папа очень расстроился. Он к игре относился серьёзно. А я

гордилась своей победой. Помню, как удивились родители, когда ко мне зашёл Николь Лурье. Мы тогда увлекались биологией и договорились пойти вместе в зоологический музей. Очень романтическое воспоминание, не хочется его опошлять современными словами. Нравы были иными. А в нашей семье особенно. Стеснялись даже смотреть на голые фигуры. Сейчас всё это выглядит смешным. Но таково тогда было наше, выражаясь современным языком, «сексуальное воспитание». Книги с такими картинками вскоре утратили для нас интерес.

Помню, папа мне много раз повторял, что в любых ситуациях нужно быть ЧЕЛОВЕКОМ! В это слово он вкладывал свой, только ему известный, смысл. Но я, мне казалось, его понимала.

– У тебя прекрасная память. И склероза никакого нет. Ты – молода душой! Ты у меня самая умная.

Катрин ласково обняла мать и прижалась к ней.

– Какой уж тут ум? Просто задержалась в этом мире. Много пережито. Много помню... Вот твой отец был умницей, светлой головой! За много лет до того, что сейчас творится, он всё предсказывал. Его не понимали. Он многое предвидел... Я тоже была среди тех недоумков...

– Брось себя бичевать!

– Жизнь всё время усложняется и усложняется. – Софи привстала. – Куда уж мне разбираться в мировых проблемах!

Ты знаешь, – продолжала Софи после недолгого молчания, – когда я много лет назад увидела Эммануэль, девушку Иосифа, смотрела на его сына, который сейчас носит и другое имя, и фамилию нового своего отца, подумала: сколько людей совершенно не знают своих корней! Этот мальчик так никогда и не узнает, что в его крови есть гены и его биологического отца!

– Какой только крови у нас не намешано! Что за ерунда – разговоры о чистоте крови! Расизм какой-то!

– Расизм, – согласилась Софи. – Но вспоминаю того мальчика, сынишку Иосифа, и на душе становится теплее. Мы всё же не исчезаем! Мы продолжаемся!..

Через неделю Катрин получила тираж книги мужа.

С мягкой глянцевой обложки на неё смотрел Владко своим проникновенным взглядом, и ей казалось, что он с нею разговарива-

ет. Делится своими тревогами. Волнуется за судьбу страны. Негодует и радуется.

Катрин сразу же отправила в Сербию несколько экземпляров книги коллегам, друзьям, знавшим его, с которыми проработала много лет.

Вечером выход книги отмечали дома узким кругом. Катрин по этому случаю принесла прекрасное белое вино. Антуанетта не выпускала из рук книгу отца и почему-то плакала.

Разговор за столом был спокойным, и только Софи казалась взволнованной. Она слегка побледнела, глаза её блстели.

– Я рада, что дожила до этого дня. Владко, конечно, молодец. Хорошо написал.

– Только кто её будет читать? – скептически заметила Антуанетта.

– Те, кому она адресована, обязательно прочтут. Это же не сказки и не детектив. Вот почитай вслух полстранички. Я здесь отметила. Не знаю, как кому, а мне нравится...

– Мама, может, не нужно устраивать чтение? – попросила Катрин.

– Ты куда-то торопишься? – строго посмотрела на дочь Софи. Потом, повернувшись к внучке, сухо сказала, протягивая книгу: – Почитай!

Антуанетта открыла книгу на заложенной странице и стала читать:

«...Рим десятилетиями боролся с христианством, возникшем в среде иудеев. Нерон, особенно после поджога Рима, в котором римляне обвиняли ранних христиан, тысячами отправлял их на казнь.

Ненависть официального Рима к христианам была фантастической – он не останавливался ни перед чем в попытках стереть евреев с лица земли. Дело дошло до прямой оккупации Иудеи и разрушения Иерусалима, в результате погибли десятки тысяч ни в чём не повинных людей. Тит не щадил никого, будь то старики, женщины или дети. Например, шесть тысяч человек, причём исключительно женщин и детей, было сожжено в одном только «святом месте», где те укрывались от врага. Тит предполагал, что разрушение Иерусалима повлечёт за собой падение христианства. Однако он жестоко ошибся. Падение Иерусалима спровоцировало лишь начало

эпопеи христианского мученичества и породило процесс облагораживания женщины и восстановление рабов в своих правах...

...Человечество стремится к объединению на основе любви. Только любовь, а не ненависть объединяет. И ещё братство. Свобода же не объединяет, а разделяет.

Нации и народы поддерживают и дополняют друг друга. Человечество – это многогранный кристалл, сияющий своими гранями. Ни один народ на планете не может существовать в полной изоляции без поддержки окружающих его народов.

Генетический аппарат любого живого существа требует непрерывной подпитки свежими цепочками ДНК. В противном случае неизбежна гибель от вырождения. Это касается и всего рода человеческого. Чтобы избежать подобного, мы должны смешиваться друг с другом, поэтому на земле процветают войны и конфликты, и именно поэтому человеку живётся на планете так плохо. Тяжелые условия проживания заставляют людей мигрировать с места на место, перемещаясь из нации в нацию, из народа в народ, что приводит к установлению новых родственных отношений, повышая тем самым информативность человечества, качественно улучшая его генофонд.

Человек – это атом и вселенная одновременно. Он Атом внутри всеобъемлющей вселенной и он же Вселенная по отношению к тем, кто находится внутри него.

Человек – это несовершенство и совершенство одновременно. По отношению к тем, кто выше него, он само несовершенство, а по отношению к тем, кто ниже него, он совершенство. По отношению же к себе самому он самодостаточный Абсолют.

...История ничему не научила. Милошевич должен был уйти. Этого хотел Запад, этого хотел сербский народ. Власти не нужна была демократия. Она лишь думала, как удержаться... и прибрать к рукам очередной кусок собственности. Стыд – не дым, глаза не ест...».

– Интересно... – проговорил Поль и налил в бокал вино. – Там есть и конкретика?

– Книга собрана из заметок, которые друг с другом не имеют ничего общего. Так... впечатления, зарисовки, заметки на полях... Владко был авторитетным журналистом. Встречался с известными

политиками. Тот, кто знаком с обстановкой в Сербии, найдёт для себя много интересного.

– Тогда, может, тираж следует отправить в Сербию?

– Я так и сделаю, – кивнула Катрин.

– Ты читай дальше, – попросила, нет, приказала Софи.

– «Мировое сообщество привержено «ценностям демократии». Вот и приходится властям играть «по правилам». Слава диктатора, объявленного в международный розыск – перспектива сомнительного счастья... Вот и играют – а куда денешься?..»

Софи задумчиво проговорила, держась за сердце:

– Собственно ничего нового мы не узнали. Зло бессмертно.

– Зло, может, и бессмертно, – возразила Антуанетта, – да только люди смертны. И умирают раньше времени. Сколько судеб загублено!

Спорили в тот вечер долго, говорили о последних событиях в Сербии, вспоминали Владко...

Антуанетта отложила книгу.

– Люди рождаются свободными! А здесь такое...

– Нужно искать мира между различными культурами, – сказала Катрин. – Иначе следует ожидать конфликтов. Это – не конфликты между добром и злом, а между одной и другой «правдой».

Поль взглянул на Софи, и его поразила её бледность.

– Мадам, вы плохо себя чувствуете?

– Что-то мне нехорошо, – ответила Софи. – Вы меня простите, ради Бога. Я пойду к себе.

Катрин помогла матери пройти в свою комнату.

Вскоре Антуанетта и Поль уехали к себе. А вечером Поля вызвали в клинику. Что-то случилось с пациентом, которого он оперировал.

Ночью Антуанетту разбудил телефон. Звонила мать.

– Пригласи Поля. С бабушкой плохо. Я боюсь...

– Его вызвали к больному. Сейчас позвоню ему.

– Звони, да поскорее. Бабуле очень плохо...

Но когда Антуанетта и Поль приехали, Софи была уже мертва. Катрин тихо плакала.

– Боже мой! И мама от нас ушла!.. Как же мне быть без тебя? Я осталась совсем одна!

– А я? А мы с Полем? – успокаивала её Антуанетта. – Мы всегда будем рядом...

На похороны Софи пришло много народа. Антуанетта поддерживала мать. На улице дул холодный ветер. Начал накрапывать дождь.

Ночью Антуанетту Поль отвёз в госпиталь. У неё случился выкидыш.

– Я так ждала нашего малыша, – тихо плакала Антуанетта. – Уже успела его полюбить...

– Ничего, любовь моя. У нас ещё будут дети. Всё будет хорошо... Мы выдержим! Вместе мы всё выдержим...

Психолог, осмотрев Антуанетту, заметил Полю:

– Вам бы хорошо уехать куда-нибудь. Нужно сменить обстановку. Нельзя допустить, чтобы она слишком погружалась в свои проблемы. И никаких разговоров о делах. Хотя бы на время... – повторил доктор. – Поезжайте куда-нибудь, лишь бы подальше от Парижа. Отдохните, пообщайтесь с друзьями... А ещё лучше, с чужими людьми. Чтобы ничего не напоминало о пережитом...

– Это не просто...

– Не просто, – согласился психолог – но нужно...

17. Совет коллеги был воспринят Полем всерьёз: надо бросить всё и увезти Антуанетту из Парижа. Но куда? Осень на дворе. Можно было бы умчаться туда, где зим не бывает – на острова Карибского моря, например.

Вот уже битый час они перебирали варианты.

– Что-то не то, – задумчиво проговорил Поль. – Я представляю Таиланд или Индию, Египет или Турцию, и мне всё время мерещатся верблюды, кричащие торговцы, оглушительные и назойливые достопримечательности. Всё это мы могли бы оставить на потом, а сейчас...

– А что бы ты хотел?

– Тишины, любовь моя. Без радио, газет и телевидения! Ты представляешь: две недели полной тишины! В мире никого, кроме нас! Мы будем ходить в лес или в горы... Играть в шахматы или в

нарды... Слушать музыку! Моцарта, Брамса, Штрауса...

– А я люблю Чайковского и Рахманинова... И в нарды играть не умею.

– Я научу. Впрочем, можно и в карты... Но только без газет и телевидения! Боже, какое это будет счастье!

– Зачем нужен этот самообман?

– Нужен! Отдохнуть от всего, – от проблем, от кошмара в мире...

– Ты лучше скажи, куда ехать?

– А я уже знаю, любовь моя! – сказал Поль. – Я предлагаю поехать в Альпы! Будем жить в простом сельском доме.

– В Альпы? – удивилась Антуанетта. – Впрочем, – ты муж, тебе и решать!

– Именно так!

– Безумство...

– Не думаю, любовь моя. – Поль улыбнулся. – Нам надо поехать туда, где горы, альпийские луга, снег сверкает на солнце, воздух чистый...

– В Швейцарию? В Австрию? А можно и к нам: во Францию, в Гренобль?

– Нет, мы поедem в Морзин! Это не очень далеко. На машине – часов пять по живописной трассе. И если не понравится, всегда можно уехать... Прекрасный курорт. Там есть и горы, и лыжи...

– Но там же холодно! Даже не знаю, – задумчиво проговорила Антуанетта. – Я ещё не настолько окрепла, чтобы гонять на лыжах.

– А мы на санях! Вниз под горку. Никаких особых физических усилий, кроме восторга... К тому же, высокогорье тебе на пользу.

Поездка в Альпы оказалась более интересной, чем предполагала Антуанетта. Прекрасная живописная дорога.словно нарисованные акварелью разноцветные строения с яркими цветами в клумбах, при входе, в окнах, даже на крышах. Деревья, окрашенные в жёлтый, красный, зелёный цвета ещё не потеряли листву. Голубые горы на горизонте. Уютные придорожные кафе... Всё наполняло путешественников радостным предчувствием хорошего отдыха.

Такая поездка много интересней, чем экскурсия по путёвке в шикарном автобусе с зеркальными окнами.

Поль мастерски вёл машину и, видно было, получал удовольствие от быстрой езды. Дорога шла на подъём. Постепенно голубые горы превратились в зелёные вершины, а вдалеке появились и снежные шапки. И всё это – на фоне голубого безоблачного неба!..

– Вряд ли я выдержу без радио... – грустно проговорила Антуанетта. – Да и не могу я ничем не заниматься.

Поль не ответил и продолжал напевать шлягер. Потом заметил:

– Я даже мобильный телефон отключил. Всё! Нас нет ни для кого! Только мы и природа!

– Почему же? А если будут интересные люди? Общение – это ведь прекрасно! Да и маме я захочу позвонить. Она осталась одна.

– Единственно, кому мы будем звонить – это твоей маме. Но больше никому! Всё! Нас нет! Мы испарились! Мы в раю! Кстати, я ничего против новых знакомств не имею.

– Я когда-то неплохо ходила на лыжах, – улыбнулась Антуанетта.

– Вот и прекрасно. Возьмём напрокат, и станешь снегурочкой! Я тебя буду фотографировать.

– Нашёл снегурочку. Мой вес уже подбирается к шестидесяти.

– Нормальный вес, любовь моя! Мне нравится.

– Это мне и нужно. Но лучше себя ограничивать...

– Ограничивай. Только меня не мори голодом. Мне избыточный вес не грозит. Порода у нас худосочная.

Разместились они в альпийской деревушке Морзин, в доме с покатою крышей, построенном в классическом тирольском стиле. Горы с севера и востока защищали его от холодных ветров. На запад и юг стлались луга, на которых паслись овцы. Вдали, за шоссе грохотала горная речка. А чуть дальше начинался лес. Верхушки деревьев были окрашены розовым цветом лучами холодного осеннего солнца. Вдалеке высились старинные дворцы, построенные ещё во времена Римской империи.

Им отвели большую комнату с широкой кроватью посередине. Ни телефона, ни телевизора, ни холодильника. Мария, хозяйка,

совмещала обязанности и горничной, и поварихи. Иногда ей помогала дочь Натали. Красивая, розовощёкая, лет двадцати трёх, она к этому времени уже успела обзавестись двумя детьми и целыми днями возилась с ними. Когда освобождалась, принималась помогать по хозяйству.

Фамилия хозяйки была несколько необычной для этих мест: Светлова. Как оказалось, муж Марии, Люсьен, был прямым потомком русского графа, успевшего в девятнадцатом году вырваться из охваченного безумием Крыма и после длительных скитаний осесть в этой прекрасной стране. Рождённый здесь, Люсьен был православным христианином, старался беречь и передавать детям русские традиции, культуру. Его жена, француженка, чтобы сделать приятное мужу, выучила несколько русских фраз.

Люсьен работал инструктором по туризму, водил группы в горы и иногда не бывал дома по несколько дней.

Останавливались здесь, как правило, по две-три семьи. Это и привлекло Поля, когда ему в туристической фирме предложили отдых во французских Альпах.

Ели отдыхающие за одним большим столом в просторном каминном зале. Сосновые поленья весело потрескивали в топке, разнося по комнате приятное тепло и аромат хвои.

Еда была простой и вкусной. Молоко, яйца и мясо, овощи и фрукты – всё своё.

Здесь, в горах, в эту пору было довольно холодно. По утрам – заморозки и завораживающая тишина. Звенящий морозный воздух бодрил. Конечно же, это было совсем не то, к чему они привыкли.

В соседней комнате жил старик-немец герр Гюнтер Шнайдер. Он хорошо говорил по-французски, сразу же познакомился с Полем и Антуанеттой и расположил их к себе.

– Уверяю вас: вы сделали большую ошибку, забравшись в эти места, – сказал он им при первой встрече.

– Вы думаете, не стоило сюда приезжать? – с тревогой спросила Антуанетта.

– Конечно, не стоило. Я здесь вот уже пятый раз и жалею, что снова приехал сюда.

– Но если не стоило, то зачем же вы приехали? – удивился Поль.

– К сожалению, я понял, что теперь жить не могу без этих

мест. Они притягивают к себе как магнитом, и я ничего не могу с этим поделать. Скажу по секрету: только одна страна на свете может быть лучше. Это Исландия! Но, слава Богу, я там никогда не был. А то бы у меня развилась зависимость и от Исландии...

– Так вас просто тянет сюда? – улыбнулся Поль и посмотрел на жену.

– Конечно. Тот, кто побывал здесь, никогда не сможет забыть эти края... Эти места снятся мне по ночам. Может, оттого, что всё, что здесь происходило, было в молодости, а молодость, как известно, всегда прекрасна!..

Другой постоялец был высоким худым стариком из России. Он плохо говорил по-французски, но язык понимал и производил впечатление угрюмого человека, погружённого в свои переживания. Представился он Иваном Андреевичем, врачом.

Лишь однажды Антуанетта, глядя на снежные вершины, сказала ему по-русски:

– Смотрю я на вас и не понимаю. Будто у вас в России снега нет.

– Почему вы так думаете? – удивился Иван Андреевич. – Конечно, там, где я живу, снега не много.

– Вы живёте на юге России?

– На юге, – ответил он.

– А сюда приехали, чтобы насладиться настоящим зимним пейзажем, посмотреть на снег – правильно я догадалась?

– Нет, – угрюмо ответил старик. – Своего снега у нас хватает. Есть и горы, и леса, и всё такое. Меня этим не удивишь. Приходилось и ночевать в снегу, и попадать в бураны. Мёрзнуть, зарываться в снег... даже спасаться от волков... И приехал я не для того, чтобы на эти красоты смотреть или на лыжах кататься. Стар уже для этого.

Они помолчали. С этого момента Антуанетта стала его мысленно называть Стариком.

Потом разговорились. Тихий морозный вечер располагал к откровенности. Поль в комнате читал свой детектив. Герр Шнайдер после обеда любил полежать, да, видимо, заснул. Так что на веранде они были одни.

– Я во время войны оказался в немецком плену, – продолжал Старик свой рассказ. – Взяли меня немцы в плен почти дома, под Таганрогом. Я тогда молодым был. Только институт окончил.

Служил врачом в госпитале. Меня призвали, и очень скоро мы оказались в окружении. А потом – плен, лагеря... Перегоняли нас из одного лагеря в другой. Сначала – в Польшу, потом – в Германию. А в сорок третьем оказался здесь, в Альпах. Вон за той горой, в ложбине возводили завод по производству артиллерийских снарядов.

– Вы были здесь в концлагере?

– А что вас так удивило? – Старик посмотрел на Антуанетту с вызовом, потом отвёл глаза и продолжал: – Нас выводили на работы. Мы рыли котлованы, заливали бетоном фундаменты, дороги прокладывали, строили укрепрайон... Местные жители к нам относились хорошо, сочувствовали. Иногда, когда охрана была далеко, передавали хлеб, картошку, сыр. Мы всегда были голодны. Знаете, молодой организм, свежий воздух, да и работа нелёгкая...

– А как с вами обращались?

Иван Андреевич надолго задумался. Вспомнилось, как, узнав, что он – врач, начальник лагеря прикомандировал его к раненому полковнику, которому отрезали ногу. Он страдал тяжёлой сердечной недостаточностью и фантомными болями. Вот начальник и послал его помогать по хозяйству и при случае делать инъекции.

Полковник тот был убеждённым фашистом. Не смирившись с тем, что стал инвалидом, он кричал и командовал, проклиная всех на свете: русских, которые не хотят признать своё поражение, евреев, отказывающихся идти в крематории, французов, затеявших сопротивление. Жена его погибла при бомбёжке, и он ненавидел англичан, бомбивших их городок. Теперь ему, герою войны, потерявшему в боях под Киевом ногу, дали небольшой домик во французских Альпах, где он и доживал свой век с взрослой дочерью Лоттой.

В госпитале, где лечили Густава Бергмана (так звали полковника), он и стал наркоманом. Боли в отсутствующей ноге были адскими, и он всякий раз требовал наркотики. Ему их вводили без всяких ограничений. Вскоре к фантомным болям присоединилась и сердечная недостаточность. Полный, малоподвижный, он лежал на кровати и ловил ртом воздух.

– Иван, доннер веттер, где ты болтаешься? Сделай укол! Мне наплевать, что время ещё не пришло! Болит палец! Делай, я сказал, доннер ветер! Почему я должен просить?!

Иван делал укол, наполнял подушку кислородом, – выполнял

все рекомендации лагерного врача.

С Лоттой у него сложились ровные отношения. Он целыми днями сидел в своём чуланчике и вскакивал к полковнику по первому требованию.

Со временем Лотта стала внимательнее присматриваться к русскому доктору. Это внимание проявлялось по-разному. То даст кусок мяса в обед, то вступится за него, когда разбушевавшийся отец станет грозить выгнать «эту русскую сволочь» и расстрелять!

А ещё через месяц она пришла к нему ночью в его чулан...

А зимой сорок четвёртого, когда всем стало ясно, что Германия проиграет войну, полковник озверел. Он был беспомощным больным, и это его ещё больше бесило.

– Иван! Ты что, ослеп?! Не видишь, что я задыхаюсь? Ты же получил лекарства? Сделай что-нибудь!

Иван Андреевич поставил кипятить шприцы.

– Сколько ты можешь возиться, доннер веттер...

– Их нужно простерилизовать. Несколько минут, герр полковник.

– Почему у тебя нет подготовленных шприцов?! Вы, русские, никогда не привыкнете к порядку! Смерти моей хочешь? Прежде, чем умереть, я тебя расстреляю! Делай скорее укол! И морфий! Нога болит!

Лотта стояла в другой комнате и молилась. Она знала своего отца. Тот в порыве бешенства мог сделать всё, что угодно!

И вот однажды, когда ярость полковника достигла предела, он потребовал у Лотты принести ему шкатулку, где держал награды и другие реликвии. Лотта знала, что там лежит и его пистолет. Она серьёзно испугалась за Ивана. От бешеного отца можно было ожидать всего.

Ночью, когда полковник спал, она засунула руку под подушку и нащупала пистолет. Сначала хотела его убрать, но не решилась. Тогда она рассказала об этом Ивану, попросив меньше раздражать отца.

– Я понимаю, что он потерял рассудок. Он всегда так гордился, что вступил в партию ещё в тридцатом году! И вдруг такой финал. В бешенстве он может, действительно, тебя застрелить!

– И что же мне делать?

– Не знаю... Будь осторожен... И не живёт, и не умирает... А

мне жалко его: отец, как-никак. Он меня очень любил. Баловал...

– Я постараюсь быть осторожным...

– Война скоро окончится, и мы сможем...

– Ничего мы не сможем! Война окончится, и я поеду домой.

– В Россию?

– А куда же? Мой дом в России.

– А я?

– Что ты?

– У нас же будет ребёнок!

Это известие ошарашило Ивана.

«Доигрался! Ребёнок... И чём Лотта виновна? Вляпался в историю!».

На следующее утро полковник в полной мере проявил свой характер. Когда Иван с чем-то замешкался, он достал из-под подушки пистолет и выстрелил в потолок.

– Делай укол, сволочь! А то пристрелю!

Иван стал готовить шприц для инъекции. Но вместо кубика морфия он набрал два двадцатиграммовых шприца с этим препаратом. «Это должно его убить, – думал Иван. – Меньше одним фашистом будет на земле! А то, неровен час, действительно, пристрелит!».

Он ввёл морфий, а когда больной заснул, ввёл содержимое второго шприца.

Выбросив пустые ампулы в туалет, он сказал Лотте, возившейся на кухне:

– Что-то не нравится мне сегодня герр полковник. И дышит как-то необычно, и... что-то не так. Может, пригласить врача из лагеря?

– Никого не нужно приглашать!

– А если умрёт?

– Умрёт значит умрёт!

– Тогда меня снова отправят в лагерь.

Лота с удивлением посмотрела на Ивана.

– В лагерь?

– Не на курорт же.

– Скоро война закончится... – сказала девушка и продолжала помешивать на сковороде капусту. – Не направят. Я знаю Шульца, заместителя начальника лагеря...

На следующий день ветеран партии, инвалид войны полковник Густав Бергман умер.

Никаких торжественных похорон не было. Католический священник прочитал молитву, и семеро солдат, присланных начальником лагеря, пальнули в небо три раза...

Ивана снова отправили в лагерь.

– Я понимаю, – повторила Антуанетта, – было голодно. И всё же, как в конце войны обращались с вами?

– По-разному. Был, например, один. Тот при нас кормил собак и наслаждался, видя, как у нас слюнки текут. Но не зверствовал. Просто любил подчеркнуть, что мы – люди второго сорта, пленные. А он – царь и Бог! Строгость была, конечно. Но в целом такого, чтобы бить или издеваться, – такого в конце войны не было. В начале было всё, а в конце – они тише стали. Конечно, и тогда могли пристрелить за ерунду. Но в целом-то стали тише. Вроде как хотели показать, что не они виноваты во всём, что происходит.

– Интересные вещи вы рассказываете, – сказала Антуанетта.

– Однажды, дело было уже под конец войны, мы работали на каких-то заброшенных складах. А там стояли огромные бочки с вином. Точнее, лежали, а не стояли. Ну, ребята, конечно, пили то вино, кто сколько хотел. Естественно, многие упились до бесчувствия. А потом кто-то открыл кран, и вино стало течь на землю. И тут пришёл интендант и стал кричать и спрашивать, кто это всё натворил. Так получилось, что в это время возле бочек оказался один паренёк. И вроде как он один и был виноват во всём. Фриц на него и стал кричать. Требовал, чтобы тот ему назвал зачинщиков. Наставил пистолет. Парень побледнел, а ответить ничего не может. Тот ему стал стрелять под ноги. Я помню, как вино брызгами отскакивало фонтанчиками от этих пуль. Но так потом это дело ничем и закончилось. Мы думали, что расстреляет он того парня, но – нет! Должно быть, понимал, что – конец войне. Не хотел, а может, и боялся проявлять жестокость.

Среди нас кого только не было! Французы и сербы, россияне и даже англичанин. Так и дожили до конца войны...

– А потом?

– А что потом? Нам говорили, что возвращаться в Союз не нужно. Да кто же верил?! Потом – лес валил восемь лет в Сибири, а

как подход генералиссимус, меня и выпустили...

– Как-то я иначе воспринимала раньше ту войну, – сказала Антуанетта.

– Война как война, – философски заключил Старик. – Тяжкий труд, много крови, а кому-то слава и богатство... А люди? Люди и на той, и на другой стороне никакой войны не хотели. Не нужна она им. Конечно, когда уже припрёт, деваться некуда: берёшь в руки автомат и начинаешь поливать, куда глаза глядят... Или ты его, или он тебя. А так – такие же люди... Я к концу войны уже шпрехал – будь здоров как! Сейчас всё позабывал...

Хозяева и Натали с двумя малышами жили во флигеле – небольшом кирпичном домике. Дети были спокойными и целыми днями или спали в своих кроватках, или возились в манежике под присмотром матери.

Первые дни прошли незаметно. Поль и Антуанетта ходили в горы, любовались красотами, фотографировали понравившиеся места.

Когда же вернулся из очередного похода Люсьен, стало веселее. Ловкий, умелый, он то приносил свежую форель и просил Марию пожарить к ужину, то по какому-то рецепту на углях запекал мясо. Именно тогда Лежары узнали, что Люсьен – потомок старинного русского рода Светловых, граф по происхождению. Правда, и в его крови было намешано много чего, но Люсьен гордился своим предком, храбрым человеком. При удобном случае совершенствовал свой русский. Антуанетта старалась ему помочь.

Однажды после прогулки по окрестностям все собрались на веранде. Герр Гюнтер Шнайдер уехал на экскурсию, и его не было. Вечер был тёплым, и после ужина все расположились в плетёных креслах, наблюдая звёздное небо. Пришла и Натали. Малыши уже спали в своих кроватках.

– Вы не боитесь их оставлять без присмотра? – спросила Антуанетта у Натали.

– Нет, что вы! Они теперь будут спать до утра!

– Вы – счастливая. – Такие прекрасные малыши...

– Прекрасные... Но Сержу предстоит операция, и я очень волнуюсь...

– Операция? Такому малышу? А что случилось?

– О, это длинная история, – вступил Люсьен.

– И всё же, – повторил просьбу жены Поль.

И Люсьен рассказал удивительную историю.

– Натали после окончания учёбы вышла замуж за своего одноклассника, забеременела, но вскоре этот ветреный и не готовый к семейной жизни Жерар уехал, оставив Натали записку: мол, прощай навсегда. Натали родила Сюзи и через год стала изучать архитектуру. Она с детства прекрасно рисовала. Но денег хватило лишь на то, чтобы оплатить два семестра. В то лето у нас гостила пара. Не буду называть имён. Это не к чему. У них не было детей. То ли женщина провела бурно молодость, то ли ещё что, но как они ни старались – детей не было. Увидев дочь и узнав о её материальных затруднениях, они ей предложили стать суррогатной матерью. Натали советовалась с нами, но что мы могли сказать? Деньги они предлагали приличные, но условия были довольно жёсткими. Она должна была жить у них, не общаться ни с кем во время беременности. Эта дамочка была повёрнутой на левое ухо. Боялась всего и хотела, чтобы ребёнок родился здоровым. Потому не разрешала Натали общаться даже с Сюзанной.

– И что дальше? – спросила заинтригованная Антуанетта.

– А дальше – составили договор по всем правилам. Заверили у нотариуса, и Натали переехала к ним.

Здесь вступила в разговор Натали:

– Потянулись долгие месяцы беременности. Вживили оплодотворённую яйцеклетку и поселили в своём доме. Там я была как в тюрьме. Гуляла во дворе. У них прекрасный двор. Много зелени, беседки... Всякое общение с внешним миром запрещалось по условиям договора. Я могла только звонить по телефону. Даже телевизор разрешали смотреть только до семи вечера. И не все программы. Строгий распорядок дня. Постоянные обследования... Не думала, что будет так тяжело.

– И что потом? – спросил Поль, предвидя, что это лишь прелюдия.

– Потом родила Сержа. По условиям договора сразу же после родов ребёнок становился их. Я выписалась, и вдруг выяснилось, что у мальчика врождённый порок сердца. Эта мегера категорически отказалась мне платить и брать ребёнка.

– Как отказалась? А договор? – воскликнула Антуанетта.

– Так и отказалась. Я им говорю: платите, иначе я в суд подам! Тогда муж её выписал мне деньги, но сказал, что пусть ребёнка помещают в приют...

– Вот сволочи! И что дальше?

– А дальше, – приняла участие в разговоре Мария, – Натали забрала Сержа себе. У неё сердце разрывалось. Как она могла оставить ребёнка в приюте? Так у неё и появился ещё один ребёнок...

– И что? У него врождённый порок сердца? Его обследовали?

– Конечно... Но операция стоит немалых денег. Вот все деньги, которые Натали копила, чтобы окончить курс, придётся отдать на операцию.

– А принеси-ка мне анализы, выписку, – попросил Поль.

– А вы что, врач?

– Он не просто врач, а профессор, кардиохирург! – гордо произнесла Антуанетта.

– Ну и дела, – протянул Люсьен. – Не хотите ли вина?

– С удовольствием. У вас вино очень приятное...

Пока Люсьен разливал вино, Натали принесла выписку и результаты обследования сынишки.

– Сколько ему? – спросила Антуанетта.

– Скоро два, – ответила Мария.

Поль посмотрел результаты обследования и сказал:

– Мы отдохнём ещё пару недель у вас. А потом привозите мальчика ко мне в клинику...

– Есть надежда, профессор? – спросила Натали.

– Всё будет хорошо, девочка, – успокоил её Поль. – И деньги у тебя останутся для продолжения учёбы...

– Просто чудо какое-то! Заранее спасибо.

18. **Всю** следующую ночь шёл косой мелкий дождь. Вернувшийся с экскурсии Шнайдер к завтраку не вышел. Видимо, устал.

Антуанетту интересовал Иван Андреевич, высокий, мешковатый мужчина с морщинистым лицом и аккуратно подстриженной бородой. Каким-то десятым чувством она понимала, что история его не так уж проста и его привело сюда не только стремление снова увидеть места, где он каторжно работал и ходил под наблюдением

охранников и собак, готовых разорвать каждого, на кого им укажет хозяин. Среди тех охранников были разные люди. Одни старались не зверствовать. Понимали, что войне конец. Другие, наоборот, старались отомстить пленным за поражения на фронтах. Шёл сорок третий год. Никто не мог предположить, что через два года Германия рухнет...

«И теперь бывший пленник приехал, чтобы взглянуть на те места, где его мучили? – думала Антуанетта. – Нет! Здесь что-то не то».

После завтрака все расположились на закрытой веранде, видя, как струйки дождя скатываются по стеклу.

Мария и Натали возились по дому, а Люсьен составил гостям компанию.

– Может, принести шахматы? Или карты? – спросил Люсьен.

– Спасибо, месье Люсьен, – сказал Иван Андреевич. – А вот можно ли здесь курить? Я люблю после завтрака выкурить сигарету.

– Нет проблем, – согласился Люсьен. – Что скажет наша дама?

– С удовольствием составлю вам компанию! Я тоже курю. Немного, для удовольствия.

– Нельзя доводить курение до автоматизма, – кивнул Старик. – Часто ведь как курят? Чтобы время скорее прошло, так, от нечего делать. А курение должно быть священнодействием. Как на Востоке чаепитие. Помню, в этих местах француза за сигарету убили... Давно это было...

– Вы продолжаете жить прошлым. Давно минувшие события для вас – реальность, – сказала Антуанетта. – Вы не хотите их отпустить от себя, живёте воспоминаниями.

– Наверно... Но что же я с этим могу поделать?

– Забыть прошлое!

– Не могу! Чтобы забыть, нужно изменить свой внутренний мир. Вот в чём проблема.

– Наверное, вы правы. Но умение прощать – великое благо, облегчающее душевный груз. Обагрённое реками крови прошлое должно исчезнуть из вашей жизни. В противном случае, эта память погубит вас.

Антуанетта по-французски пересказала содержание их беседы Полю. Тот с грустью взглянул на Старика и заметил:

– Ты права, любовь моя. Человек живёт не для страданий, а для радости.

Старик был чем-то подавлен. В куцем светлом пиджаке, мятых широких брюках и ботинках не в тон он походил на крестьянина из российской глубинки. Между тем, это был квалифицированный врач, проработавший многие годы в районной больнице под Ростовом.

– Конечно, вы правы. Но это непросто – изменить свой внутренний мир. Иногда мне кажется, отними у меня прошлое – и жизнь закончится. Да и имеем ли мы право забывать?! Годы давно сбились со своего чеканного шага, заблудились в своих временных пространствах и, почувствовав запах крови, несутся к пропасти. Вы представить даже не можете, что творится у нас в России! Мы теряем чувство действительности, а взамен не приобретаем ничего. Только мрак и память прошлого...

– Но мы живём в другом мире! – воскликнула Антуанетта.

– Ошибаетесь! Мало что изменилось. Старые ценности погибли, а новые ещё не возникли. Человек сегодня мало что значит!

Всё время Антуанетта успевала переводить Полю слова Ивана Андреевича, и тот делал свои короткие замечания.

– Всё зависит от масштаба человека, – сказал Поль, а Антуанетта перевела слова мужа Старику.

– Может быть... – Старик казался уставшим от этого пустого спора. – Может быть, – повторил он. – Но я, мне кажется, достиг предела, и жизнь моя мало отличается от смерти! Я уже давно умер, и только память ещё моя живёт...

– Выражаясь вашим высоким слогом, замечу, что с высоты лет сложно увидеть истину сквозь туман минувшего. Видны лишь её очертания. Поэтому вам не дано судить о жизни и смерти. Это – вне нас.

– Может быть, – повторил Старик. – Но если я живу – я думаю, размышляю. И к такому выводу прихожу. Впрочем, людям нужны жертвы, чтобы очистить себя от грехов.

– Сегодня мы стремимся к упрощённости форм, – сказал Поль, и Антуанетта стала переводить Старику его слова, – к минимализму, неброским цветовым сочетаниям. А что дальше? Мы словно приготовились к прыжку и готовы в клочья разорвать наши представления о грядущем. Буйство красок, новый взлёт образного

мышления могут изменить всё, направить гармонию мира только вглубь себя и разворошить душу.

– Ну что ж, – согласился Старик. – Слабы люди... Слабы.

– А сильные мира сего, – продолжал Поль, – жаждут властвовать. А значит, нуждаются в тупой, покорной толпе, которая хочет, чтобы над ней властвовали.

– Однако сегодня другое время, – засомневалась Антуанетта.
– Люди стали другими.

– Да, – согласился Старик, – из покорного стада они превратились в племя бунтарей, разрушителей.

– Но из этого хаоса произрастает новое поколение, воспитанное на иных ценностях, – заметила Антуанетта.

– Вы – оптимистка!

– Оптимистка...

– Вот и я хочу понять этот мир со всеми его противоречиями, безумствами, депрессиями, наркотическими видениями, яростным космополитизмом.

– Бог вам в помощь, – сказала Антуанетта и потянулась за сигаретой.

– Ты же только что курила, – заметил Поль.

– Хорошо, милый. Не буду.

На веранду вошёл Гюнтер Шнайдер. Как всегда, бодрый и весёлый, он поздоровался и посмотрел на стёкла, по которым стекали струйки дождя.

– Это надолго? – спросил он Люсьена, сидящего у столика с шахматами и слушавшего рассуждения Старика. Тот не особенно вдумывался в смысл беседы. Его больше интересовало само звучание русской речи.

– Не знаю. Время такое. Но, судя по небу и температуре, завтра может пойти снег.

Внешне Шнайдер производил впечатление добродушного старичка-бодрячка. Бегал по утрам на зарядку в спортивном костюме и в вязаной шапочке. Время от времени приседал и выделял заливчатские упражнения руками. А потом по пути к дому доставал сигарету и закуривал. Он всегда шутил и делал это с таким видом, что было непонятно, юмор ли у него такой или говорит серьёзно. Это сбивало с толку собеседника, и тогда Гюнтер Шнайдер, видя, что достиг эффекта, смеялся. Казалось, на свете не было ничего, к чему

бы он относился серьёзно. Всё было объектом его шуток и остроумных высказываний. В том числе и он сам.

– Смотрю я на эти здешние замки, – как-то раз сказал он, – и вспоминаю молодость. – Вы не поверите, но я когда-то объездил всё, что здесь есть. Знаю каждый камень. Думаете, откуда я французский так хорошо выучил?

Шнайдер оглядел присутствующих, ожидая, что кто-нибудь выскажет свои догадки.

– Вы здесь бывали в молодости? – спросил Поль.

– Бывал – это мягко сказано! – рассмеялся Шнайдер. – Я здесь служил.

– Во время войны? – спросила Антуанетта.

– Именно так... именно так, мадам. Сейчас всё иначе смотрится. Тогда казалось, что жизнь прекрасна. Надо отдать должное Гитлеру – умел плести небылицы так, что голова шла кругом. Сейчас вспоминаю и не знаю, смеяться мне или плакать! Это ж надо было такое придумать! И ведь как ловко он нас дурил! Господа, вы не представляете, как много в нашей жизни значат обыкновенные слова. Надо просто говорить и говорить. И вам поверят! Правдивость совершенно необязательна. Главное – чтобы красиво звучало!..

– Сколько ни дури, а всё равно ведь прозрение приходит, – сказала Антуанетта.

– Ой, не скажите, милая барышня, не скажите! А христианству сколько лет? А исламу? Я вам по секрету скажу – он, заговорщически оглядываясь по сторонам, словно боясь, что их подслушают, сказал полусёпотом: – Человечество позволяет себя дурить! Все, кто попало! Вожди племён, диктаторы, боксёры, экстрасенсы и кинозвёзды... Когда-нибудь будут инопланетяне или выходцы из потусторонних миров. Неважно, кто это будет, господа, главное, что у человечества есть спрос на этот продукт!

– На какой продукт? – не поняла Антуанетта.

– На самообман. Ведь я не только видел Гитлера, но даже однажды беседовал с ним...

Поль посмотрел на Шнайдера с недоверием.

– Вы беседовали лично с Гитлером?

Шнайдер досадливо поморщился.

– Ну, не то чтобы беседовал. Нет, конечно. Он посетил нашу часть, когда мы были расквартированы в Париже. Общался с

солдатами, с офицерами. Шутил... Все были в восторге! Мы смотрели на него как на небожителя, и любое его слово нам казалось принесённым прямо оттуда, – он многозначительно показал пальцем вверх. – И, что самое интересное, фюрер отлично знал об этом.

Шнайдер многозначительно посмотрел на спутников. Все присутствующие смотрели на него и не знали, верить ему или не верить.

– Что вы на меня так смотрите? – продолжал бывший вояка. – Люди верили ему. Я и сам верил. Он был гениальным артистом! Я живьём не видел других диктаторов. Только по телевизору. Но, уверяю вас, – тот же вариант!

Гюнтер Шнайдер служил интендантом. Его «боевые действия» сводились к материальному обеспечению расквартированных во Франции немецких частей. Он много ездил по стране.

После войны он продолжил то же занятие, но теперь обеспечивал различные учреждения в Германии: госпитали, рестораны... Он постарел, и мог позволить себе вспоминать дела давно минувших дней и отдыхать, не отказывая себе ни в чём.

Антуанетту в нём привлекали не его воспоминания, а меткие, порою хлёсткие или даже издевательские рассуждения на различные темы. На её слова о том, что фашизм принёс столько горя народам Европы, он неожиданно заявил:

– Да бросьте вы это всё! Разве вы не видите: эти народы сами виноваты в том, что с ними так обошлись!

– Это почему же?

– А я вам уже говорил, да вы, видимо, пропустили мимо ушей: самый главный порок, которым страдают люди, – их излишняя доверчивость. Она и ставит их под удар. Разве не знали евреи, что фашизм и евреи несовместимы? Знали! И что? Разве не было времени уехать? Умные – уехали. А дураки – погибли!

Антуанетте стал неприятен разговор с этим фашистским выкорышом.

– Но ведь они жили там много лет! Это была и их страна! – гневно воскликнула она.

– Ай, бросьте! Они – древний народ, и им не к лицу такое легкомыслие. Они должны были понимать, что с нами им не ужиться никогда!

– А вы, господин Шнайдер, так и остались фашистом!

– Вовсе нет! Я – реалист. Есть очевидное, и его нужно признавать даже тогда, когда оно неприятно.

Антуанетта и Поль потеряли желание общаться с этим самолюблённым и обратились к Люсьену, сменив тему разговора:

– В горах, наверное, прекрасно. Снег, солнце, – Поль посмотрел на струйки дождя на стекле, – девочки на лыжах и все в солнцезащитных очках... Кстати, у вас, я надеюсь, лыжи есть?

– Не беспокойтесь. Всё у нас есть. И лыжи тоже. Но сейчас ходить на лыжах в этих местах небезопасно...

– А я ходить на лыжах и не собираюсь! – вставил Шнайдер, будто именно его предостерегали от лыжных прогулок. – Люблю смотреть, как это делают другие! Это хорошо, что лыжи есть. Это прекрасно... Ну что ж, пойду, попрошу фрау Марию дать мне йогурт...

Он вышел, и на веранде снова повисла тишина.

Иван Андреевич безучастно смотрел на присутствующих и о чём-то размышлял.

– Человек, – задумчиво проговорил он, – как биологический вид почти исчерпал себя. Он спроектирован для тяжёлой борьбы за выживание, за хлеб насущный...

– Ну да! – кивнула Антуанетта. – «И будешь в поте лица добывать хлеб свой...» – кажется, так.

– Именно так... Отсюда так много самоубийств в благополучных Швеции, Норвегии, столько проблем с непониманием смысла жизни. Нельзя людям жить из любопытства. Нечто новое действительно должно родиться.

– А вы слышали, – вдруг на плохом русском включился в беседу Люсьен, – несколько дней назад в районе Норвежских гор, как это правильно сказать... упал камень с неба...

– Метеорит?

– Да, да! Именно метеорит! – Потом Люсьен перешёл на французский и попросил перевести его слова Старику. – Мощностъ взрыва примерно как в Хиросиме. Как здесь не поверить в конец света?!

– Причин, – заметил Старик, – которые могут вызвать конец света, а вернее – конец цивилизации, сколько хотите. И не обязательно ждать с неба метеорит или воинствующих пришельцев.

Есть и другие угрозы. Ядерная война, к примеру. Или общее потепление или похолодание, что бывало уже не раз...

– Весёленькие перспективы! Вот я и говорю: живите, пока живёте! И радуйтесь жизни... – улыбнулся Люсьен.

– Во многом знании много печали, так, кажется, сказано в Библии, – заметила Антуанетта.

Люсьен посмотрел в окно. Дождик прекратился, и в воздухе закружились большие снежинки. Воздушное пространство вдруг стало серым. Стоящие вдалеке виллы и деревья, горы и луга исчезли.

– Вот и снег пошёл...

– Я, пожалуй, выпил бы кофе, – сказал Поль и сладко зевнул.

– Ты что, не выспался? – спросила Антуанетта.

– Погода, наверное, действует, моя любовь. Да и делать нечего... Что касается вашего спора с этим русским, то я лично не одобряю такой бессовестной эксплуатации интеллекта. Правда, делать всё равно нечего. Странное для меня состояние. Непривычное... Да и ничего нового, а главное, хорошего для себя я не услышал, и потому ничего нового сказать не могу. Я его не вижу.

– Ну какая же это, дорогой, эксплуатация интеллекта? Скорее – пустая болтовня... Меня как раз этот русский забавляет. Да и интересно: чего это его сюда занесло? Не потому ли, что здесь был в плену? А может, совсем другое?

– Может, и другое. Этих русских не поймёшь. Пару лет назад был у нас на стажировке один русский. Нормальный хирург. Талантливый. Только его хлебом не корми, дай поговорить о политике. Они там дорвались до свободы, и все стали философами. Он говорил, что раньше они не могли даже у себя дома что-то сказать против своего правительства. Боялись... А потом вдруг – свобода! Вот и опьянели от неё. Обычное явление, любовь моя. Интересно, а как этот Старик относится к идеям демократии, разных там свобод?

Антуанетта перевела вопрос Поля Ивану Андреевичу.

Тот пристально взглянул на Поля и спросил:

– Ваш супруг – журналист? Почему это его интересует?

– Что вы! Мой муж врач. Профессор медицины.

– Что ж его интересует, как я отношусь к демократии? Да и как к ней можно относиться? Только дело в том, что демократии-то у нас не много. Больше – болтовня одна. Впрочем, как и у вас...

– Вы – нигилист?

– Не очень понимаю, что вы имеете в виду. Но в нашей сегодняшней России не до демократии ещё. Не доросли, как мне кажется. Сначала нужно поднять уровень культуры, а уж потом вводить демократию. Ведь она есть власть народа. А дать власть необразованному, голодному, пьяному народу очень опасно.

– И всё же демократия, при всём своём несоответствии идеалу, лучше всего остального, – сказала Антуанетта.

– А вы, мадам, посмотрите на Ирак, Афганистан, Боснию! Мне лично такая демократия, насаждаемая одной сверхдержавой при сочувственных вздохах скисшей либеральной Европы, совсем не нравится. Ситуация, однако, сложная. Хусейн – кровавый палач. Уничтожить его режим – кто же возразит?

– Ну, теперь это надолго, – произнёс Поль по-французски и встал. – Пойду выпью кофе. Ты будешь, любовь моя? – спросил он Антуанетту.

– Нет, дорогой. А мне с этим русским интересно. Тем более, давно не говорила по-русски.

Поль вместе с Люсьеном вышли, и на веранде остались лишь Иван Андреевич и Антуанетта.

– Вы в Париже-то были? – спросила она.

– Нет... Не довелось. Уже, наверное, и не побываю. Впрочем, что там особенного увижу? Прекрасный большой западный город. Я больше получаю удовольствие от общения с простыми людьми. Знаете, как говорят: если хочешь узнать город, иди на базар. Правда, говорили это давно и, кажется, о Востоке.

– Ну что вы?! Париж – самая элегантная столица. Город всех времен и народов! Здесь и далекое прошлое, и романтизм нового времени – театры, музеи, превосходные рестораны, огромные парки развлечений и модные магазины. Эйфелева башня, символ Парижа, Собор Парижской Богоматери, Лувр, Елисейские поля, Триумфальная Арка, площадь Согласия! Что вы! В Париже есть что посмотреть! Когда много лет назад у меня впервые появился шанс поехать в Париж, я испугалась. Я не была готова к этой встрече. Обновляла наряды, читала путеводители, пыталась гулять по карте. Помню, мечтала увидеть Эйфелеву башню. Франция ассоциировалась с образами мушкетёров, галантных кавалеров, с весельем, праздниками...

Через год я приехала в Париж, и оказалось, что способна гулять в нём так, как будто жила здесь. Моё время распределилось между лекциями в Сорбонне, где я слушала курс Синявского по творчеству Марины Цветаевой, и работой в газете, встречами с соратниками дедушки и бабушки по движению Сопротивления, посещением музеев и прогулок по городу.

– Наверное, вы правы. А вот скажите, вы были в Петербурге, в Эрмитаже? Бродили по Придонью? Были на Байкале или на Кавказе? Вот я и говорю: всего никому посмотреть не удастся. А с французами я встречался. Интересный народ. У них есть что-то общее с нами, и это меня радует. Я их могу понять... Мне довелось с ними попадать в разные ситуации...

– Здесь, в плену?

– Не только. Первый раз мне удалось сбежать. Прятала меня француженка, прекрасная женщина. Потом довелось участвовать в Сопротивлении. А когда меня схватили второй раз, мне удалось скрыть свой побег. И здесь меня спасла другая женщина, немка... Тем, что живу, – ей обязан.

– Вы встречались после войны с этой женщиной?

– Нет. По возвращении в Россию меня осудили, и я кормил комаров недалеко от Магадана. Потом тоже сразу не удавалось приехать. А вот сейчас приехал... а её уже не застал... Умерла пару лет назад...

– История... – протянула Антуанетта и с сочувствием посмотрела на Ивана Андреевича.

19. Настроение после отдыха было приподнятым. Хотелось что-то делать.

Новым увлечением Антуанетты стали армянские народные сказания. Поразительная картина открывалась ей: целый мир, какие-то замки, крепости, подвиги, красавицы, коварство врагов... Очень поражало упоминание морей. Современная Армения и море – это всё равно, что Италия и айсберги. Ничего общего. Но в сказаниях какой-то отважный воин выходил к берегу моря, садился на корабль и куда-то плыл...

Это и впрямь был целый мир, в котором люди жили веками, наивно полагая, что так оно будет и дальше.

Вернувшись в Париж, Лежары навестили Катрин. Рано посевшая, она была, как обычно, энергична и деятельна. Порадовавшись тому, что дети хорошо отдохнули, она рассказала о том, что теперь, как на работу, ходит в ближайшую библиотеку.

– Ты что-то пишешь? – спросила Антуанетта.

– Готовлю аналитическую статью о событиях в России. Может, даже придётся и полететь туда, посмотреть всё своими глазами...

– Не страшно?

– В Россию лететь?

– Не знаю... Там всё время что-то происходит.

– Происходит... Хуже, если бы ничего не происходило...

Нужно, наконец, определиться с тем, что же там творится. В библиотеке познакомилась с интересным человеком. Русский. Историк. По-русски едва говорит. Родился во Франции.

– Интересный человек? – Антуанетта пытливо взглянула на мать. – Женат?

– Вдовец. Но у тебя не на то мозги направлены. Так вот, он...

– А имя у него есть?

– Всё у него есть! Зовут его Алексом... Он давно профессионально занимается Россией. Много раз там бывал... Говорит, что экономика их держится на природных ресурсах, а мелкое и среднее предпринимательство находится на грани краха. Большинство населения бедствует. Промышленность медленно умирает. А правители заявляют, что всё хорошо. Повальная коррупция. Суды зависимы от властей, от кого угодно... Монополии подавляют конкуренцию. А без конкуренции – какой может быть прогресс?! Цены растут. Кавказские проблемы... Короче, мало утешительного. Но говорил он это без злорадства, с обидой за русских. Талантливый народ, только никак не может себе выбрать хороших правителей. Короче, хочу всё посмотреть сама.

– И когда же вы собираетесь в Россию? Рождество-то, надеюсь, мы вместе встретим? – спросил Поль.

– Вместе. Если и полечу, то не раньше весны... Кстати, Алекс тоже собирается в Россию...

– А когда мы летим в Армению? – спросила у Поля Антуанетта.

– В мае.

– А нельзя ли там после конференции остаться на пару недель? Очень уж интересно. Мне хочется всё потрогать руками, – сказала Антуанетта, – окунуться в ту атмосферу.

– Конечно, любовь моя! Я тоже об этом думал. Тем более что меня просили провести несколько показательных операций. Так что, я думаю, до конца мая мы там будем... Успеешь и потрогать и объездить! Небольшая страна...

– Всё-таки здорово, что мы туда едем! – Антуанетта была радостной и возбуждённой.

– Я далёк от политики и мало знаю о России, – сказал Поль, – но почему-то, когда речь заходит о ней, всегда напрягаюсь.

– Напрягаетесь напрасно. Не думаю, что она кому-то сейчас угрожает. Но, к сожалению, там даже на декоративную демократию рассчитывать не приходится! Они всерьёз строят управляемую демократию! Это же надо!

– Хватит политики! Дорогой, поехали домой! – сказала Антуанетта, обращаясь к мужу.

– Поехали...

Антуанетте всё больше и больше казалось, что она продвигается на своём корабле через неведомые моря к неведомым странам. Должно быть, такие же ощущения были у Магеллана, когда он сначала с изумлением вошёл в извилистый, со скалистыми берегами, пролив, названный впоследствии его именем, а потом, пройдя его, обнаружил новый океан, о котором европейцы даже не догадывались! Вот что значит войти в нужный пролив! А ведь некоторые корабли тайком от Магеллана повернули назад и бежали. Поближе к благополучной жизни и подальше от великих географических открытий.

Антуанетта искала свой пролив, через который можно было бы проникнуть в океан Неизведанного. Но пока найти не могла.

Историков не в чем было упрекнуть. Их книги выглядели солидно. В них перечислялись события, уточнялись, какие группировки и с каким номером двинулись на врага слева, а какие с другим номером и названием – справа. И так – толстыми томами. Читаешь-читаешь эти нескончаемые перечисления группировок и фамилий полководцев, и вроде бы всё – правда, но что-то важное при этом ускользает... Вопросов и сомнений накапливалось всё больше и

больше...

Почему двадцатый век оказался таким кровавым? В чём причины его жестокостей? Рынки сбыта? А может, просто людей стало слишком много и нужно их сократить? Ведь в начале двадцатого века на Земле было полтора миллиарда человек, а к концу – столько жило в одном Китае. В Индии и близлежащих государствах – ещё столько же. Поверхность суши не увеличивается, а людей становится всё больше. Это и есть главное зло, главная причина?! Голод толкает людей на агрессию, а отсюда и войны... Может, этот монах Мальтус всё-таки был прав, когда говорил, что человечество увеличивается в геометрической прогрессии, а технологии, позволяющие увеличить продукты питания, – лишь в арифметической. Может, весь фокус именно в этом, а войны и прочие штуки – лишь способ сократить безудержно растущее человечество?! И всё это делается подсознательно или по воле Бога? Казалось бы: изобрели всякие лекарства и прививки, вот люди и стали умирать меньше. Так что же теперь – не лечить людей? А если и лечить, то непременно корректировать успехи лечения с военными действиями? В одном месте медицина спасла миллион человек от смертельных болезней, а в другом месте взяли да и поставили к стенке столько же, и расстреляли. Для баланса.

А мы кричим о демографическом кризисе, на мигрантов надеемся! В России, так там даже падением рождаемости обеспокоено правительство! Чудаки! Хотят решить вопрос, повысив пособия на детей, улучшив квартирные условия! Не понимаю! Вроде бы, – умный народ! Или, – очередное отмывание денег? В Китае, Индонезии, Пакистане, Индии и жизненный уровень ниже, и негде жить, а плодятся как тараканы! А в Европе вроде бы и жизненный уровень высокий, и есть где жить, а рождаемость падает!.. Есть этому объяснение?

А может, виной – вероотступничество. Отошли люди от Бога, и за это их постигла суровая кара в виде ожесточённых войн.

Поль, выслушав признание Антуанетты в собственном бессилии постичь причины такой непомерной ожесточённости, сказал однажды:

– А ты ходила бы к профессору Легре. Он давно занимается этими проблемами и часто выступает с лекциями. Кажется, даже издаёт исторический журнал...

Антуанетта возразила:

– Интересоваться бесполезно, потому что все ответы я знаю. Существует список вариантов. Что бы он ни сказал, всё равно не сможет вырваться из этого списка.

Профессор спокойно отнёсся к заявлению Антуанетты о том, что она постигла весь список объяснений, и сказал, что он далеко не полный.

Разговор происходил в его кабинете, заставленном книгами. Легре подошёл к полке и достал потрёпанную книжицу с готическими буквами на обложке.

– Вот, полюбуйтесь: Фриц Ленц. Гитлер, когда сидел в тюрьме и писал «Майн кампф», между делом усиленно штудировал именно Ленца. Этот тип – один из вдохновителей расизма. Именно он предлагал уничтожить всех славян и евреев.

– Были, несомненно, гораздо более серьёзные причины той бойни! – Антуанетта была несколько разочарована. – А есть ли какие-либо другие версии, кроме ленцевской?

– Есть. И много. Да вы садитесь, что мы всё стоим да стоим возле этих шкафов. Вы смотрите на них так, словно верите, что в них таится Истина! Уверяю вас: там нет ничего нового! Хотите, я попрошу, чтобы нам принесли кофе или чая?

– Нет, спасибо, – сказала Антуанетта. – Вы лучше скажите мне, где и как такую информацию можно найти?

– А хотите, я предложу вам ещё одну версию?

– Хочу. Я ведь за этим и пришла.

– Все ужасные события двадцатого века начались с англо-бурской войны. Это была первая война двадцатого столетия. Стартовая! Она как бы задала тон. Именно там англичане впервые создали концентрационные лагеря, применяли массовые убийства заложников и мирного населения. Общественность практически не отреагировала на эти преступления и тем самым дала согласие на такие правила ведения войн. В ход пустили всякие расовые теории, оправдывающие зверства и жестокость.

– Это, скорее, придуманное объяснение. Турки, например, объясняли истребление армянского народа иначе. На самом деле боялись в них конкурентов, симпатизирующих своим врагам, русским.

– Пусть так. Но в итоге они унижали армянское население и,

в конце концов предприняли попытку их массового истребления... Я ненавижу фашистов, но авторы идеи массовых убийств целых народов – не они, а англичане. Немцев заклеили позором, а об англичанах никто и не вспоминает. Они так и ходят в ореоле высоконравственной нации.

– Но ведь и турок никто не заклеил позором, – возразила Антуанетта.

– И турок – тоже. Много чего осталось в истории двадцатого века не осуждённым. Вот и следует задаться вопросом: откуда взялась безнаказанность?

– И откуда же она взялась?

– В двадцатом веке она взялась именно от англо-бурской войны.

После беседы с Легре Антуанетта уже не знала, как будет писать свою книгу. В голове у неё всё перепуталось, и она решила на некоторое время даже не думать о ней.

Несколько дней назад Поль сделал операцию маленькому Сержу. Ребёнку сразу стало лучше. Люсьен, хозяин гостиницы, где отдыхал Поль с Антуанеттой, не знал, как благодарить доктора. Его дочь смотрела на Поля с такой благодарностью, что Поль даже смутился.

– Натали, Люсьен! Хватит вам благодарить меня! Я обещал прооперировать мальчика – вот и выполнил своё обещание. Теперь важно, чтобы всё было хорошо...

– Месье профессор, – сказала Натали, – приезжайте к нам весной, когда луга цветут! Вы будете нашим самым дорогим гостем!

– Увы, дорогая Натали! Мы весной улетаем в Армению. У меня там конференция.

– Ну да... Это, конечно, – переминаясь с ноги на ногу, говорил Люсьен, – Но вы должны знать, что вас с женой всегда ждёт самая лучшая комната нашего дома и мы всегда будем рады! Спасибо вам! Теперь Натали сможет продолжить учёбу!..

Рождественская суета кружила голову. Антуанетта медленно брела по нарядным Елисейским полям и думала, что здесь есть всё что угодно, кроме полей. В голову лезли незатейливые стишки, которые как-то запомнились, когда она работала в библиотеке:

*Рождественский Париж.
На тихой рю Лепаж
горят огни кафе
и спят авто рядами,
У входа в Куинз-отель –
искусственная ель,
как вышколенный паж,
блистает галунами.
Снежинки редкие
в безветрии кружась,
сияют нимбами
на головах прохожих,
им с небом подарив
божественную связь...*

Деревья были запорошены снежком – декабрь всё-таки. Огни. Море огней. Кафе. Витрины поражали своей изысканностью.

В модном магазине фирмы Герлен под четырёхметровым потолком подвесили автомобиль «Пежо 307», упакованный как огромный подарок с бантиком! Впечатляло. Антуанетта выбрала себе духи. Праздник!

Домой идти было рано, и она медленно брела по улице, радуясь хорошей погоде и весёлым лицам.

Париж, по мнению папы Павла VI, давно надо было бы крестить заново. Абсолютная свобода нравов...

Бродить по Монпарнасу красивым женщинам небезопасно. То и дело она слышала ласкающие слух комплементы и предложения весьма сомнительного свойства. Антуанетта только улыбалась на каждое такое предложение и проходила мимо. Богема! Что с них взять?! Они такие и другими быть не могут.

Погода на этот раз преподнесла сюрприз. Вчера выпал снег. Снежинки блестели в свете реклам и делали мир сказочным.

Мягкий пушистый чёрный свитер и джинсы молодили Антуанетту, она то и дело ловила на себе пристальные взгляды. И это тоже её возбуждало и радовало.

Был канун Рождества – 24 декабря. Уже за два месяца до него в Париже ощущалось предчувствие праздника. По телевидению с утра и до вечера говорили о рождественских каникулах. Фигурки

«Сен-Николя», подарки, перевязанные праздничными ленточками, синтетические хвойные ветки, и всё сияло мишурой и фаянсовыми изображающими Девы Марии, Св. Иосифа, волхвов и царственного Младенца. Силиконовая пена изображала редкий здесь снег.

В витринах устраивались кукольные спектакли. Вокруг толпился народ. Стояли часами, обменивались впечатлениями, радовались, выбирали подарки, накупали продукты к рождественской вечеринке...

Снег! Все просто сходили с ума! Шутка ли, в Париже в канун Рождества! Дети и взрослые играли в снежки, катались на санках, на лыжах по склонам холма Монмартр, ловили руками снежинки. И все смеялись, смеялись, смеялись...

Антуанетта шла наугад, брела, куда глаза глядели, держась лишь направления в сторону дома.

Сначала вышла к музею Дорси. Потом увидела реку. Ну – ни дать ни взять – Дунай! Перешла через мост и решила прокатиться на колесе обозрения. Колесо оказалось бесплатным по случаю праздника, поэтому пришлось постоять в очереди. Удовольствие стоило ожидания. Сверху она пыталась сориентироваться: Эйфелева башня далеко, а вот Лувр – рядом. Потом купила пончик и побрела в сторону дома. Сегодня весь этот путь она проделала пешком. Никаких метро, никаких такси...

На углу, нисколько не вписываясь в окружающую обстановку, стояли два негра и что-то жарили на железных бочках. Антуанетта, понаблюдав за их ловкими движениями, двинулась дальше.

Рождество – семейный праздник. Она решила поторопиться, чтобы к приходу Поля приготовить что-нибудь вкусное. Какой мужчина не любит вкусно поесть?!

Возле Собора Парижской Богоматери есть восьмиугольник, от которого отсчитывается расстояние по всем дорогам Франции. На любой французской дороге всегда можно определить, сколько километров осталось до этого маленького восьмиугольника.

Спустившись на набережную, Антуанетта ускорила шаги и вдруг увидела небольшой букинистический магазинчик. Не остановиться она не могла. На прилавке под стеклом стояли старинные антикварные фолианты в дорогих переплётках. Рядом

лежали книги попроще. Вдруг Антуанетта обнаружила бесценную для себя стенограмму судебного процесса Талаата-паши.

Там же в магазине, присев на диванчик, она открыла книгу. Талаат был министром внутренних дел Турции и нёс главную ответственность за истребление полутора миллионов армян. Военным трибуналом он был заочно приговорен к смертной казни.

Армянский студент Тейлирян, потерявший семью во время маршей смерти, организованных по приказу Талаата, последовал за ним в Париж, а потом и в Германию, где и застрелил его. Процесс был большим, шумным, но обвиняемого в убийстве оправдали и освободили в зале суда!

Бережно, как великую ценность, Антуанетта передала книгу расторопному юноше, попросив её завернуть. Ветхие пожелтевшие страницы давно уже не держал переплёт.

С этой драгоценной покупкой Антуанетта и поспешила домой.

Уже подходя к дому, Антуанетта позвонила Полю, чтобы узнать, скоро ли он придёт. Он был чем-то возбуждён.

– Ты где, любовь моя? – спросил Поль.

– Возле дома. А ты где?

– А я дома! Поднимайся скорее! У меня есть чудесная новость!

Дверь открыла Катрин.

– Мама?! Как здорово! А я бродила по городу и совсем не торопилась.

– А зря! Вышла из печати книга Поля! Иди скорей, поцелуй его! Он у тебя умница!

– Это я знаю. Я даже комплексовать начинаю. Я такая замухрышка...

– Кто это у нас замухрышка? – спросил Поль, выходя из комнаты в холл.

– Я, – сказала Антуанетта, целуя мужа. – Ты у меня такой успешный, такой значительный, а я...

– Нет, любовь моя! Ты сама ещё не знаешь, кто ты есть. Ты – умница...

– Я знаю, что мужчины не любят умных женщин...

– Разные вкусы у мужчин. Пойдём скорее, я покажу тебе

свою монографию. Мне нравится, как она издана.

В комнате за столом уже сидели трое коллег Поля.

– Я думала, что мы завтра отметим Рождество в нашем кафе.

– А мы сегодня совместим эти два события! – сказал Поль.

– Но у нас ничего нет!

– Всё есть, любовь моя! Принесли из кафе. Я заказал Марсело лангустов в винном соусе, гарнир по его вкусу и несколько бутылочек бургундского.

– Поль, Антуанетта, вы не будете возражать, если я приглашу своего нового приятеля Алекса? Я не знала о сегодняшнем мероприятии, и мы с ним сговорились встретиться в библиотеке...

– Конечно же, не против! – воскликнула Антуанетта. – Давно пора нам его показать!

– Теперь свидания назначают в библиотеке? – улыбнулся Поль. – Конечно, пусть приходит. Кстати, вы, кажется, говорили, что он граф?

– Князь, дорогой Поль, князь! Потомок русских князей Нишкиных. Но родился в Париже. Родители его давно умерли. Год назад похоронил жену. У него прекрасный сын. Не то программист, не то физик-атомщик... Живёт в Лиможе.

– А сам-то Алекс чем занимается?

– Он – политический обозреватель в «Ля Монд». Его интересует современная Россия. Он много раз там бывал и знает много интересного.

– Вы нас заинтриговали. Звоните своему Алексу!

20. Монография Поля о вживлении искусственных клапанов сердца, по мнению его коллег, произведёт фурор в научном мире. Статистика, таблицы и графики убедительно показывали, что при соблюдении определённых условий новый метод даёт результаты, лучше тех, что были при использовании старой методики.

Поль добродушно посмеивался, слушая комплименты коллег. Он пригласил их и своих близких отметить это событие, тем более что для торжества существовал и другой повод – предстоящее Рождество.

Антуанетта радовалась и гордилась мужем, так как чувствовала и свою причастность к этой победе Поля.

– Научный подвиг считается таковым лишь тогда, когда мало понятен людям. Если всё ясно и без автора, какой же это подвиг?! – говорил школьный друг Поля – Огюст, отличающийся юмором и неистребимым добродушием. Находясь уже в небольшом подпитии, он всё время требовал, чтобы ему объяснили, о чём эта монография Поля и так ли она хороша, как об этом говорят его коллеги.

– Поскольку я не врач, то мне кто-то должен объяснить, о чём эта красивая книжица Поля? В школьные годы никогда бы не подумал, что Поль станет таким умным. Шалопай был вроде меня...

Вилен и Жаннета Салье наперебой пытались ему объяснять самую суть идеи, преимущества метода, но Огюст пресёк эту говорильню и потребовал, чтобы ему объяснили всё на простом языке и в нескольких предложениях. Началось соревнование, но хмельной Огюст отвергал одно объяснение за другим, признавая их чересчур заумными или длинными.

– Ничего не понятно, – пожимал плечами он. – Я и слов таких никогда не слышал, а вы мне говорите так, как будто я всю жизнь только и делал, что работал в морге.

Вилен объяснил суть открытия Поля примерно так:

– Всё очень просто. Раньше были такие клапаны, – он что-то изобразил ладонями и пальцами, – и вот такой способ их вживления, а сейчас – клапаны другие, и способ тоже – совсем иной.

– Всё равно непонятно, – упорствовал Огюст. – Такие клапаны, разэтакие. В общем: не убедили вы меня, месье, и сомнения у меня остаются.

Он отпил из фужера вино и принялся за салат из креветок, а салфетка на груди свидетельствовала о его хорошем аппетите.

И тут встал профессор Альфред Ле Блан:

– Пожалуй, я попробую описать то, что сделал Поль.

Огюст изобразил недоверие и приготовился слушать, задержав вилку в воздухе.

– Вся суть вот в чём: раньше было плохо. А сейчас, благодаря методике Поля, стало хорошо. Вот и всё.

Огюст удовлетворённо промычал набитым ртом:

– Ну, так бы сразу и сказали!

Кто-то предложил тост: за то, чтобы всё было хорошо, а не плохо! И все его поддержали. И только после этого выяснилось, что Ле Блан отнюдь не закончил свою мысль.

– Но такое, – продолжал Ле Блан, – будет существовать лишь до тех пор, пока не найдётся кто-то другой (а это может быть и сам Поль, и, скорее всего, так и будет!), кто в очередной раз придумает ещё более совершенную методику. Предлагаю тост: пусть этим новым ниспровергателем Поля и будет Поль!

Выпили и за это.

– А я думаю, – совершенно спокойно сказал Поль, – пусть им будет кто угодно. Лишь бы поскорее.

И тут вмешалась Катрин:

– Хорошо, конечно, чтобы наука развивалась и график этого развития поднимался всё выше и выше. Но есть опасность, что он когда-нибудь превратится в перпендикуляр, и это будет означать остановку времени.

Ле Блан улыбнулся:

– Вы правы, мадам. Насчёт графика, который переходит в перпендикуляр, не вы первая говорите.

– Да я и не претендую на оригинальность, – возразила Катрин.

– Я думаю, что человечество не может до бесконечности вращаться вверх, – продолжал Ле Блан. – Просто этот график со временем превратится в синусоиду. Вот и всё.

Эти рассуждения были уже запредельными для Антуанетты, и её начинало подташнивать. Начались умные споры насчёт того, что и синусоиды тоже бывают разными...

Когда же, наконец, раздался звонок, Антуанетта увидела, как покраснела мать, и была этому рада.

В комнату вошёл рослый широкоплечий мужчина с русыми волосами и коротко подстриженными усами. Серые глаза его смотрели пытливо и доброжелательно. Когда он улыбался, на щеках вырисовывались две глубокие ямочки. Одет он был в серый свитер и серые брюки.

– Добрый вечер! Меня зовут Алексом.

Он пожал руки мужчинам и сел рядом с Катрин.

«Смотрятся они хорошо!» – подумала Антуанетта и улыбнулась гостю:

– Мы слышаны о вас...

– Слышаны обо мне? – удивился Алекс.

– Сплошной восклицательный знак! Вроде бы вы и не человек вовсе, а сплошные достоинства!..

– Антуанетта, что ты такое говоришь, – покраснела Катрин. – Не слушайте её, Алекс. Она одурела от счастья. Сегодня вышла из печати книга Поля.

– Ну что ж, это замечательно! Я слышал, вы собираетесь на международный конгресс в Армению. Нужно обязательно её туда взять.

– Возьму с десяток... Не продавать же её. Да и на французском она мало кого там заинтересует. Гостям из Европы, пожалуй, и подарю...

– Я думаю, и хозяевам... Они переведут. Не проблема. Французский, – это не язык племён Лесото из ЮАР! К тому же во многих армянских школах французский изучают.

После того как все выпили за Поля, за выход его очередной монографии, разговор стал более спокойным.

– Вы бывали в России? – спросил Поль. – Я там был, когда оперировали их президента. Потом несколько раз у меня срывалась поездка туда. Правда, время было тогда беспокойное, и я особенно не жалел. Там есть прекрасные врачи.

– Россия – зона повышенной опасности, – вставила Антуанетта. – Я так волнуюсь, что мама решила туда ехать...

– Россия – интереснейшая страна, – возразил Алекс. – Я там был много раз. И во времена коммунистов, и во времена Ельцина. Сегодня Россия несколько иная, хотя на протяжении последних пятнадцати лет остается, пожалуй, самой «горячей» точкой в мире. Здесь и межнациональные отношения, и война в Чечне...

– А где этого нет?! – воскликнула Катрин. – В Сербии было лучше? Или в Афганистане, или в Ираке?

Алекс, тактично кивнув в знак согласия, продолжал:

– Там подняли голову националисты. Взрывы в мечетях и синагогах – обычное явление. Выдавливают переселенцев – «лиц кавказской наружности». Скинхеды избивают студентов с другим цветом кожи... Оскверняются могилы... Таковы реалии.

– А власти, как везде, – бездействуют, – кивнула Антуанетта.

– В том-то и дело, что власти делают вид, что ничего не происходит. Там, где уже нельзя избежать скандала, квалифицируют дело как хулиганство... Ничего нового!

– Да, такое уже было в Турции, когда громили армянские селения, издевались и убивали женщин и стариков, а власти делали вид, что ничего не происходит.

– Совершенно верно, – кивнул Алекс. – Такое было и в Германии перед началом Второй мировой...

– А я-то думала, что Путин у них – сильный Президент! А выходит, и он мало что может! Мельчают лидеры... – воскликнул Ле Блан.

– Насчёт измелчания лидеров вы правы, – согласился Алекс. – Только, проблемы такие в одночасье не решить!

– Но разве такое было при коммунистах? – воскликнул Огюст. – Разве такое могло быть при их Сталине?

– Ну что вы, – удивился Алекс, что нужно разъяснять очевидное, – а знаменитые ленинские «Расстреливать, расстреливать и расстреливать». Гений и злодейство очень даже совместимы. Массовые казни заложников, уничтожение интеллигенции, цвета нации. Уничтожение крестьянства, депортация народов... Тогда никто и пикнуть бы не посмел... Думаю, мы имеем весьма сомнительное удовольствие наблюдать обрушение российского этноса. Сначала большевики подавляли свободную мысль, уничтожали наиболее дееспособное население. Теперь, к сожалению, там не понимают, что авторитарная, давящая свободу система нежизнеспособна... Впрочем, мы что, собрались на политический диспут? Сегодня в канун Рождества – позвольте мне произнести тост!

– Для этого, как минимум, нужно налить, – сказал Поль и разлил вино.

– Я предлагаю выпить за прекрасных дам! Они – то, ради чего стоит жить! Они вдохновляют нас на безумства! И я счастлив, что судьба свела меня с вами, Катрин. Вы даже не представляете, что для меня значит!

– Алекс, это что, признание? – улыбнулась Антуанетта.

– Признание! Я не в том возрасте, чтобы стесняться своих признаний! Я люблю вашу матушку, Антуанетта. Я ей ещё этого не говорил. Но так получилось, что говорю сейчас при всех. И я сделаю всё, чтобы она была счастлива...

Катрин низко опустила голову и смущённо молчала.

Наполнили бокалы. За столом вдруг все заговорили разом. Алекс – что-то Катрин, Огюст о своём школьном друге Поле, Антуанетта – о Рождестве...

– А теперь я хочу преподнести подарок! – вдруг сказал Поль.

– Подарок? – удивилась Антуанетта.

– Я взял билеты на концерт, любовь моя!

– На концерт? Завтра же Рождество!

– Не на завтра! Концерт состоится первого февраля! А после концерта можно будет пойти в кафе!

– И что это за концерт?

– Дело в том, что в Париже будет гастролировать оркестр из Армении, и, что самое интересное, в программе есть произведение Комитаса!

Антуанетта была поражена. Комитас здесь, в Париже!

– Странно, – сказала она, – в последнее время мы часто о нём говорим... Тебе не кажется это странным?

– Станным не кажется. А символичным – да! Вот и получается, что Комитас вроде бы и не уходит от нас никуда, а идёт рядом с нами по жизни.

– В этом есть что-то мистическое, – задумчиво проговорила Антуанетта.

– Не верю я ни в какую мистику, – воскликнул Огюст. – Но если вам, мадам, так хочется думать, то пусть так оно и будет. Считайте, что он сидит с нами за столом и пьёт это прекрасное вино!

Поль усмехнулся:

– Моя работа – что? Тоже написана под его влиянием? Нет, конечно!

А Антуанетта вдруг представила себе, что Комитас сидит рядом с ними...

– Перебирая вещи мамы, я нашла тетради бабушки Ануш, – сказала Катрин.

Антуанетта с удивлением взглянула на мать.

– И они связаны с Комитасом? – спросила она.

– Не знаю... Написаны они, скорее всего, по-турецки. Нашла тетради только вчера и не имею ни малейшего представления, что там написано.

– Но тогда откуда же ты знаешь, что эти записки сделаны бабушкой Ануш? – спросила Антуанетта.

– Там остались пометки, сделанные рукой папы.
– Почему же бабушка никогда о них не говорила?
– Возможно, не придавала им никакого значения.
– Забыть она не могла – это точно, – сказал Поль. – Забывчивость – совсем не её черта.

– Я тоже так думаю, – грустно сказала Катрин. – Что-то здесь было другое. А что именно – мы теперь об этом не узнаем.

Антуанетта слушала мать и думала: «Правду знаю я. Там предсказания Комитаса».

Она представила: вот он спрашивает, глядя на неё пронзительным взглядом:

– Как ты тут без меня? Я за тобой наблюдаю! Так что не подведи!

Расходились все далеко за полночь...

В Париже – многочисленная армянская община, несколько армянских церквей. Каждую неделю в них проходят службы. Это главное место встречи членов общины. Издаётся ежедневная газета. Выпускает её одна дама. Ей, наверное, уже около ста лет. Имеются и армянские школы. В свободный от учёбы день (а во Франции дети не учатся по средам) желающие могут изучать армянский...

Невидимыми нитями, памятью стариков, самой историей все они связаны с небольшой горной страной – Арменией. Даже те из них, которые «офранцузились», из множества стран и народов выделяли именно этот гордый маленький народ, именно эту горную страну.

К сожалению, многие забыли обычаи, язык, но при этом всегда с гордостью утверждали, что в их жилах течёт горячая армянская кровь. Таким был знаменитый Шарль Азнавур.

Кинорежиссёр Анри Верней «офранцузил» свою фамилию и прославился полицейскими историями с Делоном и Бельмондо. Режиссёр Гедикян из Марселя стал лауреатом Каннского кинофестиваля. А руководитель телекоммуникационного концерна Alcatel, крупный промышленник Серж Чурук с гордостью говорил, что он – армянин.

Когда Армения обрела независимость, это сказалось и на жизни армян во Франции. Люди стали чаще ездить на свою историческую родину. Туристы из Армении теперь уже не редкость.

На выступление известного органиста из Армении Вагана Стамболяна в парке Ла-Вилетт пришло много народа. Люди хотели послушать армянские народные мелодии. А симфоническое произведение Комитаса «Гарун» должно было прозвучать в исполнении оркестра под управлением Константина Орбеляна. Народ шёл на Комитаса!

Билетов не было. Многие неудачники с завистью смотрели на счастливых с билетами. Все были празднично возбуждены. В предвкушении торжества солидные пары в норковых шубках, в кокетливых шляпках прохаживались у входа. Неудачники, пробираясь сквозь толпу, всё ещё надеялись купить билеты. Здесь же щёлкали фотоаппаратами журналисты.

– Неужели и я так выгляжу, когда работаю? – спросила Поля Антуанетта.

– Что ты, любовь моя?! Ты выглядишь гораздо хуже! Как правило, ты агрессивна и напориста. В жизни не видел миролюбивой журналистки!

Поль был в прекрасном настроении и, говоря это, крепче взял Антуанетту за руку.

– Это наша работа, дорогой Поль, – заступилась за дочь Катрин. – Свободная конкуренция свободной прессы в свободной стране!

– Ты шутишь, дорогая, – засмеялся Алекс. – Полностью свободной, независимой и объективной прессы в природе не существует. Это раз! А во-вторых, наша пресса – это оружие массового поражения. Впрочем, я и не знал, что ты столь наивна! Хотя наивность, так сказать, красит женщину.

– Наивна? В чём же я так наивна в свои-то годы? – удивилась Катрин.

– Ты сказала, что мы живём в свободной стране! – усмехнулся Алекс.

– Знаешь, дорогой, всё познаётся в сравнении. Ты не знаешь, что такое коммунистический режим, цензура и многое другое...

– Знаю, но, сознаюсь, – ты могла так сказать! И я этому рад...

До концерта было ещё достаточно времени. На улице дул холодный февральский ветер, и Алекс предложил зайти в кафе выпить по чашечке кофе.

В кафе было много народа, но услужливый официант провёл

гостей к свободному столику и застыл в ожидании заказа. Это был высокий парень в белоснежной куртке, с чёрными блестящими волосами, аккуратно зачёсанными назад.

– Какой красивый, – заметила Катрин. – Испанец, что ли?

– Я вас, дорогая, сейчас удивлю. Это – сын моего старинного знакомого, Ашот Вартанян, армянин.

Алекс был доволен эффектом, который вызвал своими словами.

– Армянин? Как интересно! Ведь и в наших жилах тоже течёт армянская кровь! – воскликнула Антуанетта.

– В нас такая смесь, что трудно разобрать ингредиенты...

– Тем не менее, – вступил в разговор Поль, – прапрапрамама у всех людей была одна! Об этом говорит спектральный анализ...

– Странно, – улыбнулся Алекс. – Мне казалось, что только папаша у всех людей один!

– Может, и папаша... Итак, он – армянин. И что? Мы кофе будем пить или нет? Я почему-то продрогла...

Алекс заказал официанту кофе, пирожные, фрукты.

Когда погас свет и прожектор осветил фигуру органиста, Антуанетте он показался маленьким и хилым. Широкий белый воротник сорочки оттенял смуглое лицо, а его клювообразный нос и пышная шевелюра делали Вагана Стамболяна похожим на хищную птицу. Но когда в зал полилась певучая и протяжная мелодия, всё, что отвлекло внимание слушателей, вдруг перестало существовать. Антуанетта слышала, как громко стучит её сердце, как оплакивает оно идущих по дороге смерти к ущелью Кемах. Крики, стоны, мольба и плач детей слышала Антуанетта в той музыке.

Как правило, парижские меломаны хорошо знакомы друг с другом. Но сегодня в зале собралась несколько иная публика. Это были простые люди, которых привёл сюда голос крови! Да, да! Пусть говорят, что это – ерунда. Но именно то, что сегодня в этом замечательном зале можно будет послушать армянские мелодии, музыку великого Комитаса, привело всех сюда.

Когда симфонический оркестр, повинувшись дирижёрской палочке Орбеяна, стал исполнять произведение Комитаса, зал как будто издал вздох облегчения: это всё-таки произошло! Это всё-таки произошло!

*Во сне я смел, мне говорят.
Во сне с тобою танцевали.
Был танец чист, был танец свят,
Как свечи, звёзды зажигались...
И выросла любовь твоя горой.
И небо над твоею головой
Священным куполом повисло.
И всё иное не имело смысла!
А ты той ночью собирала
На небе звёзды и цветы.
Потом у речки той любви,
На берегу, в траве зелёной
Мне пояс пёстрый повязала, –*

откуда-то звучали стихи Комитаса. Они сначала произносились на армянском языке, и зал замирал, слушая не всем понятные слова, наслаждаясь их музыкой. Потом слова перевели на французский, и зал взорвался аплодисментами.

В перерыве продавались диски с записями армянских мелодий, произведений Комитаса. Антуанетта купила всё и радовалась, что сможет слушать эти мелодии дома. Она была счастлива, что они стали участниками этого праздника, что ей удалось услышать музыку Комитаса, что с ними были мама и Алекс. «Как здорово, что Поль купил билеты на этот концерт! – думала Антуанетта. – Да и Алекс молодец! Маме будет не так одиноко...».

Порой, когда хочешь сказать что-то очень важное, произносишь лишь пустячное.

– Февраль... Холодно... – сказала Антуанетта.

– Может, ко мне заглянем? Ещё совсем не поздно. А у меня есть прекрасный коньяк! Да и я покажу вам, как умею готовить кофе...

– Нет, дорогой Алекс! Мы, пожалуй, поедem домой. Завтра предстоит сложный день ...

21. Незаметно пролетели три месяца. Когда настало время лететь в Армению, Поля и Антуанетту пришли провозжать в аэропорт Катрин и Алекс.

В самолёте установился мерный усыпляющий гул, но Польша спать не хотел и с любопытством просматривал глянцево-иллюстрированный журнал. Самолёт набрал высоту и летел, монотонно гудя турбинами. Воздушные струи раздвигались, давая ему дорогу.

Антуанетта пыталась дремать, но не получилось. Стюардессы развозили то напитки, то электронные игры... Потом наступило время обеда.

«Как это здорово, – подумала она, – несколько часов, и ты уже в самом сердце Кавказа, в Армении!»

Понимая, что общаться там придётся в основном по-русски, она достала из сумочки небольшой томик на русском языке и стала читать.

Это были стихи Эдуарда Асадова.

*Осенний вечер спит в листве платана,
Огни реклам мигают на бегу,
А я в концертном зале Еревана
В каком-то жарком, радостном тумане
Кидаю душу – за строкой строку...*

Антуанетта откинулась на спинку кресла и вспомнила последний концерт. Как было здорово! Какая своеобразная музыка. Сколько в ней грусти и напевности!

*И как же сердцу моему не биться,
Когда, вдохнув как бы ветра веков,
Я нынче здесь, в заоблачной столице
Армении – земли моих отцов...*

Подумала: «В Ереване нужно будет обязательно пойти на концерт! В заоблачной столице вдохнуть ветер веков...».

...Шумит в концертном зале Еревана

*Прибой улыбок, возгласов и фраз.
И, может быть, из дальнего тумана
Он как живой ей видится сейчас...*

Антуанетта закрыла глаза, и в то же мгновение увидела доброе и давно уже ставшее родным лицо Комитаса. Он ласково посмотрел на неё и перекрестил, благословляя:

– Всё у тебя будет хорошо! Ты – молодец! Если бы ты знала, как ты похожа на свою прабабку Ануш!..

Потом самолёт плавно пополз вниз. Какое-то время летел в толще облаков и чуть вздрагивал. Видимо, и ему было неприятно это пребывание в молоке, когда ничего не видно, кроме белых хлопьев, недовольно расступающихся, давая пролететь неизвестно откуда взявшейся блестящей птице. Наконец, прорезав белую пену, лайнер вдруг оказался прямо над взлётно-посадочной полосой. Изумительная картина возникла в иллюминаторе: бесконечная гряда гор. Те, что ближе, – зелёные, покрытые лесами или тёмно-коричневые, скалистые. А за ними другие вершины, уже иного цвета, со снежными шапками и ледниками. Ещё дальше – голубые, едва различимые, сливающиеся с небом. И вот среди всех этих гор вдруг возникло ровное поле аэропорта! Колёса коснулись бетона, и назад побежали постройки, ангары, стоящие рядами самолёты. Посадка прошла незаметно. Наконец, лайнер, словно бы в нерешительности, застыл на месте. Струйка людей потекла по трапу. Люди были разными, и заботы у них тоже были разными. Кто приехал по делам, кто вернулся после долгих странствий, а кто, как Поль и Антуанетта, впервые ступил на эту древнюю землю.

Двое юношей и девушка представились, назвали себя, но Поль и Антуанетта не сразу смогли запомнить их имена. Карен, Артём, Нино...

– Машина ждёт вас, – сказала девушка. – Сейчас мы соберём всех, прилетевших этим рейсом, и вместе поедem в гостиницу.

Вскоре к ним присоединились ещё пять человек, двоих из которых Поль заметил ещё в самолёте, но так и не мог вспомнить, где и когда видел. Съезды и конференции кардиохирурги проводили часто. Разве всех запомнишь?

Девушка-переводчица обращала внимание гостей то на снежную вершину Арарата, то на новый проспект и здания из стекла и бетона. Это строились новые учреждения, институты, торговые центры. «И здесь заболели гигантоманией, – подумал Поль. – Европа это уже пережила».

Супермаркеты сменялись мегамаркетами. Рекламные щиты, ярко украшенные витрины... Поль подумал, что, по-видимому, всё это они уже видели... Но вдруг вдалеке возникла необыкновенной красоты церквушка, отделанная местным туфом, и он решил, что рано делать выводы.

Через пятнадцать минут на улице Абовяна автобус остановился у гостиницы «Ереван». Как рассказала сопровождающая группу девушка, гостиница – памятник архитектуры и, несмотря на кажущуюся старомодность, одна из самых удобных и современных в Армении.

Уже в номере, распаковав вещи и оглядевшись, поняли: они в Ереване! В Армении, в которую так стремились!

– Ты не замечаешь, – спросил Поль, – здесь даже воздух какой-то другой. Совсем не такой, как в Париже.

– Да и на Белград не похоже, – заметила Антуанетта. – Легко дышится. Может, потому что высоко? Я вдруг оказалась в другом мире! Здесь физические законы действуют иначе! Лучи, магнитное поле как-то изгибаются, словно отражаются в зеркале... Здесь духовное замысловато переплетается с реальностью...

– Фантазёрка! Начиталась об Армении, и теперь тебе мерещится всякое, – улыбнулся Поль и обнял жену. Потом выглянул из окна: старинные, несколько тяжеловесные здания стояли торжественно и немного сумрачно.

Остаться в номере не хотелось. Они вышли на улицу – пройтись, подышать воздухом, осмотреться.

Прогулка делает город доступным и близким: до всего дотрагивайся, смотри что хочешь, сворачивай на любую улицу... Основательные, невысокие дома, отделанные красным туфом, широкие пёстрые улицы и множество цветов!

После распада Советского Союза Армения приобрела суверенность. Когда-то республика была вписана в огромную общую схему. Её пребывание в ней было надёжным и торжественным: герб,

гимн, конституция – всё расписано и подогнано под единую систему взглядов, с общим хозяйством и правилами игры. А как только огромная страна распалась, выяснилось, что Армения должна теперь отправляться в автономное плавание – со своим экипажем, со своим маршрутом, со своим топливом и со своим провиантом. Куда хочешь, туда и плыви. А хочешь – тони. И никому до этого дела нет. Многие стали бежать из страны куда глаза глядят – кто в Россию, кто в Америку. Некоторые впали в уныние, но нашлись и такие, кто остался. Они и поддерживали на плаву этот корабль, не давая ему утонуть...

Поль и Аетуанетта заходили в кафе, смотрели на витрины, ларьки. Всё тот же стандартный набор товаров, что и на Западе: пепси-кола, шоколадки, жвачки, сумки...

Языкового барьера не было. Антуанетта смело обращалась к прохожим на русском, и те ей охотно отвечали, поясняли, как пройти или где что расположено...

– Похоже, они всё ещё живут в Советском Союзе, – заметил Поль. – Спроси кого-нибудь, что для них означает русский язык.

Антуанетта удивилась:

– Ну, я думаю, и спрашивать не надо.

– А ты всё-таки спроси!

Антуанетта оглянулась по сторонам и увидела почтенного старичка с палочкой. Спросила:

– Вы говорите по-русски?

– Да, конечно, – с некоторым удивлением ответил старик.

– А откуда вы знаете его?

– В школе учил когда-то. В России был много раз. Да ведь и в армии служил – тоже в России. На Дальнем Востоке. А почему вы спрашиваете?

– Да вот удивляемся: вы – отдельное государство. А живёте с русским языком.

Старик посмотрел внимательно на молодых людей.

– Вы, должно быть, – приезжие?

– Да, мы из Франции.

– Тогда вам простительно. Но и во Франции должны знать, что мы хотя и самостоятельное государство, но с Россией нас связывают крепкие нити. При советской власти ругали – и Россию, и русских. Ненависти не было, а ругать – ругали. Но всегда понимали:

без России – никуда!

Потом о том же парня и девушку.

– Не будет России – не будет Армении, – твёрдо сказал парень.

– Но тогда, может, не стоило и отделяться, – высказал предположение Поль, которому Антуанетта перевела слова парня.

– А кто нас об этом спрашивал? Отделились, а что толку? Половина армян работает в России, чтобы помочь родственникам.

Были и другие разговоры – с продавцами в магазинах, со случайными людьми, с официантом в кафе. Все жалели, что распался Союз. Вместе было лучше!

Возвращались в гостиницу уже вечером со смешанными чувствами. Поль просматривал слайды, которые собирался показывать во время доклада на конгрессе. Антуанетта забралась с ногами на диван и старалась ему не мешать. Она была под впечатлением от прогулки и задумалась:

«Боже, как мало я знаю об этом народе!

Они когда-то жили в долинах, занимались земледелием, – вспоминала Антуанетта, – были удачливыми коммерсантами, неплохими учителями и врачами. Турки вполне миролюбиво относились к ним. Но власти, чтобы объяснить провалы своей политики, нашли «козла отпущения» – армян... Обычная история! Так было всегда, ещё с библейских времён!

Массовая резня армян заставляла их уходить в горы, организовывать отряды самообороны. Турки натравливали на них курдов, использовали всю мощь государства и армии, поджигали хлебные поля, угоняли скот, рушили дома... А сопротивление армян только росло!

Людей заживо сжигали, убивали священнослужителей, на глазах родителей убивали их детей, насиловали женщин... Разве не такое же было в Белграде, в Младеновацах! Эти изверги во все времена похожи друг на друга! И как это выдержать и не ответить ударом на удар?!

А когда Османская империя потерпела поражение на восточном фронте, она в этом винила христианское население.

По всей стране развернулась дикая антиармянская компания. Под предлогом депортации из прифронтовых районов власти хотели расправиться с христианским населением и сделать Османскую

империю мусульманской. С маниакальной настойчивостью эти изверги продолжали «решать» армянский вопрос, причём с таким фанатичным остервенением, как будто не было для империи ничего более важного.

По всей Армении звонили колокола, призывая народ к оружию.

Ну, а после семнадцатого года Россия подписала перемирие с Турцией, и создали Армянскую республику...

И вот теперь я здесь!..».

На следующее утро, выйдя из душа, Антуанетта попала в объятия Поля.

– Как ты себя чувствуешь, любовь моя? – спросил он, целуя счастливую Антуанетту. – Ес кез сирум ем!

– Ух, ты! И что это значит?

– Я тебя люблю!

– Это ты готовился к своему конгрессу? – улыбаясь, спросила Антуанетта.

– А как же?! Народа должно быть много... Со всего мира понаедут. Нужно быть во всеоружии...

– Не рано ли?

– Нет, любовь моя! Эти слова я готовил только для тебя.

– А для других?

– А для других, например, барев цез...

– Что это значит?

– Здравствуйте!

– Ну, что ж, считай, к докладу своему ты вполне подготовился! Когда там у вас всё начнётся?

– Сегодня день заезда. Регистрация. Знакомство с центром. День, свободный от заседаний... Кстати, говорят, что институт их на самом современном уровне. Просто фантастика какая-то! Я знаком с их работами. Много интересных людей, свежих идей... – Поль повязал галстук и посмотрел на себя в зеркало. – Ну, любовь моя, пошли? Хорошо бы позавтракать, только я не хочу в гостинице...

Они направились в сторону центра.

У оперного театра множество сквериков и кафе.

– Зайдём? – спросил Поль.

– Нет, дорогой, пожалуй, прогуляемся. Здесь таких кафешек много. Мне кажется, что в центре только цветочные магазины и кафе...

На углу улиц Баграмяна и улицы Московян светился огнями цветочный магазин. В его зеркалах отражалось многоцветье мая: розы, гвоздики, тюльпаны... красные, синие, белые. А со стороны скверика, в центре которого стоит величественный памятник Мартиросу Сарьяну, – небольшое кафе.

– Вот сюда, любовь моя, мы и зайдём! Я бы хотел бутерброды с ветчиной, сыром, омлет и стакан апельсинового сока, – сказал Поль.

– Я тоже проголодалась...

22. После завтрака, вернувшись в гостиницу, они не успели переодеться, как в их дверь постучали.

Как-то боком вошёл пожилой человек весьма плотного телосложения и огромного роста. Это был известный Полю академик Карен Григорьевич Адамьян, лауреат Государственной премии, председатель Правления Ассоциации кардиологов Армении, с которым он когда-то познакомился в Париже на конференции. По-французски Карен Григорьевич изъяснялся недостаточно свободно, с характерным армянским акцентом, который придавал всему, что он говорил, особый колорит. Ему не всегда удавались носовые гласные.

– Барэв дзез, харгели Лежар! Добрый день, мадам! Как вам, дорогие гости, понравилось в нашем городе? – спросил он.

Поль встал на встречу гостю, пожал ему руку и сказал, обращаясь к Антуанетте:

– Любовь моя, позволь тебе представить Карена Григорьевича Адамьяна. Это он сегодня принимает кардиохирургов многих стран мира.

Барэв дзез – Здравствуйте

Харгели – Уважаемый

Антуанетта встала и протянула руку. Карен Григорьевич бережно взял её и поцеловал.

– Мы с женой давно рвались сюда. Хотели познакомиться с вашей страной. Очень необычная архитектура. Столько солнца, цветов! Мы будем рады возможности познакомиться с этим

чудесным уголком Европы.

Карен Григорьевич заулыбался:

– Вы говорите – Европы, месье Лежар? Приятно слышать, честное слово!.. Меня всегда волновал вопрос, как смотрится Ереван на фоне Парижа, Лондона или Берлина. Понимаете: мы маленький народ, и страна у нас совсем-совсем маленькая. Мы живём на окраине!

Поль покачал головой:

– Уверяю вас: это только кажется. Армения – особый район Европы...

Антуанетта подыграла мужу:

– И жители других мегаполисов ходят к вам, потому что у них ничего подобного нет.

– Именно это я и хотел сказать, – подтвердил Поль.

Адамаян расцвёл в улыбке.

А Антуанетта продолжала:

– Мы сегодня бродили по городу. Ереван напоминает южные города Европы. Что-то в нём от Белграда, что-то от Лиссабона, а что-то и от Марселя. Но это лишь отдалённое сходство. На самом деле ваш город – это нечто неповторимое!

– Одно из самых сильных впечатлений, – подхватил Поль, – это камни.

– Камни? – переспросил Адамаян.

– Да, именно камни! – подтвердил Поль. – Старинные здания, сделанные из древних камней. Камни, которыми облицованы дома и постаменты памятников. Такое впечатление, словно бы Армения – каменная страна.

Карен Григорьевич рассмеялся.

– Ираваци эс! Вы совершенно правы и сделали очень точное наблюдение, честное слово. Нашу страну иногда так и называют: Карастан, страна камней. А вот ассирийцы её называли страной рек – Наири.

В номер принесли кофе, шоколад, фрукты.

– Пожалуйста, кофе с молоком и круассаны. Это я заказала, – сказала Антуанетта. – Давайте выпьем по чашечке...

Она из кофейника налила в чашку горячий тёмный кофе и поставила перед Кареном Григорьевичем.

– Мерси, мадам, спасибо. Дело-то в том, что я приехал сюда,

чтобы пригласить вас на нашу вечеринку. Завтра будет торжественная часть: открытие, вступительные речи и прочие формальности. А сегодня мы посидим в неофициальной обстановке, честное слово! Поговорим по душам, и я смогу вам вернуть долг.

– Не понял? О каком долге вы говорите, Карен Григорьевич?

– Ну, что вы, честное слово?! Я хорошо помню, как вы меня принимали в Париже...

Поль смутился:

– Вы пока пейте кофе, – сказал он. – Не представляю, чем уж я поразил ваше воображение, но мы с Антуанеттой готовы ваше предложение принять. Грешным делом, утром мне показалось, что мы будем предоставлены сами себе, что нас тут никто не ждал...

– Вай, что вы такое говорите, честное слово?! Ждали! Очень ждали! Но, почему-то, ждали завтра! Это всё перепутал Ованес. Есть у нас такой. Всё путает. Иногда даже кровать жены путает с кроватью сотрудницы! Баран, честное слово! Простите, Бога ради, нас...

– Всё нормально. Я знаю, сколько сейчас у организаторов забот. Всех нужно разместить, предоставить переводчиков... Международный конгресс – совсем не простое дело. Так что вам совсем не нужно извиняться.

– Айо! Я знаю вашу французскую галантность, честное слово! Но, мерси за понимание. Я вижу, ваша жена прекрасно знает русский язык! Вай, как это хорошо! Теперь у нас не будет трудности в общении. И я с вашего позволения перейду на русский. Мне так легче общаться, честное слово!

– Но и вы, уважаемый Карен Григорьевич, прилично говорите на французском.

– Спасибо, сирэли Антуанетта-джан... Но, мне ещё нужно совершенствоваться... Век учись... Я правильно говорю?

Выпив кофе, Карен Григорьевич вытер платком вспотевший лоб:

– Кофе великолепен, честное слово! У нас умеют его готовить. Мерси, мадам!

– Возможно, знают какую-то тайну, – сказала Антуанетта, чтобы сделать толстяку приятное.

– Возможно, мадам. Но я скажу вам: мы, армяне, любим две вещи: во-первых, что-то мастерить, а во-вторых, придумывать

всякие загадки. Это черта нашего характера. У меня тоже есть собственные рецепты. И не только по части кофе, но и по части некоторых других напитков и блюд. Поэтому я предлагаю продолжить дегустацию напитков часов в шесть у меня на даче. Там будут самые близкие люди. Вы могли их запомнить по последней конференции в Германии: профессора Вартамян и Симонян, – цвет нашей кардиохирургии...

– А до шести? – неуверенно произнесла Антуанетта.

– А до шести в вашем распоряжении наш Самсон со своей машиной. Это, к сожалению, не «Пежо», а наша «Волга». У нас древний город, и есть что посмотреть! Сейчас много цветов, фонтаны, зелень...

– Не стоит беспокоиться, – сказал Поль. – Мы найдём, куда себя деть и что посмотреть. Да и машина нам не нужна.

– Вай! Зачем так, танкагин парон Лежар? Зачем обижаешь? Мы – от всего сердца, честное слово!

– Хорошо! А дорогу на дачу ваш Самсон знает?

– Вай, а как же? Он – всё знает!.. Он же мой аспирант!

– Договорились! – сказала Антуанетта Адаманяну. – Мы только должны переодеться, и через десять минут будем готовы. Только как мы его найдём?

– Вы его легко узнаете, любезная тикин Антуанетта. Наш Самсон соответствует своему библейскому имени. Огромный, как Арарат, сильный, как библейский Самсон, добрый, как все армяне... Честное слово! И номер его белой «Волги» легко запомнить: «Ар.01-23 о». Кстати, он немножко-немножко говорит по-французски.

– Это хорошо! Ну, что ж, до встречи!

Они пожали друг другу руки, и толстяк, вытирая вспотевшую лысину, направился к выходу.

Путешествие на машине по Еревану оказалось приятным. Самсон был знаком с работами Поля, и у них то и дело вспыхивал разговор, смысла которого Антуанетта часто не понимала. Впрочем, и не старалась понять. Когда встречаются одержимые одними идеями люди, они прекрасно понимают друг друга, и им не нужны слушатели.

– Не знаю, как вам, но работать на сухом сердце проще, да? – горячился Самсон, сворачивая на проспект Мира. – Кстати, этот прекрасный проспект когда-то назывался проспектом Сталина.

– Вы застали ещё то время? – удивилась Антуанетта.

– Что вы, мадам?! Я тогда ещё не родился! Мне об этом рассказывал дедушка. Здесь когда-то ходили трамваи. Дедушка рассказывал, да?! Он мальчишкой любил прыгать на, как это сказать? Лестницу...

– Подножку...

– Ха! Подножку. Однажды упал... Вах! Его чуть-чуть не зарезал трамвай!

Ираваци эс – Истину говоришь

Айо – да

Танкагин – дорогой

Парон – господин

Сирэли – дорогая

– Если бы это случилось, вас, уважаемый Самсон, не было бы!

– А я что говорю?! Какой мальчик был?! Совсем шалун. Но больше не прыгал... никогда. Я правильно говорю?!

Выйдя из машины, они оказались в скверике, где местные художники устроили своеобразный «вернисаж». Здесь продавали они свои картины: снежные вершины Арарата с двумя тополями у подножья, натюрморты с лимонами и старинными медными графинами, скачущие лошади на фоне снежной вершины...

– Здесь культ этой горы, – заметил Поль.

– Культ? – спросил Самсон.

– Ну, да! Преклонение, почитание этой горы...

– Ха! Это – наша, как это сказать? Святая...

– Святыня...

– А я что говорю? Святая гора! Её можно видеть с любой точки города...

– А вот послушайте! – восторгалась Антуанетта. – Я в гостинице купила книжку на русском языке.

– Вы знаете русский?

– Что вас так удивило?

– Нет... – смутился Самсон. – Пардон, мадам...

– Так прочитать про Арарат? – спросила Антуанетта, доставая из сумочки и раскрывая книжку на нужной странице.

– Прочитай, любовь моя. Только я ведь ничего не пойму, – сказал Поль.

– А я вам буду переводить, – заверил Самсон.

– Не стоит беспокоиться. Я мужу сама буду переводить...

И Антуанетта стала читать стихи Ованеса Шираза, сразу переводя их на французский язык:

Тикин – Мадам

Ха – Да.

*Страж бессонный, великан Масис,
Белый лоб, нахмутив, оглянись,
Иль не видишь, что сочится вновь,
Затопляя сердце мира, кровь?..*

Слышу голос, точно ветра стон:

*«Много тяжких видел я времён,
Много туч на плечи мне легло,
Много гроз разбилось о чело.
Сколько слёз я выплакал с тех пор, –
Стали слёзы озером меж гор.
И теперь я вижу, глядя вниз, –
Снова в схватке жизнь и смерть сплелись,
Но не хмурю грозного чела,
Впереди сквозь тучи даль светла;
Где блеснуло солнце, никогда
Тьме ночной не свить себе гнезда».*

– А Масис, – это что?

– Масис – Арарат, да?! – ответил Самсон.

– Да... Библейская гора, – согласился Поль.

– Гора – слово женского рода. Она должна быть нежной, мягкой кошечкой. А вид у неё величественный, но совсем не нежный, – заметила Антуанетта.

– Вы не знаете, что значат названия: Арарат, Ереван? – спросил Поль.

Самсон стал говорить по-русски, попросив Антуанетту его переводить.

– Точно не знаю... – сказал Самсон, – в названии «Арарат» – средоточие мужества, силы и гордости, а совсем не нежности. В нём – наш характер. Существует легенда, что Ноев ковчег вынесло на вершину Арарата, и когда вода стала отступать, голубь принёс ветку оливкового дерева, а вдали показалась суша. Тогда Ной вскрикнул: «Еревац!» – что в переводе с армянского означает: «Виднеется земля!» Отсюда и название Ереван – «видение».

– Интересно, – улыбнулся Поль, – что Ной вдруг воскликнул это по-армянски! Может, он был армянином?! К тому же теперь Арарат в Турции...

– В Турции, – согласился Самсон. – Граница прошла по реке Аракс, а эта подлая река как раз огибает подножье Арарата с нашей стороны. Но я знаю, что все армяне его считают своим. Он стал символом...

Антуанетта старалась переводить страстные слова Самсона точно, чтобы сохранить не только смысл, но и их эмоциональную окраску.

– Наверно, турки никогда не проникнутся к нему нежностью, – задумчиво проговорил Поль.

– Недавно мне рассказали, что с турецкой стороны Арарат вовсе не впечатляет. Там рвы и голые скалы, полностью ломающие его форму. Может, и так, как знать?

– Может и так, – проникся грустью Самсона Поль. – Но Арарат был и остаётся символом Армении...

– Это правда, господин Лежар. Мне приятно, что вы так говорите...

Неподалёку от остановки, прямо у бордюра, местный художник-портретист расставил свои работы: Иисус, Комитас, Андраник... И все на фоне Арарата, и у всех – армянская грусть в глазах.

Чуть дальше, через улицу, ещё один сквер и кафе с огромными окнами. Здесь начинался проспект Саят-Нова. Было ещё светло, но рекламу включили, и она причудливо отражалась на блестящей плитке.

Наконец и здание филармонии. Перед ним – памятник Араму Хачатуряну. А рядом в густой зелени травы лежал и тихо отдыхал белый каменный оленёнок. И снова цветочный магазин и кафе...

В Ереване Хачатуряна боготворили. Его музыку знают, транслируют по радио, просто напевают... Что может быть лучшим свидетельством любви народа к композитору?!

У касс толпились люди... На большой красочной афише произведения Комитаса и Арама Хачатуряна.

Пройдя скверик, Антуанетта, Поль и Самсон оказались у здания консерватории. Они медленно шли мимо муниципалитета «Кентрон». Неожиданно возник Театр кукол.

Поль улыбнулся:

– Мне кажется, это перебор: два кукольных театра рядом!

– Вах! А где второй? – не понял Самсон.

– Муниципалитет – тот же кукольный театр, – улыбался Поль, обнимая жену. – И там, и там дёргают за верёвочки!

Антуанетта перевела, и Самсон грустно кивнул головой. Ему почему-то было не смешно.

– Красивый город, – задумчиво сказал Поль.

– Слушайте! – воскликнул вдруг Самсон. – А какая у нас вода! Самая лучшая в мире! Да, да! Это вы можете прочитать во всех наших справочниках! Ха!..

На даче, облачённый в белую куртку, нанизывал на шампуры куски баранины Карен Григорьевич.

– Друзья мои! Открою вам одну тайну, да?! – обращался он к гостям. – Если бы я не стал врачом, стал бы поваром, честное слово! Работал бы в ресторане! К сожалению, отдаю кулинарному искусству лишь по праздникам, честное слово. Надеваю на себя фартук и начинаю оперировать на кухне. Провожу такие сложные операции, что потом гости требуют реанимационных мероприятий, честное слово! Все в восторге! Впрочем, не буду хвастаться! Сами увидите!

Дачу окружал каменный забор. То ли отреставрированный старинный дом, то ли современный, искусно стилизованный под старину, стоял в глубине участка. Поль наблюдал, как ловко хозяин шинкует большим острым ножом зелень: лук, укроп, петрушку. Крупными ровными кружочками нарезал болгарский перец... К

столу, установленному в саду, из дома вышла женщина, неся на подносе посуду. Карен Григорьевич познакомил Поля и Антуанетту с супругой и коллегами.

– Завтра у нас будет и шумно, и торжественно, – сказал он. – Приедут газетчики, телевизионщики... А сейчас давайте отметим ваш приезд, так сказать, в интимной обстановке...

Он выставил на стол пару бутылок коньяка, несколько бутылок вина. На специальном блюде уже лежали овощи: помидоры, огурцы, перцы, лук, горы разной зелени. Здесь же, на тарелке – несколько сортов сыра, лаваш...

Поль спросил, что это за хлеб такой необычной формы. Ему пояснили: это лаваш, лучший в мире хлеб. Поль улыбнулся: и вода у них лучшая в мире, а теперь и хлеб... И что же ещё?

Профессор Вартамян возился с мангалом.

– Карен, где шампуры? Уже пора! Че?!..

Вскоре по всей даче разнёсся аппетитный запах жаренного на углях мяса.

Потом были шумные и по-кавказски длинные тосты, воспоминания и профессиональные споры. Всем было весело и хорошо.

Каждый тост был настоящим произведением искусства. Коллеги рассказывали притчу или какой-нибудь случай, и из этого рассказа вдруг неожиданно следовал вывод, приглашающий выпить за сказанное.

Антуанетта удивилась, насколько политизированы все, с кем им доводилось встречаться. Все живо переживали события в России, понимая, что как будет там, так будет и у них.

– Путин для России хорош только тем, что мог бы быть другой, только куда хуже, – скептически заметил Вартамян.

– Ну да! Там сегодня не расстреливают. Даже за антипутинизм не сажают...

– Да бросьте вы о политике, честное слово! Разве других тем нет? Сегодня в филармонии выступает квартет Комитаса!

Антуанетта сказала, что они слышали произведения Комитаса в Париже. И сегодня видели афишу у филармонии. Но очередь там уж очень большая, да и договорились уже о встрече...

– Уважаемая! Они будут выступать несколько дней, – произнёс неторопливый Симонян. – Куда спешить? Жара такая...

– И свободы слова в России нет! – продолжал гнуть своё Вартамян. – Попробуйте пробиться в эфир и в широкую печать! Это невозможно!

– А у нас разве не так?

– Ха! Я же и говорю: у нас всё так же, как и в России, только в несколько замедленном...

– И искажённом... – добавил Самсон, переворачивая мясо на шампурах.

– Айо, и искажённом, – согласился Вартамян, – виде. Большой прогресс, конечно. Над каждым чиновником теперь висит портрет уже не Иосифа Виссарионовича, а Президента. Знакомая картинка.

– Но нет реальных альтернатив капиталистической мерзости, честное слово, – вставил Карен Григорьевич. Потом, обращаясь к Антуанетте, спросил: – А разве у вас не так? Только у вас живут по правилам, по законам...

– Это всё было contra, а теперь попробуем рассмотреть про. Вряд ли всё это видите и понимаете только вы. Путь к развитой демократии и, соответственно, к высокому уровню производства и жизни сложен и долог, – ответила Антуанетта.

– Что сделал Путин? – не унимался Вартамян. – Восстановил, по сути, однопартийную систему. Парламент стал декоративным. Хорошо платят, привилегии... Машина голосования... Нет проблем провести любой закон. Нет борьбы мнений. Сплошной одобрямс. Ха?

– Что ты заладил: ха да ха! – Объяснил гостям: – это по-армянски «да». «Че» – нет, «Ха» – да! Слово-паразит у него. – Потом, посмотрев на Вартамяна, что-то сказал по-армянски и тут же перешёл на русский: – Нужно избавляться от твоего постоянного «ха!». Профессор всё-таки, честное слово!.. А что касается того, о чём вы говорили, то, конечно же, Вартан прав! Тиражи свободных изданий мизерны. Телевидение под жёстким контролем. Чтобы организовать выступление на телевидении нашего специалиста, нужно обращаться непосредственно к министру! Но, друзья! Разве мы собрались для того, чтобы говорить здесь известные вещи?! Хватит политического нытья, честное слово!

– А старики руются в мусорных баках, – грустно заключил Вартамян. – Всё-всё! Больше не буду!

– Хватит о политике, честное слово! – повторил Карен Григорьевич. – Кто хотя бы слово скажет о политике, будем штрафовать...

Некоторое время согласовывали размер штрафа. Потом Самсон выложил горячее, пахнущее дымком мясо с шампуров на большое блюдо и разлил вино в фужеры.

Слово взял Карен Григорьевич.

– Парунайк! Вы знаете, что у меня в квартире жили два попугайчика. Жена их днём, когда я на работе, выпускала из клетки, и они летали по квартире. У нас в семье очень любили этих птах с большими армянскими носами-клювами. И вот однажды с одной птичкой что-то случилось. Она страшно мучилась бедная, запрокидывала головку, не в состоянии была даже стоять, честное слово, дрожала и очень тяжело и часто дышала, раскрыв клюв. Жена чувствовала свою беспомощность и не в состоянии была ей ничем помочь. Эта беспомощная птичка жалобно смотрела на неё и ждала помощи.

Я был в командировке. Жена повезла несчастную в птичью клинику. Там оставили её на ночь, а утром сказали, что у птички был инфаркт, делали уколы, давали кислород – всё, как у человека, но она умерла. По их мнению, это был врождённый порок. Вскоре и второй попугайчик погиб. Он очень любил подружку и не мог перенести этого горя.

Парунайк – Господа!

Казалось бы, рядовая жизненная история, честное слово. Ничтожная на фоне того, что происходит вокруг. Но это всколыхнуло все наши печали, накопившиеся в душе, и позволило ощутить, как мы беспомощны в определённых обстоятельствах, как мизерны проблемы, которые мы решаем, как мало иногда от нас зависит и какой нас ожидает беспросветный мрак! Что всё это по сравнению со смертью этой птички?! И, в сущности, нет другого выхода, как вытеснять, условно говоря, ерундой, застольями и нашими глупыми рассуждениями о переустройстве мира самую важную проблему, стоящую перед человеком: проблему жизни и смерти! Как нам вытеснить мысли о нашей птичке? Не всегда удаётся... Так вот, я предлагаю тост за то, чтобы мы не всегда думали о глобальных проблемах, а больше думали о конкретном человеке. О его

проблемах. И в меру сил своих помогали ему... Я предлагаю выпить за то, чтобы мы дорожили друг другом, потому что, честное слово, когда плохо кому-то, обязательно станет плохо и нам. Умерла моя птичка, и её дружок не мог этого перенести! Живите долго и счастливо, и нам будет хорошо!

Антуанетта перевела Полю тост Карена Григорьевича. Все были под впечатлением от рассказа шефа и дружно выпили.

Потом рассматривали с хозяйкой садовый участок. Он был небольшим и трудолюбивые хозяева использовали каждый клочок территории. Склон, переходящий в обрыв, заполнили привозным грунтом и заботливо обложили каменной подпорной стенкой.

– Земля наша на камнях. Плодородный слой невелик. Мы следим за тем, чтобы дожди не вымывали его, – пояснила хозяйка. – Но, знаете, даже в скалах иногда растёт дерево. Здесь всё тянется к жизни, как и наш народ. Уж в очень непростых условиях ему приходится пробивать себе дорогу в жизнь, но он всё же живёт... и будет жить!

Стараясь отвлечь друзей от профессиональных разговоров, Карен Григорьевич заявил:

– А я сейчас, честное слово, тоже проведу показательную операцию, но не медицинскую, а кулинарную. Пройдите к столу, друзья! Прошу вас!

Все последовали за хозяином к столу в дальний угол сада и расположились в обширной беседке. Польша и Антуанетта поразились: и здесь было царство камня. Угол сада образовывался из двух каменных стен, сходящихся в этом месте под прямым углом. Одна из скамеек возле беседки была каменная. Огромный камень (возможно, гранит) лежал на земле просто так, и было непонятно: то ли это его естественное место и он лежит здесь миллионы лет, то ли его сюда перетащили из декоративных соображений.

Хозяин разлил в большие чашки холодное мацони.

– Лучше нет после коньяка и хоровоца – выпить в такую жару холодного мацони. Пейте, гости дорогие!..

– Чего это вы, дорогой Карен Григорьевич, нас на мацони переводите? Я ещё своего слова не сказал!

– Прости, дорогой, – сказал Карен Григорьевич, открывая бутылку коньяка и разливая его в рюмки. – Виноват!

Профессор Симонян, который выражал какое-то нетерпение при произнесении очередного тоста, посвящённого Армении, сказал, обращаясь к гостям из Франции:

– Уважаемые! Вы не должны придавать особого значения нашим словам о величии армянской нации. Нас очень часто кидает то в одну, то в другую крайность, потому что жизнь наша бедна событиями, дающими поводы к восторгам. Уж очень трагична история нашего народа! Но одно я могу сказать вам точно: коньяк у нас действительно – лучший в мире!

– Что он говорит, любовь моя? – шёпотом спросил Поль у Антуанетты. Та поспешно перевела сказанное. Поль кивнул: да, конечно, конечно. Сказал:

– Насчёт коньяка – вполне допускаю. Я бы даже зая-

Хороваца – Шашлыка

вил так: охотно допускаю. Так же, как и насчёт воды или хлеба. А может, даже и шашлыка. – Дождавшись, когда Антуанетта переведёт его слова, за которыми последовали аплодисменты, Поль продолжал. – И нет народов, которые бы считали себя хуже других. Но есть такие, которые позволяют себе судить, кто лучше, а кто хуже. Это, на мой взгляд, неправомерно. С другой стороны, и хвалить себя уж очень тоже не следует. Пусть это скажут другие! Важно уметь посмеиваться над собой. Это – прекрасное качество любого народа... да и человека тоже! Я рад, что века проходят, а армянский народ живёт, борется... Он и будет жить, раз есть у него силы не только говорить о себе хорошее, но и смеяться над своими недостатками... и исправлять их! Я имею честь принадлежать к французскому народу, вы – к армянскому. Давайте выпьем за то, чтобы между нашими народами всегда были дружеские отношения.

– Вай! Как он говорит! Вы только послушайте, как он говорит, честное слово! – воскликнул Карен Григорьевич. – Учитесь, честное слово!

Речь Поля растрогала друзей. Даже Антуанетта не ожидала от супруга такого красноречия.

– А вы знаете, – сказала она, когда наступила тишина. – Мы ведь с Полем тоже имеем кое-какое отношение к армянской истории... И привезли сюда не только книгу о том, как вживлять

сердечные клапаны...

...Слова Антуанетты о том, что они привезли с собой в Армению рукописи самого Комитаса, не просто удивили и заставили присутствующих усомниться в реальности происходящего. Они вызвали шок. Все замолчали, уставившись на гостью из Франции, ожидая продолжения.

23. – Так вы говорите, харгели Антуанетта-джан, что являетесь потомком людей, которые сопровождали Комитаса в Европу на лечение и у вас есть какие-то тетради великого Вардапета? – переспросил не поверивший в то, что правильно понял её слова вспотевший Карен Григорьевич. В горах вечером быстро наступает прохлада, но Адамян достал платок и стал вытирать свой сократовский лоб.

– Да, – улыбнулась Антуанетта. – Моя прабабушка была дочерью издателя Комитаса...

– Нет, нет, молчите! – вскричал Карен Григорьевич. – Несколько минут, честное слово! Я сейчас сюда приглашу своего приятеля, профессора консерватории...

Из глубин кармана толстяк достал мобильный телефон и набрал номер. Говорил он по-армянски, и Антуанетта по его возбуждённой речи поняла: его собеседник бросит все дела и примчится сюда, чтобы самому всё услышать.

Так и произошло. Через двадцать минут появился высокий, худой и несколько сутулый мужчина с кокетливыми усиками и галстуком-бабочкой.

– Барэв, барэв дзэз!

– О! Это тот, кого мы ждали! Разрешите представить: мой друг, профессор нашей консерватории Арсен Абрамян. Мне очень хотелось бы, чтобы он услышал рассказ уважаемой Антуанетты. К сожалению, этот человек не удосужился выучить русский. По болезни он даже в армии не служил! А общается с миром, честное слово, или по-армянски, или с помощью своего искусства. Поэтому, если позволите, я буду исполнять роль переводчика. А теперь, любезная сирели Антуанетта-джан, прошу вас, расскажите нам свою историю!

– Моя прабабушка была дочерью издателя Комитаса. Варда-

пета и арестовали в доме моего прапрадедушки. А прабабушку спас прадедушка. Он был немецким журналистом. Когда после тех ужасов вернулся в Стамбул больной Вардапет, они и увезли его в Париж. Там его поместили в больницу, навещали, как могли, помогали... А потом, перед кончиной, он передал прабабушке и дедушке тетради. Просил сохранить и передать их в Армению. К сожалению, исполнить его волю мы смогли только сейчас...

– П-п-просто фантастика какая-то! – воскликнул тощий музыкант. – Мы точно знаем, с к-к-кем возвращался Комитас после депор- депортации. Кто его лечил. Кто б-б-был его издателем... Так, значит, вы – п-п-потомок того самого Кечана?!

Карен Григорьевич переводил взволнованную речь приятеля.

– Не очень понимаю, что вас так удивляет, – сказала Антуанетта, думая, что профессор ставит под сомнение её рассказ.

– Ну что вы, ува-а-а-жаемая! – Профессор от волнения даже стал заикаться. – Я просто никак не могу п-п-поверить в такое счастье! Комитас для нас – не п-п-просто композитор, чья слава распространилась в Европе. Комитас для нас...

– И вы, мадам, знаете содержание этих рукописей? – спросил профессор Абрамян.

– Знаем, конечно, – ответила Антуанетта. – Нам сделали перевод.

Профессор Симонян сказал:

– Вы знаете, мы – маленький народ. Если встречаются два армянина, они непременно вычисляют степень родства. Я вот сейчас сижу и думаю: а кто у меня в роду мог доводиться родственником Комитасу?

Карен Григорьевич рассмеялся.

– Тер аствац! Почему у тебя одного, честное слово? Ты что, здесь самый главный? Наверно, и у меня тоже кто-то был, честное слово...

Кавказские народы очень трепетно относятся к родству. Там, где европейцы начинают путаться, кавказцы прекрасно знают свою родню во многих поколениях. Они наследуют приязнь или неприязнь к другому роду, гордятся подвигами предков, как своими собственными, или стесняются недостойного поступка их.

– Все люди – братья, – резюмировал мудрый Вартанян.

Все рассмеялись, а Поль заметил:

Тер аствац! – Боже мой!

– Успокойтесь, друзья: мы все друг другу родственники! Где-то я читал строки, которые по-французски звучат красиво, а как это будет звучать по-русски, не знаю, но смысл такой:

*Родство определяют не по крови,
Ни цвет волос, ни нос, ни рот, ни брови –
Не утверждают на земле родных.
Моё святое убеждение, –
Оно лишь по мировоззрению
Всех делит на своих и на чужих!*

– Вах, дорогой месье Лежар! Как это правильно! Как это справедливо! Все мы – люди! Все мы – родственники, так как имеем одних прародителей! Я правильно говорю? Вах! Как это правильно!

Профессор консерватории Абрамян так и не мог сказать, кем для них является Комитас. Он суетился, куда-то звонил, в чём-то кого-то темпераментно убеждал. Очевидно, ему не верили, но тощий музыкант так кричал в трубку, что, кажется, убедил коллегу.

Потом он просительно взглянул на Карена Григорьевича:

– П-п-переведи, п-п-пожалуйста! Я только что говорил с ректором консерватории. За-за-заканчивается сессия. Хотелось бы, чтобы передача тетрадей Вардапета прошла в торжественной обстановке. Спроси, сможет ли у-у-уважаемая Антуанетта завтра прийти в консерваторию часам к двум. Ованес ска-ска-сказал, что такое мероприятие нельзя проводить без министра. Вот он теперь и бу-будет всех обзванивать!

– А где всё это будет происходить?

– Вах! В актовом зале консерватории! Где же ещё?

Антуанетта кивнула.

– Хорошо. Я приду...

– За вами в гостиницу придёт машина...

– Стоит ли беспокоиться? Консерватория ведь рядом!

– Ну, что вы, честное слово! Нельзя так запросто носить тетради Комитаса – предмет гордости народа!

Было часов одиннадцать, когда гости стали расходиться. Завтра предстоял тяжёлый день. Начинался конгресс...

Самсон подвёз Поля и Антуанетту к гостинице и попрощался.

Идти в номер не хотелось, и они ещё долго бродили по городу, заглянули в ночной клуб «Hollywood», но вскоре ушли. Громкие, усиленные мощными динамиками звуки слушать не хотелось.

– И всё же, любовь моя, у нас девушки более раскрепощены... – сказал Поль, глядя на красотку, стоящую у входа.

– Ты должен учитывать: это, что ни говори, Восток!

– Восток, – согласился Поль и обнял жену. – И цивилизация здесь своеобразная. Например, этот культ мобильных телефонов. Все говорят по телефону: в метро, на улице, в магазине... Нужно, не нужно... И звонки – совсем не звонки, а громкая музыка: классическая, рок, металл, какие-то мычания, вопли, крики...

– Ужас какой-то, – согласилась Антуанетта. – Особенно когда всюду громко играют эти мобильники. Вот этого, пожалуй, у нас не услышишь...

По дороге вдруг возник сверкающий иллюминацией салон красоты «Софи». Антуанетта улыбнулась:

– У нас таких больше. Впрочем, здесь они и не нужны. Девушки и без них, как на рекламных щитах!

– Кстати, салон-то носит имя твоей бабушки, любовь моя! Бабушка у тебя красивой была!

– И мама, и Софи была необыкновенно красивыми. Помню, в детстве я смотрела с родителями фильм «Мужчина и женщина». Я ничего не поняла, но обратила внимание, что мама была очень похожа на артистку Анук Эме.

На следующий день Поль надел парадный костюм и поехал в институт. За ним прислали машину.

Антуанетта, расположившись на диване, и думала о книге, которую собиралась написать. Подумалось, что кульминацией могла бы быть трагедия её отца. А началом? А началом – трагедия армянского народа. Да, конечно, начинать нужно именно с того времени. Это должно быть не журналистское расследование, не простое перечисление документов. Может, сага? Именно, сага об их роде! О том, что пришлось перенести прабабушке и прадедушке, об

их чудесном спасении... Потом о дедушке и бабушке... Их участие в Соппротивлении... Рассказать о судьбе Комитаса... о трагедии родителей бабушки, погибших в душегубке...

Она подошла к ноутбуку. В его памяти были уже собраны материалы её будущей книги. Включила и стала читать. Потом снова улеглась на диван, продолжая думать о давно прошедшем. И забылась. И сразу же увидела картину, которая уже много раз возникала перед её мысленным взором.

По пыльным дорогам шли колонны женщин и детей. Бесконечная река депортированных текла в Алеппо, откуда немногих выживших отправляли умирать в пустыни Сирии...

В мире уже знали о массовой резне армян. Звонили колокола, призывая народ к оружию...

Потом вдруг возникло видение: Прапрабабушка Ануш тяжело привыкала к жизни в Париже, к вольным его нравам, к громкому открытому смеху на улицах и в кафе, к проявлениям нежности на людях.

Генрих старался не торопить жену, терпеливо рассказывал о том, что считается здесь приличным и что совершенно невысказуемо в Стамбуле.

Многие сотрудницы газеты с сожалением смотрели на шефа и многозначительно улыбались: «Ты давно уже не на Востоке! Проснись!». Но Генрих только улыбался в ответ.

Какого труда стоило Генриху уговорить Ануш поехать в Канны, позагорать на пляже, понежиться на солнышке! Но когда они вернулись в Париж, Ануш оттаила, размягчилась, как воск под лучами летнего солнца. И речь её стала меньше выдавать в ней иностранку. На Лазурном Берегу с ней произошло нечто такое, что навсегда сделало её современной европейской женщиной.

Она уже свободно читала на французском, интересовалась событиями в мире и воспитывала Мишеля. Искрящиеся чёрные глаза, кудрявые смольные волосы, нос с горбинкой и розовые щёки отличали его от

местных ребятишек. Но даже зная, что в его жилах течёт и армянская кровь, он никогда не отделял себя от французов. Это был его народ. При этом он всегда интересовался своими армянскими корнями. Внимательно слушал рассказы матери о своём дедушке, которого никогда не видел.

Потом Антуанета увидела бабушку Софи. Она рассказывала о том, как во время войны была знакома с удивительной женщиной, которая не скрывала, что родила своего малыша «за буханку хлеба». Мужчина купил её, расплатившись буханкой... Страшное было время. А сын вырос красивым и хорошим парнем... Эта женщина никогда не унывала, ко всему в жизни относилась иронически. Жила легко и погибла легко. В самом конце войны, перед освобождением Парижа. В отряде её звали рыжей ведьмой. Отчаянной смелости была...

– К чему это ты? – спросила во сне Антуанетта.

– Не знаю... Так... воспоминания. Может, и пригодятся тебе. Моему братику Вениамину было тринадцать, когда его вместе с родителями затолкали в душегубку... А какой он был славный, как он хорошо уже играл на скрипочке! Его все дразнили маменькиным сыночком, и он страшно переживал. И когда играл, иногда плакал. Его спрашивали: «Чего ты плачешь, Веня?» А он отвечал сквозь слёзы: «Вы всё равно ничего не поймёте! Разве вы не слышите, что я играю?!».

Антуанетта вдруг увидела себя в той душегубке. Людей набилось как сельдей в бочке. Можно было только стоять, тесно прижавшись друг к другу. Веня ещё не понимал, что едет к своей последней станции. Всё жалел, что дома оставил скрипочку, и плакал... Какому-то мужчине стало плохо. Навалился на старушку всей тяжестью и медленно сползал вниз.

Видения плелись и плелись...

Разбудил Антуанетту телефонный звонок.

«Боже мой, – подумала Антуанетта, вспоминая сон, – я не смогу это описать! А ведь без этой дороги смерти не передать ужаса происходящего!».

Приятный женский голос предупредил, что за ней послана машина. Она взглянула на часы и стала собираться. Через полчаса достала тетради Комитаса, завёрнутые в аккуратный пакет, взглянула на себя в зеркало и вышла из номера.

У входа в консерваторию её встречал ректор с букетом роз.

– Мадам Лежар? Спасибо, что приехали. Разрешите представиться: Ованес Сергеевич Эдгарян.

– Здравствуйте, Ованес Сергеевич. Такое внимание к моей персоне...

– Это вы напрасно! Вы не представляете, что означает для нашего народа Комитас! Впрочем, вы это сами увидите.

Они поднялись в большой конференц-зал. Как только вошли, раздались дружные аплодисменты.

Антуанетта увидела профессора музыки, с которым познакомилась вчера на даче. Она кивнула ему, и тот гордо заулыбался, как будто, по меньшей мере, с ним поздоровалась сама королева.

Ректор прошёл к трибуне и стал говорить о взаимопроникновении культур, о значении сохранения памятников... Прочитировал Рубена Севака:

*Надгробья наши вечным сном залиты,
А надписи на них «Здесь погребён...»,
Истоптанные тысячью племён,
Который век не покидают плиты...*

В президиуме рядом с Антуанеттой сидел министр культуры республики. Он внимательно слушал Ованеса Сергеевича, а потом, наклонившись к Антуанетте, произнёс по-французски:

– Это теперь надолго... Вот уж любит выступать!

– Я говорю по-русски. А то, что любит поговорить, так значит, не дают ему выговориться. Давайте ему чаще выступать!

– Ну, что вы, мадам, – переходя на русский, сказал, улыбаясь, сосед. – В нашем министерстве на каждом совещании Ованес Сергеевич выступает не менее часа. И обижается, если вдруг его прерывают. Последнее время я просто его не приглашаю на совещания. Хорошо, если он не станет говорить о великом значении гармонии в демократическом обществе!..

Антуанетта прислушалась.

– Теперь о растрате культурного капитала. Восторженные вопли интеллектуальных недоносков на рок-концертах! А у наших композиторов, где главное в их музыке, – чтобы не так, как у всех, не так, как у классиков. Конечно, есть и высокое, подлинное искусство. Есть и новаторы. Вспомните хотя бы наших выдающихся мастеров Арама Хачатуряна или Микаэла Таривердиева! Но не в такое искусство вкладывают капиталы. Разве всё обстоит не так?

Ованес Сергеевич победоносно посмотрел в зал, бросил взгляд на министра и вдруг скомкал речь:

– Сегодня мы с вами присутствуем при знаменательном событии. Совершенно неожиданно из далёкой Франции привезли тетради нашего великого Комитаса! Вот кто был настоящим художником, знатоком и собирателем народных песен! Никто о его тетрадях не знал. Привезла их сюда прямой потомок Кечана, большого друга и издателя Вардапета – мадам Антуанетта Лежар.

Аплодисменты заглушили слова ректора.

Антуанетта поняла: именно сейчас и нужно передать эти тетради. Она достала пакет и передала его ректору.

Ованес Сергеевич аккуратно вскрыл пакет и продемонстрировал три общие тетради с пожелтевшими листками. Потом охотно позировал телевизионщикам и фотокорреспондентам.

Аплодисменты не смолкали несколько минут.

Потом Ованес Сергеевич попросил Антуанетту рассказать, как эти тетради оказались у неё.

Антуанетта кратко пересказала историю, уже хорошо известную читателю.

И снова аплодисменты, восклицания, восторги...

...Когда, наконец, зал опустел, министр сказал Ованесу Сергеевичу:

– Тетради Комитаса необходимо передать туда, где хранятся все государственные реликвии и оформить этот дар, как положено. Вы, надеюсь, это понимаете? У вас даже нет условий для их хранения.

Ректор с сожалением посмотрел, как уплывают из его рук тетради Комитаса. Но что он мог возразить?

– Уважаемая госпожа Лежар! – продолжал министр. – Я вас приглашаю к нам в министерство...

– Зачем? Тетради я уже передала...

– Не откажите, пожалуйста! Наш Председатель Национального Собрания Артём Багдарян хотел лично вас поприветствовать и поблагодарить. Это займёт немного времени. Будет небольшой фуршет...

– Вы мастер уговаривать!..

В министерстве их уже ждали. В небольшом зале заседаний, казалось, набилось народу больше, чем он мог вместить, так что министру, ректору консерватории, профессору Абрамяну и Антуанетте пришлось пробираться по проходу, заполненному людьми. Все хотели видеть это чудо – тетради, о которых никто не знал!

Вскоре в зал вошёл крупный седой мужчина, с большим мясистым носом и усталыми глазами. Люди в проходе почтительно расступались, давая ему пройти. Он поздоровался за руку с министром, ректором консерватории и ласково взглянул на Антуанетту.

– Госпожа Лежар, – обратился к ней министр, – позвольте вам представить нашего Артёма Багдаряна, Председателя Национального Собрания Армении.

Седовласый усталый Председатель ещё раз взглянул на Антуанетту и, целуя ей руку, сказал:

– Мадам, вы не представляете себе, что сделали для нашего народа. Позвольте от его имени, от всех нас сердечно поблагодарить вас за это.

Присутствующие заплодировали, а Багдарян хорошо поставленным голосом продолжал так, чтобы его слышали все присутствующие:

– Художественное осмысление истории, её значения – характерная примета нашего времени. Это пронизывает сегодня творчество многих художников. Великий Комитас был выдающимся представителем армянского народа. Его индивидуальные качества, страсти, внутренние противоречия окрасили целую эпоху, придавая ей трагизм и героизм, убеждённую веру в торжество справедливости.

Председатель Национального Собрания был великолепным оратором. Казалось, он сам получал удовольствие от своей речи. Иногда он на мгновение замолкал, оглядывая восторженных слушателей в зале и громким голосом продолжал:

– История жизни и творчества великого Вардапета, как яркий пример трагедии народа, а правильнее сказать, народов, так как геноцид чужим не бывает, – может быть темой не только научного исследования, но и художественного осмысления. И вообще – тема геноцида, его осуждение, призыв к миру и любви – разве это не те самые нравственные принципы, которые написаны на знамени всех религий мира?

В фигуре Комитаса воплощены собирательные черты нашего древнего народа, его духовные силы, духовный подвиг на его тяжком пути. Облик его открывает завесу времени, призывает к высокой нравственности и чистоте. Он – связующее звено времён. Его значение в истории Армении всегда было очень велико.

Председатель национального собрания устало замолк на мгновение, а потом, обращаясь уже не к Антуанетте, а к сотрудникам министерства и непосредственно к министру, продолжал:

– Вы должны отразить лучшие черты тех, кто оставил стране богатейшее духовное, культурное наследие. Ведь на протяжении многих столетий именно такие люди несли в Армении примеры высокой нравственности, культуры и науки. Образ великого Комитаса дорог нам вовсе не потому, что он служил в монастыре, носил чёрное церковное одеяние с прикрывающим голову капюшоном и был с бородой. Он – образец чистоты помыслов и глубокой веры в свой народ. Наверное, когда-нибудь, поняв это, мы сможем ответить, откуда и куда мы идём, откуда и куда вернёмся...

Великий Комитас призывает нас не только к терпению, но и к движению вперёд. Нам нужно ощутить бремя бытия и бремя ожиданий... И, словно перелистав воспоминания, увидеть лица и услышать голоса прошлого.

Артём Багдарян подошёл к Антуанетте и обращался уже непосредственно к ней.

– Вы, уважаемая мадам Лежар, уже сделали очень много для нашего народа. Как мне стало известно, вы собираете материал для книги, где будет отражена и трагическая судьба Комитаса. Мы вам желаем успехов, и если вдруг у вас возникнет какая-нибудь потребность при работе над этим произведением, мы сделаем всё, чтобы помочь вам всем, чем можем. Вардапет был воплощением терпимости и обаяния. И я рад, что нам довелось познакомиться с потомком близкого друга нашего Комитаса, с вами, мадам Лежар. Я

счастлив, что стал свидетелем возвращения национальных реликвий в нашу страну. Рад, что был счастливый повод ещё раз поговорить о великом Комитасе, гордости нашего народа... Его тетради после тщательного изучения нашими учёными и реставрации, безусловно, по достоинству займут место в культурной сокровищнице Армении. Они будут экспонироваться на выставках, изучаться, и мы никогда не забудем, что эти национальные святыни вернули нашему народу вы, уважаемая мадам Лежар. Позвольте ещё раз вас поблагодарить и предложить всем присутствующим выпить за мадам Лежар!

Какая-то женщина протиснулась к Антуанетте и вручила ей большой букет белых роз. Раздались аплодисменты.

После фуршета Антуанетту повели в музей. Министр в сопровождении нескольких сотрудников долго показывал гостье экспонаты, рассказывал о драгоценных реликвиях, хранящихся здесь. История Армении как бы оживала. Из глубины веков возникали всё новые и новые подробности, поражавшие воображение и производившие впечатление чего-то необъяснимого.

Ректор консерватории и тощий профессор музыки тоже что-то говорили Антуанетте, и ей казалось, что это никогда не кончится. Она устала, и ей хотелось скорее уехать в гостиницу.

– Всё это так удивительно, – сказала Антуанетта. – Так непохоже на то, что я знаю по курсу истории других стран. Я думаю, что и я смогу внести свою лепту в изучение вашей истории. Действительно, я сейчас работаю над книгой. Но не об Армении, а о трагических событиях двадцатого века. Так получилось, что побоище, устроенное младотурками, оказалось знаковым событием. С него и начались все беды прошлого века. По моей мысли, если бы человечество вовремя пресекло эти безумства, дало бы им должную оценку, то не было бы тогда ужасов, что обрушились на людей в минувшем столетии. Армении отводится в истории человечества особая, хотя и печальная роль.

– Печальная – это да, – сказал Ованес Сергеевич. – Есть мнение, что армяне вообще народ очень угрюмый и вся их судьба – сплошные неприятности, потому что мы ни для чего другого и не рождены. И мелодии наших песен, словно плач матерей...

Абрамян подтвердил:

– Да, такое мнение есть, но это не значит, что оно правильное.

Министр и ректор, вдруг забыв о том, для чего собрались, устроили маленькую перепалку на армянском языке. Поймав на себе удивлённый взгляд гостыи, тотчас же спохватились.

– Извините, – сказал министр. – Мы тут посовещались с Ованесом Сергеевичем, – он смутился при этих словах и, достав платок, вытер лицо. – Мы хотим вам кое-что предложить...

Он многозначительно взглянул на Ованеса Сергеевича, стоявшего рядом и чем-то смущённого, и продолжал:

– Мы хотим вам предложить...

Министр никак не мог высказать, что же такое они с ректором хотели ей предложить, и тогда, нарушая законы кавказского этикета, Антуанетта спросила напрямик:

– Вы хотите мне сообщить что-то необычное, я правильно вас поняла?

Профессор Эдгарян сказал:

– Вы знаете, мы тут, в Армении, очень любим соблюдать наши традиции, но и оригинальность тоже любим. Мы хотим вам порекомендовать человека, который думает не совсем так, как мы. У него свой взгляд и на нашу историю, и на страну... Многие считают этого человека не совсем нормальным, но есть и такие, которые говорят, что он гений, а гениям многое прощительно. Нам показалось: коль скоро вы собираетесь писать книгу, вам будет небезынтересно поговорить с академиком Манукяном.

Профессор Абрамян вскинул брови, изобразил на лице сомнение, но при этом кивнул. Антуанетта не знала, что и думать, хорошо это или плохо, что такой человек существует. Кто-то из окружающих сказал:

– Ты, Ованес, договаривай до конца. Мы его считаем ненормальным, а он убеждён, что он нормален, а чокнутые – это мы все, потому что мы не понимаем его теорий.

– А какие у него теории? – оживилась Антуанетта.

Министр замахал руками:

– О, это слишком долго рассказывать. Поезжайте-ка лучше и познакомьтесь и с ним и с его взглядами. Думаю, для вас это будет очень интересно. Вы, Ованес Сергеевич, организуйте эту экскурсию для нашей гостыи. Как мне помнится, вы в одной школе учились... А что если он и в самом деле прав? Мы тут все походили с ума, а только он один знает правду.

– Такого не бывает, – сказал кто-то, – чтобы все шли не в ногу, а один бы шёл в ногу.

– Бывает, бывает, – устало отмахнулся министр. – Всякое бывает.

24. На другое утро Антуанетта отправилась вместе с ректором консерватории и профессором Абрамяном в Раздан, где обитал этот странный академик Манукян. Они долго ехали по извилистым горным дорогам. Необыкновенной красоты горы и глубокие ущелья кружили в окне ректорской «Волги». Раннее утреннее солнце превращало асфальт в голубую речку. В ней отражались тени огромных сосен и стройных грабов, словно часовых стоящих вдоль дороги. Мимо куда-то торопились горы и чабаны со своими отарами, грозные скалы, возникавшие вдруг на пути, отдельные домики, шашлычные, автозаправки...

Наконец, машина въехала в Раздан и вскоре остановилась возле старинного каменного дома. Чтобы в него попасть, нужно было подняться по крутой узкой улочке на самый верх, откуда каменные плиты так же круто спускались вниз к трассе, ведущей из Еревана к озеру Севан.

Абрамян принялся неистово колотить в деревянные ворота.

– Манукян не любит достижений современной техники, – пояснил Ованес Сергеевич, – и отрицательно относится к электрическим звонкам. Говорит, что самый лучший звонок – это лай его собаки.

И в самом деле: на стук тотчас же отозвалась огромная кавказская овчарка, бросившаяся к воротам. Она передними лапами толкала калитку, неистово лая и рыча. Казалось, этих её наскоков запоры не выдержат. Антуанетта с ужасом смотрела сквозь щели на страшное животное.

Из-за забора послышался мужской голос.

Абрамян ответил по-армянски и только тогда перестал стучать.

– Только вы ему скажите, чтобы он убрал собаку! – попросила Антуанетта, и Ованес Сергеевич перевёл её просьбу Абрамяну.

– Уберёт, уберёт, он ведь не злой, хотя и всё время бранится.

Калитка открылась, и к ним вышел пожилой человек – квадратный, низкорослый и с короткими ногами. Увидев Абрамяна,

человек что-то недовольно прорычал по-армянски, а Ованес Сергеевич ответил ему по-русски:

– Сколько можно! Мадам не понимает по-армянски. Она говорит только по-русски или по-французски, так что изволь вести себя прилично и говорить впредь на понятном для неё языке.

Повернувшись к Антуанетте, Ованес Сергеевич сказал по-русски:

– Позвольте представить вам академика Манукяна. Тигран Артурович Манукян.

– Здравствуйте, – примирительно сказал квадратный корытшка. – Сейчас я уберу собаку.

Он схватил за ошейник пса и поволок его за угол, где и запер на заднем дворике. Вернувшись к гостям, пригласил пройти.

– Осторожно, здесь ступеньки!

Зайдя в захламлённый дворик, нужно было подняться по полусгнившим от времени деревянным ступеням на балкон, опоясывающий дом, на который и выходила дверь квартиры, и только после этого войти в ничем не примечательную келью.

«Странно. И здесь живёт академик? – подумала Антуанетта. – Может, он такой же академик, как я – королева?»

– Сейчас всё сами увидите, – шепнул ректор Антуанетте.

Они прошли через тёмный коридор в большую светлую комнату.

– Садитесь, располагайтесь, – Манукян указал на старенький кожаный диван и стулья, стоящие у круглого стола посередине комнаты.

Ованес Сергеевич предложил Антуанетте стул и сам уселся рядом. Тощий профессор Абрамян скромно примостился на диване.

– Мне уже звонил этот индюк Багдарян. Впрочем, сравнение страдает неточностью. Скорее, он похож на павлина. Распускает хвост и сам лобуется произведенным впечатлением. Но то, что он мне сказал... То, что мне он сказал, многое прощает...

Антуанетта с изумлением оглядывалась по сторонам: в комнате было почти пусто. Беленые стены и потолок, деревянный крашенный пол, стол посередине да вот этот диван. И это всё. Если не считать красивого горного вида, который открывался из окна, да фотографии академика Амбарцумяна.

– Чай или кофе? Неужели это действительно правда? Фанта-

стика!

Ованес Сергеевич, оглянувшись на Антуанетту, сказал:

– Нам кофе. Твоего приготовления, разумеется.

Арсен Абрамян что-то сказал по-армянски.

– А другого у меня не бывает, – огрызнулся Манукян.

– Ты им пока библиотеку свою покажи! – попросил по-армянски Абрамян.

– Какая там библиотека! Впрочем, можете прямо сейчас пойти посмотреть её, пока я буду варить кофе.

Антуанетта с удивлением переводила взгляд с одного мужчины на другого: то ли это заклятые враги, которые лишь с трудом удерживаются от приступа ярости, то ли друзья, которые просто не в духе.

– Мы так и сделаем, – ответил Ованес Сергеевич. С этими словами он встал со стула и увлёк за собой Антуанетту в соседнюю комнату.

Деревянная дверь из простых досок и кольцо вместо нормальной ручки. А за дверью!.. Это было длинное помещение, что-то вроде коридора с окном в самом конце.

– Свет в конце туннеля, – пошутил ректор, указывая на это окно. Вдоль стен стояли грубые деревянные стеллажи с книгами от пола до потолка. Слева и справа.

– И это всё на армянском языке? – удивилась Антуанетта.

– Не всё. Далеко не всё. Тигран – полиглот. Читает и на турецком, и на персидском. Он знает грузинский и азербайджанский. А если вы с ним заговорите на французском, то он вам на французском же и ответит. Память у него безразмерная. Компьютер, а не голова! Сколько туда ни положишь, он всё запоминает. И не только языки, но и всякое другое. И честно вам скажу, – Ованес Сергеевич перешёл на полушёпот: – по-моему, он туда много хламу понакидал. Голова у него забита иногда не поймёшь чем. А из-за этого у людей и возникают сомнения, – он выразительно покрутил пальцами возле своего виска.

Антуанетта взяла с полки толстую книгу в чёрном кожаном переплёте с большим крестом на обложке. Полистала.

– Библия, – сказала она. – На итальянском языке. Он и итальянский знает?

– Ну, если он знает французский, то итальянский просто грех

не знать. Это я, несчастный бездельник, не знаю итальянского, хотя мне, музыканту, знать итальянский было бы неплохо. А он знает!

– А это что-то математическое, – сказала Антуанетта. – И сама не пойму, на каком языке.

Ованес Сергеевич взял в руки книгу, придирчиво полистал страницы и сказал:

– Возможно, на албанском? Мы его потом спросим.

Когда они вернулись в гостиную, там уже на столе была послана скатерть и стояли чашечки с ароматным кофе. Тонкими ломтиками была нарезана брынза. Глиняный кувшин со сливками, сахар-рафинад. Свежий лаваш.

– Угощайтесь, – сказал Манукян. Повернувшись к Антуанетте, добавил: – Вам там, наверно, порассказали про меня Бог знает что! Живёт, мол, на отшибе, ничего ему не нужно, ни с кем, кроме соседей, не общается... Отшельник. Это тощий Арсен приклеил мне кличку. Впрочем, я не обижаюсь на него. Мы с ним – школьные товарищи. За одной партой в школе сидели! Только он ни одной книжки за свою жизнь так и не прочитал. Лабух и есть лабух. В школе у нас организовал оркестр. Но всё же выбился в профессора! Это меня очень тогда потешало! Арсен – и профессор! Впрочем, он очень хороший товарищ, и говорю я так, во-первых, потому, что его люблю, а во-вторых, потому что он всё равно ни черта не понимает по-русски! Это ж надо! Профессор! А на его «отшельника» я не обижаюсь, хоть это и не совсем так. С нашими академиками у меня, в самом деле, общаться нет никакого желания. А от простых людей я никогда не прятался. Если бы мне была дана вторая жизнь, я бы ни за что не согласился стать академиком. Пошёл бы в плотники. Или в каменщики. У меня всегда были способности по этой части. Я руками люблю работать. Могу и в земле ковыряться, могу и с железом дело иметь. Книги писать – дело не хитрое, если, конечно, знаешь, о чём писать. А ты попробуй виноград хороший вырастить! Или хлеб вкусный испечь.

– Ты нам зубы не заговаривай, – прервал его Ованес Сергеевич. – Слышал я все эти твои речи уже миллион раз. Наша гостья приехала сюда из Франции, привезла нам рукописи Комитаса, которые у неё там хранились, а теперь хочет узнать что-то о нашей стране, о том, чем отличаются твои взгляды от общепринятых. А ты нам опять – свои старые сказки рассказываешь. Слышал я их уже!

Расскажи что-нибудь новенькое!

– Ну да, – ухмыльнулся Манукян. – Старые сказки на грустный мотив хором запел комсомольский актив! Так, кажется, ты писал в нашей школьной газете? – Потом, повернувшись к Антуанетте, пояснил: – И Ованес тоже учился в нашей школе. Правда, года на три был младше. Но активным был комсомольцем. Куда там! Всегда в начальники стремился... – Антуанетте показалось, что после такого резкого высказывания Ованес Сергеевич непременно должен будет вцепиться в Манукяна, но, к её удивлению, ничего подобного не случилось. Ованес Сергеевич остался невозмутимым. А академик спросил:

– Вы и в самом деле имеете какое-то отношение к нашему Комитасу?

Антуанетта коротко рассказала о тех обстоятельствах, из-за которых она оказалась причастна к наследию великого сына армянского народа.

Потом, когда кофе был выпит, все вышли на большую веранду, где расположились в старых плетёных креслах. Как оказалось, Отшельник больше всего проводил время именно на этой веранде. Она была и его рабочим кабинетом, и зоной отдыха, и местом, где он предавался размышлениям. Веранда была увита виноградными лозами и смотрела на высокую гору.

– Качал Сар, – Лысая гора, – сказал он, проследив взгляд Антуанетты. – Никого на той горе нет, ничто там не растёт. Только красные камни да скудная выгоревшая трава. Правда, иногда забредают горные козлы да дикие овцы. Но они не очень отвлекают меня.

Он замолчал, разглядывая давно знакомый пейзаж. Потом сказал задумчиво:

– Да, это поразительно: как всё в этой жизни странно переплетено. И чем же я могу вам помочь? Рукописи уже переданы, эксперты у нас умные есть. Ещё не перевелись, – при этих словах он почему-то гневно посмотрел на Ованеса Сергеевича, как будто тот ему возражал. – Бумаги проштудируют, опубликуют... Пусть читают люди.

Эдгарян сказал:

– Умные ты вещи говоришь, Тигран! Послушаешь тебя, послушаешь, и ни за что не скажешь, что ты в нашей академии первый

смутьян и задира!

Манукян в ответ только рассмеялся, а Ованес Сергеевич продолжал, обращаясь уже к Антуанетте:

– Вы не поверите, но ведь он, когда отстаивает свою идею, может бросаться на людей с кулаками!

Манукян усмехнулся. Ованес Сергеевич продолжал:

– Я понимаю: бывают люди, которым хочется иногда врезать, но не до такой же степени...

Академик, ласково взглянув на Антуанетту, спросил ещё раз:

– Я хотел бы быть вам полезен. Скажите чем? Ведь вы же пришли сюда не для того, чтобы смотреть на эту пустую комнату или на мою скромную персону. Вы хотите от меня что-то узнать?

Антуанетта рассказала о своём замысле написать книгу и о том, какую особую роль она отводит трагедии армянского народа.

– И вы хотите, чтобы я как-то прокомментировал ваш замысел?

– И это тоже, – сказала Антуанетта. – Особенно интересно мне было бы узнать ваше мнение о месте армянского народа в истории.

– Ну что же, я скажу. О месте в истории – всем всё давно известно. Древний народ, первыми приняли христианство в качестве государственной религии, несправедливо пострадали от турок. Это всем известно. Это, как сказал бы Солженицын, общий поклон. Но вы знаете, какие страшные недуги гложут армянскую нацию?

– Понятия не имею, – Антуанетта с удивлением оглянулась на присутствующих, как бы ища у них защиты от такого предположения, что армянская нация, мол, страдает какими-то недугами.

Ректор сидел нахмурившись и ничего не говорил.

– Разобщение и разбросанность! Мы говорим на разных диалектах. Порой не можем друг друга понять. А если вдруг возникнет общая опасность, как тогда такие люди могут сплотиться? Евреи, те придумали сионистскую идею и собрали народ у горы Сиона. А нам где собраться? Арарат – турецкий...

Ованес Сергеевич возразил:

– Зачем сплачиваться армянам, живущим в Индии и живущим в Болгарии? И какой у них может быть общий враг? Ну, живут себе – вот и пусть живут! Вечно ты всё драматизируешь, Тигран!

– Так может рассуждать только музыкант! Ещё немного, и в

Армении никого не останется. Страну покидают молодые. Не могут найти работу! Тогда не только Карабах, – Ереван мы не сможем защитить! Да и в самой Армении разные кланы, сложные противоречия и даже конфликты. Российские армяне недолюбливают ереванских. Грузинские держатся обособленно. Я сам знаю потрясающие случаи, когда беженцы из Баку не встречали понимания в Армении. Это ужасно!

– Люди всякие бывают. И что же ты предлагаешь? – спросил Эдгарян.

– Я ничего не предлагаю, – тихо сказал Манукян. – Я просто говорю, что это есть. Если мы будем кричать только о нашем величии, то ничего хорошего из этого не получится. Надо нам хотя бы иногда говорить правду о самих себе. Многие армяне, живущие в России, ведут себя так, что мне делается стыдно за них. Армяне веками жили в дружбе с русским народом, и мы не можем жить иначе. Не выживем...

– Что же случилось? – спросила Антуанетта.

– Криминализация – вот что случилось. – Она и в России, она и в Армении. Миром стали править уголовники, а национальность для них – всего лишь инструмент для достижения цели.

– Это понятно, – сказала Антуанетта. – Но преступления двадцатого века происходили вовсе не потому, что миром правили уголовники. Гитлер вполне легитимно стал канцлером. Да и Турция обосновывает свои кровавые преступления тоже государственными интересами...

Отшельник внимательно посмотрел на гостью, словно прикидывая, способна ли она будет понять то, что он хочет сказать.

– Когда американцы разбомбили Дрезден, никто не считал их преступниками. А в Европе хотят изобрести войну, в которой мирные жители не будут страдать! Это в принципе невозможно, а тем более когда террористы растворяются в народе. Тут более уместно сравнение с эсэсовцами, которые гнали перед собой мирных жителей.

– Преступников-американцев, разбомбивших Дрезден, Хиросиму, Нагасаки, не называли таковыми только потому, что это было сделано на фоне концлагерей и прочих фашистских «штучек», – возразила Антуанетта.

– Вы совершенно правы. Оценка поступков неотделима от времени, хотя есть и общечеловеческая мера. Римлян, уставивших Аппиеву дорогу распятыми, в своё время тоже никто не осуждал, как и травлю и публичные пытки христиан в присутствии благороднейшего императора-философа. А как это можно оценить сегодня?

– И что это вы так ополчились на религию? Сам факт столь длительного существования христианства, например, говорит о том, что она нужна обществу. К тому же, многие великие умы были глубоко верующими людьми. Эйнштейн, например.

На удивление школьных товарищей, Манукян не вспылал, как это бывало в спорах с коллегами из академии, а серьёзно проговорил:

– Насчёт того, что многие великие верили в Бога, должен вас огорчить. Эйнштейн говорил об этом прямо. Цитирую по памяти: «Ты веришь в Бога, играющего в кости, а я в необходимость Природы...». Он таким образным способом выражал своё неприятие вероятностного толкования квантовой механики. И говорю я это для того, чтобы показать, что слова, как их понимает толпа или недобросовестные толкователи, выражают то, что звучит для уха, на которое наступил медведь, – без проникновения в суть. К Истине это не имеет никакого отношения!

– И всё же многие великие искренне веровали в Бога! – пыталась спорить Антуанетта. – Я не буду перечислять их. Они известны. И веровали не всегда из страха смерти! И речь идёт о людях современных, которым ничего не угрожает, объяви они себя атеистами! Тут вы не отделаетесь простыми объяснениями.

– А вы, мадмуазель, не скажете, где сидел Бог до Большого взрыва, – улыбнулся Манукян, – или как он замешивал красители и знал ли их химический состав, когда создавал бабочек, которые не могли, по мнению церковников, появиться такими красивыми без сознательного начала. Жульничество всегда основано на одном и том же.

– Конечно, в религии много жульничества, – согласилась Антуанетта, чувствуя, что с таким мощным эрудитом ей не справиться. – Но стоит она не всегда на жульничестве. Скорее, – на заблуждениях. Много среди верующих вполне искренних и благородных людей. Я знала таких!

– Жульничество всегда сопровождали верования, – возразил Манукян. – С самых древних времён, задолго до единобожия!

– Я понимаю, что вы ополчились против своих коллег. Но почему же вы так против религии?! Религию нельзя уничтожить. Уже сколько раз пытались! Она нужна людям!

– Вы, мадмуазель, правы! Для того чтобы религия отмерла, нужны радикальные изменения бытия человеческого. До этого, понятно, очень далеко, если вообще такое реально. Но тезис, что религия – опиум для народа, мне кажется справедливым.

– Но и опиум в некоторых случаях бывает полезен.

Манукян и Антуанетта ещё долго говорили о кровавых событиях в начале прошлого века, а когда уезжали, уже в машине она сказала Ованесу Сергеевичу:

– Я не увидела в этом человеке ничего такого, из-а чего можно было бы усомниться в его здоровом уме или моральных качествах. Почему его у вас не любят?

– Да кто сказал, что его не любят?! Он – крупный учёный с мировым именем. С ним считаются. Но живёт он среди людей, и правила общежития нужно соблюдать. А этот гусь может самому высокому чиновнику при всех заявить, что он дурак и ничего не понимает в проблеме, о которой берётся судить. Не всем это бывает приятно. Вы ещё не все его высказывания слышали, – многозначительно сказал тот.

Антуанетта лишь плечами пожала.

25. Антуанетта включила ноутбук...

Поль вернулся поздно вечером, а она всё сидела и писала, лишь изредка поглядывая в окно. Поль, чтобы не мешать ей, достал бумаги и стал делать пометки у себя в блокноте.

Через полчаса Антуанетта подошла к нему сзади и обняла плечи.

– Чем ты, дорогой, так занят? – спросила она.

– Готовлюсь. Показательная операция и лекция: буду объяснять, почему поступаю так, а не иначе. В чём преимущества метода... подхода. А это непросто. Вот и пишу тезисы.

Антуанетта не отходила от него, не размыкала рук.

– Прости, любовь моя, – сказал Поль, – мне ещё нужно поработать. Я скоро закончу.

Антуанетта присела на диван и задумалась. Только сейчас, сидя на диване, она почувствовала, как устала за этот нескончаемый день. Прилегла, и постепенно в полумраке комнаты стали появляться какие-то образы. Глаза закрылись, и она задремала. Поль, оглянувшись, заметил, что жена уснула, но решил её не тревожить. Заработался до поздней ночи. Потом осторожно, стараясь не разбудить, перенёс Антуанетту на кровать. Та пробормотала что-то невнятное, но так и не проснулась.

Когда Старик в чёрном одеянии и капюшоне, прикрывающем голову, с большим крестом на груди, опять явился к ней во сне, она спросила его напрямик:

– Почему ты мне всё время снишься?

Старик ответил:

– Ты ошибаешься, дитя моё. Это ты мне снишься, а не я тебе. Долгое время я не понимал, почему ты вошла в мой мир, почему ты мне всё время снишься? И не мог найти ответа. Но теперь знаю, в чём причина.

– В чём?

– Ты напишешь о трагических событиях, которые тяжёлым катком прошли по моему народу. И про меня – тоже. Впрочем, обо мне могла бы и не писать. Главное – те страшные события. Люди должны знать о них, потому что такое будет повторяться ещё и ещё.

– И ведь случились же!

– Знаю. Берегитесь, чтобы не случились ещё. Преимущество моего положения заключается в том, что я знаю, что будет, а ты не знаешь. Я ведь реален, а не ты. Вот и твою книгу я могу почитать уже сейчас! – Старик взял со стола толстую книгу в твёрдом переплёте и протянул ей. – Почитай, это она.

Антуанетта осторожно взяла книгу в руки, пролиставала и в недоумении вернула Старика.

– Но ведь здесь по-армянски!

– Твою книгу переведут на многие языки.

– Почему же это всё случилось? Трагедия армян, евреев, сербов, албанцев... – спросила Антуанетта.

– Спросишь об этом у Отшельника.

– Это тот, у которого я была в гостях?

– Тот самый. Ты с ним встретишься ещё. Задай ему этот во-

прос.

– А он знает правильный ответ?

– Знает. Что он тебе скажет, то и есть правда.

– Мне говорили, что его многие не любят. За что?

– Часто не любят тех, кто говорит правду. Не всем она приятна. Любить свой народ – не значит без конца возносить его. Когда встретишься с Отшельником, послушай внимательно то, что он будет говорить, и попытайся понять...

– Хорошо, – сказала Антуанетта.

На следующий день Поль ушёл, когда Антуанетта ещё спала. Было восемь утра. Солнце уже высоко висело в голубом небе, а в номере царил полумрак. Плотные шторы на окнах не пропускали свет. Антуанетта, утомлённая поездкой в Раздан, спала крепко, и Поль не стал её будить. Оставил на столе записку: «Любимая! Мне сегодня нужно быть в институте пораньше. Приду к шести. Пожалуйста, освободи завтрашний день для меня. Моё выступление запланировано на три, сразу после перерыва. Мне было бы приятно видеть тебя в зале. Твой Поль».

Антуанетта проснулась только в одиннадцать. Вспомнила, что заснула на диване...

Встала, прочла записку Поля и пошла в душ. Настроение было такое, что плакать хотелось... Снова задержка? Неужели всё таки это случилось? Боже, пусть это будет!

После душа она позвонила в бар и заказала в номер кофе и пирожное. Никуда не хотела идти. Впечатлений много, надо бы их записать, а то исчезнут, сгладится острота... Вчера успела записать лишь мысли, возникшие при встрече с Отшельником. Теперь нужно эти краткие записи разобрать, уточнить...

Вспомнился навязчивый сон. Этот высокий Старик в чёрных одеждах... Неужели так выглядел Комитас?! Огромные горящие в темноте глаза да большой крест на груди...

Она раздвинула шторы и открыла окно. В номер ворвался свежий утренний воздух и шум улицы.

Постояв немного, она грустно подумала, что в ней всё ещё живёт наследственное журналистское стремление что-то увидеть и поскорее записать. Но как выстроить сюжет, чтобы и сказать всё, что

ты хочешь, и читатель бы не заснул после первых страниц. Как говорить не всё, а главное и в меру? Как не скатиться в беллетристику или детектив? Одно дело – новости в газету, корреспонденции, интервью. Тоже не просто, но всё же... А здесь повествование должно быть художественным. А с чем это едят, представляла плохо. Да и тема была сложной. Ей казалось, что она утонет во множестве противоречивых фактов. Нужно было разглядеть в малом большое, в частностях – общие закономерности...

Бармен принёс кофе и пирожные. Антуанетта поблагодарила и протянула чаевые. Тот небрежно положил деньги в карман и попятился к двери.

Попробовав кофе, Антуанетта ещё больше расстроилась. Она терпеть не могла растворимый. «Нужно было предупредить этого усатого таракана, – подумала она. – Сама виновата».

«Кто объяснит, откуда эта ненависть к чужакам? – думала Антуанетта. – Такое возможно только при тоталитарных режимах, где одно мнение главенствует и заменяет все другие... Тысячи и тысячи убитых и искалеченных... Падение нравов, ложь, страх, воровство, преступления, киллеры, шулеры... Кто их, к чёрту, разберёт?! Всё продаётся и всё покупается...

И этот Отшельник вчера говорил и об этом... Интересный всё же тип. Кажется, и во сне этот Старик что-то говорил о нём! Нужно обязательно будет к нему поехать с Полем. Он лучше разберётся в том, что говорит этот странный тип. Ни капли рисовки. Никаких ходулей. Говорит, что думает. Делает, что хочет... Интересно, какая у него специальность?»

Мысли путались в голове, плелись и плелись. Ей вспомнился тот приступ отчаяния, когда она, как дурочка, расплакалась на груди у Поля и стала просить его узнать, можно ли ей внедрить оплодотворённую им яйцеклетку. Поль только рассмеялся и сказал, что этого не нужно делать. Всё у них будет хорошо. Ей казалось, что он её просто не понимает. Вдруг подумалось: нужно было у этого Старика во сне спросить! Неужели она снова забеременела?! Старик бы сказал точно! Вот кто всё знает наперёд!

Вспомнила, как во сне держала свою книгу в руках. Это ж надо, как играет подсознание!

Неожиданно раздался телефонный звонок.

Звонила Катрин. Поинтересовалась, как устроились, как встретили. Сказала, что скучает...

Не успела положить трубку, как раздался новый звонок.

– Мадам Лежар? – раздался голос ректора консерватории Ованеса Сергеевича. Я хочу вам предложить экскурсию по нашей маленькой, но поверьте, очень красивой стране.

– Это было бы чудесно, только конгресс кардиохирургов заканчивается в пятницу.

– Хорошо. Я думаю, что муж будет в воскресенье свободен...

Антуанетта положила трубку и приказала себе: «Хватит хандрить! Нужно работать!» Подключила ноутбук и неожиданно стала писать письмо Полю. Она не собиралась его передавать. Просто хотелось свои мысли, тревожившие в последнее время, облечь в слова, просто поговорить с ним!

«Любимый мой, – писала Антуанетта. – Мне хотелось бы, чтобы ты лучше мог понять мою боль, мои мысли и страхи... Гнетёт ощущение бессмысленности жизни. Но ещё сильнее, как ни странно и удивительно, а может, и непонятно, – моё почти неодолимое желание повторить тебя. Я очень люблю тебя. Объяснить, что это такое, как люблю – не могу. Мне кажется, что я подсознательно мечтала о тебе всю жизнь. И самое удивительное, что всё совпало! Ведь ты мог бы быть совсем другим. Тебя, наверное, я знала в прошлой жизни. Иначе откуда такая любовь, такое узнавание? Но зачем мы с тобой встретились? Мужчина и женщина зачем-то же соединяются Создателем, зачем-то же Он нам внушил эту любовь! Однажды в каком-то полубреду я видела наших детей – очень похожих на тебя мальчика и девочку. Что это значит? Всякий раз перед тем как ложиться в постель, я молюсь, чтобы Бог сменил свой гнев на милость и дал нам ребёнка!

Если бы был у нас малыш, то я хотела бы, чтобы он жил в совершенном мире. Этот – очень уж несовершенен. Словом, бред наяву... Но сказала тебе, сумела сказать – и как будто камень с души свалился. Поль, любимый мой, я тебя очень люблю! Спасибо Богу за то, что Он мне внушил эту любовь, дал способность так любить.

Мне не стыдно тебе признаваться. Ты знаешь всё самое моё сокровенное. И ты имеешь право это знать. Мне кажется, что я снова забеременела! Если бы ты только знал, как я счастлива и как боюсь, чтобы снова не произошло чего-то... Я боялась в это верить, но теперь знаю: случилось! Ты имеешь право первым узнать о моём счастье!...».

Антуанетта закурила, что делала очень редко. «Всё! Последняя сигарета, – подумала она. – Прекращаю курить! Малышке нужен свежий воздух!». Но сейчас ей захотелось ощутить запах дыма. Ей казалось, что он позволит ей отвлечься от навязчивых мыслей.

Она прочитала письмо, потом очернила его и удалила. «Действительно, свихнулась! Письма пишу, когда могу ему всё сказать, глядя в глаза!».

Она сделала несколько пробелов и продолжала писать:

«Встреча с Отшельником произвела на меня большое впечатление. Неординарный человек, независимо мыслящий... И всё же многие его рассуждения вызывают недоумение. Но мне было приятно, когда он сказал, что много работал в архивах и не думает, что эти сомнительные фолианты, как он выразился, «снятые с туалетного гвоздика», значат больше, чем тетради Комитаса. Он даже решил прервать своё добровольное заточение и поехать почитать их. А когда я ему рассказала о тетрадях моей прабабушки Ануш, видела, как у него глаза загорелись от желания скорее их увидеть. Я обещала...».

Конечно, он оценивает мир по-своему. Но ведь люди очень разные и по-разному видят одни и те же вещи. К тому же всё течёт и меняется оценка происходящего.

Не знаю почему, но я чувствую, что этот Отшельник близок мне по духу. А может быть, даже по приближённости к этой самой Абсолютной Истине! И он, как я, чувствует почти физически, что жизнь коротка. И он, как я, досадует, что время уходит на «текущие дела». Так что и его нельзя назвать оптимистом.

Помнится, я рассказала, что творилось в Сербии. Говорила о том, что люди запуганы. Негде работать. Бедность. Нет перспективы. Надежды на пресловутую демократию невелики.

Отшельник впервые в тот день громко рассмеялся и рассказал, что пару лет назад был на какой-то конференции в США. Там, по его словам, голодных нет! Они уничтожены как класс! А бомжей

– полным полно! Они ходят со своими тележками, взятыми в супермаркетах, по улицам городов со всеми своими пожитками – кофтами, одеялами... Полиция, как правило, их не трогает. Иногда к ним подходят, чтобы сказать: «пора уже тебе помыться – слишком от тебя воняет!». Как-то Отшельник подошёл к такому, чтоб дать ему бутерброды, сгущёнку. Тот отказался и попросил денег на наркотики. Все они получают пенсию или пособие. Зимой живут в приютах. Потом оттуда уходят. Летом спят, где придётся.

Отшельник несколько пренебрежительно, как мне показалось, говорил о высокомерных американцах. Рассказывал, что они очень любят халяву. Объяви, что будут где-нибудь у чёрта на куличках давать по гамбургеру и банке кока-колы, – припрутся все. А в День благодарения бесплатно кормят всех желающих. Президент в белом колпаке, разные кинозвёзды и другие знаменитости раздают им еду... Демократия! Никто не забывает, что есть бедные, все уважают их при демократии! Понимай как хошь!

Именно так и сказал коротышка: «как хошь». Всё же он здорово знает языки! И при этом презрительно смеялся.

Я тогда возразила, даже чуть было не нагрубила. Обидно было, что он так наотмашь бил по Западу, по Америке. Как будто там ничего нет хорошего!

На удивление, он согласился. Сказал, что у них, в Армении, стараются во всём подражать России. Но при этом, – сказал он, – уничтожение оппозиции по образцу и подобию России для страны – губительно. Их надежды, что это скорее поднимет экономику, – миф. При такой системе удобно воровать, что и делается в фантастических масштабах.

И в Штатах воруют, – заключил он. – Но воровство там не является всепроникающим. Там есть реально свободная пресса. Конечно, работающая на хозяина, на какой-то клан. Но кланов-то много! И суды обладают большей свободой от властей! Какая ни есть, но демократия неизмеримо лучше, чем наша, да и российская «самобытность...».

Когда пришёл Поль, Антуанетта выключила ноутбук и поцеловала мужа.

– Как хорошо, что ты пришёл! – воскликнула Антуанетта. – Я так голодна!

– Идём, поужинаем в ресторане!

26. Они вышли из гостиницы. Вечерняя прохлада, смешанная с густыми запахами свежескошенной газонной травы и роз, кружила голову. Медленно шли по широкому проспекту мимо сверкающего иллюминацией казино. У входа толпился народ. Чуть дальше ярко горели витрины магазинов. За ними шёл длинный забор старого кладбища. Чуть дальше – ресторан, куда они шли.

– Как-то не к месту это кладбище, – сказал Поль. – Наверно, когда-то здесь была окраина города...

– Наверно... Ты мне так и не рассказал, как прошла операция?

– Показательная операция, дорогая, обычная, технически не сложная. Да и пациент молодой. Так что ему ещё нескоро лежать на этом кладбище.

– Здесь, наверное, давно никого не хоронят! Оно – лишь память, история... Хорошо бы как-то выбраться сюда и побродить. Только с кем-то, кто смог бы переводить надписи на надгробьях...

– Это можно сделать, когда закончится конгресс и у нас будет свободное время...

Поль и Антуанетта заняли свободный столик у окна и сделали заказ. Официант в белоснежной куртке был предупредительным и немногословным.

За соседним столиком высокий парень беседовал с девушкой. Антуанетта невольно слышала разговор этой пары. Говорили они по-русски.

– Задолго до погромов в Баку закрыли армянский театр, – сказал молодой человек, – потом – школы. Мы стали забывать язык.

К ним подошёл официант и что-то сказал по-армянски. Парень ответил, и официант отошёл, всем своим видом показывая, что недоволен.

Потом Антуанетта отвлеклась. Поль пытался справиться с шашлыком из баранины и не обращал внимания на окружающих.

– Устал чертовски, – сказал он, пытаясь прожевать кусок мяса.

– Сейчас поужинаем и пойдём в номер. Отдохнешь... – сказала Антуанетта.

К соседнему столику развязной походкой подошёл коренастый парень. На его лице вдоль щеки протянулся шрам. Перебитый нос и подстриженные под ёжик волосы, нахальная улыбочка. Он чувствовал себя здесь хозяином. Едва взглянув на парня, он взял девушку за руку и сказал на плохом русском:

– Я арендую твою красавицу! Не возражаешь, ха?!

– Возражаю! Моя девушка – не вещь, да и танцевать пока не хочет.

Развязный парень полоснул взглядом парня, и во взгляде том было столько ненависти, что, казалось, вот-вот вспыхнет стычка. Но он сдержал себя, понимая, что в этом ресторане шуметь нельзя. Он наклонился и взмахнул рукой, словно извиняясь, при этом вроде бы случайно опрокинул недопитую бутылку вина.

– Вах, прости... случайно...

Парень схватил нахала за ворот. Он был сильнее и выше ростом. Но тот совсем не испугался.

К ним подбежал официант и прошипел:

– Не связывайтесь с ним! Это – Геворк, сын Багдаряна!

Это предупреждение не подействовало на парня.

– Ты кто такой? – шипел тот. – Здесь хочешь свои правила устанавливать? Езжай в свой Баку и там устанавливай! Мало вас там резали!

Парень резко оттолкнул от себя мерзавца, сказал официанту:

– Испортил вечер, ублюдок! Принесите счёт. Нам здесь неприятно находиться.

К этому времени Поль справился с шашлыком и тоже попросил счёт. Антуанетта перевела просьбу официанту.

– Слишком у вас шумно, – сказала она. – Дайте нам, пожалуйста, счёт...

На следующий день должен был состояться программный доклад Поля на конгрессе.

Утром он тщательно сбрил свою щетину, рассматривая лицо в увеличивающем зеркале. Потом надел свежую сорочку, долго подбирал галстук и, наконец, заявил, что готов к бою!

Они вышли из номера и направились в кафе позавтракать.

– Ты сейчас куда? – спросил Поль.

– Хочу просто побродить по городу. К двум обязательно буду в зале. Всё будет хорошо!

– Я не очень волнуюсь, но если ты рядом, мне спокойнее. Да и говорить я буду тебе. Как-то неприятно, когда ни одного знакомого лица в зале...

– Там ты многих знаешь. И тебя многие знают...

– Это так. Но те, кого я знаю, сидят в президиуме. И одно дело коллеги, другое дело – ты! Я ведь не их, а тебя люблю, и хочу не выглядеть перед тобой полным идиотом!

– Ты у меня – умница и не можешь выглядеть идиотом. А если я услышу, что кто-то на тебя нападает, я ему глаза выцарапаю!

– Вот это мне и нужно! Впрочем, думаю, до драки дело не дойдёт!

Поля уже ждала машина. Антуанетта перекрестила его и пошла в сторону центра.

После перерыва Поль усадил Антуанетту в третьем ряду у прохода.

– Здесь я буду тебя лучше видеть! – сказал он.

– Ты и вправду так волнуешься? – удивилась Антуанетта.

В зале медленно рассаживались солидные люди, продолжая переговариваться. Слышна была английская, немецкая, французская речь. Но чаще звучал русский язык.

К Полю подошёл профессор Меликян. В Белграде Поль принимал участие в издании его монографии.

– Дорогой Поль! Сегодня будет закрытие конгресса, банкет. А завтра я приглашаю тебя с твоей очаровательной женой к себе! Ты не можешь мне отказать, ведь на моё семидесятилетие ты приехать не смож.

– Дорогой Николай, – улыбнулся Поль, – во-первых, с удовольствием отмечаю, что твой французский уже вполне приличный. А во-вторых, я ведь не отказываюсь. Только это будет не в субботу. Я уже обещал жене поехать с ней в Раздан. А к тебе мы придем вечером в воскресенье.

– Хорошо! В воскресенье так в воскресенье. А чего это вы в Раздан собрались? Небольшой районный городок. Ничего интересного. Правда, чуть в сторону прекрасный олимпийский

курорт Цахкадзор. Там есть что посмотреть. А чего вы потеряли в Раздане?

– Это всё жена! Там отшельником живёт какой-то странный академик...

– Манукян, что ли? Так он же ни с кем не общается! Знаю я его. Оригинальный тип. Но к нему не просто прийти. Он может вас просто развернуть...

– Да нет! Они с женой уже знакомы, и это он пригласил её в субботу, причём прямо с утра.

– Чудеса! Это сенсация! Вот уже несколько лет он сидит в своём доме и ни с кем не общается. Обслуживает его такая же чокнутая бабка, варит ему, стирает...

– Он не женат?

– Нет, и никогда не был женат. Может, он другой ориентации?

Эдгарян весело взглянул на Поля.

– Ну, что ж, – подхватил шутку Поль, – число геев растёт с каждым днём, хотя сами они не размножаются.

– Вот-вот! И друзей-то у него вроде бы нет. Но в год выдаёт не менее двух больших статей. Печатаются в самых престижных зарубежных журналах. Спорные, иногда скандальные, но публикуют. На критику не реагирует...

– Кто он по специальности? – спросил Поль.

– Трудно сказать, – неуверенно проговорил Меликян. – Его работы касались философии и физики, истории и археологии. И везде он – авторитет... Я с ним едва знаком. Давно, когда он ещё ни от кого не прятался, меня с ним познакомил мой учитель профессор Микаелян. Он его ценил. Говорил, что Манукян – настоящий учёный... Впрочем, сам увидишь. Только не вздумай с ним спорить! Его переспорить нельзя, он одинаково хорошо разбирается не только в физике и философии, но и в биологии, и, как мне казалось, даже в кардиологии...

– Вот и свихнулся... – улыбнулся заинтригованный словами Меликяна Поль.

– Правильно! А что я говорю? – согласился Николай Минасович. – Так мы договорились? Я жду тебя с женой в воскресенье!

Сообщение Поля вызвало большой интерес. Поль рассказал о

своей методике, демонстрировал графики и снимки, и на экране возникали картинки, которые все с интересом разглядывали...

В прениях выступили кардиохирурги из Германии, Испании, Армении, России и Соединённых Штатов. Заключение сделал Карен Александрович Кяндарян. Он поблагодарил Поля за интересный доклад и просил принять на стажировку двух врачей из Армении.

Потом председательствующий объявил следующего докладчика.

Поль сел возле жены и стал слушать выступающего. Антуанетта тихо спросила Поля:

– Что это за Божий одуванчик в роли председателя?

– Действительно, Божий одуванчик. Академик академий наук России, Армении и Нью-Йорка. Когда-то здорово оперировал. Кстати, в Первую мировую войну спас тысячи раненых и беженцев из Турции, когда после октябрьского переворота русский фронт стал отступать, а турки снова пошли в наступление.

– Да ты что?! – удивилась Антуанетта. – Мне казалось, что всё это давно – история. А здесь не просто очевидец, но и участник тех событий!

– Да. При Советах его арестовали и выпустили только через восемнадцать лет! Вот такая история!

– Боже, как я хотела бы с ним поговорить! – сказала Антуанетта.

– Тише, давай слушать!..

После последнего доклада Карен Григорьевич Адамьян пригласил всех в соседний зал на фуршет и объявил, что завтра с утра в рамках культурной программы всех приглашают поехать на озеро Севан.

Увидев, что Поль с Антуанеттой собрались уходить, он подошёл к ним.

– Харгели Поль! Ваш доклад произвёл на меня большое впечатление, честное слово. Да и не только на меня. Признаюсь, я издали наблюдал за вами обоими. Вы прекрасная пара! И теперь, когда самое главное уже позади, я хотел бы ещё раз пригласить вас к себе на дачу. – Заметив некое сомнение в глазах Поля, Карен Григорьевич поспешил заверить: – Понимаю: вы уже устали от этой бесконечной торжественности и пышности, но там будут только

свои, честное слово. Уже знакомые вам Арсен Абрамян, ну и я с супругой. Я заеду за вами часов в семь. Моя Карина готовится вас встретить... не отказывайтесь, пожалуйста!

Переглянувшись с Антуанеттой, Поль ответил:

– Хорошо, мы будем ждать вас.

В номере Антуанетта сказала:

– Я устала от этих застолий, и в весе набрала!

– А чего тебе опасаться?

– Ну да! А вдруг разлюбит!

– Не разлюблю, любовь моя! К тому же ничто так не снимает сон, как чашка крепкого, горячего кофе, вылитого на живот!

– Ты всё шутишь. А я ведь серьёзно: мы привыкли к более размеренной жизни.

Поль рассмеялся:

– Да, у нас жизнь размеренная! Ты, видимо, стала забывать Сербию. А мы сидим в кафе и попиваем прохладительные напитки, прогуливаемся по романтическим парижским бульварам или ходим на работу, где нам платят хорошую зарплату. Здесь так жить не умеют. Их темперамент рвётся наружу: гости, застолья...

– Мне кажется, – сказала Антуанетта Карену Григорьевичу на даче, – что если бы мы здесь жили длительное время, с лёгкостью освоили ваш язык. Его трудно выучить?

– Мне трудно сказать, тикин Антуанетта. Это мой родной язык. С другой стороны, – Адамаян оглянулся на профессора музыки, словно бы призывая его во свидетели, – все, кто хочет, выучивают. И говорят ведь! И он, – Карен Григорьевич показал на Абрамяна, – понимать – понимает, а говорить стесняется. Что можно поделать? Такой он человек. На самом деле, самый лучший способ выучить язык – пожить здесь подольше. Было бы желание...

Абрамян кивнул и улыбнулся.

– Зачем смеёшься, честное слово? – спросил его Карен Григорьевич. – Или я что-то не так сказал? – Потом, повернувшись к гостям, продолжал: – Нас легко обидеть. Стоит непонятное сказать или рассмеяться, и мы тут же думаем, что покушаются на нашу честь... Я, например, не понял, чего он рассмеялся, честное слово.

– Да брось ты, в самом деле, – воскликнул Арсен Абрамян, и теперь хозяин переводил его армянскую речь гостям. – А рас-рас-

рассмеялся я не из-за того, что хотел тебя или гостей о-о-обидеть, – он изобразил на своём лице глубочайшее уважение, – а из-за того, что п-п-представил, что сказал бы обо всём наш О-о-отшельник.

– Да что он может хорошего сказать?! – удивилась Карина Вартановна, накрывающая на стол.

– И что бы он сказал? – поинтересовалась Ануанетта.

– Не следует рассказывать гостям, что сказал бы этот чёртов Отшельник, – сказал Карен Григорьевич. – А то они плохо подумают о нашей стране!

Абрамян возразил:

– Ничего они п-п-плохого не п-п-подумают! А если п-п-подумают, значит, мы за-за-заслужили. И чего мы должны бояться?

– Пусть они уедут с хорошим впечатлением!

– А так оно и б-б-будет: они уедут с хо-хо-хорошим впечатлением – я не сомневаюсь. И п-п-правда о нашей стране, о её народе то-то-только усилит это впечатление. Господа, ведь это п-п-признак силы народа, если он способен п-п-посмеяться над собой, если он относится к себе кри-кри-критически.

Поль всё-таки поинтересовался мнением Отшельника.

Адамаян вздохнул, словно преодолевая себя:

– Он бы сказал, что армяне хороши только тогда, когда их не больше трёх! Особенно хороши они поодиночке... – Карен Григорьевич видел, что Антуанетта нашёптывает Полно перевод его слов, и перешёл на французский: – Загадка нашей души – сидеть глубоко в дерьме и при этом смотреть на всех свысока.

Антуанетта заметила, что жена хозяина неодобрительно покачивала головой. А того словно бы забавляло что-то.

– Здесь по-соседству живёт семья беженцев из Баку, – продолжал Карен Григорьевич. – Люди в ужасе бежали из страны. Многие погибли. Зверства были вполне сопоставимы с событиями в Османской империи, только, конечно, турецкие события имели другой масштаб. Двое сыновей уехали на заработки в Россию. Старый Рубен, отец семейства, болен. Все разговаривают только по-русски.

– Почему?

– Говорят, что здесь не могут найти работу. Собираются уезжать в Россию.

– Кто их там ждёт? – удивилась Антуанетта.

– А кто их ждал здесь? Работы они не боятся. Если бы не сыновья, которые там в России, – давно бы с голода умерли!

Антуанетте не всё было понятно.

– А как получилось, что они уехали из Баку? Там что, было как в Югославии?

– Я не знаю, как было в Югославии, – ответил Карен Григорьевич, – а в Баку было ужасно: погромы: сжигали дома, били, убивали, насиловали, грабили. Всю жизнь жили-жили и ничего. И вдруг всё как будто взорвалось. При советской власти можно было пожаловаться, обратиться куда-то, а тут – кому жаловаться?!

– А бывали ли случаи, чтобы азербайджанцы спасали армян? – спросила Антуанетта.

– Бывали. Они рассказывали, что их сосед пытался спасти армянскую девочку, так его самого убили. Девочку спас, а самого убили! Облили бензином и подожгли...

Поль заметил:

– Кто-то на этом здорово нажился. И события в Турции в начале двадцатого века носили такой же характер...

– Да, дорогой Поль. Везде и всегда такое бывает по одной причине: сволочи рвутся к власти, к деньгам... – кивнул Карен Григорьевич.

Антуанетта подумала: «Везде одинаково. И здесь, и в Сербии. Сумасшествие!..»

В гостиницу Поля и Антуанетту отвёз Карен Григорьевич. Он всю дорогу о чём-то думал и напевал грустные армянские мелодии, так что поговорить не получилось. Но и в номере Поль и Антуанетта продолжали разговор.

– Это же ясно! – говорил Поль. – Страна на распутье! В народе действуют разные силы, которые тянут его в разные стороны!

Антуанетта придерживалась другого мнения:

– А я думаю, что народ здесь тот же, каким был и в древности. Страсти всегда кипели. Новые властители приходили и уходили.

– Что ты, любовь моя! Время сейчас другое. Может быть, такое же страшное, но – другое. Технологии другие. История чему-то учит...

Антуанетта грустно взглянула на Поля и задумалась.

Армяне – один из древнейших современных народов. Они пришли в мир из глубины веков, когда едва зарождались народы античной древности – римляне и эллины. Но так случилось, что этот древний народ был рассеян по свету. Сначала его завоевали римляне и персы. Потом он попал в вассальную зависимость от Арабского Халифата. Его завоёвывали Византия и Турция, Россия и Персия. Разбросанные по миру, они частично ассимилировались теми народами, на территории которых проживали. Частично перенимали многие обычаи и черты, но сохраняли свою самобытность.

Антуанетта вспомнила старое армянское кладбище в Париже, которое теснилось в кольце высоток, стыдливо закрывая покосившиеся памятники густыми зарослями. А рядом шумела улица, где днём и ночью шелестели по асфальту колёса нарядных ярких автомобилей. Она когда-то ходила туда с бабушкой. Там, в глубине кладбищенских аллей, тишина вечности. Там невольно предаёшься раздумьям о жизни и смерти, о том, что ждёт и чего следует опасаться, о той самой вечности, которая и есть мировая загадка!

На это старое кладбище уже редко приходили близкие усопших. Здесь давно никого не хоронили.

Молодые не были приучены посещать этот город мёртвых. Им не до грустных раздумий, не до философских обобщений. Им некогда стоять у могил родственников. Какая это условность! Важно, чтобы память сохранилась в сердце!

Но если не приходиться сюда, память о близких постепенно уходит из сердца...

«Кладбище, храмы и древний язык – всё, что у народа осталось... И ещё – песни...» – думала Антуанетта. Люди своё наследство получают с молоком матери. Это наследство – воздух, которым дышат, чистейшая вода, которую пьют, горы, на которых родились... Здесь они пережили свою первую любовь. Здесь пьянели от первого поцелуя... А потом они будут лежать на кладбище под тяжёлыми гранитными плитами... и всё повторится снова и снова.

Армян изгоняли и преследовали. Они выворачивались наизнанку, чтобы выжить, чтобы уже на другой земле, в другой почве проросли семена, в которых есть их гены! Везде: в Берлине и Риме, в Париже и Мадриде – всегда можно найти их. Они никогда не бывают в эмиграции. Они всегда и везде – у себя дома!

27. Антуанетта с волнением ждала новой встречи с необыкновенным человеком, каковым считала академика Манукяна, которого мысленно называла Отшельником. Можно всю жизнь прожить и ни разу не столкнуться с таким. Многие не одобряли её, говорили, покачивая головами: «Он же ненормальный! Скажет вам такого! Увесил себя научными титулами как побрякушками, и что теперь – принимать всерьёз его ахинею, которую он несёт с умным видом? Ему – лишь бы быть оригинальным, ни на кого не похожим!».

Другие говорили прямо противоположное: «Это умница! Для него авторитет – его величество факт! Имеет своё мнение и не боится его высказывать. Говорит, что думает! Кого ему бояться?..».

Антуанетту волновало и другое: как Поль воспримет Отшельника? Поймёт ли его? Увидит старикашку, сидящего сиднем в своём захламленном доме, и скажет: к кому ты меня привела?

Захватив тетради прапрабабки Ануш, они поймали такси, и Антуанетта по-русски сказала:

– Нам в Раздан.

Таксист оценивающе посмотрел на пассажиров и бросил:

– Пятнадцать драм!

– А что, у вас счётчиков нет? – удивилась Антуанетта.

– Это при Советах были счётчики. У меня частное такси.

Впрочем, такую красавицу я и за десять повезу!

– Поезжайте! Мы найдём другого... Да и нет у нас ваших драм.

– Почему обиделась? Слушай! Поехали! Я пошутил!

– Сколько будет стоить в евро?

– Десять евро... если не жалко...

– Ладно, поехали!

Они сели, и машина сорвалась с места. Водитель лихо вырулил на главную улицу, потом выехал из города и помчался в горы. То справа, то слева вдруг возникала снежная вершина Арарата. Одно время дорога скользила вдоль железнодорожного полотна, то вдруг отклоняясь от него, то снова приближаясь. Горы, леса, горные речушки и мостики через ущелья – всё мелькало и кружилось в окне машины. По радио передавали армянские мелодии, и Антуанетте они нравились! «Наверное, это и есть – гены!» – подумала она.

– Вчера, – пытался заговорить с молчаливыми пассажирами водитель, – в центре города столкнулись три «Мерседеса». Проезжающий мимо водитель «Запорожца» скончался от смеха! – Он шутил, то и дело поглядывая на Антуанетту, но та не реагировала на его знаки внимания. Тогда водитель стал подпевать мелодии, звучащей по радио.

Наконец въехали в Раздан, и Антуанетта назвала адрес. Расплатившись, стали подниматься по крутой узкой улочке, где машины не ходили. Антуанетта ещё раз сверилась с адресом и постучала.

Она надеялась на эту встречу, понимая, что этот человек может ей многое рассказать такого, что не найдёшь ни в каких архивах. Просто жизни не хватит!

Отшельник встретил их приветливо. Спросил, хорошо ли доехали и каковы впечатления от поездки.

– Можно ли будет потом вызвать такси? – спросила Антуанетта.

Отшельник улыбнулся:

– Все считают меня нелюдимым и чуть ли не человеконенавистником, но ведь я совсем не такой. У меня много друзей. Не стоит волноваться! Вас отвезут... Мои друзья – их друзья! Вам куда? В Ереван, до отеля? Подвезут к самым дверям. В целости и сохранности, так что не беспокойтесь, пожалуйста.

Они пришли в знакомую Антуанетте комнату.

– Ну а теперь, – сказал Отшельник, – представьте же мне, наконец, своего спутника. Почему-то он у вас всё время молчит. Может, стесняется, или ему наговорили всяких небылиц и он ждёт от меня какой-нибудь глупости?

Поль, хотя и видел, что хозяин смотрит на него и что-то при этом говорит, молчал, так как ничего не понимал.

– Это Поль, мой муж. Он не говорит по-русски.

Отшельник вскинул брови и сказал по-французски:

– Ах, вот в чём проблема! Но для меня французский – такой же родной, как и русский. – Он обменялся с Полем рукопожатиями и несколькими приветственными фразами. Его французский был совершенен, но говорил он с небольшим акцентом. – Я сейчас вас угощу своим кофе. Тем самым, что и в тот раз.

– Супруга говорила, что у вас совершенно потрясающий кофе, – сказал Поль.

– Это так и есть. А вы, если хотите, пока посмотрите мою библиотеку, пейзаж за окном, выйдите на балкон, а уж потом и побеседуем. И тогда вы поймёте, почему я сбежал сюда из Еревана. Много ли мне нужно? Мои книги и эти горы за окном!

Всё та же грубая деревянная дверь с кольцом вместо ручки и та же длинная комната с окном в самом конце.

– Тут книги на разных языках, – тихо сказала Антуанетта.

Перебирая книги, Поль задумчиво произнёс:

– И вправду, иногда вещи могут сказать о своём хозяине больше, чем он сам.

На какое-то время Поль забыл, где находится, и зачитался старинным фолиантом на французском языке. Это были роскошно изданные пьесы Расина. Потом ему попалась книга по археологии, написанная на английском языке.

Некоторое время спустя Поль сказал:

– Я так понимаю, у него энциклопедическая направленность ума.

– Похоже, что так.

– Тут и математика, и география, и художественная литература, и философия... Про разные языки я уже и не говорю. Видимо, с языками у него всё хорошо.

– Мне кажется, – сказала Антуанетта, – Отшельник ни на кого не похож.

– Все люди на свете друг на друга похожи. Они образуют психотипы, давным-давно описанные в научной литературе. Среди них наверняка есть и наш хозяин.

А потом они пили кофе и закусывали его диковинным печеньем. Отшельник сказал, что это не простое печенье, а особый деликатес турецкого изобретения.

Вышли на балкон, и Отшельник увлечённо рассказывал гостям об прилегающих к дому горах. Красные камни скал и «лысая» гора, казалось, его интересовали больше бурных событий, происходящих в мире. Это было вечным, а его интересовала вечность...

– Армения в нынешнем её виде – маленькая страна. При советской власти она была самой маленькой республикой. Но каждый клочок её наполнен смыслом. Например, у нас есть места, где никогда не ступала нога завоевателей. Жители бежали в горы от

непрощенных гостей и там прятались в пещерах на крутых обрывистых склонах.

Вскоре разговор зашёл о книге, которую мечтала написать Антуанетта. Отшельник одобрительно отнёсся к идее охватить весь двадцатый век, армянский же эпизод рассматривать лишь как один из стартовых, за которым последовали другие драматические события.

– Человеку ни при каких условиях не удастся построить рай на земле, – задумчиво сказал академик Манукян. – Это противоречит основному закону природы.

– Основному закону? – спросили одновременно Поль и Антуанетта.

– Именно так! Жизнь возможна лишь в борьбе. Чтобы дать одному, надо взять у другого.

– Наверное, вы правы, – согласился Поль. – Принципы конкуренции. Их обойти невозможно.

Отшельник кивнул.

– Важно только, чтобы всё это протекало постепенно. Это позволяет приспособиться к изменяющимся условиям существования. В этом случае процесс происходит безболезненно.

– Ну да! – понимающе заметила Антуанетта. – Иначе боль, слёзы, кровь...

Она поняла, что именно эти взгляды симпатичного старика вызывают протест у его коллег, и старалась понять логику его размышлений. Между тем Отшельник продолжал:

– Каждый народ живёт по-своему, говорит на своём языке, имеет свои традиции. Римляне мечтали завоевать весь мир. Греки превозносили любовь и мудрость...

– В процессе общения каждый народ делится тем, что имеет, – заметил Поль.

– Правильно, – словно обрадовался Отшельник. – Так человечество приобретает общие черты. Но фокус-то в том, что любой народ, как цветок, по крупичкам собирает качества и силы, чтобы расцвести. А потом неизбежно следует увядание и смерть! Это закон природы. Больше он ничего дать Человечеству не может...

– Какую страшную картину вы нарисовали, – печально заметила Антуанетта. – Возник народ, расцвёл как цветок и увял...

– Но зато человечество обогатилось его чертами! – возразил Отшельник. – Это как в симфоническом оркестре. Инструмент вступают в игру строго по партитуре. Иначе будет какофония. Фокус именно в том, что каждый инструмент, играя свою партию, вступает и выходит из игры строго в обозначенное время, звуча ровно столько, сколько запланировал создатель музыкального произведения.

– Понимаю, – кивнул Поль. – Также и народы. Исполняют свою партию...

– Без этого невозможно вырастить человечество! – сказал академик Манукян, а Антуанетта подумала: «И что здесь странного? Неужели эти его взгляды не приемлют его коллеги?». Спросила:

– И всё же, почему здесь больше ненависти, чем любви? Ведь чтобы выжить, человечество обязано развить в себе любовь ко всему живому. Если этого не будет, не будет и продолжения жизни. Только любовь помогает сострадать другому существу.

– Вы правы, мадам, – кивнул Отшельник. – Равнодушие подразумевает смерть. Поэтому для того, чтобы любить, надо страдать, ведь тот, кто не страдал, не может понять страданий другого. Не познавший Зла, не оценит и Добра.

– И что из этого следует? Все мерзости, что были, – это всё хорошо?

– Ну зачем же так, мадам? Чтобы выжить, необходимо воспитывать в себе силу духа и воли. Надо быть умными, сообразительными, дальновидными, трудолюбивыми, коммуникабельными, смелыми и дипломатичными. Обладая такими качествами, можно надеяться выстоять в борьбе за место под Солнцем. Для этого необходимо Зло, ибо оно не даёт расслабиться, держа нас в напряжении, заставляя совершенствоваться.

– При чём здесь судьба народа? Я говорю о страданиях и боли конкретных людей! Мои близкие погибли, и я этому должна радоваться? Я вас не понимаю!

Антуанетта, действительно, не понимала логики этого странного старика.

– Вы меня не так поняли. Трагическая судьба конкретного человека – это боль его близких. Но я говорю о тенденциях развития человечества, о закономерностях, которые мы должны понимать. Репрессии нужны человечеству не для того, чтобы исковеркать душу

человека, а для того, чтобы поднять её на ступень выше на лестнице эволюционного развития. Принося себя в жертву, мы духовно возвышаемся.

– Да, но это кровь и смерть людей!

– Это так! – Отшельник был раздосадован тем, что его не понимают. – Но никто не знает, что там за гробом.

– Это точно, – улыбнулся Поль. – Мне вспомнилась в этой связи одна притча. В ней рассказывается о личинках стрекоз, живущих на дне пруда. Их постоянно мучит загадка: что происходит с ними, когда, взрослея, они поднимаются к поверхности и исчезают навсегда? Каждая из них обещает вернуться и рассказать оставшимся подругам, что же происходит с ними наверху. Однако, выйдя из воды и превратившись в стрекоз, они не в силах проникнуть под воду, сколько бы ни пытались и как бы долго ни парили над водной гладью. В летописи, что вели личинки, нет сведений хоть бы об одной из них, которая возвратилась и рассказала своим сёстрам, что происходит с теми, кто пересёк границу их мира. Притча заканчивается плачем: «Неужели ни одна из вас из жалости к тем, кого вы бросили внизу, не вернётся и не раскроет тайну».

– Хорошая притча, – улыбнулся Отшельник. – Никто ещё оттуда не возвращался. Плохо только, если люди жертвуют собой не по убеждениям, а по иным причинам. Тогда они станут мстить своим обидчикам, и конца этому не будет.

– Ну, хорошо, – Антуанетта взглянула на академика, словно решила, что вопрос, который задаст, сразу же опрокинет всю его систему доказательств. – Вы утверждаете, что западная цивилизация разложилась и деградирует. Так? Но мы живём во Франции и никакого разложения там не видели!

– Несмотря на кажущееся благополучие и демократические традиции, она прогнила сверху донизу. И тому есть своя причина. И пусть вас не умиляет стремление жить в мире, дорожа своими жизнями и жизнями окружающих их людей. А вы, мадам, посмотрите на это под другим углом зрения! Власть народа – это прекрасно. Но нельзя забывать, что, несмотря на громкие слова, человеческая жизнь – не самое важное в этом мире. Интересы сообщества имеют иную ценность. К сожалению, стремление дорожить жизнями членов общества проистекает вовсе не из любви к ближнему, а из любви к себе, любимому. Борьба со злом

вырождается для них в борьбу за сохранение собственной жизни. Их девиз – всё на потребу тела. Больше, лучше, вкуснее, роскошней – вот смысл существования западного обывателя. Они высокомерно улыбаются, когда от них требуют отдать жизнь за ближнего своего, за друга, идею, государство, народ, нацию, человечество, в конце концов.

– Ну и что? Да, у нас самая высшая ценность это человек! – не понимала Антуанетта.

– Человек, конечно, – ценность. Но ни одно общество не может процветать, пока его долги не будут искуплены через пролитие крови... В этом кроется одна из великих тайн жизни, которую наука отрицает, потому что не может доказать, но тем не менее она является основой эволюции.

– Не понял... – удивился Поль, а Антуанетта взглянула на Отшельника, ожидая продолжения.

– В этом кроется причина гибели и возрождения народов, – проговорил он. – Старые народы панически боятся смерти, в отличие от молодых наций, неопытных, вечно неудовлетворенных существованием, мечтающих жить так же хорошо, как живут старые. Вот они и стремятся отобрать накопленные богатства у стариков, присвоив их себе.

Отшельник встал из-за стола и стал рассказывать по комнате. Этими мыслями он ещё не делился ни с кем. Они были результатом долгих и мучительных размышлений, бессонных ночей. Он понимал, какой шум вызовут они, и потому долго ни с кем ими не делился. И теперь он, наконец, произнёс это вслух.

– Молодые сильны и не боятся смерти, не способны к выдержке, – продолжал он, рассказывая по комнате. – Им требуется всё и сразу. На меньшее они не согласны. Поэтому старики копят горы вооружения, оттачивая иезуитскую дипломатию, стараясь скорее договариваться и откупаться, нежели воевать и умирать. С помощью угроз, хитрости, уговоров им удастся удерживать окружающие их нации от посягательств. Однако время идёт, молодые усиливаются, а старики слабеют. Поэтому рано или поздно их ждёт крах.

– И что? Значит, нам уготовлено уйти со сцены, и пусть албанцы в Сербии или алжирцы во Франции берут всё?

– Это произойдёт вне зависимости от нашего желания, – улыбнулся Отшельник. – Проходит время, старые нации исчезают с лица

земли, и вот уже состарившиеся, ещё недавно молодые нации повторяют путь своих предшественников. И всё повторяется сначала. Эти поиски продвигают человечество по пути прогресса к изучению законов природы, к умению ими пользоваться. Именно таким образом из алхимии выросла химия, а из астрологии – астрономия. Это и движет человечеством, заставляя его развиваться, совершенствуясь.

Над ними повисла тишина. Тяжёлую картину нарисовал этот старик. Но, видимо, он всё же прав. Одно дело наши желания, – другое – объективный ход истории. И всё же хотелось что-то ему возразить, найти какой-то контраргумент против его гипотезы развития человечества.

– Безусловно, вы правы, что взаимопроникновение, конвекция осуществляется непрерывно и независимо от нашего желания, – задумчиво проговорил Поль. – Но из этого не следует, что наш народ умрёт, просто уступит место другому, как вы, уважаемый Тигран Артурович, предсказываете. Мне кажется, не всё так плохо. И у нас есть и духовность, и нравственность, культура, наконец! Франция всегда считалась сердцем Европы, оплотом демократии, а народ наш...

– Нет и быть не может господствующей или лучшей нации, – перебил его академик Манукян, сверкнув глазами. – Нет и быть не может единственной истинной религии. Не существует совершенной философии, политической партии, экономической системы или единственно правильного пути на Небо. Непонимание этого ведёт к крови и страданиям.

– Но вы же не можете отрицать, что сегодня риск возникновения глобальных войн сведен к минимуму, – пыталась защитить мужа Антуанетта.

– А разве от этого уменьшилось количество локальных конфликтов? Да поймите вы, наконец, что смысл человеческой жизни в жертве. Жертва эта может быть сознательной или бессознательной. Лучше, конечно, если она сознательная, тогда её ценность возрастает многократно.

И снова Антуанетта с удивлением посмотрела на Отшельника. «Может, это и соответствует христианской философии, – подумала она. – Но всё же здесь что-то не так. Одно дело, когда человек сам

жертвует собой, и совсем другое, если им жертвует кто-то! Так можно оправдать все зверства в мире».

Академик прочёл сомнение в глазах Антуанетты и попробовал обосновать свои утверждения.

– Можно с уверенностью сказать, – сказал он, – что войны нужны человечеству как воздух, чтобы человек научился жертвовать своей жизнью и своим здоровьем ради великих целей. Нужно уметь жертвовать частью во имя сохранения целого.

– Но в мире все так хитро устроено, – улыбнулся Поль, – что совершенно невозможно понять, где Добро, а где Зло.

– Что ж, это верно. Нет борьбы – нет и обмена информацией, нет роста опыта и знаний. А это и есть смерть. Мне даже неловко вас убеждать в очевидном. Вспомнилась эпиграмма на одного такого умника, как я:

*Он хочет обустроить свой народ,
Исправить неполадки в нашем мире,
И подсказать, как двигаться вперёд,
И доказать, что дважды два – четыре!*

Всё, о чём я говорил вам, очевидные истины. Запад, как Змей Искуситель, призывая всех жить в мире и согласии, ведёт паразитический образ жизни. Его призывы к миру и безопасности правильны. Остальное же – ложь и лукавство. Ниспровержение всего духовного и безумное накопление материальных богатств – это вымирание чувства взаимной зависимости между сообществами и разрушение идеалов человечества. Запад так и не сумел постичь смысл развития человеческой цивилизации. Ему до сих пор кажется, что, если сильно постараться, можно заставить планету работать на себя. На самом деле это сделать невозможно.

– Конечно, – согласился Поль. – Насильно заставлять отстающие страны следовать в фарватере политики экономически развитых стран – бесперспективное занятие. Для начала необходимо обеспечить им соответствующий уровень развития. Но сделать это без повышения образования и культуры невозможно.

– Вот с этим я с вами полностью согласен, – радостно сказал Тигран Артурович. – Любой народ может быть по-настоящему

благополучным лишь тогда, когда уяснит для себя, что каждый должен нести ответственность за всех.

Отшельник разлил в стаканы красное вино.

– Это вино мне принёс приятель. У него неплохой виноградник, и его вино мне нравится. Попробуйте. Обратите внимание на аромат и чуть терпкий вкус. Его хорошо заедать брынзой. Вот, попробуйте! Это – настоящая, свежая и несолёная. Чудо! – Он поднял свой стакан и, взглянув на гостей, произнёс: – За вас! Будьте здоровы!

Потом заговорили об изменениях в Армении, наступивших в последнее время.

– Я понимаю, что пока жизнь в стране сложная, – сказала Антуанетта. – И всё же при диктатуре коммунистов, мне кажется, было хуже.

– Трудно сказать... – ответил Отшельник. Видимо, эта тема его интересовала меньше. – К началу прошлого века смерть косила правых и неправых. Задача была одна – привести население к полному единообразию. Необходимо было вытравить чувство превосходства и рабства, начать постепенное объединение государств, религий, взглядов. Но люди закостенели в своих убеждениях, и только диктатура могла заставить их сделать то, что следовало.

– Ну да! Так можно оправдать кровожадность турок и зверства фашистов. Неужели иного пути нет к объединению?

– Западные цивилизации погрязли в роскоши и потребительстве. Сексуальная распущенность, падение нравов, изнеженность, разложение... Они так сильно привязаны к благам цивилизации, что малейшие изменения приводят их в шок. Рождаемость неуклонно падает. Желание вернуть в себя все ценности мира: культурные, финансовые, человеческие, природные – растут. Запад превращается в чёрную дыру, засасывающую в себя всё, что попадает в сферу её влияния. Это позволяет другим народам без особых усилий справляться со своими врагами, которых они искренне ненавидят из-за слишком большой разницы в уровнях жизни.

Прежде чем погибнуть, Запад заберёт миллионы жизней, однако это не поможет. Нищие страны это не остановят. Их женщины быстро восстановят потери.

– Ну и картину вы нарисовали, уважаемый Тигран Артурович! Аж мороз по коже...

– Нарисовал, что рисуется, – грустно улыбнулся Отшельник. – Самоизоляция народа неизбежно приводит к его деградации и смерти. И неважно, что на определенном этапе такая самоизоляция сопутствует выживанию и улучшению породы. Очень скоро оно сменяется деградацией и вырождением. И наоборот, если народы объединятся, ассимилируя друг друга, они тем самым не только улучшат генофонд, но и повысят свою жизнеспособность.

– Ну да! По вашему мнению, демократия не может гарантировать безусловное подчинение отсталых стран и рост их духовности. Это привилегия диктатуры.

– Так! Западу это и не нужно. Природа мудра и совершенна. Ей абсолютно неважно, кто выиграет, а кто проиграет. Для неё нет плохих и хороших народов. Для неё мы все её дети – хорошие и плохие.

– Может, это и так. Но разве это справедливо? – воскликнула Антуанетта.

– Ощутить себя частью человечества доступно далеко не всем. Ситуация в Западной Европе со временем ухудшится, а условия жизни станут столь неблагоприятными, что выживут лишь люди высоких моральных качеств.

– Правильно ли я вас понял? – спросил Поль. – Там, где происходят конфликты на межнациональной почве, там решаются сложнейшие задачи радикальными методами. Чтобы впредь не допускать ничего подобного, необходимо объединяться.

– Совершенно верно, месье Лежар. Это именно так.

– Но то, что происходило в двадцатом веке, разве это не кара Божья за какие-то прегрешения? Иначе как увязать милосердие Бога и такие ужасы? – спросила Антуанетта.

– Зачем в те скорбные события вкладывать мистический смысл? – удивился Отшельник. – Такие события не раз уже происходили в мире. История полна ими.

Поль спросил:

– И всё же народ Армении имеет большую историю...

– Любой народ имеет свою историю, – возразил Отшельник.

– Да, мой народ талантлив – я разве спорю? Мой народ талантлив. Но это не даёт нам никаких преимуществ. Представьте: страшный

хищный зверь – белый медведь или лев – нападает на человека и съедает его. И ему безразлично, кого он пожирает – гениального художника или последнего бездельника, жизнь которого ничего не стоит. Зверю надо чем-то питаться, вот он и питается. Надо стать на позицию зверя, и тогда многое станет понятно.

28. – Вы хотите, чтобы мы стали на позицию фашистов, уничтоживших миллионы людей, или турок, и постарались понять их? – спросила Антуанетта.

– А почему бы и нет? – Поль и Антуанетта переглянулись, а Отшельник продолжал: – Давайте вспомним историю турецкого народа.

– Они ворвались в Византийскую империю, – начал было Поль, – и начали там всё сокрушать!

– Ничего подобного! – прервал его Отшельник. – Это всё сказки для детей дошкольного возраста. Вы послушайте мою версию.

На секунду в комнате воцарилась тишина.

– История этого народа начинается не с того момента, когда они захватили Византию и стали её сокрушать, как вы выразились, а гораздо раньше. Может быть, на тысячу лет или ещё раньше.

– Да что они такого делали за тысячу лет до Византии? – изумлённо спросил Поль. – И были ли они вообще?

– Были, конечно! Они же не из ничего возникли!

Антуанетта почувствовала в вопросе Поля сомнение и постаралась исправить ощущение неловкости, которое, как ей показалось, повисло в воздухе.

– Расскажите нам: что с ними было задолго до вторжения в Византийскую империю?

Отшельник и не заметил недоверчивого тона Поля. Он спокойно ответил:

– В глубокой древности их предки жили на Алтае и никогда никого не трогали.

– И что же потом случилось? – спросила Антуанетта.

– А потом, по непонятной причине, часть племён, проживавших там, стала проявлять агрессивность. Вошли в силу, я бы сказал.

– Как это – вошли в силу? Поясните? – не понял Поль. – И почему вошли?

– Никто не знает, – ответил Отшельник, пожимая плечами. –

Да это и неважно. Зачем нам это знать? Это надо принять как данность: народ с какого-то момента приобретает новые качества, которыми ранее не обладал. Один народ становится сильным и агрессивным, другой – нет. Тут нет ничего мистического или божественного. Это, кстати, не я придумал, а описал в своей работе Лев Гумилёв – сын русской поэтессы Анны Ахматовой.

Поль оглянулся на Антуанетту, словно спрашивая, знает ли она о существовании такой. Антуанетта молча кивнула, и Поль снова переключил внимание на Отшельника.

– В числе этих племён, – продолжал Манукян, – и были турки. Остальные племена до сих пор живут на Алтае. И это совершенно безобидные народы. Тогда они занимались охотой и скотоводством, и никогда в боевых походах не участвовали.

Поль сказал:

– Допустим, что так. И что же случилось дальше?

– А дальше они двинулись в Среднюю Азию. К тому времени там уже образовались земледельческие государства и трудолюбивые крестьяне, сберегая каждую каплю воды, возделывали землю и собирали хорошие урожаи. Они говорили на других языках и имели другую культуру. Воинственные племена покорили эти народы.

– Но ведь это было, видимо, давно, – заметил Поль.

– Какая разница – давно или недавно! Погибали целые народы. Мы всё же остались после нашествия турок. А те исчезли или растворились в массе захватчиков.

– А как назывались эти государства? – спросила Антуанетта.

– Бактрия, Согдиана – вам эти названия что-нибудь говорят?

– Нет, – ответила Антуанетта. – Никогда не слышала.

– А про Армению вы слышали! Вы приехали к нам, и это всё-таки большое счастье, что мы не отправились в небытие, куда отправились народы Средней Азии под натиском воинственных племён... Туркмения – это лишь пункт их большого пути. А потом пришёл черёд Кавказа. На месте нынешнего Азербайджана жили другие народы. Тюрки растворили их в себе. А уже после Азербайджана очередь дошла и до Византийской империи. Она и погибла под ударами тюркских кочевников. И как вы думаете – почему?

Поль сказал:

– Ну, это общеизвестно, почему погибла Византия. Она мо-

рально разложилась. Такое государство не могло противостоять натиску пришельцев и существовать дальше...

– Вот то-то же и оно! – торжествуяще вскричал Отшельник.
– А вы думаете, те государства, которые были в Средней Азии, а потом погибли, они были лучше Византии? Какая-то гниль была и там! Тюрки были жизнеспособнее! Потому и победили Византию!

– Вы считаете, что гибель Византии – была благом? – спросил Поль.

– В какой-то степени – да. На месте разлагающегося государства появилось нечто более жизнеспособное. Это плохо или хорошо?

– Но ведь это было связано с колоссальными человеческими жертвами! – возразила Антуанетта. – Что ж тут хорошего?

– Конечно! Турки с самого начала были жестокими. Но катастрофу, постигшую нас, можно рассматривать как поражение европейской цивилизации. Фашисты переняли опыт Османской империи и преуспели в зверствах. Один Освенцим чего стоит. Кровь брали у малых детей и переливали её своим раненым извергам. Тысячами сжигали в печах и пепел продавали для удобрений... Создали целую промышленность по умерщвлению людей, по утилизации того, что от них осталось. Новые технологии убийств придумывали... И народа сгубили столько, что, когда думаю об этом, кровь у меня закипает... Одних евреев погибло шесть миллионов! А сколько славян, цыган, да и других народов!.. А ведь я говорю только о мирном населении... – Отшельник какое-то время молчал, и ни Поль, ни Антуанетта не прерывали его молчание. – Но можно посмотреть на это дело иначе, – продолжал Отшельник. – Турки – это те самые алтайцы, которые когда-то вошли в силу. Эта сила прошла с боями через Среднюю Азию на Запад. А оттуда передвинулась на Балканский полуостров и там увязла – славяне ей не дали пойти дальше, а иначе она дошла бы и до Атлантического океана. Сила не виновата в том, что она сила. Её остановить можно только силой!

– Ну и при чём же здесь армяне? – удивилась Антуанетта.

Тигран Артурович задумался.

– Мой народ оказался в их сфере влияния. Они обошлись с нами ужасно, я их не оправдываю. Но и мы хороши! Почему им верили? Что, не понимали, с кем имели дело? Их правила: разбой! Они не виновны, что таковы. Разве виновен волк, поедающий овцу?

Это заложено в его генах! Они поступили с нами так, как поступали до этого со многими другими слабыми народами. И чего удивляться? Нужно знать, с кем имеем дело.

– Кто же хочет быть овцой? – Антуанетта взглянула на Поля, словно ожидая его поддержки. Поль только улыбнулся.

– К тому же, – сказал он, – кто может определить правду? Кто прав в споре волка и овцы? Как быть объективным?

– Ни один человек не может быть абсолютно объективным, сколь бы искренними ни были его попытки, – возразил Отшельник. – Он всегда, так или иначе, обращается к чужому толкованию, суждению, опыту. Более или менее объективной оценка прошлого может быть лишь по прошествии времени. Только потомки способны рассчитывать на объективность описания прошлых событий. Те, кого уже нет, продолжают общаться с нами через оставленное ими наследие. И современники находятся во власти их заветов, и в каждом новом поколении они стоят перед задачей осмысленного отношения к ним. Это их может уберечь от слепой веры авторитетам, от предательского беспамятства.

Артур Тигранович подошёл к окну и открыл его.

– Душно... Так о чём я говорил? Да! Но чтобы прошлое заговорило, необходима активная работа живых. Только, находя смысловые подобию исторических ситуаций и ставя их в свет соответствующего наследия, можно приблизиться к истине. Вы меня понимаете?

– Конечно.

Поль с удивлением посмотрел на жену. Смысл сложных рассуждений этого Отшельника он едва улавливал. А Антуанетта, оказывается, вполне его понимает.

– Ни в коем случае нельзя верить мнению современников, – продолжал Манукян. – Оно, как правило, не свободно от пристрастий. На него влияют разные обстоятельства. Кто, например, помнит сегодня об арабской семье, погибшей от взрыва на пляже в Газе? По первоначальной версии, причина взрыва – израильский артиллерийский обстрел. В течение нескольких дней, понадобившихся израильтянам, чтобы разоблачить клевету, человечество громко оплакивало невинные жертвы кровожадных евреев. Как только стало ясно, что взрыв был устроен самими арабами, интерес к погибшим тут же испарился.

– История не имеет сослагательного наклонения, – сказала Антуанетта. – К сожалению, мы не можем изменить то, что уже произошло. Разве только в фантастических романах.

– Совершенно верно! – Артур Тигранович обрадовался, видя, что его мысли понимают и разделяют. – В конце девятнадцатого века в Османской империи господствовало мусульманское право, наделявшее иноверцев особым статусом – зимми. Их не защищал обычный закон. Они находились под покровительством уммы – исламской общины, а точнее, её руководителей. С них брали особые налоги, не распространяющиеся на мусульман. Их можно было безнаказанно грабить. Это считалось дополнительным разовым побором. Можно было и убить неверного, если покровитель в одностороннем порядке расторгнет зимму. В таких случаях неверного уже ничто не защищало, его убийство не считалось грехом. В таком положении и жили в Османской империи армянский и другие христианские народы, как и иудеи. И при этом армянский народ, в отличие от мусульманского окружения, обладал духовной и национальной оригинальностью. У него был свой древний прекрасный язык, литература, законы, религия, ментальность... На какое-то время для этих народов вдруг забрезжила надежда избавления от такого положения с помощью Англии, Франции, России и Германии. Но попытки европейцев облегчить положение армян заставили Османскую империю увидеть в них «троянского коня» христианского мира, новых крестоносцев.

– Империи всех времён действуют по общей логической схеме, – заметила Антуанетта. – Они одержимы страстью к расширению собственных владений и сфер влияния. Эта их жажда неистребима и обостряется при военных поражениях или потерях. Они требуют отмщения.

– Правильно! Например, турки обрушили на нас серию погромов, а затем, в ходе Первой мировой войны, начали поголовную депортацию людей в безводные пустыни Месопотамии, обернувшуюся жестоким геноцидом... Но прошлое не должно стать нашим будущим! Я уже говорил, что история должна учить народы! Историю делают сильные народы, реализуя свои цели через сильные личности...

– Вы – коммунист? – спросил Поль.

Тигран Артурович грустно посмотрел на француза:

– Я знаю, что в Союзе было много плохого: национализм, террор, цензура... Но нельзя огульно охаивать всё, что связано с СССР! В моём представлении, наряду со всякой маргинальной сволочью в революции и строительстве «социализма», пусть уж и в кавычках, участвовали, и порой самоотверженно, лучшие люди России. Этим я не хочу охать других достойных людей, которые то ли раньше поняли, то ли вообще имели мужество отстаивать вполне искренне и бескорыстно другие идеи. Такова жизнь.

– Может, это и так, – сказала Антуанетта. – Но куда деть геноцид многих народов Кавказа и Крыма, да и самого русского народа? История казачества, зажиточных крестьян, интеллигенции меня шокирует. Я не очень интересовалась политикой. Но была знакома с одним белоэмигрантом, как вы их называете. И такое от него услышала, что просто не верила, как такое мог допустить народ! А что вы скажете об антисемитизме? Или это тоже «еврейские побасёнки»?

Манукян взглянул на собеседницу, и, как показалось Антуанетте, взгляд был сочувствующим.

– Представления, что евреи или армяне – какая-то особенная нация с исключительной историей, выкованной временем и обстоятельствами, с особыми способностями, не очень-то корректны. Все нации и народы имеют свою историю, и все они ни на кого другого не похожи. Но не многие народы перенесли ужасы геноцида. Не многие испытали погромы. А вот и евреи и армяне пережили ужас погромов!

– Одно дело – отношение к разным народам, другое – оценка их вклада в мировую копилку, – возразил Поль. – Евреи, например, составляют лишь четверть процента... Нет, вы вдумайтесь, четверть процента населения Земли! Но сколь непропорционален их вклад в науку, культуру человечества, начиная со списка Нобелевских лауреатов. Их вклад в процветание планеты непропорционален их численности.

– Но так же непропорциональна и ненависть, которой им платят за это, – с грустью заметил Отшельник. – Достаточно вспомнить печи Освенцима.

Он замолчал. Потом, после возникшей напряжённой паузы, продолжал:

– Факты – упрямая вещь. Конечно, немцы внесли большой вклад в математику, французы в литературу, но сколько же их на свете по сравнению с евреями? А сколько недодано миру из-за всего того, что происходило с этими народами-близнецами?! Кого ещё так нещадно травили тысячелетиями? Но, конечно же, разговоры о том, что какая-то нация лучше, чем другая, – это пустозвонство.

– С этим я могу с вами согласиться, – миролюбиво произнёс Польш.

– Однако нужно иметь в виду, что спектр мнений бесконечен, – улыбнулся Манукян. – Особенно у нас! Здесь каждый мнит себя стратегом. Каждый знает, как сделать так, чтобы было хорошо всем...

– Это есть в каждом народе, – улыбнулся Польш. – К сожалению, далеко не все способны предвидеть последствия своих решений.

– Вот, вот! – закивал головой Манукян. – Один умник так и сказал: «Я дрожу за свою родину всякий раз, когда вспоминаю, что Господь справедлив. Его справедливость ведь не может спать вечно». Им кажется, что даже когда они пользуются арабскими цифрами, они помогают исламскому фундаментализму!

– Но история показала, что если империя должна рухнуть, то никакой сверхумный лидер предотвратить этого не сумеет, – возразила Антуанетта.

– История? Я не знаю такой тётки! Она – кто? Законодательница из божественной канцелярии?

– Ну зачем же так? – удивился Польш. – Это – совокупность законов исторического развития. Так, кажется, говорят ваши друзья-коммунисты?

– Вы ещё напомните мне о неизбежности смены одной формации другой, рабовладельческого строя феодальным... – Видно было, что Манукяну несколько надоел беспредметный спор. – Я утверждаю, что очень много зависит и от лидера, и от самой идеи, которая движет народом. Ленин в ЧК не служил. Было много людей, которые прислушивались к его мнению, вот и всё. Их было больше, чем противников их идей.

– Но разве есть другие рецепты? На войне убивают!

– Это, конечно, верно, – согласился Тигран Артурович. – И всё же есть разница: гибель в бою и вспарывание живота беременной

и беззащитной женщины. Вы не находите? И всегда, уверяю вас, можно найти виновного. Армяне были виновны во всех бедах Османской империи. А ещё раньше евреев обвинил фараон Египта в том, что семь лет подряд в стране был неурожай. В советские времена у нас даже имела хождение шутка: «Армяне, берегите евреев! Покончат с ними, примутся за нас!»

– Но я – врач, и меня больше волнуют другие проблемы!

– Наверное, вы правы. Простым людям всё это неинтересно. А что касается культивации примитивизма, животных привычек человека, – тут всё просто: восстановите тоталитарный режим, цензуру, и промышленность, хоть и плохонько, но заработает. Но проблема для остальных людей всё равно остаётся, и будет нарастать по мере роста благосостояния. Не может человечество жить исключительно из любопытства, ради футбола или прочей развлекаловки. На этом пути можно только разлагаться.

– Это невозможно оценить.

– Что невозможно? – не понял Манукян.

– Оценить, что и как влияет на жизнь общества. Не следует спешить с обличением происходящего. Помнится, когда-то обличали и клеймили «фокусничество» у нас в кардиологии. А теперь во всём мире этими методами пользуются. Впрочем, так же и в искусстве, в литературе. Когда-то клеймили «словесных фокусников». А в то время у нас творили Гюго и Ламартин, Бальзак и Стендаль, Жорж Санд и Мюссе, Дюма и Мериме... Нет, не следует просто так клеймить всё новое!

– Да кто ж его клеймит?! – удивился Манукян. – Но смотреть на всё через розовые очки и не слушать иное мнение ещё опаснее. – Отшельник посмотрел на Антуанетту и сказал: – Ваш кофе совсем остыл. Его нужно пить горячим.

Антуанетта, спохватившись, отхлебнула коричневый густой напиток, испытывая удивительное блаженство. Кофе действительно был великолепным. Она взглянула на хозяина и улыбнулась. Потом спросила:

– Как вы управляетесь со своим хозяйством?

– Вы заметили в доме кавардак? Дело в том, что моя домоправительница недавно устроила забастовку и потребовала отпуск. Уехала к внуку, так что я один. А справиться со всем этим хозяйством я не могу. Питаюсь всухомятку. Просто времени нет.

Знаете, как говорится: я лежу на диване, читаю газеты, одним глазом поглядываю в телевизор, пью пиво, жую чипсы, играю ногой с собакой, а они говорят, что я ничего не делаю! – Потом, встряхнув головой, словно отбрасывая в сторону неинтересную тему разговора, продолжал: – Меня остряки называют отшельником. Но я всё же вчера выбрался в Ереван. Посмотрел тетради Комитаса, которые вы привезли. Это какое-то чудо. Просто трудно поверить, что вы – потомок издателя Кечана!

– Да. Только прапрадед и его семья погибли в то страшное время. Спаслась только моя прабабка...

Манукян вдруг вскочил, достал из ящика стола рюмки. Потом быстро вышел из комнаты и через минуту вернулся с виноградом, коробкой конфет и бутылкой коньяка.

– Эту заветную бутылку «Арарата» я берёг до значительного случая. Мне кажется, такой случай наступил! Никак не мог даже предположить, что мне доведётся принимать у себя праправнучку Кечана!

Полю явно нравился чудаковатый старик. Его чёрная бархатная куртка с накладными карманами, белоснежная сорочка с большим старомодным воротником делали его персонажем из давно ушедшего века. Он чем-то напоминал картину, которую Поль видел не то в Лувре, не то в Национальном музее Белграда: такой же умный блеск глаз, в которых видна скрытая грусть. При этом в повороте головы, в разлёте бровей, в движениях – во всём чувствовался протест и нежелание ходить строем. Такие чаще плывут против течения.

– Вы и представить себе не можете, – продолжал Отшельник-Дон Кихот, как мысленно его назвал Поль, – что вы сделали для моего маленького народа! Я даже прервал своё добровольное затворничество.

– Добровольное затворничество? Разве в современной жизни это возможно?

– Нет, конечно... Куда деваться от лавины информации? Но вот уже два года я стараюсь меньше общаться со своими коллегами.

– Чем они вас так прогневали? – удивилась Антуанетта.

– Не уверен, что это вам будет интересно...

– Интересно. Я – профессиональный журналист и собираюсь писать книгу о кровавых событиях двадцатого века.

Тигран Артурович внимательно посмотрел на Антуанетту, словно оценивая её, и проговорил:

– Ну что ж. Может быть... не хочу притворяться... Не хочу лукавить. Стараюсь избегать тенденциозности. Правда, это не всегда удаётся, но... стараюсь. Ведь эти горе-учёные часто стараются угодить многим, только не её величеству истине. А у меня возраст уже не тот, чтобы заискивать. Да и не нужны мне никакие регалии, всякие там почётные звания и ордена... Это всё – мишура! Помните, как сказал поэт? «Сочтёмся славою, ведь мы – свои же люди!»

– Разница в восприятии мира, различные реакции на разные ситуации – это совершенно естественное дело, – заметил Поль. – Другой вопрос: оно может нравиться или совсем наоборот. Вы не находите, что каждый человек воспринимает по преимуществу только то, что соответствует его внутреннему складу и, соответственно, собственному восприятию мира?

Хозяин одобрительно кивал.

– Конечно... конечно, вы правы. Вы врач. Мне приятно слышать ваши рассуждения. Они созвучны моим. Даже, простите меня, несколько поражён... К сожалению, сейчас медицина стала убежищем самых отъявленных негодяев! Да, да! Болеть сейчас очень опасно! И дорого... Полуграмотные эскулапы больше не больного обследуют, а его карман. Лекарствам доверять нельзя. Хорошо, если они – просто пустышки. Тут можно ещё рассчитывать на плацебо-эффект. Но ведь могут быть и вредными! Разбойники на тёмной дороге более гуманны, чем жулики от медицины... Ещё в раннем детстве я осознал неизбежность смерти, примирился с этим и понял, что надо сжиться с тем, что приходится переживать всё с этим связанное, и забыть об этом, пока Карга сама о себе не напомнит...

Отшельник легко переключался на любые темы.

– Различия в восприятии, – заметил Поль, – это норма. Не было бы различия, было бы скучно жить!

– Вот и давайте выпьем за многообразие жизни, за совершенно невероятный случай, который меня свёл с наследницей людей, которые сыграли какую-то роль в жизни гения моего народа! Будьте счастливы и здоровы!

Хозяин разлил коньяк в рюмки и поднял свою. Посмотрел на цвет, понюхал, попробовал его языком и лишь потом выпил, смакуя терпкий вяжущий вкус.

– А что касается оценки кровавых событий прошлого века, – он повернулся к Антуанетте, – то вы, во-первых, рискуете захлебнуться и утонуть в потоках крови, а во-вторых, нельзя было ожидать чего-то другого в борьбе двух столь разных культур. Полезно вспомнить значение греческого слова агон – конфликт характеров в трагедии. Такие трагические конфликты – не конфликты между добром и злом, а между одной и другой правдой. У каждого – своя правда, и они могут противоречить друг другу, и целые системы ценностей могут прийти в столкновение.

– И что из этого следует? – втягиваясь в полемику, загорелась Антуанетта, – геноцид армян в начале века – это борьба цивилизаций? Или Холокост?!

– Нет, конечно! Но и не следует упрощать. Не видеть всей правды, не попробовать... хотя бы попробовать понять их аргументы! Это приблизит или отдалит нас от Истины?

– Это ясно... Только есть ли у них аргументы, оправдывающие убийства женщин, стариков и детей?! Да не просто убийства, а варварские, страшные издевательства... – возразила Антуанетта.

Странное дело: сколько времени они вместе, а Антуанетта почти не бговорила с ним на эту тему. Поль был удивлён. Ему казалось, что она неспособна глубоко разобраться в этом вопросе, и её суждения поверхностны. А здесь вдруг...

– Да, конечно, вы правы... Хотите познакомиться со странной? – изменил тему Тигран Артурович. – Тут есть что посмотреть! Древнейшая христианская культура! Наш городок одного имени с рекой Раздан. Это – приток Аракса, входящего в бассейн Куры. Раздан вытекает из высокогорного озера Севан. А городок наш маленький... Раньше он носил турецкое название – Ахта, и река называлась Зангу... Всё здесь называлось по-турецки. Здесь прошло моё детство. Вдруг вспомнилось, что в самом конце войны... именно девятого мая вдруг вспыхнуло и сгорело до основания здание местного райкома партии. То ли старая электропроводка, короткое замыкание, то ли кто-то поджёг... Мы жили через дорогу. Рядом был дом молоканина, в котором жил мой друг, Алексей Тикунов. Он всё писателем мечтал стать. Увлёк его пример Горького, и он даже не стал поступать после школы в институт, а пошёл бродить по стране. Помню, писал мне из Одессы. Работал где-то строителем... Так вот тогда, после войны, мы с ним смотрели, как горит это единственное

трёхэтажное здание, как выбрасывают из окон папки с документами, сейфы, всякую другую рухлядь. И это в день Победы! Тогда никто не погиб, хотя после пожара много голов полетело... Время было тяжёлое. Но о чём это я? А! Так вы здесь на отдыхе?

– У мужа здесь – конгресс кардиологов... – проговорила Антуанетта, кладя в рот янтарную ягоду винограда. – А я хотела бы лучше узнать свои корни... Хорошо бы ещё и в Турцию поехать.

– А вы поработайте в нашей Национальной библиотеке. Там вы найдёте много интересного. К сожалению, избежать тенденциозности трудно... но почитайте!

– Нам сказали, что вы знаете о тех давних событиях...

– Да кто у нас о них не знает?! Только оценка их может быть разной! А национализм?! Обычное дело. Толпа слепа. Животные по запаху определяют: свой – чужой. А люди – по цвету кожи, по черепам! Принципиальных различий нет.

– То есть мы недалеко отошли от животных, – уточнил Польш.

– Недалеко... Все экстремистские группировки в современном мире так или иначе имеют националистический оттенок. Быть таким теперь престижно, модно и «круто». А правоохранительные органы предпочитают квалифицировать их художества для себя более привычно: возбуждают уголовные дела по статьям «хулиганство», «вандализм» или «участие в преступном сообществе». Но, скорее, просто не хотят признать факта националистического экстремизма. Прячут голову как страусы, в песок. Но такая политика приведёт к трагедии. К сожалению, этого они не понимают... Или не хотят понимать. Думают, что при необходимости смогут влиять на ситуацию... Глубокое заблуждение...

– Но это – сегодня, – сказала Антуанетта. – А что было тогда?

– О, это долгий разговор. Я постараюсь приготовить кое-какие материалы о том времени и передам вам. В какой гостинице вы остановились?

– В «Ереване». Только будем мы здесь ещё не более недели...

– Я успею. Попрошу одного моего ученика. Он вам привезёт ксерокопии документов и другие материалы о том страшном времени... Кстати, в 2007 году в Армении пройдет международная конференция по вопросу геноцида армян. Было бы вам полезно приехать, если вы серьёзно думаете писать об этом. А президент Всемирного армянского конгресса Ара Абрамян, который и

проводит конференцию, в этом вопросе мой единомышленник. Уже несколько лет мы проводим ежегодные международные конференции с привлечением видных историков, политиков и общественных деятелей, чтобы донести миру нашу точку зрения.

– К сожалению, я вряд ли смогу приехать. Но, материалы конференции будут, надеюсь, опубликованы.

– Несомненно. И я вам их вышлю.

– Спасибо!

Хозяин неожиданно проворно встал со стула и, извинившись, вышел в другую комнату.

– А почему бы тебе, в самом деле, не запланировать поездку на эту конференцию. Мне кажется, это должно быть интересно...

Антуанетта смущённо посмотрела на Поля:

– Почему-почему! К этому времени у нас будет ребёночек, и мне будет не до конференции!

В комнату вошёл Манукян.

– Вот, я принёс вам сборники прошлых конференций. Мне кажется, вам это будет интересно.

– Спасибо, – растроганно произнесла Антуанетта. – Вы очень любезны...

– Что вы, дорогая Антуанетта! Это – ничто по сравнению с тем, что вы сделали для нас! А скажите: живы ли ваши родители?

– Мама жива. Она в Париже... Недавно умерла моя бабушка. Кстати, она передала мне дневники моей прабабки. Но они написаны на турецком языке...

– Дневники дочери Кечана?! Да вы что! И где они?

– Вот, – Антуанетта достала из сумки толстую тетрадь, испанную мелким почерком.

Отшельник взял в руки тетрадь, словно хрупкую драгоценность. Сначала осмотрел обложку, то отдаляя её от себя, то приближая к своим близоруким глазам, трогал пальцами пожелтевшую от времени бумагу. Потом поднёс к носу, припнухиваясь, чуть ли не пробуя её на зуб. Осторожно открыл первую страницу и стал читать, нараспев произнося слова...

– Да! Это подлинник! Это – невероятная ценность. Вы даже себе представить не можете, что это за ценность! Кстати, я бы смог их вам перевести!

– Вы знаете турецкий?

– Конечно! Редко кто из армян не знает турецкий.
– Вы бывали в Париже? – поинтересовался Поль.
– Недолго. Дня три. Париж оставил у меня неизгладимое впечатление!

– Хорошее или плохое? – спросил Поль.

– Хорошее! Помню, на авеню де л’Опера на красивой двери висела табличка: «Мафия. 5 этаж». Конкретно и ясно. Вот это победа демократии! Мафию искать не надо. Она и не прячется. Никакого лицемерия! Париж! – он поднял голову и посмотрел на старинный шёлковый абажур. – Какой-то сплошной фейерверк... Правда, я тогда моложе и лучше качеством был!

– Давно вы были в Париже?

– Последний раз – лет десять назад, когда, словно по мановению волшебной палочки, упал железный занавес и стали возможны поездки. Меня пригласили... Впрочем, не важно. Помню, как меня удивило, когда один коллега, смеясь, жаловался, что парижские проститутки вышли на митинг с требованием выдать зарплату полицейским... А однажды мы с коллегами забрели в небольшой ресторанчик. Толстый усатый хозяин, не то из Алжира, не то ещё откуда-то, в огромном поварском колпаке сам дал нам меню на нескольких языках.

– Инглиш? – спросил он нас.

– Инглиш, инглиш, – сказали мы и стали смотреть карту на русском. Она была накарябана шариковой ручкой. Я решил заказать рис в виноградных листьях и салат с горячим козьим сыром. Это ж древнее блюдо. Козий сыр лопал ещё циклоп, которого за людоедство Одиссей лишил зрения. Принесли эти самые листья. Оказалось, что-то вроде наших голубцов. Крошечные виноградные голубчики. Однако о втором блюде хозяин торжественно сообщил, что это – греческий салат. А как же козий сыр? На большой тарелке были нарезаны крупными кусками огурцы, брынза, и всё это щедро полито оливковым маслом. Мы дали понять хозяину, что произошла ошибка. Думали, сейчас начнутся разборки в духе: «Блюдо уже сделано! Кто его будет есть? Мы?»

Но он сообщил, что, раз произошло недоразумение, – салат за счёт заведения. Я тогда ему напомнил слово «фромаж», что, как вы понимаете, означает сыр!

– А! – обрадовался хозяин, – «фромаж»!! — и удалился.

Мы заключили пари, что он принесёт кабана в яблоках или устриц с лимонным соком. Но тут он появляется с тарелкой, в которой были листья салата и напоминающие чуть поджаренные кругляши кабачков – кусочки козьего сыра. Глядя на нас вопросительно карими глазами, хозяин осторожно спросил:

– Уи?

– Уи! – киваем мы.

И тут он с улыбкой провёл тыльной стороной руки по лбу: «Ух!». Заметьте, ни одного жеста неудовольствия, ни одной отрицательной гримасы. Максимальная степень терпимости. Такую сцену у нас даже и вообразить себе нельзя. Париж – весёлый город! Помню, как-то мы с приятелем спросили у мужчины, как нам пройти к площади Бастилии. Этот умник, не задумываясь, сказал: «Пройдёте по этому мосту до середины и сразу направо!» Так мог сказать только парижанин!

В словах Манукяна было искреннее восхищение французами, их лёгкостью и талантом, и Поль благодарен был ему за это.

– А в музеи вы попали? Я не думаю, что ваши впечатления о Париже ограничились только воспоминаниями о том ресторанчике!

– Конечно! Я пешком обошёл этот прекрасный город вдоль и поперёк... Кстати, на сытый желудок легче наслаждаться высоким искусством. Но меня огромные полотна библейских сюжетов не впечатляли. Это не более чем театральные инсценировки. Понабрали с улицы народ, одели в лохмотья и доспехи и заставили изображать какие-то сцены. То ли войны, то ли мира. Всё очень статично. Я хотел посмотреть в Лувре в глаза Моне Лизе и оценить красоту Венеры Милосской. Об этой Лизе везде и всюду только и говорили. Одни утверждали, что это вообще – мужское лицо. Другие, – что мастер писал его с себя! Посмотрел. Действительно, в её облике есть нечто мужское. Поражала стереоскопичность изображения: её ладони как бы расположены ближе к зрителю. Так и хотелось до них дотронуться! Леонардо да Винчи нарисовал чудную женщину, но подсознательно наградил её чертами собственного лица... А вот секрет популярности Венеры Милосской явно не в её пропорциях! Она изображена именно в тот момент, когда сбрасывает с себя одежды и, пытаясь задержать предательски падающую накидку, забавно оттопыривает левую ногу, выворачивая ступню к себе. Возможно, скульптор специально отбил ей руки, поскольку она бы

себе ими помогала. А так эффект напряжения усиливается. Прекрасная ситуационная работа! Здесь показателен принцип всего искусства – поймать движение... Но я, кажется, снова отвлекся! Извините меня, Бога ради! Я сам стал замечать излишнюю свою многоречивость. Знаете, сижу здесь в одиночестве и разговариваю сам с собой. Удивительно приятный собеседник!

– Нет, нет! Это так интересно! Вы прекрасно это рассказали! – воскликнула Антуанетта.

– Я всё это рассказал именно к тому, чтобы показать, что в любой стране есть что посмотреть! Да хотя бы здесь: поблизости находится прекрасный курорт Цахкадзор. Красивейшее место! Долина цветов! Вечно снежная вершина Али-бека, окружённого густыми лиственными лесами и грабовыми рощами. Старинные армянские храмы... Оттуда можно увидеть наш Арарат, озеро Севан. Вся наша маленькая страна будет у вас как на ладони! Мальчишками мы там часто бывали. Но тогда всё было совсем не так. Можно было идти через гору напрямик, а можно и через селение, которое тогда называлось Рандомалом. А в Цахкадзоре, который тогда назывался Дарачичагом, мы с друзьями катались зимой на самодельных лыжах, а летом ходили в лес за дикими яблоками и грушами...

Отшельник не выпускал из рук тетради Ануш и гладил их своими короткими толстыми пальцами.

– Мы обязательно туда поедem! А теперь разрешите нам попрощаться.

– Конечно, конечно! Я передам не позднее следующего понедельника документы, которые обещал, тетради дочери Кечана и их перевод. Уверен, что это всё вам очень пригодится в работе над вашей книгой...

Манукян позвонил своему ученику, и через десять минут тот по телефону сообщил, что готов ехать в Ереван и машина его на шоссе.

29. Из гостиницы Поль позвонил профессору Меликяну и уговорил его вместо очередного застолья составить им компанию в поездке на озеро Севан.

– Жена столько наготовила!..

– Николай Минасович, дорогой! Вы хотели отблагодарить меня за помощь в Белграде? Так поедemте на Севан! Я прошу вас!

Мы уже устали от торжественных речей. Хочется побыть на природе, а может быть, окунуться и в тамошнюю воду...

– Там вода почти ледяная, особенно не окунёшься... – ответил несколько расстроенный Николай Минасович. – Знаете, Польша, мне кажется, вы и мёртвого можете уговорить. Хорошо. Но когда вы уезжаете? Если уж ехать на Севан, то я забронирую номера в гостинице, чтобы провести там пару-тройку дней. Там действительно хорошо! Кстати, я родом из тех мест, так что смогу быть вам гидом...

– Вот и прекрасно. И супругу свою берите!

– К сожалению, она вряд ли сможет. Внук сдаёт экзамены. Я говорил вам – хочет ехать в Лондон. Вбил себе в голову: Оксфорд, Оксфорд... Язык учит...

– А родители его?

– Они живут в России... Так что гидом вашим буду только я. Итак, выезд в девять утра! Успеете собраться?

На следующий день утром к гостинице «Ереван» подкатил Николай Минасович на блестящем в утренних лучах солнца темносинем «Ауди». Вскоре к нему вышли Антуанетта и Польша.

– Прекрасно! – сказал Польша. – Только по дороге нужно будет где-то позавтракать. Сегодня воскресенье, и мы едва успели принять душ и одеться. Кстати, сколько езды до вашего озера?

– Мы гнать не будем! Сама дорога туда – часть отдыха! На этот раз вашим гидом, телохранителем, опекуном и администратором буду я. Так что доверьтесь мне, и всё будет хорошо!

Профессор Эдгарян мастерски и даже как-то лихо вёл свою машину. Он включил магнитофон, и в салоне зазвучали армянские мелодии.

– Вас эта музыка не раздражает?

– Нет. А что это?

– Дело в том, что много лет назад я окончил музыкальную школу, неплохо играл на зурне. Выступал на всяких конкурсах. Мелодии народных песен: «Ашхарс ме панджарае», «Отар амайи чампеки вра», «Айреники джуры», «Сиретси – ярс таран», «Мачкал» однажды даже принесли мне Первую премию среди юных музыкантов, и родители прочили мне карьеру музыканта. Однако я мечтал о медицине!.. Но и сейчас не пропускаю концерты в нашей

филармонии. Особенно если приезжают хорошие музыканты... Недавно был на концерте квартета Комитаса. Это просто чудо!

Николай Минасович очень серьёзно относился к своей роли гида. Рассказывал о достопримечательностях, которые они проезжали. Когда узнал, что Антуанетта собирает материалы для книги, и в ней будет освещаться трагедия армянского народа, усмехнулся:

– Все говорят одно и то же! Что нового вы сможете добавить к тому, что уже всем давно известно?

– Так по-вашему, об этом следует молчать? – удивилась Антуанетта.

– Нет, зачем же так?! Но, мне кажется, нужно попытаться рассказать правду!

– А разве я говорю не правду?!

– Антуанетта-джан! А скажите мне, малообразованному эскулапу, изучали ли вы аргументацию другой стороны? Ведь если судить о том времени, нужно, как на суде, выслушивать мнение и защиты!

– Я не думаю, что какая-то новая информация очень уж изменит моё мнение. Геноцид, зверство – это нельзя оправдать...

– Это так. Только не стоит и нас, армян, представлять такими уж овечками. – Николай Минасович посмотрел на Поля и продолжал. – Мир нельзя разделить на чёрное и белое, на хороших и плохих. Не всё так однозначно. Мусульмане неоднородны. Это совокупность людей разных рас и национальностей. Есть армяне-мусульмане, впрочем, как и евреи, принявшие ислам. Мы должны понимать, что в любом народе есть экстремисты, радикалы, рвущиеся к власти и не брезгающие никакими методами борьбы. Не зря террористы из АСАЛА действовали методами арабских террористов, а Арафат когда-то говорил, что армяне с арабами – один народ.

– Армянский народ, как правило, всегда был гонимым, жертвой! – удивилась Антуанетта.

– Вот именно: как правило! Но в любом правиле есть исключения. В начале девяностых в Москве была раскрыта группа армянских экстремистов. Их можно называть мстителями, террористами, да как хотите! Они с удивительным постоянством

взрывали поезда, идущие в Баку. Гибли невинные люди. И что особенно интересно, они все были сотрудниками спецслужб!

– Так может, это было заданием Москвы? – спросил Польш.

– Вряд ли. Скорее, это был сговор и месть за события в Баку... Тогда сняли со своих постов посла Армении в России, а также нашего руководителя службы безопасности... А у нас в терроризме обвинили партию дашнаков и фактически разгромили её. Вот такая история...

Некоторое время спутники молчали, переваривая услышанное.

– И что? Это как-то оправдывает Османскую империю, её политику по отношению к армянскому населению? – нарушила молчание Антуанетта. Она была настроена воинственно, но понимала, что в чём-то этот профессор прав.

– Конечно, нет! Но они говорят, что всё, что тогда происходило, было ответом на дашнакский мятеж. Это была защита населения Турции от армянских бандитов и акты возмездия.

– А вам не кажется, что те самые армяне были гражданами Турции? Они жили на своей земле, на родине предков, и Турция должна была защищать их, а не резать стариков, детей, женщин?! – Антуанетта была удивлена словами Николая Минасовича. – Если сербы убивали албанцев, вы это тоже называете защитой населения от албанских бандитов? Или наоборот... И кто там был бандитом? Дети? Женщины? Почему бандитов призвали тогда в турецкую армию? Почему некоторые турки пытались спасти бандитов? Почему сейчас многие турецкие писатели в своих произведениях просят прощения у бандитов? Полтора миллиона бандитов?!

– Тут не только вопрос отрицания геноцида армян, – сказал Польш. – Тут нечто большее – отрицание всего, что имеет отношение к Армении, её истории и культуре...

– Мы – явление необыкновенное, феноменальное. У нас всё непросто. Не лучше или хуже, чем в обычном мире, а совершенно иначе! Мы как антивещество. При столкновении с нами происходит аннигиляция, взаимное уничтожение!

Николай Минасович взглянул на друга и замолчал. Машина шла на крутой подъём по серпантину. Слева нависала скала, а справа тянулось глубокое ущелье, на дне которого грохотала горная речушка.

– Аннигиляция?! – улыбнулся Поль. – Что-то я такого не замечал! Мы с тобой сталкивались многократно, и – ничего! Живы, слава Богу! Вот едем с тобой в одной машине, а скоро будем сидеть на берегу прекрасного озера, и волны будут ласкать песок, и вода синяя на горизонте сольётся с небом! Какая же здесь аннигиляция?!

– Не думал, что ты – поэт, – улыбнулся Николай Минасович. – Конечно, я с тобой согласен. Здесь я немного перегнул. Но я считаю, что нужно выслушать и другую сторону, услышать её аргументы.

Проехав Раздан, машина остановилась у придорожного кафе. У входа несколько в сторонке на мангале мужчина жарил шашлыки, и приятный аромат разносился по всей округе.

– Вот здесь мы и позавтракаем! – заявил Николай Минасович. – Тут должны быть хорошие шашлыки.

Он что-то сказал по-армянски шашлычнику и пригласил гостей к столику.

К ним подошёл официант. Это был мужчина лет тридцати пяти. Спортивной наружности, с правильными чертами лица. Приняв заказ, уважительно взглянул на гостей и удалился. В этот ранний час под навесом посетителей не было. Мимо проходили машины, натужно гудели моторы. В деревьях раздавались птичьи трели, и чистый воздух слегка кружил голову.

Вскоре они ели шашлыки, запивая их сухим вином.

– Дорогой Николай Минасович, вам-то пить за рулём не стоит, – сказала Антуанетта. Ей хотелось кофе, и она с сомнением поглядывала на шашлычника. Вряд ли здесь он найдётся.

– Дорогая Антуанетта-джан! Я никогда не пью за рулём! Впрочем, один фужер сухого вина – это не страшно. К тому же это не вино, а компот!

Он говорил по-французски, а официант смотрел на эту сцену и ничего не понимал. Он стоял несколько в стороне, готовый выполнить любые пожелания гостей.

После завтрака путешественники продолжили свой путь.

Антуанетта некоторое время молчала, потом, обращаясь к Николаю Минасовичу, сказала:

– Я бы хотела продолжить наш разговор о событиях начала прошлого века. Турецкая армия воевала не столько с армянским

ополчением, сколько с гражданским населением. Подстрекала Англия не только армян, но и другие народы, например, ассирийцев, пообещав им после разгрома Турции независимость. Турки привлекли для уничтожения армян курдов, которые фактически и заселили их земли. Именно поэтому я считаю, что виновниками резни армян и ассирийцев были Турция и Англия. В Лондоне отлично понимали, что армянам грозит уничтожение, но наплевали на это. Главное для них было – оттянуть часть турецких войск с фронта. Скажу больше, Англия нисколько не препятствовала этим зверствам, а наоборот, обучала и снабжала турецкую армию. Вообще подлость Лондона не поддается никакому оправданию. Внешне Англия благопристойна и цивилизована, а копни глубже, подлость, вероломство, обман и жадность. Может, потому и не поднимают этот вопрос, не хотят разобраться в геноциде армянского народа, чтобы не копаться в той постыдной истории. Именно геноцид армянского населения послужил примером для фашизма при Холокосте. Кстати, это признал и Гитлер.

– А я утверждаю, что не всё так однозначно, – возразил Николай Минасович. – Дело в том, что Холокост документально и свидетельски подтверждён на Нюрнбергском процессе. А мы почему-то отказались проводить расследование на основании архивов Турции, Германии, Англии, Армении. И никогда не согласимся на такое расследование. А знаете почему? Да потому, что это может несколько изменить представление о тех событиях.

– Фашисты большинство документов, подтверждающих Катастрофу, уничтожили, – заметил Поль, и Антуанетта молча пожала его руку. – Турки сделали то же самое. Да и фактор времени немаловажен. Так что не надо рассчитывать на то, что убийцы будут документировать свои преступления. Я убеждён, что ненависть к нации в целом – это психическая болезнь. И просто ставлю диагноз. И если диагноз не нравится, то... извините! А насчёт документов, которые подтверждали бы организованное уничтожение армян, – их не было и быть не могло!

– Слушай, Поль, – улыбнулся Николай Минасович, – я в восторге! Вот не ожидал!

– Ты, дорогой, меня недооцениваешь!

– А правда, что Белла Кочерян, супруга вашего президента, говорила, что больным армянам нужно переливать кровь только

армян?– поинтересовалась Антуанетта. – Мне это рассказал один ваш коллега на конгрессе.

– Было такое... Мало ли дур на свете? Она, видимо, не понимала, что это и есть расизм!

– Ничего себе! Я была поражена! Нет, я не верю!

– И у армян больных на голову хватает!

Николаю Минасовичу был неприятен этот разговор, и он постарался переключиться на другую тему.

– Так я всё-таки продолжу, – сказал он. – Декрет о переселении был военной мерой, обусловленной необходимостью самосохранения государства. Кстати, армяне, находившиеся в районах, расположенных вдалеке от линии фронта, переселению не подвергались.

– Их просто убивали. Куда деваться от фактов? Тысячи и тысячи убитых. Причём изуверски, изошрённо, с надругательством над святынями народа. Вардапета, архимандрита Комитаса, избивали, издевались над ним, довели до сумасшествия... Цвет нации, и заметьте, людей пожилых: профессоров, врачей... Мой предок был издателем Комитаса. И его сбросили в ущелье Кемах... А жили они в Стамбуле.

– Кто же спорит?! – согласился Николай Минасович. – Резня армян в Османской Империи, несомненно, имела место. Но я лишь говорю о том, что этот вопрос необходимо освещать предельно правдиво, без истерики. Попытаться стать и на другую позицию.

– Да не хочу я становиться на позицию этих извергов! Их ничто не может оправдать, если речь идёт об уничтожении людей по национальному признаку! Это и есть геноцид!

– Согласен! Только не стоит так горячиться, Антуанетта-джан! Турки послали армию к границе России, чтобы защитить свою страну от угрозы русского вторжения. Армия состояла из турецких подданных различных национальностей, которых призвали в армию. На фронте армяне стреляли холостыми патронами и дезертировали толпами. Это уже было плохо, но армяне не довольствовались лишь этой формой предательства. В провинциях, находившихся в тылу армии, жило армянское население. И эти люди, чувствуя, что для русских это отличный шанс разгромить турок, решили помочь этому, подняв бунт в тылу и отрезав армию от базы снабжения.

А с началом российского вторжения в Восточную Анатолию армяне начали сотрудничать с русскими, то есть с врагами Османской Империи, ещё решительнее. Линии поставки были блокированы нападениями армянских партизан. Армянские революционеры вооружили гражданское население, которое, в свою очередь, вырезало мусульманское население области Ван в ожидании прибытия русских. Это тоже факты. Если искать правду, нужно исследовать поступки обеих сторон. Разве не так? Армяне стали пятой колонной. Но шла война. А на войне как на войне.

– Я не очень понимаю, ты что, оправдываешь турок? – с удивлением спросил Поль.

– Да никого я не оправдываю! Я хочу добраться до истины. Истины! Правда есть и у нас, и у них. У каждого – своя правда. Но я хочу знать истину!

Через полчаса Николай Минасович остановил машину прямо на краю глубокого ущелья. Где-то внизу грохотал бурный поток. На другой стороне шоссе круто поднималась гора, заросшая лесом. Солнце стояло в зените, но жарко не было.

– Здесь мы охотились на кабанов! Если бы вы только знали, как это здорово!

– Вы – охотник?

– Увы! У меня много увлечений: охота, рыбалка, музыка, медицина...

– А женщины? – улыбнулся Поль. – Ты забыл о своём главном увлечении! – Потом, повернувшись к Антуанетте, сказал: – В Белграде он покориł своими голубыми глазами всю женскую часть персонала. Сердцеед. Но, помнится, успокаивал, что, являясь кардиохирургом, сам и вылечит любое разбитое сердце!

Не обращая внимания на шутки, Николай Минасович подобрал с земли похожий на сколок стекла чёрный камешек.

– Обратите внимание: обсидиан. Минерал вулканического происхождения. Когда-то в наших местах происходили извержения и земля содрогалась от вулканических взрывов. Лава растекалась во все стороны. А теперь всё стихло. Прислушайтесь!

И в самом деле, дорога, по которой они ехали, была окружена обрывистыми склонами с растущими на них деревьями. Пели птицы, стрекотали стрекозы.

Поль подержал в руках камень и передал Антуанетте.

– Очень красивый, – сказала она. – И какой тяжёлый! Из него что-то делают?

– Делают. Народные умельцы мастерят сувениры, украшения... Добывать его не надо. Он валяется под ногами.

Потом они проехали дальше, и Николай Минасович заговорил:

– Есть такое выражение: все пути ведут в Рим. А вот один американец, кажется писатель, сказал не так: все дороги ведут к воде. Куда бы вы ни пошли, всё равно выйдете к воде. И даже у нас, где нет ни только моря, но даже ни одной судоходной реки, даже у нас есть своя большая вода. И вокруг этой воды вся Армения и собралась. И всё смотрит на неё, а она, вода эта, лежит в центре страны, плещется и позволяет, чтобы люди разглядывали её, зачерпывали в ладони.

Машина катилась под гору. Шуршали на асфальте шины, а в открытые окна салона ворвался запах близкой воды. Вскоре показался и Севан. Далеко на горизонте синели горы на другом берегу. Озеро окружали скалы; оно отражало в себе синее небо и само было синим-пресиним.

Николай Минасович подъехал к гостинице «Арснакар» и определил гостей в апартаменты с видом на озеро. Сам же занял скромный номер напротив.

Переодевшись и оставив вещи, они пошли к воде.

Прогулка вдоль берега была, видимо, частью программы, которую наметил изобретательный гид. Но его рассказ о судьбе озера получился грустным. Не так должны экскурсоводы представлять иностранным гостям достопримечательности. Оказывается, ещё при советской власти Севану решили найти полезное применение. Дело в том, что озеро плескалось в своих берегах совершенно без толку. И было решено придать этому плеску народно-хозяйственный импульс. Соорудили каскад гидроэлектростанций, и вся эта бесполезно красивая вода стала выдавать полезную электроэнергию. Правда, уровень озера значительно понизился.

– А вот тот полуостров, – рассказывал Николай Минасович, – раньше был островом. И именно так он запечатлён в армянских легендах. Но пришли индустриальные времена, и всё поменялось. Когда-то к этому острову плыл ночью влюблённый юноша, а его

любимая держала факел, чтобы указывать направление, а потом огонь погас и юноша утонул. А теперь – это даже смешно звучит. Зачем плыть, когда можно по земле пройти? Нет больше того острова!.. Зато есть электроэнергия.

Поль успокоил приятеля:

– Ну, может, не стоит впадать в пессимизм? Электроэнергия на данном этапе принесла пользу, а потом её научатся добывать другим способом – так, чтобы не наносить ущерба природе. А озеро будет спасено: уровень воды восстановится, и этот прекрасный полуостров с храмом снова станет островом.

– Всё это уже давно начали делать, – сказал Николай Минасович. – Был пробит специальный тоннель для того, чтобы сбрасывать в озеро воду из другого источника, расположенного выше. И уровень воды уже повысился. Но всё равно: это не очень хорошо. И вообще, двадцатый век показал: гидроэлектростанции, о которых думали вначале, будто они самые безобидные, оказались самыми вредными. Я думаю, их придётся убирать и на Волге, и на Днестре. Представляете, сколько работы для будущих поколений?

Антуанетта зачерпнула рукой воду, – холодную и кристально чистую.

– Здесь кто-нибудь купается? – спросила она.

– Вы хотите искупаться? – Николай Минасович рассмеялся. – Конечно, купаются. Моржи и моржихи! Сами увидите. Храбрецы всегда находятся, хотя температура воды здесь не та, что у вас, на Средиземном море.

– Мы с Полем, пожалуй, не рискнём. Правда, Поль?

Поль, ополоснул лицо ледяной водой:

– Да, пожалуй, не стоит. Я думаю, мы и так сможем насладиться этой красотой.

– Здесь водится какая-нибудь рыба? – спросила Антуанетта.

– А как же! – воскликнул Николай Минасович. – Но мало. Эти места считаются заповедными, однако местные жители ловят рыбу. Времена тяжёлые, жить людям как-то надо. Они жили здесь веками, а теперь им говорят, что это не их озеро и не их рыба. Людей тоже можно понять. Здесь водилась необыкновенно вкусная рыба ишхан-дзук, если сказать по-русски, – князь-рыба. Кроме того, сюда запустили мальков сига. Но сиг – хищник, и он стал питаться этим самым ишхан-дзуком. И князь-рыбы теперь становится всё меньше.

Они прошли ещё немного вдоль берега, и Николай Минасович сказал:

– Кстати, если проголодались, мы можем зайти сейчас в тот ресторан и отведать той самой рыбы.

К центральному входу то и дело подъезжали дорогие иномарки. Из них выходили люди, и бравый парнишка отгонял подъехавшие машины на стоянку.

Музыка, доносившаяся из ресторана, и нарядная публика несколько смутили Поля.

– Мы вроде одеты не совсем для ресторана, – сказал он, на что Николай Минасович ответил:

– Успокойся! Вы – гости! Этим всё сказано.

– Мне кажется, это чудесное озеро должно располагать людей к размышлению, к задумчивости, а не к буйной радости, – заметила Антуанетта.

Николай Минасович рассмеялся.

– Тут не всё так просто. Это озеро – оно как орден на груди Армении. Побывать здесь – большая честь. Где бы ни жил армянин, его сердце находится здесь... Убежать никому ещё не удавалось. Там, в правильных и вкусных странах, – они эмигранты, а эмигранты – это лишённые своей земли люди. Это, как срезанный цветок... Да, там великолепная медицина, изумительно чистые продукты, нет нашей грязи. И цветок тот может стоять в хрустальной вазе с водой... Но именно там люди чувствуют себя плохо, не дома. А дома всегда лучше! Здесь эти горы, эта чистая вода, наконец, этот воздух, которым я никогда не могу надышаться! Здесь мы родились и выросли, пили родниковую воду, бродили по горам, влюблялись в красавиц... Чтобы всё это понять, нужно просто здесь родиться.

– А ты говорил, что я – поэт! Куда мне до тебя, – улыбнулся Поль, похлопывая приятеля по плечу.

– Наши предки были разбросаны по свету, как и народ Книги – евреи. Мы становились гражданами многих стран, вносили свою лепту в их развитие, в их культуру. Кстати, Шарль Азнавур, отмечая своё семидесятипятилетие, пригласил католикоса Всех Армян и Президента на благотворительный концерт «Святое Рождество – детям Армении». Весь доход от концерта он передал Армении для строительства школ в зоне спитакского землетрясения. Азнавур тоже

чувствует свои истоки. Являясь гордостью французов, он остался сыном моего народа!

– Тут можно впасть и в другую крайность, – возразил Поль. – Вы разбросаны по свету, это правда. Только не нужно гулять по земному шару с высокомерием, не замечая аборигенов, твёрдо веря в их природную глуповатость! Находясь в какой-то стране, нужно подчиняться её законам, изучить её язык, обычаи, культуру. Стараться не выделяться от окружающих. А то я как-то видел в самом центре Парижа цыганку в своих пёстрых юбках. А цыганята цеплялись за её многочисленные юбки, и все кричали так, что не слышно было полицейского, пытающегося их утихомирить. Армяне – прекрасный народ, спору нет! Только, мне кажется, что они столь же прекрасны, как и другие народы. Французы, например...

– Вот не думал, что я создаю впечатление националиста! – удивился Николай Минасович.

– Да нет. Только эти постоянные разговоры...

– Это же естественно, дорогой, – вступилась за профессора Антуанетта. – Маленький народ с большой трагической историей... К тому же, эти разговоры нужны мне. Можно быть наполовину не армянкой. Но быть наполовину армянкой невозможно!

– Так евреи говорят о себе... Впрочем, прекрасно сказано, Антуанетта-джан! Представьте: местных жителей, живущих на берегах озера, принято считать чуть ли не небожителями. Конечно, озеро притягивает, и люди приписывают ему магические свойства. Но есть ведь и такие вещи, как дань моде. Ритуал, наконец. Некоторые молодожёны считают для себя честью прийти сюда и окунуть руки в воду Севана или даже искупаться в нём. Этому всему придётся мистическое, я бы сказал, значение. Для них это озеро – не только великолепный пейзаж. Тут бывают люди, чуть ли ни со всего света!

Они сели за столик. Через огромное окно открывался вид на озеро. На берегу виднелась сложенная из почерневших от времени камней церквушка.

– Здесь когда-то жили монахи, – пояснил Николай Минасович.

– Откуда название: Севан? – поинтересовалась Антуанетта.

– Бог его знает, – сказал Николай Минасович. – Если мне память не изменяет, на этом месте когда-то стоял храм, который так же

назывался. Он был сложен из чёрного туфа. «Чёрный монастырь» – Сев ванк...

К столику подошёл официант, Николай Мерсопович что-то сказал ему по-армянски. Официант удивлённо взглянул на сидящих за столом и удалился.

– И что, здесь есть рыба? – спросил Поль.

– Конечно! Ещё какая! Вот мы сейчас её и попробуем!

– И какая? – сгорая от любопытства, спросила Антуанетта.

– Когда-то здесь было много рыбы. Мы здесь с друзьями ловили судака, храмуля, привезённого с Ладogi сига. И, конечно же – форель! Я о ней уже рассказывал. Форель здесь называют Князь-рыбой, «Ишхан». Я и заказал нам форель. Это прекрасная рыба!

– Здорово! Обожаю рыбу, – обрадовалась Антуанетта. – А форель никогда не ела, хоть и читала о ней много. Царская рыба!

– Я попросил несколько штук поджарить, и несколько – запечь. Надеюсь, вам понравится!

– Безусловно, понравится! У меня уже слюнки текут!

Вскоре официант на большом блюде принёс жаренную до золотой корочки форель. На стол поставил две бутылки красного вина, зелень, печёную картошку, брынзу, лаваш...

– Боже, как я есть хочу! – воскликнула Антуанетта в предвкушении лакомства. – Какая она аппетитная!

– Ну, как вам наша Князь-рыба? – спросил Николай Минасович.

– Нет слов! – ответил Поль.

– У вас во Франции, может быть, и есть всякие кулинарные деликатесы. Не зря же Франция считается великой кулинарной державой! Но и у нас, как видите, тоже кое-что есть! Это интереснейшая рыба! Она обитает только в чистейших горных реках. Когда наступает время нереститься, она идёт против сильнейшего течения, преодолевает пороги, поднимается вверх по водопаду... Когда-то мальчишками мы хулиганили и глушили рыбу негашёной известью. Было дело... Сейчас нам принесут ещё печёную форель. Пальчики оближете! Давайте выпьем ещё!

Николай Мерсопович разлил в фужеры вино и произнёс:

– Друзья! Здесь, на Кавказе, обычно произносят длинные тосты. Я постараюсь быть кратким. Предлагаю выпить за дружбу! Святой для меня тост. За дружбу!

Вышли из ресторана в прекрасном настроении.

– Плещут волны Севана, как эхо седой старины, – процитировал какую-то песню Николай Минасович. – Пойдемте, пройдемся немного вдоль берега. Севан прекрасен в это время года!

30. Вечером, во время неторопливой прогулки по берегу озера, Николай Минасович как бы невзначай спросил у друзей:

– Ну и как впечатление?

– Озеро – просто великолепно, – сказал Поль. – Ничего подобного во Франции нет.

– Озеро Севан – это чудо! – подтвердила Антуанетта.

– Мы увидели, что армяне – такие же, как и мы, французы!

Николай Минасович посмотрел на друзей и сказал:

– Это наша, чисто армянская манера – говорить так, что и не поймешь, всерьез это или в шутку. Ты, дорогой Поль, скоро совсем освоишь наши манеры.

– Я не шучу, – ответил Поль. – Я и в самом деле так думаю.

Они прошли по краю берега и уселись у самой воды на огромных камнях. Тысячелетия назад кто-то предусмотрительно их положил там, чтобы профессор Меликян и его друзья могли посидеть у воды и вести беседы о добре и зле, об удивительных причудах истории, о «тумане войн», навсегда скрывающем истину от людей ...

Николай Минасович задумчиво сказал:

– Нельзя бездумно доверять тому, что нам говорят по радио или по телевизору. И что они могут говорить в условиях информационной войны? Вчера слушал Би-Би-Си. Вещали, как плохо живётся в России. Не говорили, что русские – сволочи, но передача составлена так, что этот вывод сам напрашивается.

– И что же рассказывали? – спросил Поль.

– Тер Аствац! Господи! Что они могли рассказать?! Какой-то корреспондент из Англии впервые приезжает в Москву. Русского языка не знает. Он берёт интервью у владельца магазина, торгующего часами. Тот рассказывает ему о том, что в Москве его грабят чиновники. Наверно, всё так оно и есть. Но ведь, наверно же, не только это. Например, он смог же открыть свой магазин в Москве? А

при советской власти бы не смог!.. Сатанан тан ы! Чёрт побери! И что его держит в той Москве? Поехал бы в Сибирь или в Америку!

Потом он стал жаловаться на то, что у его сына в школе учителя вымогают деньги за хорошие отметки. Перечисляет, заметьте, только плохое, и ничего хорошего. На этом интервью и заканчивается. А теперь вопрос: что должен думать о России среднестатистический житель Великобритании, если слышит только такую информацию? Ответ понятен.

Антуанетта сказала:

– Я даже знаю, как бралось это интервью. Где-нибудь в баре. За сотню долларов заштатный обыватель стал владельцем магазина. Он с таким же успехом мог стать фермером или владельцем завода. И всё это наговорил в микрофон по заранее составленному плану. Для этого можно было и не выезжать из Лондона! Порядочный журналист никогда этого себе не позволит.

– Наверно, вы правы! Честный журналист или говорит достоверно, приводит конкретные факты, документы, или... молчит.

Вода в озере к вечеру стала свинцовой. Поднялись небольшие волны. Они бились о камни и рассыпались в брызги.

Николай Минасович сказал:

– Что-то у нас разговор всё время уходит в безрадостную сторону. А ведь мы с вами сидим на берегу такого красивого озера. Может быть, оно живое и сейчас слышит нас, и удивляется, что мы предаёмся унынию. Мне всегда казалось, что вода обладает свойством видеть, понимать и запоминать! Она накапливает в себе добро и зло, а потом отдаёт это всё людям. Так что возле воды нужно быть осторожным. Пусть она заряжается от нас только положительными эмоциями.

Николай Минасович посмотрел на друзей и, заметив грусть в глазах Антуанетты, вдруг заботливо поинтересовался:

– Аствац им! Бог мой! Здоровы ли вы? Или устали?

– Всё хорошо, дорогой друг, – ответила Антуанетта. – Слишком много впечатлений. Просто не очень хорошо себя чувствую...

– Что случилось? Неужели я виноват?

– Ну, что вы?! – улыбнулась Антуанетта. – Наверное, это результат высокогорья. Да и воздух здесь такой, что от избытка кислорода даже кружится голова... Я где-то читала, что кислород – сильнейший яд!

– Вполне возможно, дорогая Антуанетта-джан! – серьёзно сказал Николай Минасович. – Не забывайте наполнять сердце любовью. Это – профилактика всех болезней!

– Этот медицинский ваш совет я уже слышала в Белграде от своего доктора, и исполняю его с огромным удовольствием. Сердце у меня переполнено любовью!

– Ах, любезная Антуанетта-джан! Если бы вы знали, как мне приятно это слышать! Когда вы печальны, сердиты, подавлены, когда вы плачете или нервничаете, ваши органы выделяют яды; но если вы счастливы и улыбаетесь, – они производят подобную меду целительную жидкость. Всё, что нужно делать, – это улыбаться. Благодаря такому простому действию мир меняется, и то, что грозило оказаться неприятностью, ею не становится. Улыбайтесь – и все ваши неприятности растают, как лёд под лучами солнца!

– Как красиво вы говорите! – воскликнула Антуанетта. – И это весь ваш совет?

– Бог мой! Ну, что вы?! В правилах, которые я вслед за мудрецами Востока разработал для себя, есть целый набор таких перлов. К сожалению, я не всегда последователен. Знаете, как говорится: сапожник без сапог. Вот и мне – легче советовать другим, чем делать самому.

– И что это за правила?

– Их много, Антуанетта-джан! Ну, например: держите голову в холоде, а ноги в тепле. Так вы наверняка избежите накопления энергии в голове, из-за которой вы можете почувствовать дискомфорт или даже заболеть. Если слишком много энергии идет в голову, может повыситься кровяное давление. Отводя энергию к стопам, вы можете понизить давление, а, следя за тем, чтобы ноги были теплыми, – предотвратить сердечный приступ.

– А ещё? – улыбалась Антуанетта. Настроение её улучшилось, и она с любопытством смотрела на этого энергичного, весёлого человека. «Какие прекрасные друзья у Поля! Впрочем, а какие они могут быть?», – подумала она.

– А ещё не пере едайте, так как это наверняка сокращает вашу жизнь. Съесть мало лучше, чем съесть много. Перед едой всегда нужно сделать лёгкий вдох и проглотить немного воздуха. Соблюдайте умеренность во всём! Слишком длительная ходьба

вредит связкам; длительное сидение вредит мышцам; стояние вредит костям...

– А я люблю лежать! – улыбнулась Антуанетта.

– А вот слишком длительное лежание вредит жизненной энергии. Гнев, печаль, сожаления и меланхолия вредны, как и слишком большая радость или удовольствие. Страдать и волноваться вредно. Короче говоря, соблюдайте умеренность во всём!

– Вот-вот! Об этом мне говорил и мой доктор в Белграде!

– Чёрт побери! И кто же этот столь мудрый доктор?

– Поль! С некоторых пор у меня только один доктор! Он тоже говорил об умеренности. Ну, что ж, я, как мне кажется, этого правила и придерживаюсь!

– Вот и хорошо! Я предлагаю продолжить наше путешествие вокруг озера, помня, что длительное созерцание вредит крови.

– А длительное сидение вредит костям! – улыбнулся Поль.

– Вокруг озера?! Это же далеко! – засомневалась Антуанетта.

– Ну, не вокруг, так просто пройтись вдоль берега. Вы увидите много интересного. Это я вам обещаю.

– Красивое оно, – сказала Антуанетта. – Пойдёмте, конечно. Только не очень далеко...

– Конечно, это я понимаю...

– А утром я видел парусник, – сказал Поль. – Удивительно красивое зрелище. На фоне синей воды и голубого неба белый парус, как символ надежды... Тут где-то яхт-клуб?

– Путешествие на таком паруснике мы вполне можем предпринять, если хотите, – сказал Николай Минасович.

– Нет, нет, я боюсь качки, – поспешила сказать Антуанетта. – Это рыбаки?

– Нет, что вы?! Это прогулочные парусники. Вообще вокруг озера есть кольцевая дорога. Можно проехать и на машине, посмотреть наши старинные монастыри...

Николай Минасович промолчал. Потом сказал в раздумье:

– Раньше этот городок, который тоже называется по имени озера Севаном, стоял у самой воды, а теперь вода ушла и до неё от городка не менее двух-трёх километров. Вскрылись всякие древности. Здесь даже раскопки когда-то вели. А к востоку от озера базальтовые поля. Прямо-таки лунный ландшафт!

Они ещё долго гуляли у берега озера, смотрели на воду, серое

небо, прячущееся за горизонтом Солнце. Стало прохладно, и Поль сказал:

– Мы могли бы пойти в ресторан, послушать там весёлую музыку и развлекаться, – предложил Поль. – У воды даже прохладно становится.

Николай Минасович улыбнулся:

– Bravo, любезный друг! Вы вполне освоились на нашей земле. Вам остался только маленький пустяк: выучить язык, и вы вполне сможете выдать себя за аборигена.

– Особенно с его чёрными волосами! – воскликнула Антуанетта, доставая из сумочки сигареты. Увидев, что супруг смотрит на неё с упрёком, сказала: – Ну что ты смотришь на меня так? Я бросаю. Не могу же прямо так, сразу взять и бросить?

– А насчёт чёрных волос, – сказал Николай Минасович, – это вы не правы. Именно здесь на берегу нашего озера живут армяне с рыжими и светлыми волосами и голубыми глазами. Кстати, если вы обратили внимание, у меня глаза голубые. Правда, волос почти не осталось. Но когда-то, поверьте, они были светлыми и курчавыми!

– Кто ж на это не обратит внимания! – рассмеялся Поль. – Я уже говорил об особых свойствах ваших глаз, просто не хочу повторяться, а то вы возгордитесь. Ну, так как насчёт ужина в ресторане?

Они пошли к тому же ресторану, где обедали. У входа толпился народ. Играли армянские мелодии. Длинный как жердь мужчина старательно выводил мелодию на зурне, а толстенький лысый коротышка пальцами выбивал на барабане замысловатый ритм, то и дело сам пританцовывая. Скромный кларнетист вторил зурне, протяжно внося в веселье немного томной грусти.

– Нам повезло, – сказал Николай Минасович, – вы увидите армянскую свадьбу!

Они оказались в шумной компании и вскоре были вовлечены в неё.

Николай Минасович шутил:

– Хотели избежать торжественности, а попали на свадьбу!

– Да мы ещё никуда не попали, – пытался отшутиться Поль. – Просто они нас как-то вдруг окружили и заболтали, но мы же свободные люди: захотим сейчас – и пойдём в другой ресторан...

– Дорогой мой! Вы не поняли! Так просто уйти со свадьбы,

если вы заинтересовали её устроителей и гостей – у нас невозможно. Не станете же вы обижать людей? А особенно эту прекрасную пару? Вы их этим обидите, а они подумают, что это плохое предзнаменование?

В это время девушки, окружавшие невесту, запели по-армянски. Это было так красиво и мелодично, что Антуанетта подошла ближе к Николаю Минасовичу и спросила:

– О чём они поют?

– Это обычное песнопение на свадьбе. Они поют от лица невесты. Я попробую вам перевести:

*Пороги дома! Вы не шевелитесь,
Шевелиться должна я:
Увозят меня, Сусанну!*

*Нары дома! Вы не колебайтесь,
Колебаться должна я:
Увозят меня, Сусанну!*

*Земля! Не дрожи ты,
Дрожать должна я:
Увозят меня, Сусанну!*

*Деревце! Ты не колыхайся,
Колыхаться должна я:
Увозят меня, Сусанну!*

*Солнышко! Ты не восходи,
Уходить должна я:
Увозят меня, Сусанну!*

Зурна и кларнет рыдали, выражая печаль невесты, покидающей отчий дом. Здесь и боль расставания, и робкая надежда на то, что и в доме жениха ей будет неплохо. А потом музыканты заиграли танцевальную мелодию. Барабаны стали громче выбивать ритм, и на площадке перед рестораном образовался круг. Плавно поплыли девушки, красиво, взмахивая руками, словно крыльями. Вслед за ними в круг вошли и ребята. И завертелась, загуляла свадьба!

Поль видел, что Антуанетта уже беседует с молодыми людьми, а его самого от такого же внимания окружавших людей спасало только незнание языка. Как на грех вся эта шумная компания не знали ни слова по-французски, и говорила только по-армянски. Даже русская речь здесь звучала как иностранная. По этой-то причине Николай Минасович и оказался вдруг чуть ли не в центре всеобщего внимания: от него требовали, чтобы он что-то перевёл Полю. Все смеялись как дети, и веселье у них было какое-то особенное...

Жених, плотный парень с чёрными волосами и чёрными, как сливы, глазами, был одет в тёмно-синий в полосочку красивый костюм. Галстук, и платочек, выглядывавший из кармана, – всё, как и должно быть! Он старался держаться солидно, хотя ему это не всегда и удавалось – он смущался. Невестой была голубоглазая блондинка в подвенечном платье. Родственники и друзья – все о чём-то говорили, смеясь и жестикулируя.

Потом выяснилось, что молодые – студенты Ереванского медицинского института. Жених живёт с родителями в Ереване, а невеста родом из этих мест.

– Они приглашают нас разделить с ними торжество, – перевёл чьи-то слова Полю Николай Минасович.

– Как здорово! – закричала Антуанетта по-французски. – Мне так здесь нравится.

– Почему бы и нет? – сказал Поль.

Уже смеркалось, когда все вошли в красочно украшенный зал. Здесь всё было готово к праздничному застолью.

– Это ведь местные жители, – говорил Николай Минасович.

– Если они живут так близко, тогда зачем приехали на машинах? Могли бы и пешком прийти! – сказала Антуанетта.

– А это часть армянского менталитета. В наших краях все любят показуху. Это наша маленькая слабость, и её нужно понять...

– Да мы и не возражаем, – сказал Поль, рассмеявшись. – Французы тоже очень любят показуху, и ещё неизвестно кто больше – вы или мы... Я так понял, это какой-то интернациональный брак? – спросил Поль. – Девушка русская, а парень армянин, да?

– Там у них всё не так-то просто! – рассмеялась Антуанетта.

– Я ошибся? – спросил Поль.

– Ошиблись, ошиблись, – сказал Николай Минасович и тоже как-то по-особенному рассмеялся.

– Что это вы всё смеётесь, что-то недоговариваете, – удивился Поль. – Или это потому, что я не знаю армянского языка?

Николай Минасович опять рассмеялся:

– Ну, что вы, дорогой друг?! На самом деле всё не так-то уж и смешно. Дело в том, что невеста – из здешних мест, а жених из Еревана. Как я успел понять из разговоров, родственники жениха долго не соглашались на этот брак. Это обидело родственников невесты. Они считали, что эти, из столицы, слишком высокомерны. Парень решил жениться на своей Сусанне вопреки воле родителей. В наших краях такое бывает редко, но, как видите, – бывает.

– Но, если родители были против, то кто все эти люди, которые окружали молодожёнов?

– Видите ли, мы отходчивы. Эти люди и есть их родители и родственники с обеих сторон.

– Они уже помирились?

– Похоже, что так...

Их усадили за стол, как дорогих гостей, и свадьба продолжалась уже с длинными торжественными речами, с подношениями подарков.

Потом снова заиграла музыка. Молодёжь извивалась в современных танцах, совершенно не интересуясь, как это выглядит со стороны. Это были ереванские друзья-студенты. Местные жители смотрели на них с молчаливым осуждением. Но когда французские гости и известный в этих местах профессор Эдгарян тоже пошли танцевать, все успокоились: значит, так можно.

Николая Минасовича не заботило, как он выглядит в глазах публики – он просто танцевал в своё удовольствие, и у него, как показалось Полю, получалось хорошо. Сам Поль, попробовав немного себя в искусстве кавказского танца, но, в конце концов, предпочёл отойти в сторону и заняться полезным делом – ритмично хлопать в ладоши, пока другие танцевали.

К этому времени тосты отгремели, и эта утомительная для французских гостей часть свадьбы была позади. Кто-то продолжал танцевать, кто-то громко разговаривал и смеялся. Гости разбились на группы, и никто не обращал друг на друга внимания.

– Николай Минасович, – сказал Поль, – наверно, пора нам уже и честь знать? Жена неважно себя чувствует. – Ей нужно отдохнуть.

– Да, конечно.

Они вышли из ресторана, и пошли в гостиницу. Завтра предстоял ещё один день на берегу чудесного озера. Потом по дороге в Ереван хотели ещё заехать в Цахкадзор. Они столько слышали об этом прекрасном месте, что решили, если будут силы, посетить его.

31. Первая половина следующего дня прошла в неторопливых прогулках по берегу. Казалось, озеро и в самом деле впитало в себя какую-то важную информация и теперь отдавало её людям. Нужно было только прислушаться к плеску волн и пристальнее взглянуть в эту прозрачную синеву.

Антуанетта сказала задумчиво:

– Глядя на озеро, я думаю: что служит хранилищем информации: камни и скалы или вода? Они ведь столько видели!

Поль пожал плечами.

– Хочется думать, что информация есть, но если это и так, то она хранится в природе неизвестно каким способом и неизвестно в какой форме. Представь: я сделал операцию больному, значит, скальпель должен хранить в себе информацию о моей операции? Или о моих ощущениях? Но ведь это же кусок металла!

Николай Минасович возразил:

– Вы не поняли вопроса! Что является хранителем информации – вода или вот эти скалы?

– Если допустить, что информацию вообще могут хранить вода или камни... – сказал Поль.

– А мы допустим. Кто нам мешает? И что тогда?

– Тогда, свидетелями исторических потрясений являются скалы и горы.

Николай Минасович скептически покачал головой.

– По этим камням не так-то много людей ходило. Эти камни бо́льшую часть своей жизни провели на дне озера.

– Ну, хорошо, – согласилась Антуанетта. – Вон те камни, а не эти. И горы. Они всё видели и всё помнят. А вода –временное явление. Она втекает и вытекает. Она испаряется. Это не та же самая вода, что была здесь тысячу лет назад. И всё же у меня такое ощущение, что и она хранит в себе информацию. Вода всё помнит, и всякий её поймёт и почувствует.

– Совершенно верно! – сказал Николай Минасович – Вот у

этого озера мы чувствуем, что находимся в сердце Армении. Разве не так?

Антуанетта кивнула: да, правильно.

Потом они катались на яхте, и было такое впечатление, как будто они попали в море, а горы, окружающие их со всех сторон, – декорация. Мир казался нереальным. Синяя вода, голубое небо и яркое солнце, чайки за бортом, воздух с мелкими брызгами, ветерок, раздувающий парус, – всё казалось сказочным. Чайки с громким криком летели за яхтой в надежде поживиться тем, что время от времени бросали им люди.

Николай Минасович с сожалением сказал:

– Хорошо, но мало. У нас ещё моторные дельтапланы есть. Пилот берёт одного пассажира и носится с ним над озером. Может, полетаем?

Поль и Антуанетта видели, что он шутит, поэтому особенно спорить не стали.

– Знаете, за что я не люблю озеро Севан? – спросил Николай Минасович. – Каждый раз, когда мне нужно отсюда уезжать, мне трудно расставаться с этими местами. Но оставаться и жить возле озера тоже не могу. К городу привык. Там работа, семья, друзья, обязанности.

Что-то похожее они слышали во французских Альпах. Наверное, так бывает всегда, когда сроднишься с местом, где тебе легко и хорошо.

Николай Минасович подогнал машину, заявив, что пора отправляться в обратный путь.

Ехали вниз под горку. Николай Минасович продолжал философствовать.

– Вы знаете, что здесь есть такие места, где сила притяжения действует по другим законам. Колесо или пустая бутылка, которую вы заставите катиться под гору, в таких местах останавливается и не катится. Иногда даже катится в обратном направлении. Я помню, по телевизору показывали такое место в Северной Корее. Но у нас на Кавказе тоже есть такие места.

– Может, это нечистая сила, ну или что-то вроде этого? – спросила Антуанетта

Николай Минасович засмеялся:

– Местные и про снежного человека вам могут рассказать! –

улыбнулся Николай Минасович.

– А что говорят по этому поводу армянские народные сказания? – спросил Поль.

– По-моему, ничего особенного. То же, что и у других народов. Сказки – они и есть сказки. А у сказок свойство какое? Они не знают границ и шагают по планете, не обращая внимания на цвет кожи людей, на их образ жизни или на климат, в котором люди живут.

Поль спросил:

– А интересно, есть ли в Армении такие места, где люди не смотрят телевизор из-за горной местности, где они не подвержены разлагающему влиянию цивилизации?

Николай Минасович рассмеялся:

– Таких мест сколько угодно! Даже в центре Еревана! А если серьёзно, то – вряд ли можно найти такое место! Колхозы и совхозы везде были. В армию молодых парней забирали и отправляли служить по всей стране. Школы, наконец. Случалось, конечно, что человек имел аттестат о школьном образовании, а едва-едва мог читать и писать. Но, такие встречались не часто. Армения всегда была республикой, где грамотность и знания уважались. Здесь у меня вдруг снова возникают аналогии с народом Книги – евреями. У них образование всегда высоко котировалось. К нему стремились. Ради него жертвовали очень многим. Так и у нас... Потому у нас и есть приличные математики и врачи... да мало ли кто?!..

Час спустя они остановились придорожного кафе, раскинувшегося под сенью огромного развесистого дуба. «У Самвела», гласила вывеска. Хозяин – здоровенный мужик в футболке с надписью «Это я – Самвел» вышел на встречу.

– Милости просим, – сказал он по-русски с сильным армянским акцентом. – Вай-вай! Я всё вижу! Устали с дороги! Заходите к нам. Отдыхайте чуть-чуть, кушайте чуть-чуть и ехайте дальше! Я правильно говорю?!

– Устали, не устали, а заходить к тебе в кафе не будем. Поели не так давно, – ответил Николай Минасович. – А вот шашлыками там у тебя пахнет. Это нам нравится. – Он повернулся к Полю и Антуанетте и спросил по-французски: – Может, по шашлыку? В здешних краях дивные шашлыки готовят.

– Конечно, – согласился Поль.

– Почему бы и нет, – ответила Антуанетта.

– А вы что – иностранцы, что ли? – спросил Самвел, услышавший незнакому речь.

– Какая разница! Иностранцы, не иностранцы! – Николай Минасович вышел из машины. – Люди кушать хотят. И твоё дело их накормить. Или я не так понимаю твою задачу?

– Так, танкагин, конечно, так, дорогой! Накормим! Почему не накормить?! И вино у меня хорошее! Будут гости вино?

– Нет. Поить нас не надо! Не могу понять, откуда у тебя шашлыками пахнет?

– А вон там за деревом! Там дедушка Артур – к нему идите, там столики стоят, а я вам принесу туда сыр-мыр... лаваш... И вино принесу! Даром! Как, скажи, танкагин, шашлык не запить вином? Это что такое? Это получится не шашлык, а... не знаю как сказать... Честное благородное слово!

Антуанетта с удивлением всматривалась в эту сцену: два армянина говорят между собой по-русски (причём один из них – с трудом!) и всё только для того, чтобы ей было понятно, о чём речь.

Дедушка Артур пристроился между огромным деревом и нависающей скалой. Она давала тень и защищала от палящего солнца, а в случае дождя могла защитить не только старика со всем его шашлычным хозяйством, но ещё и человек десять гостей.

Самвел сказал:

– Шашлыки сейчас будут...

Николай Минасович усадил своих спутников за стол. Сказал Самвелу:

– Скажи, пожалуйста, а минеральная вода у тебя есть?

– Вай, кто здесь пьёт минеральную воду? Наша вода лучше любой минеральной! Я правильно говорю? Я вино принесу! Попробуешь, благодарить меня будешь!

Уже когда они уселись за столом, и стало ясно мастерство старого шашлычника, к ним подошёл маленький невзрачный человек неопределённого возраста. Он присел к ним за столик и робко спросил на плохом русском языке:

– Барии март, простите, здесь не занято?

Барии март – добрый человек
Николай Минасович только пробурчал ему в ответ:

– Свободно, как видите!

А Антуанетта почему-то вдруг устыдилась, что у них на столе всего много, а этот щупленький и скромно одетый человек, видимо, голоден, сидит и смотрит на все эти яства, и глотает слюну. Она доброжелательно улыбнулась:

– Здесь свободно... Вы присоединяйтесь к нам!

Но старый шашлычник заметил появление маленького человека и тут же стал ругаться на армянском языке. Тот стал ему что-то отвечать, но не по-армянски, а по-русски:

– Но эти люди не сказали мне, что я им мешаю!

– Мало что не сказали! Они подумали! Зачем мешаешь, а? Appetit портишь... Люди хотят отдохнуть, покушать шашлык, а ты как воробей, тут как тут... Уходи отсюда! Уходи, а то я Самвела позову, и он тебе покажет, как шататься без дела!

– Самвела – не надо! Зачем Самвела? Я ведь пришёл не к Самвелу, а к этим хорошим людям! А вы опять меня будете прогонять как собаку! Но это нехорошо, это не по-доброму! Разве так можно?

– А в чём, собственно проблема? – спросил Поль, которому пока ещё никто ничего не перевёл и он пытался лишь догадаться, что происходит.

Николай Минасович сказал:

– Это, видимо, какой-то местный попрошайка. Его хотят прогнать, а он не хочет уходить.

– Может быть, он хочет есть? Давайте его накормим?

Николай Минасович крикнул что-то шашлычнику по-армянски. Тот, ни слова не говоря, но с недовольным лицом поставил перед маленьким человеком тарелку с мясом, и он с жадностью принялся его уплетать.

Антуанетта сказала по-французски:

– Сразу видно, что давно не ел. Спросите, как его зовут?

Николай Минасович спросил. Тот ответил по-русски:

– Это трудный вопрос, нелёгкий вопрос. Кто-то думает, что меня зовут Варган, а кто-то думает, что я Саркис. Мнения у людей бывают разными, а я не спорю. Пусть думают, как хотят. Я божий человек и в глазах Господа имею, наверно, какое-то имя. А какое – только ему известно.

– Но вы-то сами знаете, как вас зовут? – спросил Николай

Минасович, не скрывая иронии.

– И я не знаю, – признался человек и почему-то страшно огорчился. – Не могу вспомнить... Наверно, было и у меня имя. Только – не помню, и всё!

– Зря вы его тут кормите! – сказал подошедший к ним шашлычник. – Нечего бездельников кормить! Я его сколько раз просил: помоги дров наколоть, подмести, принести воды! Никогда не помогал! А как до еды доходит, так он первый! И начинает клянчить у достойных людей, которые здесь останавливаются. Самвел хотел вызвать милицию, да пожалел. Говорит: ему не милиция нужна, а сумасшедший дом. Пусть бы там жил.

Уже когда они садились в машину, Самвел всё-таки заметил появление в его владениях нарушителя и сделал попытку выгнать его, но маленький человек и сам поспешил прочь.

– Кто он такой? – спросил Николай Минасович хозяина шашлычной.

– Обыкновенный бездельник! – выкрикнул за него шашлычник.

Самвел не был столь же категоричен:

– Зачем так говоришь? Когда-то он был совсем нормальным. Я правильно говорю? А потом свихнулся. Что-то случилось с его бедной головой. Слышал я, у него в Карабахе семья на глазах погибла... Вав-вай, сколько ещё горя на земле! Сколько крови льётся?! И вот теперь он бродит по нашим дорогам и просит хлеба... Люди его гонят, но... жалко же! Я правильно говорю? Потому и гонят не очень сильно. Чуть-чуть. И я тоже – чуть-чуть гоню. Только делаю вид... Но всегда его подкармливаю. Не собака же, – человек! Да и собак жалко. Я правильно говорю? Бедный человек, несчастный... Не дай Бог нам такое пережить! Да кто может знать? Я правильно говорю?

– Правильно, правильно, – успокоил его Николай Минасович. – Но нам пора.

Машина выехала на шоссе и стала набирать скорость.

– А скажите, уважаемый Николай Минасович, как сейчас держатся психические больные? – спросила Антуанетта – Как их лечат сейчас и как лечили раньше?

– Это вы к чему, уважаемая Антуанетта-джан? – не понял профессор.

– Я всё время думаю о Комитасе. Двадцать лет в психушке! Это не месяц, не два... Годы...

– Что вам сказать? Когда-то психических больных считали одержимыми Дьяволом и приковывали цепями. Во времена Комитаса, конечно, такого уже не было, но и лечения-то практически не было. Это, скорее, были учреждения, где содержали социально опасных людей. Лечить тогда психические болезни не умели... Бесперспективность лечения порождала скепсис и уныние.

– Представляю, что значит творческому человеку, каким был Комитас, двадцать лет провести в такой больнице, – заметил Поль. – Ведь у таких больных бывают периоды полного просветления. И что было ему делать?

Антуанетта сказала:

– В это время он писал стихи, сочинял музыку. Вам знакомы его стихи?

– Когда-то читал что-то. Но не буду лукавить, мало что знал... Так... какие-то фрагменты...

– А вообще вы стихи любите? – спросил Поль.

– Хорошие люблю. Но не запоминаю. Моя память по-иному устроена...

– И я с трудом запоминаю стихи, – заметил Поль. – Но одно дело – любить стихи, а другое – запоминать. Вот Антуанетта у меня знает столько стихов, что мне-то зачем их заучивать? Если что – она всегда рядом!

– Понятно. Нам так не жить! И это у вас называется демократией? А у нас это называют эксплуатацией человека человеком...

– А что, у вас нет разве демократии? Я что-то не заметил, чтобы у вас кто-то жаловался на притеснения и отсутствие свобод.

– А что ты мог видеть, побывав у нас пару недель?! Какая у нас демократия? Сплошная фальшь...

– Фальшь? – удивилась Антуанетта. – А в чём она проявляется?

– Единственное, в чём преуспели демократы, так это в разоблачении коррупционеров среди высшего руководства. Но на положение дел в целом это не влияет. К сожалению, нет у нас идей, и нет у нас подходящих для этого личностей. Впрочем, разве не то же самое в России, в Германии или Италии? А у вас что, иначе? Система голосования несовершенна. Кандидаты всю используют

административный ресурс и деньги налогоплательщиков на свою избирательную кампанию... Недавно Блера макнули: его доверенное лицо продавал места пэров Англии и деньги брал немалые. Правда, не себе в карман, а в партийную кассу. Но какая разница? Всё продаётся и всё покупается!

– И всё же общество ничего лучшего не придумало. Сегодня для жизни необходимо объединение. В одиночку не создать не только сердечного клапана, компьютера, самолёта, но и шариковой ручки! Чтобы действовать сообща, люди вынуждены жертвовать частью своей свободы, – убеждённо проговорил Польш. – Нужно соблюдать законы, укреплять суды, реально обеспечить свободу слова...

– Но насильственное распространение демократии по Бушу или мирового коммунизма по Брежневу – преступно, – пожал плечами Николай Минасович, – как любое насилие. Недаром в России главный их коммунист Зюганов провозгласил, что в случае прихода к власти будет строить социализм с рыночными отношениями.

– Демагогия, – улыбнулась Антуанетта. – А скажите мне, дорогой Николай Минасович, есть ли у вас расизм или другие формы этнической дискриминации?

– Расизма нет, – ответил он твёрдо. – А всё остальное, наверно, всё же есть. В малых количествах... Есть придурки, называющие себя патриотами, а на самом деле являющиеся националистами.

– Ну да! Как везде, – кивнул Польш. – Форма борьбы за власть... И у нас во Франции есть такие! Поиски врага и нахождение «виновного», объясняющего провалы политики, – таковы правила игры. Вот я и говорю: национализм – инструмент политической борьбы.

За разговорами они не заметили, как въехали в Ереван. Город жил своей жизнью, и, казалось, ему не было никакого дела до того, что кто-то сейчас погружён в мысли о судьбе Армении, Кавказа или даже всего мира. «Ауди» промчалась по улицам города и остановилась у гостиницы «Ереван».

Уже в номере Польш сказал с грустью:

– Вот и ещё одна страница нашего пребывания в Армении перевёрнута.

32. В Ереване был уже поздний вечер, когда Антуанетта позвонила в Париж.

Катрин сразу же взяла трубку и, услышав голос дочери, призналась:

– А я только что думала о тебе.

– Хорошее или плохое? – спросила Антуанетта.

– О дочери? Только хорошее. И о зяте – тоже. Беспокоилась: как вы там?

– У нас всё нормально. Столько интересного!

– Расскажешь! Когда вы возвращаетесь?

– Примерно через неделю.

– Как ты себя чувствуешь?

– Сегодня устала... Знаешь, мы с Полем всё-таки тебя сделаем бабушкой!

И тут пошли советы – что полезно, а что не очень. Поль тихо посмеивался, и сказал только:

– Не забудь, любовь моя, передать привет от меня!

– Мама! Тебе привет от Поля! – восторженно крикнула Антуанетта.

За окном просыпался город, а горно-озёрная экзотика воспринимались, как сладкий сон. Антуанетта долго лежала с открытыми глазами и сожалела, что этот волшебный сон закончился. Поль тоже не спал. Спросил:

– О чём ты думаешь?

– Всё – как во сне. Как в сказке. Скоро домой...

– А что было?

– Озеро! – не задумываясь, ответила Антуанетта.

Поль повернулся к ней:

– Ну, во-первых, здесь ещё не всё кончилось. Предстоят интересные встречи. А во-вторых, – твоя книга! Тебе ещё не раз переживать всё, что мы видели, о чём говорили... Так что – зря расстроилась...

После завтрака позвонил Отшельник и сообщил, что к ним едет мужчина и передаст переводы документов и текста дневника Ануш. Если он их не застанет, пакет оставит у портье.

– Вы уже перевели?!

– А вы думаете, что я только и делаю, что сижу в башне из слоновой кости и по ночам считаю звёзды? Ждите: по моим расчётам через час он должен быть у вас...

Поль посмотрел на Антуанетту и весело произнёс:

– Помнишь, вчера на озере мы рассуждали о том, какую информацию таят в себе камень и вода?

– Помню. А что?

– Подумал, что книга, написанная на незнакомом языке, – тот же камень. Мы не знаем его языка. Нужен переводчик! Перевели, и она зазвучала, и открыла нам много интересного...

– Дорогой, я думаю, что Николай Минасович был прав: ты – поэт!

– Если я – поэт, то ты – моя муза, – улыбнулся Поль.

Мужчина появился точно через час. Он представился и положил на стол подлинники на турецком языке и распечатки переводов к ним.

Французского языка он не знал и едва говорил по-русски.

– Перевод покажется вам сбивчивым, но вы должны иметь в виду, что писалось это всё в спешке, от случая к случаю, и меньше всего ваша родственница думала о красоте слога, – перевела Антуанетта Полю слова посыльного.

О том, что Генрих Рунге вовремя успел спрятать её в подвал, о том, как она там сидела в полной темноте и, боясь крыс и полицейских, дрожала от страха, Ануш писала уже после того, как её приютил у себя Генрих, словно вела репортаж из того сарая. «Сидела в сарае, было очень страшно, каждый шорох за дверью казался приходом смерти... Чуть не умерла, когда кто-то стал открывать замок... Какое счастье, что это был Генрих!...»

– Поразительно! А чего она так боялась? Разве она знала, что творили с арестованными? – воскликнула Антуанетта.

– Она видела, что творилось в стране. Была уже не маленькой! – ответил Поль. Потом предложил: – Ты читай, а я пойду в госпиталь. Хочу посмотреть послеоперационного больного. Приду к двенадцати.

Антуанетта кивнула...

«Недавно встретила Сусанну. Как ей удалось вернуться в город, не знаю. Но она такое рассказывала, что у меня кровь застывала в жилах... Мужчин, говорила она, убивали ружьями и саблями первыми. Не щадили ни стариков, ни детей! Вся земля пропиталась кровью. Трава была красной от крови, как будто её вымазали краской... Везде трупы и кровь. Покончив с мужчинами, палачи направились к нам, – рассказывала Сусанна. – Молодых отводили в сторону, чтобы потом надругаться над ними или продать. Меня тоже отвели к краю обрыва, и я спряталась за выступом скалы, заросшим колючим шиповником. Так там стояла, боясь шелохнуться, и всё видела. Эти шакалы были все перепачканы в крови. Глаза их блестели... они смеялись... издевались... На её глазах убили подругу из их школы и ещё многих...

О, Боже! За что нам такое?

Женщин насиловали, а потом перерезали горло, рассказывала Сусанна. Многие сходили с ума, бросались в пропасть и разбивались о камни... Как её не заметили, она не знает. Но ночью, когда все ушли, она выбралась из своего укрытия и стала пробираться домой. Шла две недели по ночам, избегая людей. Ела, что придётся. Пробралась на окраину к своей подруге, турчанке. Та и спрятала её, выхаживала...»

«Боже! Сколько же им пришлось пережить!?» – подумала Антуанетта и откинулась на подушку. Сразу всё это трудно было вынести. Потом записи были более отрывочными, и каждый отрывок отделялся от предыдущего двумя чёрточками.

«Генрих говорил, что у нас вся надежда на русских. Но против русских англичане. Я не могу разобраться в их политике и очень боюсь... Ни от мамы, ни от отца вестей нет. Боже, что мне делать?! Генрих успокаивает...

1916 год. Русские наступают. В городе паника. Турки очень боятся русских. Говорят, что они будут мстить за убийства христиан... Но здесь всё продолжается. Грабят и убивают армян... и никто не может нас защитить. Нет, я несправедлива. Меня защищает Генрих. Он говорит, что любит меня, а у меня только чувство

благодарности... Впрочем, я не знаю, что значит «любить». Может, и я его люблю? По крайней мере, с ним мне хорошо и спокойно... Генрих говорит, что сейчас нужно быть особенно осторожными, потому что турки зверствуют...»

Пропуская большие куски переведённого текста, Антуанетта пролистала несколько страниц.

«1917 год. Мы с Генрихом – муж и жена... Я, кажется, беременна.

Генрих говорит, что почти всех армян убили. Некоторые, правда, успели уехать из Турции. Он говорит, что и нам нужно думать о том, чтобы уехать. Но как? В Турции наверно, уже не осталось армян. Армянские церкви перестроили в мечети или просто разрушили...

Генрих узнал. В ущелье Кемах-Богаз, в двенадцати часах пути от Эрзинджана, погиб мой отец...

Одно сплошное кладбище, одна огромная могила...

Неужели мы такие беззащитные и некому за нас заступиться?! Генрих говорит, что были случаи, когда армяне сопротивлялись. Об этом он и написал в газету. Где-то в Зейтуне они прятались в горах, отбили нападение турецкого полка, захватили много оружия. Потом освобождали несчастных.

Генрих показал мне копию приказа самого Таалат-паши. Я его переписала. Вот отрывок этого страшного приказа:

«Хотя вопрос об истреблении армянского элемента, который в течение веков стремился разрушить прочный фундамент нашей Империи, а в настоящее время стал реальной опасностью, был решён ранее, обстоятельства не позволяли осуществить это священное дело. Теперь, когда все препятствия устранены и настало время избавления нашего отечества от этого опасного элемента, настоятельно рекомендуется не поддаваться чувству сострадания при виде их жалкого положения, а покончить со всеми и всячески стараться уничтожить само название «Армения» в Турции. Следите

за тем, чтобы те, кому будет доверено выполнение этой задачи, были патриотами и надёжными людьми...»

1918 год. Роды прошли без осложнений. Но девочка очень слаба, да и молока у меня не хватает, а кормилицу найти трудно. Боже, помоги мне!

Вчера были у Вардапета. Он был спокоен и что-то говорил, говорил... Я взяла его вещи постирать. В какой грязи он живёт! В доме даже хлеба не было. Генрих принёс хлеб, сыр, молоко... Он говорит, что его обязательно нужно спасти. Он – гордость народа! Я Генриху верю...

Мы собираемся в дорогу. Очень трудно уехать. Теперь турки не очень-то слушают своих союзников. Генрих сказал, что мы возьмём с собой и Комитаса. Ему нужно лечиться в Европе...»

Антуанетта приложила ладони к вискам, сдавила их, словно опасаясь, что мысли разбредутся из головы, и сосредоточилась.

«Армяне понимали с самого начала, с кем имеют дело, – думала Антуанетта. – Ничего другого нельзя было ожидать от этих фанатиков. Они решили избавиться от христиан любой ценой и претворяли свой план в жизнь! А армяне надеялись, сами себя обманывали... Думали, что можно купить свободу, жизнь... От фанатизма никакими деньгами не откупишься... Разве можно было откупиться евреям в Освенциме или Бухенвальде? Разве что – смертью!

О чём они думали, когда оказывали палачам отчаянное сопротивление, – это понятно. О спасении. О том, что лучше умереть в бою, но не сдаться. А о чём думали законопослушные граждане, которые поверили лживым словам извергов? Они думали, что со злом можно играть в прятки, его можно перехитрить, от него можно откупиться и ускользнуть. Думали, что перехитрят судьбу, что умнее фанатиков. Но быть умнее дурака ещё не значит быть умным!

Но прабабушка Ануш вряд ли отождествляла турецкий народ с этими извергами, убивающими беспомощных людей, – думала Антуанетта. – Она же училась в школе, где, наверное, дружила и с турчанками. Иначе и быть не могло!»

Нечего было и думать о том, чтобы прочесть все эти тексты сразу. Да и чего стоит такое поспешное чтение?! Антуанетта перелистывала толстую пачку отпечатанных на компьютере листов, и её сердце наполнялось благодарностью к странному человеку, который вызывал у неё огромную симпатию. «Отшельник оказался ещё и человеком слова! – подумала она. – А читать я буду не сразу, а малыми частями, а то и свихнуться недолго! Благодаря ему, рукопись моей прабабушки, свидетельницы таких страшных событий, наконец-то, заговорила...».

Последняя неделя в Ереване пролетела в головокружительном темпе. Вдруг оказалось, что многого ещё не успели повидать, со многими так и не успели поговорить. Появилась усталость. Усталость от обилия впечатлений, от постоянных мероприятий. Поль всё чаще жаловался, что его утомляют эти постоянные банкеты, тосты, бесконечные шашлыки.

– Веселье здесь, – говорил он, – зачастую носит какой-то формальный характер. Человек обязан прийти на пирушку, а иначе это неуважение... Обязан произнести тост и выпить...

Но день отъезда из гостеприимной Армении неумолимо приближался. Предстояло ещё поехать в Эчмиадзин – центр Армянской Апостольской Церкви и её главы – Католикоса Всех Армян Гарегина II.

Поначалу мысль об Эчмиадзине ни Полу, ни Антуанетте не приходила в голову. Но однажды в филармонии на концерте квартета Комитаса художественный руководитель Александр Григорьевич Арутюнян спросил их, не собираются ли они посетить католикоса. Это – очень уважаемый и мудрый человек...

Антуанетта ответила, что весьма смутно представляет себе, кто это такой, и получила такой ответ:

– В армянской национальной традиции считается, что католикос – это отец всех армян. Но, уверяю вас, наш католикос – высочайший авторитет не только для армян!

– А при советской власти он тоже был высочайшим авторитетом? – спросил Поль.

Александр Григорьевич многозначительно усмехнулся. Ог-

лядевшись по сторонам, он тихо сказал:

– Пожалуйста, тише! У нас тут столько людей, которые в своё время были пламенными борцами за научный атеизм. Если они услышат ваши слова, то начнут громче всех кричать, что именно они являются самыми яркими поборниками армянской церкви и её традиций. Поэтому давайте пока обойдёмся без них.

Поскольку профессор Арутюнян говорил только по-русски, Антуанетте то и дело приходилось переводить его слова супругу.

Поль сказал:

– Заметь, он так и не ответил на вопрос по поводу католикоса при советской власти.

Антуанетта повторила вопрос. Тяжело вздохнув, Александр Григорьевич сказал:

– Трудные были времена. В первые годы советской власти вообще ставилась под сомнение необходимость существования Армянской республики. Сталину не очень нравилась эта идея. Но были горячие сторонники, и республику создали. Правда, многие из тех, кто слишком активно выступал, вскоре поплатились головой. Тогда многие лишались этой части тела... Для советской власти это было не так уж и плохо. Шутка ли сказать: Армянская Советская Социалистическая республика! Древнее государство в составе Советского Союза! Ну а раз древнее, то нужны декорации. Священников в Армении так же, как и везде в стране, сажали и стреляли – не делали скидку на древность, – профессор горько улыбнулся. – Но католикоса приходилось держать, чтобы показать народу, что в Армении есть преемственность между старыми временами и новыми. Впрочем, трудно исключить, что иерархи церкви не пошли на сговор с опричниками...

В разговоре с Александром Григорьевичем выяснилось, что католикосу попасть на приём нелегко. Несколько степеней защиты надёжно оберегают его от назойливых посетителей. Специальный аппарат церковных чиновников следит за почтой, тщательно проверяет людей, желающих встретиться с ним. Поэтому без рекомендации попасть к нему на приём невозможно. Но, – заметил Арутюнян, – если вы поедете, рекомендация будет!

Поль был всё ещё занят в кардиологическом центре, и Антуанетта решила отправиться в Республиканскую библиотеку.

Перелистывая толстые фолианты с портретами, просматривая репродукции знаменитых архитектурных сооружений, она подумала: «Обилие фактов – это не всегда хорошо. В них можно утонуть... Как выделить из них главное?»

Но Антуанетта выделила. Интеллектуальная элита всегда подвергалась гонениям. Её целенаправленно уничтожали. Уничтожали и духовных лидеров этих народов. Все знания, книги, идеи – всё это скапливалось в монастырях, а живыми носителями национальных идей были монахи и священники – самая образованная часть общества!

Задумавшись, она подошла к окну. Жаркое солнце загнало людей в здания. Казалось, плавился асфальт. Лениво, не торопясь, проплывали в мареве машины, и только на теневой стороне улицы под грибочками сидели несколько человек и пили холодное пиво...

К ней подошла пожилая библиотечкарь со стопкой книг. Положив их на стол, спросила:

– Простите, если вас так интересуется Эчмиадзин и наш католикос, может быть, я предложу вам ещё кое-что?

Антуанетта сказала:

– А что вы мне хотите предложить?

– В соседнем зале сидит интересный человек. Зовут его Вартан Григорян. Хотите, я вас познакомлю с ним?

– Он имеет какое-то отношение к истории армянской церкви?

– Да, он профессиональный историк. Очень интересный человек.

Вартан Ашотович и в самом деле оказался премилым собеседником. Он с лёгкостью установил контакт с новой знакомой.

– Вообще-то нет ничего удивительного в том, что вы ко мне обратились. Слух о вашем приезде уже давно прокатился по Еревану. Да и по телевизору вас показывали.

Библиотека – такое место, где особенно не поговоришь – нужно соблюдать тишину. Поэтому, они вышли в фойе перед читальным залом.

– Я знаю, – сказал Вартан Ашотович, – вы подарили нам тетради Комитаса. Это очень интересно. Спасибо вам от всех армян. Слышал я и о том, что вы задумали написать книгу о событиях прошлого века. Если вам нужна помощь, я к вашим услугам.

Антуанетта рассмеялась.

– Книгу я и в самом деле задумала, и материал к ней собираю. Но сейчас мне нужна консультация отнюдь не для книги.

Она рассказала о том, что им с мужем пообещали устроить встречу с католикосом. Ей хотелось бы понять, какова его роль в армянском обществе и с чем они могут столкнуться на этой встрече?

– Очень хорошая мысль! Я помогу вам, но для начала расскажу одну армянскую притчу про католикоса.

– У вас есть притчи и на такую тему? – изумилась Антуанетта.

Вартан Ашотович сделал хитрое лицо и сказал:

– В Армении, как и в Греции, есть всё! Хотя, если сказать по правде, я так думаю, что она была сочинена уже в наше время. Итак, рассказывать?

Давным-давно это было. Часть армянского народа томилась под гнётом Османской империи, часть жила свободно, но у всех было ощущение, что они – единое целое. Не то, что сейчас: армяне разбрелись по свету, разделились на группы, и между ними существует соперничество или даже вражда.

Когда-то много лет назад в монастырь пришла женщина с ребёнком. Она бежала от ужасов очередного погрома, её муж погиб, а сама она, едва живая, вся израненная, попросилась на ночлег в тот монастырь. Её с ребёнком приютили, накормили и обогрели. Но в скором времени женщина заболела и умерла, и четырёхлетний малыш остался на попечении у монахов. Женщину похоронили, а малыша оставили при монастыре. Выкормили, вырастили, воспитали. Дали образование. Мальчик с детства впитывал в себя знания как губка: грамоте обучился, научился считать... А уж какие книги читал! Всё, что было в монастыре, перечитал. Ему ещё не было и двадцати, когда он стал едва ли не самым грамотным человеком в монастыре. По образованности и знаниям он превосходил даже самого настоятеля. И по красноречию вряд ли кому уступал. Если с кем-то спорил или брался убеждать, победа ему была обеспечена.

Но вскоре старый настоятель умер, и случилось необычное: на общем собрании монахов было решено, что возглавлять этот монастырь будет отныне Каспар. Было ему к тому времени всего

двадцать пять, но монахи решили, что в таком возрасте одарённый молодой человек сможет ими руководить по доброте и по справедливости.

Времена были беспокойные, и многие люди нуждались в утешении или в наставлении. Из соседних селений всё больше и больше людей приходило за советом к молодому настоятелю, и он умудрялся для каждого найти ласковое слово утешения или что-то сказать в наставление. Шли месяцы, и слава о необыкновенном настоятеле вышла далеко за пределы этой местности. К нему стали приходить за советом и утешением уважаемые люди из больших городов.

Вскоре прошёл слух о том, что он не простой человек, а святой. Потянулись больные и страждущие. Люди считали за счастье прикоснуться к нему, чтобы взять для себя хотя бы малую часть его силы.

Вот уже и год прошёл, и два... Слава Каспара росла. Лишь однажды пришёл старый монах из другого монастыря и сказал ему, глядя в глаза:

– Сила твоя – не божеская, а сатанинская. И ты любишь не людей, а самого себя над людьми.

Каспар сначала вспыхнул при этих словах, а затем спросил:

– Но скажи мне, старик, разве я сделал кому-нибудь плохое? Разве я даю людям неправильные советы? Разве я не утешаю больных и страждущих?

– Всё это ты делаешь. Но делаешь не от доброго сердца, а лишь для того, чтобы прорваться к власти!..

И был этот случай единственным. Никто ему больше не говорил таких слов. Поэтому упрёк того старика запомнился как досадное недоразумение: надо же! Нашёлся же чудак, который усомнился в моём величии, в моей непогрешимости!

Между тем слух о необыкновенном проповеднике дошёл и до католикоса. Услышал он о Каспаре и велел позвать к себе. Явился молодой проповедник перед католикосом. Поклонился ему, как водится, обменялся с ним приветственными словами. И вот католикос спрашивает молодого настоятеля:

– Слушай, Каспар! Я уже стар, и пора бы мне подумать о том, кто придёт мне на смену, когда я умру. Скажи мне по совести: смог бы ты занять моё место?

Каспар ответил:

– Смог бы, конечно.

– И ты чувствуешь в себе такую силу?

– Чувствую!

– Тогда скажи мне, – спросил старец, – что бы ты делал сейчас, если бы оказался на моём месте: народ наш угнетён и стонет под бременем турок. Скажи, что нужно сделать, чтобы спасти народ?

– Есть очень простой способ спасти народ и освободить нашу землю, – ответил Каспар.

Католикос удивился, вскинул брови и спросил:

– Очень простой? Расскажи мне о нём.

Каспар ответил:

– Нужно просто делать то же самое, что делают и наши враги. Сажают они наших людей на кол? И мы должны сажать их людей! Берут они кого-то в заложники? И мы должны делать то же самое. Распарывают нашим беременным женщинам животы – и мы должны делать также. Око за око, зуб за зуб!

Католикос спросил:

– И что же будет, если мы начнём поступать таким образом?

– Враги станут нас уважать и бояться. На каждое их зло мы должны будем ответить десятикратным злом. Вот тогда порядок и наступит. Завоеватели уйдут или, по крайней мере, перестанут наступать на нас, загоняя в горы, где и жить-то невозможно. И тогда народ воспрянет.

– Но всё, что ты говоришь, – это не по-христиански! – возразил католикос.

– Может быть, и так! – возразил Каспар. – Но зато таким способом мы одержим победу над нашими врагами.

Католикос сказал:

– А не считаешь ли ты, что они побеждают нас по той причине, что их вера лучше и правильнее нашей?

Каспар смутился на какое-то время, а потом и говорит:

– Думал я и об этом. Может быть, вера наша и в самом деле нам мешает...

– А что, если нам отойти от неё и перейти в веру врагов наших? Как бы ты посмотрел на это?

Каспар задумался и говорит:

– Это хорошая идея! Вера наших врагов помогает им побеж-

дать, а наша вера только мешает нам. Она заставляет нас думать о том, что можно, что нельзя. Мы из-за неё постоянно терзаемся угрызениями совести. Вон наши враги рубят саблями маленьких детей и никакими угрызениями совести не страдают. Хорошо бы и нам так же!

– И всё это ты хочешь сделать, если взойдёшь на этот престол?

– Это было бы здорово! Тогда бы и Армения спаслась!

Ничего не ответил на эти слова католикос. Лишь закрыл глаза руками и долго думал. А стража, стоящая возле него, слушала богохульные речи гостя и удивлялась терпению Святого отца. Всё ждала, когда же он прикажет прогнать с глаз долой этого наглеца. Наконец католикос словно бы очнулся ото сна и лёгким движением руки велел вышвырнуть претендента на свой престол.

Схватили его стражники, хотели тут же убить, но первосвященник остановил их жестом. Выгнали Каспара на улицу и велели идти, куда глаза глядят, и не появляться больше на армянской земле, не осквернять своим присутствием её святых мест.

– Вот такая история, – закончил свой рассказ Вартан Ашотович. Когда будете встречаться с Гарегиним Вторым, не забудьте её.

В назначенный день и час Поль и Антуанетта поехали в Эчмиадзин, основанный в первой половине II века на месте древнего поселения Вардгесаван.

Согласно легенде, первому патриарху Григору Лусаворичу (Просветителю) приснилось, как Христос сошел с неба и указал место для постройки собора. На месте, где находился древний языческий храм, была заложена церковь.

За лёгкой чугунной решёткой на фоне гор стояла облицованная красным камнем церковь. Рядом другие постройки: здание семинарии, библиотека... Со всех сторон – алтари, один из них – святое место, куда, по преданию, и сошёл Христос.

Гарегин II встретил гостей во дворе. Он был в простом чёрном одеянии. Приветливо поздоровался по-армянски. Стоящий рядом служитель сразу же перевёл его слова на французский.

– Ваш визит в первопрестольный святой Эчмиадзин благоволителен и приятен нам. Он – свидетельство дружбы наших народов, – сказал католикос. – Мы рады, что традиции дружественных

отношений сегодня продолжают вo всех сферах, наполняя наши народы надеждой и верой в грядущее. Желаем, чтобы Господь под сенью своего благословения хранил вас. Я знаю, что вам довелось много перенести страданий, и молюсь, чтобы вы и все ваши близкие никогда больше не сталкивались с такими испытаниями. Желаем вам многих лет плодотворной и здоровой жизни. Добро пожаловать в первопрестольный святой Эчмиадзин.

Антуанетта с улыбкой ответила католикоосу:

– И для нас большое удовольствие и честь встретиться с вами, иметь возможность побеседовать со столь мудрым и уважаемым духовным лидером армянского народа. У меня в жилах течёт и армянская кровь...

– Знаю, знаю, и очень рад этому. Мне известно также, что вы взялись писать книгу о кровавом двадцатом веке. Это тяжкий и почётный труд. На протяжении девяноста лет вопрос геноцида армян в Османской Турции исследовался учёными, и он должен быть признан. Это нужно не только армянскому народу, но и гражданам Турции. Об этом я недавно говорил и в Стамбуле. Нам предстоит ещё много сделать, чтобы эти два общества жили вместе. У нас много работы. Необходимо восстановить не только стены храмов, но и исковерканные людские души, вернуть народы к гуманизму, к духовности. Сегодня мы возрождаем не только социальное служение и религиозное образование, но, что особенно важно, возвращаем народ к духовности.

До меня дошли слухи и о том, что вы приехали сюда из Франции и привезли нам бесценные рукописи нашего Комитаса. От имени моего народа, от имени армянской церкви я выражаю вам свою признательность за ваш щедрый дар.

Поль и Антуанетта чувствовали себя несколько смущёнными под этим пристальным и умным взглядом.

Аудиенция была недолгой. Потом католикос благословил Антуанетту и Поля и удалился.

Ощущение после встречи с католикосом было таким, что Антуанетта сказала:

– Ты знаешь, Поль, мы сегодня взошли на самую высокую ступеньку, выше которой могут быть только небеса.

Само по себе расставание с этой землёй было нелёгким делом, но к нему в нагрузку прилагалась ещё одна специфическая трудность: горячие проводы.

Подарки, сувениры, речи – всё было с неизбежным кавказским перебором, но молодые супруги уже привыкли к этому. Они героически выдержали последнее испытание. Тем более что расставаться с этими милыми людьми и, в самом деле, было жаль.

– Парон Лежар, – говорил Карен Григорьевич, – я очень надеюсь, что, посетив нашу горную страну, пообщавшись с нашими людьми, честное слово, вы будете помнить, что здесь у вас живут друзья! Да, да, друзья! Здесь всегда будут рады, если вы захотите ещё раз приехать к нам.

– Поль-джан, – добавил Николай Минасович, – приезжайте со своей королевой к нам зимой! Тут прекрасные зимы. Поедем в Цахкадзор! Представляете, – снег блестит на солнце, мы с вами на лыжах! Ах, как здорово! Нет, я серьёзно: приезжайте!

Парон – Господин

– Спасибо, друзья! – улыбался Поль. – Не могу обещать, что скоро приеду, но всегда буду помнить, что здесь у нас действительно остаются друзья! Кстати, и вы прилетайте к нам в Париж! Там, правда, снега и гор нет, но мы найдём, что вам показать!

Всеобщее изумление вызвало появление Отшельника.

Поль и Антуанетта были рады ему. Его пытались оттеснить от гостей, но он протолкался между провожавшими без тени вежливости.

– Я вам хочу кое-что на память подарить.

Антуанетта с жаром возразила:

– Спасибо, но вы нам уже сделали бесценный подарок.

– То был не подарок. То был долг. Подарок – это когда можешь дарить, а можешь и не дарить. В зависимости от желания или настроения. А долг – это то, что ты обязан сделать без всяких разговоров. – Он достал книжку в кожаном коричневом переплёте с золотым тиснением и протянул её Антуанетте. – Я знаю, вы любите поэзию. Это из моей библиотеки. Уникальное издание стихов Гийома Аполлинера. Это его ранняя лирика. Издание, вы посмотре-

те! посмотрите! —одиннадцатого года прошлого столетия! Мне будет приятно, если вы иногда, беря этот томик, вспомните и обо мне...

Его попытались оттеснить, но он стоял как скала. Сказал что-то ещё и на прощанье добавил:

– Перечитываю дневники вашей прабабушки. Я вам их переводил с турецкого на французский, а теперь надо будет перевести и на армянский.

Антуанетта задумчиво сказала:

– У меня не выходит из головы сцена, в которой описывается, как турки рубили саблями женщин и детей и сами при этом были перепачканы в крови.

– Они и по сей день в них ходят.

Он горько усмехнулся, успел пожать на прощанье руки Полью и Антуанетте и отошёл, уступая место другим, пришедшим попрощаться.

33. А потом были трап, лакированные улыбки стюардесс и – места согласно купленным билетам. И – взлёт! И – курс на Париж!

– Ты доволен поездкой? – спросила Антуанетта.

– Ещё бы! Конечно, любовь моя! Прекрасная страна, – сказал Поль. – Люди тёплые. Необыкновенная природа...

– Ну и что теперь нам делать? Вернёмся, а дальше-то что?

– Ты хотела написать книгу? Вот и пиши её!

– А нужна ли она людям? Интересно ли им это?

– Это нужно нам, любовь моя, – ответил Поль.

– Поль, дорогой мой! Ты это сказал, а у тебя в голосе нет уверенности!

– Никогда нельзя быть во всём уверенным. Моё мнение: книга нужна...

Антуанетта смотрела в иллюминатор и видела нагромождение белых облаков где-то далеко внизу. Они гнались за самолётом, но тень его падала на них и бежала вперёд. Через полчаса солнце зашло, и она знала, что скоро должна взойти её звезда.

Она всмотрелась в своё отражение: несколько отёкшее, усталое овальное лицо, ровный острый нос и закруглённый подбородок с ямочкой. Вспомнила: это было в Сорбонне. Она шла по широкому коридору. Одета она была в лёгкое платьице. Каштановые волосы

падали на плечи. Ей вслед смотрели студенты. Замолкали и переглядывались ...

А потом... И ей довелось однажды утонуть в чёрном омуте удивлённых глаз, смотревших на неё с восхищением... Но это было давно... Очень давно...

Молодость и красота – это хорошо. Особенно когда никто им не мешает. Когда никто не рубит саблями, не расстреливает, не загоняет в газовые камеры или за колючую проволоку... А если кто-то загоняет, то куда всё девается?

Она проснулась, когда самолёт приземлился в аэропорту Шарля де Голля. На такси они отправились домой.

По дороге Поль обратил внимание на сожжённые и перевёрнутые машины, разбитые витрины.

– Я что-то слышал о беспорядках, – сказал он водителю. – Неужели всё так серьёзно?

– Сегодня вроде бы наступило затишье, – равнодушно ответил таксист. – Вчера многих арестовали.

А Антуанетта грустно сказала:

– Как в Сербии...

Такси остановилось возле их дома.

Оглушительная тишина – вот, что они застали у себя в квартире. Антуанетта приготовила кофе, и они почти в полном молчании выпили его. Можно было включить телевизор, но, когда Антуанетта потянулась к пульту, Поль остановил её:

– Не стойт, любовь моя... Надоел гул в самолёте... Давай отдохнём немного в тишине!

Антуанетта согласилась. Тишины хотелось и ей.

Наконец, когда кофе был выпит, сказала:

– Завтра нужно будет позвонить маме. Я уже соскучилась!..

– Хорошо, любовь моя! А сейчас пора отдыхать!..

Париж выглядел совсем не так, как описывали его Поль и Антуанетта армянским друзьям. Он напоминал поле боя: разбитые витрины, перевёрнутые машины, толпы студентов, потасовки с полицией. Жандармы разгоняли возбуждённую толпу на площади перед университетом. На бульваре Сен-Мишель и улице Вожирар громоздились баррикады.

Неделю назад в районе Клиши-су-Буа молодые эмигранты-мусульмане громили витрины магазинов и автобусные остановки. Не обошлось и без драк с полицейскими.

А в этот раз всё началось с того, что, преследуя бандитов, полиция загнала их переулок. Преступники пытались скрыться от полицейских в подстанции. Там их убило током. Вот тогда-то и начались беспорядки...

Катрин работала над статьёй о Леонардо де Винчи в научном отделе музея. Но ушла.

Накануне Алекс договорился встретиться с нею у фонтана перед Лувром.

Ветерок врывается в открытое окно его машины. Вот здание Оперы проплыло мимо. Свернув к югу, Алекс пересёк Вандомскую площадь. Мимо проносился город, а он всё пытался собраться с мыслями. Перед уходом из дома тщательно побрился, принял душ и выглядел вполне презентабельно. Но тревога усиливалась. Сегодня Катрин обещала ответить на вопрос, который он ей задал. Алекс не понимал, что её смущает. Отношения у них давно уже не просто дружеские. Именно о такой жене он всегда мечтал. Но она всё время, когда он заводил об этом разговор, почему-то отводила взгляд и грустно повторяла:

– Я тебя прошу: не торопи меня. Мы с тобой давно уже не дети. Чего тебе не хватает? Мы и так вместе...

Но Алекс настаивал, и она обещала ему ответить сегодня вечером.

Улочки сужались, становились извилистыми. Торговцы катили тележки с товаром, из многочисленных кафе служащие выносили мешки с мусором и клали у обочины. На тротуаре парочка влюблённых сплелась в объятии.

Алекс прибавил скорость. Вдалеке, чуть справа, возник силуэт Эйфелевой башни, устремлённый к небу.

«Нужно будет обязательно сходить сюда с Катрин», – подумал Алекс.

На перекрёстке рю де Риволи он остановился перед светофором. Потом свернул налево к парку Тюильри. Он жадно вдыхал свежий воздух и наслаждался тишиной. Но тревога не покидала его.

Вскоре он оказался возле Музея Изыщных искусств. Справа, по другую сторону Сены, на набережной Вольтера виднелось здание

железнодорожного вокзала. Слева возвышался ультрасовременный Центр Помпиду, где размещался музей современного искусства. Там с другой стороны стоял древний обелиск Рамсеса перед музеем Жед-де-Пом. И впереди – величественные очертания Лувра. Огромная площадь перед ним подчёркивала великолепие дворца.

Вход в Лувр украшала стеклянная пирамида, созданная американским архитектором. Сплав древней традиции и современной технологии, символ, связывающий прошлое с настоящим. Рядом били фонтаны. В водяной дымке сверкала на заходящем солнце радуга. Ночью же пирамида сияла и переливалась огнями, блики которых отражались в воде фонтанов.

Именно здесь Алекс должен был встретиться с Катрин.

Он припарковал машину. Катрин запаздывала. Встревоженный Алекс набрал номер её мобильного телефона. Ответил незнакомый голос.

– Месье?

– Добрый день, – ответил растерявшийся Алекс. – Я правильно набрал номер?

Он назвал номер телефона Катрин.

– Да, вы набрали правильно.

– Я не понимаю...

– Приезжайте в госпиталь в районе Клиши-су-Буа. Мадам у нас. Мы не знаем, кто она. Её привезла полиция...

– А что с ней? – спросил в тревоге Алекс. – Что случилось?

– Не знаем точно. Со слов полицейских, она оказалась в районе беспорядков. Кто-то выбросил из окна какой-то предмет, который попал на голову вашей...

– Жены, – ответил Алекс.

– Вот и приезжайте! Она пока ещё без сознания, и мы не знаем, кто она. Документов при ней не было...

Машина Алекса резко сорвалась с места.

Катрин лежала в палате и, казалось, спала.

На её голове лежал резиновый пузырь со льдом. У капельницы стоял доктор, молодой, усатый алжирец.

– Что с ней, доктор? – спросил взволнованный Алекс, входя в палату.

– Сотрясение мозга. Я думаю, она скоро поправится. Но ей не

менее трёх недель нужно лежать. Сотрясение мозга – коварная штука.

– Она без сознания?

– Была без сознания. Сейчас спит. Мы дали ей снотворное. Но при сотрясении бывает амнезия... извините, потеря памяти. Она не могла сказать, кто она и где живёт. Хорошо, что вы позвонили по её телефону...

– Я могу остаться с ней?

– Да, конечно. Хотя вряд ли вы сможете ей чем-то помочь. Впрочем, может, когда проснётся, узнает вас...

Алекс остался в больнице на ночь. Он ухаживал за Катрин лучше медицинских сотрудников. На следующее утро, открыв глаза, она увидела Алекса и улыбнулась...

Он держал её руку, и почувствовал, что Катрин погладила пальцами его ладонь. Это был её ответ, и он был счастлив...

Скоро должны были прилетать из Армении Польша и Антуанетта, и Катрин через несколько дней настояла, чтобы её отвезли домой.

– Я буду лежать, – говорила она доктору. – Обещаю!

– Мадам, осложнения могут возникнуть в любой момент. Нужно вам находиться под наблюдением врача...

– Хорошо, доктор. Меня будет наблюдать врач... Спасибо вам...

– Выздоровляйте...

Дома Алекс уложил Катрин в постель и стал для неё и нянкой, и доктором. Он кормил её незамысловатыми блюдами. Иногда им приносили еду из ближайшего ресторана.

Когда позвонила Антуанетта, Алекс рассказал ей о том, что случилось, и через час они с Полем примчались к ним.

– Так что всё-таки произошло? – спросила Антуанетта.

– Какой-то идиот что-то бросил с третьего этажа. Ещё повезло, так сказать, что не стул или что-нибудь другое. Она потеряла сознание. На счастье, рядом были полицейские, которые и отвезли её в госпиталь... А ведь эти ублюдки могли и убить!

– А я-то думаю, что за погромы снова в Париже? Говорят, студенты теперь что-то требуют.

Поль вопросительно посмотрел на Алекса.

– Ну да!

– Это может плохо кончиться для правительства...

– Может... Да и опасно, так сказать... Я Катрин предупреждал, но она рвалась в бой. Бегала с диктофоном. Брала интервью у этих отмороzków...

– Почему отмороzków? – удивилась Антуанетта. – Они требуют что-то. Нужно к ним прислушаться. Вступить в диалог. Мы не научились разговаривать! А мама считала, что должна прояснить для всех позицию студентов и передать её властям... Она ведь журналист!

– Но она работает в Лувре! Пишет статью о Леонардо де Винчи. При чём здесь демонстрация студентов?! Вот и получила по голове!

– Она журналист! Это её долг, – упрямо повторила Антуанетта.

Вскоре Катрин проснулась. Увидев Поля и дочь, обрадовалась.

– Не везёт мне, – улыбнулась она. – За пару дней до этого какой-то обкуренный полоснул меня ножом по руке. Крови было, как из поросёнка.

– Ножом?! – воскликнула Антуанетта. – Мы ничего об этом не знали. И что?

– Крови было много... Помню, в Младеноваце родители Владко держали поросят. Однажды видела, как забивали под Рождество поросёнка. Крови было – ужас сколько! Вот и у меня... Хорошо, рядом оказались ребята. Руку перевязали, домой к себе привели, чаем напоили... Хорошие ребята...

Она прикрыла глаза, видимо, устав от такой речи.

Катрин была счастлива, что видит Антуанетту, дорогих ей людей. Они сидели у её постели и тихо разговаривали.

Алекс возмущался:

– Непонятно, что происходит в стране.

Поль грустно заметил:

– Я врач, и не мне судить о политике, но, по-моему, то, что у нас происходит, – это косовский сценарий.

Антуанетта возразила:

– А ты помнишь, как нам сказал Николай Минасович: нет никакого косовского сценария. Это общий сценарий. Так было при распаде Римской империи. Так было и в Карабахе.

– Главное не в названии, – кивнула Катрин. – Главное в том, что происходит в реальности.

Она снова прикрыла глаза и вспомнила, как спросила тогда одного парня:

– Вы же образованный человек! Неужели не видите, что всё, что здесь творится, хорошо срежиссировано?

– Наверно, вы правы, мадам. Но вы не учитываете, что пригород Парижа порождает многочисленных воров, налётчиков, хулиганов, которые не признают законов страны. Поэтому я и говорю, что ваши упрёки справедливы.

– Ну, конечно! – обрадовалась Катрин, думая, что, наконец, сумела убедить его. – Поскольку законы являются общими для всех, непонятно, почему некоторые не хотят их уважать.

Но парень посмотрел на неё с удивлением. Он не понимал, что здесь неясно.

– Уровень безработицы в районах, где проживают эти люди, вдвое выше, чем в среднем по стране! А ведь это ещё развивающийся регион – Иль-де-Франс. В других местах много хуже!

Парень говорил спокойно и уверенно и был убеждён в своей правоте. Катрин не могла ему возразить.

– Неужели вы думаете, что эти беспорядки что-то изменят?

Парень улыбнулся.

– Мадам, видимо, забыла, что такие же события привели к отставке де Голля. Для нас, мадам, главное – демонтаж самой системы!

– Но тогда всё же был прав де Голль!

– Сегодня это уже не важно, – заметил парень.

Его приятель, улыбаясь, произнёс:

– Если золотую рыбку положить на раскалённую сковородку, количество желаний увеличивается до пятидесяти!

– Вы же знаете, – продолжал парень, – что история – это всегда односторонняя оценка событий. Её пишут победители. Потом переписывают. Верить или нет – зависит от личного опыта человека.

Парень посмотрел на тех, кто слушал их разговор. Ему казалось, что он убедил эту журналистку, и смотрел победителем. Живые

глаза его задорно блестели. Щёки заросли щетиной, давно не мытые волосы спустились до плеч и были перетянуты ленточкой.

– А скажите, – продолжала допытываться Катрин, – если так получится, что через двадцать лет вы составите большинство в парламенте, каким путём пойдёт наше государство?

– Ясное дело, каким! Мы установим наши порядки и будем жить по законам ислама!

Его заявление не вызвало энтузиазма у присутствующих.

– Но я совсем не хотела бы носить паранджу и эту вашу мусульманскую одежду! – сказала стоящая рядом девушка.

Парень возразил ей:

– Когда речь идёт об интересах государства, мы не должны говорить, хотим и чего не хотим. Посмотрите, во что здесь превращена женщина! Взгляните на рекламу! А эти порнофильмы – разве они говорят о достоинстве женщины?!

Катрин посмотрела на дочь.

– Это неоднородная масса, – сказала она. – Такое впечатление, что все эти события имеют нескольких разных режиссёров, а они между собой договориться не могут.

Алекс заметил, что больной нужен покой и уж точно её не следует волновать всякими воспоминаниями о тех событиях. Катрин же только улыбалась и крепче сжимала его руку.

– Они такие смешные! – сказала она. – Одна из комнат у ребят, которые мне перевязывали руку, была вся увешана плакатами. Там и Че Гевара, и Мао, и Сталин, и Кастро. Причём они даже не знают, кто есть кто.

– А ты спрашивала их?

– Конечно! Я им говорю: вот у вас висит портрет Бакунина, а что вы о нём знаете? А они смеются и говорят, что это не так важно. Прикольно – вот и всё!

Алекс выразился несколько иначе:

– Главное для них, как я понял, это выразить свой протест. А против чего протест – это для них не очень-то и важно.

Катрин снова прикрыла глаза, и ей показалось, что она в той Франции, какой хотел видеть тот парень. Всё неузнаваемо преобразилось. На женщинах платки, длинные платья...

Они сидели на пляже Копакабана, когда за ними пришли из полиции. Она знала: сейчас их погонят в пустыни. В одной колонне мужчины, в другой – женщины и дети... За малейшее слушание – плеть или даже смерть на месте... Так было и раньше: гнали армян к ущелью Кемах, потом евреев в концлагеря и газовые печи, а во времена Великой Культурной революции гнали китайцев... Пейзаж становился всё мрачнее, и вот уже горы сменились мрачным ущельем с белым клубящимся туманом. Она пыталась разглядеть, что скрывается в этих клочьях, цепляющихся за острые скалы, но разобрать ничего не могла. Было только видно, как люди входили в это мрачное ущелье и тонули в его темноте. А далеко внизу грохотал, пенился и разбивался о скалы бурный поток кровавой реки. Те, кому посчастливилось остаться в живых, были перемазаны кровью, и только очень немногим удавалось перейти этот бурный поток, не перемазавшись с ног до головы кровью. Откуда-то сверху Катрин ясно услышала голос Владко:

– Родная! Постарайся хоть как-то остановить этот поток! Неужели нельзя сделать плотину?! Не запачкайся! Красный цвет ты никогда не любила! Тебе белый больше к лицу!

Катрин посмотрела вверх, откуда раздавался голос Владко. Узкую серую полосу неба скрыла грозовая туча, и она подумала: «Боже, как хорошо, если ливень хоть немного разбавит этот яркий красный цвет...»

Все притихли, думая, что Катрин заснула.

Алекс тихо, чтобы не спугнуть её сон, на цыпочках вышел из спальни, где она лежала, приглашая Поля и Антуанетту последовать за ним. И выключил свет.

– Я утром позвоню, как она провела ночь. Доктор просил не очень её нагружать разговорами. Пусть отдохнёт.

– Спасибо вам, Алекс! – сказала растроганная Антуанетта.

34. **Время** в жизни человека обладает разными свойствами. Например, оно может быть счастливым или несчастным. В хорошем времени можно купаться как в воде: оно плещется со всех сторон, обдавая человека волнами, и у человека создаётся иллюзия, что так будет вечно. А время-то на самом деле течёт.

А ещё оно бывает медленным и быстрым.

Лето, наполненное столь необычными событиями, наконец, закончилось. И наступила осень.

Впереди у Антуанетты были роды.

Катрин и Алекс, для которых время катилось совсем иначе, чем у других, пригласили Антуанетту и Поля к себе домой на ужин.

Как и в былые времена, Катрин хлопотала на кухне, колдуя над фирменным салатом. Алекс принёс бутылочку Chateau des Antonins. Он волновался, пытался помогать Катрин и ворчал.

– Можно было детей пригласить в ресторан! Посидели, и ты бы так не устала...

– Это – приятная усталость, дорогой. Ты лучше нарежь сыр. Я почему-то тоже волнуюсь...

Антуанетта и Поль пришли с огромным букетом белых роз.

– Это вам, Катрин, – сказал Поль, вручая цветы и целуя её в щёку. – Я так понимаю, что это – ужин со значением. Или я ошибаюсь?

– Нет, Поль, ты не ошибся, – ответил вместо Катрин Алекс. – Со значением. Мы давно не виделись. Нужен ли более серьёзный повод?

Детство Алекса проходило в тяжёлые послевоенные годы.

Родители его много работали, и это позволило им отдать сына в частную школу. Директором у них был отставной полковник – господин Огюстен, человек умный, деятельный и с чувством юмора. Дисциплина в школе была почти военной. Бывший полковник любил, когда мальчики маршировали под барабан, а девочки занимались музыкой и танцами.

В школе Алексу нравилась Жаклин, но она жила в интернате, и по выходным её увозили домой. С тех пор он не любил выходные дни и праздники.

А потом они окончили школу и пути их разошлись. И так получилось, что всех девушек, которые встречались в жизни, Алекс сравнивал с Жаклин.

Он женился, но брак не был счастливым. Детей не случилось, и жили они с женой, как два чужих человека. Потому и развод воспринимался ими как формальность. Без слёз, без упреков...

Через час, когда все уже утопили голод и немного выпили, за столом завязался обычный для таких застолий разговор.

– А я говорю, – сказал Поль, – что Антуанетте лучше освещать культуру. Общаешься с интересными людьми. Писать о большом искусстве – это же так интересно!

– Там свои интриги, своя грязь. А писать серьёзные аналитические статьи не менее опасно, чем писать о наших политических воротах!

– Большое искусство, это, несомненно, интересно и нужно людям!

– Большое искусство, – скептически улыбнулась Антуанетта, – это когда много раз по-маленькому! Там столько же грязи и цинизма, сколько и во всей нашей жизни! Вот уж не думала, что ты настолько наивен.

– Я просто очень волнуюсь, когда ты с головой погружаешься во всякие политические дразги. Меня это тревожит, любовь моя...

– Недавно я вычитал, – сказал Алекс, направляя разговор несколько в другую сторону, – что во Франции населения примерно в два раза меньше, чем в России. А заключённых во Франции в восемь раз меньше!

– Ну и что? – ответил Поль. – Известно, что у нас самая либеральная страна в Европе!

– Вот я и говорю, что в России мало что изменилось...

– Мне говорили, что когда собираются русские больше трёх – они всегда говорят о политике, – улыбнулась Антуанетта. – Впрочем, это мне интересно...

– Понимаешь, дочка, – заступилась за Алекса Катрин, – у русских есть такая поговорка: у кого что болит, тот о том и говорит. Наверно, поэтому Алекс так часто думает о России.

– Наша семья в тысяча девятьсот двадцатом году на пароходе смогла выбраться из России. Меня ещё и на свете не было, но помню рассказы родителей, как тяжело было им, особенно в первые годы. Ведь всё состояние осталось там, и было разграблено. Помню, как рассказывал отец, имевший прекрасное образование, что не мог найти работу. Устроился таксистом. Всегда мечтал вернуться в Россию. Но вскоре женился на моей матушке, и Франция для него постепенно стала второй родиной...

– Дорогой, я боюсь твоих воспоминаний о России. Когда ты о

ней говоришь, у тебя всегда повышается давление.

Катрин хотела было изменить тему, но Алекс продолжал:

– Потом – война. Отец рассказывал, как все радовались, когда фашистам дали по носу под Москвой, когда они получили Сталинград, проиграли битву под Курском. А потом и я появился на свет. Я был вторым ребёнком в нашей семье, и детство моё было безоблачным. Но в доме у нас часто говорили о России. Я брал уроки русского у эмигрантки Натали Березиной. Она жила по соседству и смогла привить мне интерес к русской культуре.

– Когда-то в России французский был очень популярен, – заметила Антуанетта.

– Русские, любовь моя, – такие же, как французы, – сказал Поль. – Я даже удивился, что там почти всё, как у нас... Но простите, Алекс, мы перебили ваши воспоминания...

– Меня сбить непросто. Это то, чем я живу. Я всегда верил в Россию и гордился её успехами. Очень люблю русскую литературу. И историком стал именно потому, что хотел больше знать о России.

– А я, – заметила Катрин, – когда училась в Сорбонне, тоже восторгалась их литературой и музыкой, но никак не могла понять, как такой народ может терпеть это правительство?

– Народ забит и запуган. Дольше, чем в других странах, там сохранялся феодализм, крепостное право...

– Крепостное право? Что это такое? – не понял Поль.

– Это когда люди становятся вещью. Русские аристократы – дворяне – могли купить или продать своих крепостных. Они ими владели... Ужасные, постыдные законы... Это право было ликвидировано в середине девятнадцатого века. Но после ленинского переворота наступило смутное время. Страшный террор. Убивали людей. Отбирали собственность, дома, имущество. Миллионы погибли в Сибири... Когда я изучал историю России, меня она приводила в шок. Я всё время думал о судьбах живущих нам народов. О судьбе русских. Тысячи и тысячи были согнаны со своих земель. Вся страну превратили в зону! То был геноцид своего собственного народа, ничем по своей сути не отличающийся от известных миру геноцидов еврейского, армянского и других народов.

– Геноцидом называют преследование по расовым или национальным признакам, – вставил Поль.

– Какая разница?! Уничтожили генофонд русского народа! И не только русского... Арестам и ссылке подвергались татары, калмыки, чеченцы, ингуши!

– Месье, – запротестовала Катрин, – разве для этого мы сегодня собрались?! Прекратите, пожалуйста, говорить о политике!

– Сейчас, дорогая. Я только доскажу свою мысль, – продолжал Алекс. – Но самое страшное – то, что и сегодня в этой огромной стране мало что изменилось. Авторитаризм, подавление инакомыслия, полное подчинение судов властям и тотальная коррупция. Таковы реалии... А ведь в России атомные бомбы и ракеты! Но всё, всё, дорогая. Я молчу!

– А я думаю, – произнесла Антуанетта, – что не так всё плохо там. В России сегодня многое изменилось, и я надеюсь, что всё у них будет хорошо...

– Ты, любовь моя, глубоко заблуждаешься, думая, что с человечеством уже ничего больше никогда не случится. Случиться может ещё всякое, и даже Париж уязвим. Люди, не верующие ни в Бога, ни в чёрта, и сегодня наживаются на горе и крови.

– Но это было всегда и везде! Убийства, голод, изгнание народов – всё это лишь инструменты преступной деятельности... – Катрин посмотрела на Поля и продолжала. – Именно поэтому сегодня так важно говорить о нравственности!

Её поддержала Антуанетта:

– Нравственность должна быть важнее целесообразности! Разве можно с этим спорить?!

– Кто же спорит, – улыбнулся Алекс. – Тогда бы не были возможны все ужасы, которые пришлось испытать многим людям.

– Так уж устроено большинство людей. Даже при полном понимании своего недопонимания своё суждение они имеют. А если говорить о том, что творилось тогда в Турции, то разве можно против этого спорить? – заключила Катрин. – Восток есть Восток. Тут со слабыми не разговаривают. Они понимают только силу.

Поль устал от этих разговоров и хотел как-то перевести его на другие рельсы.

– Но вину тех, кто вспарывал животы беременным женщинам или сжигал людей в газовых камерах, нужно ли доказывать?! Тут и без Бога всё понятно! – не могла успокоиться Антуанетта.

Поль разлил остатки вина в бокалы и встал:

– Давайте лучше выпьем за то, чтобы те ужасы никогда больше не повторялись!

– Но мы собрались не по этому поводу! – возразила Катрин.

– А по какому? – спросил Поль.

Алекс встал и поднял свой бокал.

– Мы с Катрин сегодня зарегистрировались.

Катрин сияла от счастья, и Антуанетта отмечала, что мама просто помолодела. «Конечно, – думала она. – Женщина ни в каком возрасте не должна оставаться одна. Она до тех пор женщина, пока рядом с ней мужчина!». Антуанетта, посмотрев на сидящего рядом Поля, похлопала его по колену.

– Ты что-то хотела сказать? – спросил Поль.

– Хотела, но теперь понимаю, что тут никаких слов не нужно, – в глазах у неё заблестели слёзы. – Я так счастлива, если бы ты только знал... Я понимаю, что мне пить нельзя, но за это я всё же выпью!

Поль тихо рассмеялся, и погладил её по животу.

Алекс не сводил глаз с Катрин. Потом заметил:

– А почему никто не кричит нам «Горько!». В России молодожёнам кричат «Горько!», и они после этого целуются.

– Какой странный обычай, – удивился Поль. – А в чём его смысл?

Алекс пожал плечами.

– Наверное, они не целуются до свадьбы.

– Да? – удивился Поль. – Тогда – горько!

Алекс привлёк Катрин и крепко поцеловал, покрасневшую и смущённую.

– Ты как мальчик! Хватит! Мне неудобно!..

– Почему неудобно? Жизнь продолжается и с нами дети. Разве это не счастье?!

– Счастье, счастье... Садись и съешь что-нибудь, а то ты только о политике говоришь...

Потом пили какао с круассанами. Всё было по-семейному тихо и тепло.

– А как твоя книга? – спросил Алекс Антуанетту, опустив круассан в чашку с какао. – Ты начала уже писать?

– Никак не могу решиться. Материала набрала столько, что,

думаю, не на одну хватит. Но ведь я хочу писать художественную книгу. А для неё нужен сюжет. Вот и думаю сейчас над ним.

– Ну да! – сказал Поль. – Простое перечисление ужасных фактов, любовь моя, никому не интересно. Да и в кино сегодня столько ужастиков, что её никто читать не будет.

– Наверно, ты права, – задумчиво сказала Катрин дочери. – Но нужно начинать.

– Это так! – поддержал Катрин Алекс. – Кажется, Сент-Экзюпери говорил, что, не начав писать книгу, ты её никогда не закончишь!

– Да, но мне скоро предстоит рожать...

Антуанетта, улыбаясь, посмотрела на свой живот.

– Согласен! Это в первую очередь! – улыбнулся Алекс. – Материал собран, и ваше прекрасное произведение скоро увидит свет!

– Я очень волнуюсь. Ничего делать не могу... – сказала Антуанетта.

– А ты и не делай! Отдыхай! Ты, любовь моя, уже своё отработала! – сказал Поль.

– Горько, горько, – рассмеялся Алекс, а Поль бережно обнял Антуанетту и поцеловал в губы.

Поль и Антуанетта ушли далеко за полночь.

– Я так рада за маму, – сказала Антуанетта, прижимаясь к мужу. – У неё были такие счастливые глаза. По-моему, она лет на десять помолодела!

– Ты права, любовь моя! Любовь молодит.

Ноябрь в Париже выдался прохладным. То дождь, то слякоть. Парижские кафе ушли с улиц в сухие и тёплые помещения. На какое-то время меньше стало демонстраций.

Антуанетта и малышка мирно спали, и только Поль, Катрин и Алекс стояли в коридоре.

– Поздравляю тебя, дорогой Поль, – сказала Катрин.

– Спасибо. Я знал, что всё будет хорошо. Давайте пройдем ко мне в кабинет. Антуанетта теперь будет спать долго.

– А может, я останусь с ней?

– Не стоит. Пойдемте, выпьем кофе, а потом снова спустимся.

Они поднялись на лифте в отделение кардиохирургии и прошли в кабинет Поля.

– Как вы решили назвать дочь? – спросил Алекс.

– Софи, в честь бабушки Антуанетты. Нам бы хотелось, чтобы дочь была на неё похожа!

– Она будет похожа на своих родителей, – сказала Катрин.

– И на саму себя, – добавил Алекс. – Ты уже видел малышку?

– А как же! Думал, что не перенесу этого. Был такой восторг, такое ощущение, что у меня вырастают крылья! Ничего прекраснее я не видел. Это – моя самая удачная операция!

– Ну да! – рассмеялся Алекс. – Маленький комочек жизни. Красненький, сморщенный, кричащий...

– Вы можете верить или не верить, но лучшего я никогда не испытывал!

– Это прекрасно, – согласилась Катрин. – Я вас понимаю.

Катрин и Алекс сидели у журнального столика, пили кофе, а Поль уселся в мягком кресле, веки его слипались. Сказались бессонные ночи. Сознание уносилось куда-то прочь. Казалось: сейчас он заснёт, а когда проснётся, малышка уже немного подрастёт и с нею можно будет поговорить о чём-нибудь серьёзном.

Так оно и случилось. Поль попал куда-то, где смыкается прошлое с будущим. По зелёному лугу, усыпанному яркими весенними цветами, к нему навстречу, протянув ручки, шла девочка, и он узнал в ней свою, только что рождённую дочь. «Как же ты быстро выросла!».

Чуть поодаль стояли женщины, все в белых одеждах. Среди них он увидел свою маму. Чуть поодаль Софи поддерживала прекрасную черноволосую женщину с большими грустными глазами. Он догадался: это была Ануш.

Женщины смотрели в голубое небо, в котором летел клин чёрных журавлей. Обычно журавли прилетают ранней весной, громко курлыча. Эти летели молча на Восток в сторону восходящего солнца.

Поль пытался что-то им крикнуть, но не слышал своего голоса и только махнул рукой...

А река, что разделяла их, исчезала где-то за горизонтом. Лёгкая утренняя дымка низко плыла над водой, и ветерок развивал белые одежды женщин...

Поль улыбнулся во сне. Он что-то говорил, но люди, находящиеся по другую сторону его сна, посмотрев на него, спящего, потихоньку, на цыпочках вышли из кабинета.

– Врачи, конечно, народ крепкий, – сказал Алекс, – но и им нужен отдых.